УЧЕБНИК / ДЛЯ ВУЗОВ

А. И. Кравченко, В. Ф. Анурин

СОЦИОЛОГИЯ

Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов несоциологических специальностей
естественно-научных, технических и гуманитарных вузов

ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара
Киев · Харьков · Минск
2003

ББК 60.5я7
УДК 316(075)
К78

Рецензенты:

Саралиева З. М., доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Шамшурин В. И., доктор социологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

К78 Социология: Учебник для вузов / А. И Кравченко, В. Ф. Анурин. — СПб.: Питер, 2003. — 432 с.: ил. — (Серия «Учебник для вузов»)

ISBN 5-88782-167-1

Данный учебник содержит целостное, полное и глубокое описание основных фактов и теоретических положений современной социологии — одной из самых молодых и быстро развивающихся наук, обязательное изучение которой сегодня предусмотрено государственным стандартом для всех специальностей высшего образования. Учебник написан в строгом соответствии с образовательным стандартом МО РФ, но при этом — живо, занимательно, интересно; текст содержит четкие определения описываемых явлений, понятий, гипотез и закономерностей, снабжен большим количеством рисунков, таблиц и схем; после каждой главы приводятся контрольные вопросы, а в конце книги — глоссарий. Учебник может быть использован студентами различных специальностей — как естественнонаучных и технических, так и гуманитарных.

ББК 60.5я7
УДК 316(075)

ISBN 5-88782-167-1

© ЗАО Издательский дом «Питер», 2003

Оглавление

Предисловие 6

Глава 1. СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА 9
§ 1. Особенности научного знания о социальной реальности 10
§ 2. Объект и предмет социологии 28
§ 3. Структура социологического знания 36
Резюме 42
Контрольные вопросы 44
Рекомендуемая литература 44

Глава 2. ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ 46
§ 1. Социология за рубежом 46
§ 2. Социология в России 63
Резюме 71
Контрольные вопросы 74
Рекомендуемая литература 74

Глава 3. ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ 76
§ 1. Понятие социального статуса 78
§ 2. Социальная роль как динамический аспект статуса 84
§ 3. Социальный институт: общие представления 89
§ 4. Типология институтов 99
§ 5. Функции и дисфункции институтов 102
Резюме 109
Контрольные вопросы 110
Рекомендуемая литература 111

Глава 4. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ 112
§ 1. Марксистская традиция в классовом анализе 113
§ 2. Немарксистские подходы к определению классов 116
§ 3. Классификация или стратификация? 125
§ 4. Квантификация социального пространства 131
Резюме 144
Контрольные вопросы 146
Рекомендуемая литература 146

Глава 5. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ 148
§ 1. Бедность и неравенство 149
§ 2. Тенденции изменения неравенства 153
§ 3. Социальная мобильность и миграция 159
§ 4. Миграционная картина современной России 165
Резюме 171
Контрольные вопросы 173
Рекомендуемая литература 174

Глава 6. СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ 175
§ 1. Понятие социального взаимодействия и условия
его возникновения 175
§ 2. Трактовки социального взаимодействия в специальных
социологических теориях 184
Резюме 194
Контрольные вопросы 195
Рекомендуемая литература 195

Глава 7. СОЦИАЛИЗАЦИЯ 197
§ 1. Социобиологические предпосылки социализации 197
§ 2. Фазы и содержание процесса социализации 200
§ 3. Этапы социализации 201
§ 4. Малые группы как агенты первичной и вторичной
социализации 218
§ 5. Неравенство и социализация 222
Резюме 228
Контрольные вопросы 229
Рекомендуемая литература 230

Глава 8. ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ 231
§ 1. Трактовки отклоняющегося поведения 231
§ 2. Девиантное поведение 235
§ 3. Делинквентное поведение 245
§ 4. Криминальное поведение 254
§ 5. Социологические объяснения девиантного поведения 267
Резюме 276
Контрольные вопросы 277
Рекомендуемая литература 278

Глава 9. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ... 279
§ 1. Функции и содержание социального контроля ... 279
§ 2. Концепция социального контроля П. Бергера ... 290
§ 3. Агенты и инструменты социального контроля ... 293
§ 4. Общий и детальный контроль ... 296
Резюме ... 298
Контрольные вопросы ... 300
Рекомендуемая литература ... 300

Глава 10. ФОРМАЦИОННЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ... 301
§ 1. Теория общественно-экономических формаций ... 302
§ 2. Цивилизация как этап развития человеческого общества ... 313
§ 3. Концепции локальных цивилизаций ... 318
§ 4. Циклическая теория П. Сорокина ... 323
Резюме ... 325
Контрольные вопросы ... 327
Рекомендуемая литература ... 328

Глава 11. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТИ РАЗВИТИЯ ... 329
§ 1. Эволюционистская традиция в социологии ... 330
§ 2. Марксистские концепции социальной революции ... 341
§ 3. Немарксистские концепции социальной революции ... 347
§ 4. Глобальные революции ... 351
Резюме ... 370
Контрольные вопросы ... 372
Рекомендуемая литература ... 372

Глава 12. ТИПОЛОГИЯ ОБЩЕСТВ ... 374
§ 1. Примитивное общество ... 377
§ 2. Традиционное общество ... 384
§ 3. Индустриальное общество ... 393
§ 4. Постиндустриальное общество ... 407
Резюме ... 419
Контрольные вопросы ... 421
Рекомендуемая литература ... 424

Глоссарий ... 425

Предисловие

Социология изучает *социальную* жизнь, *социальные* изменения в обществе и *социальные* события, с которыми люди постоянно сталкиваются, в которых участвуют и которые так или иначе отражаются на их поведении, образе жизни, положении в обществе и, возможно, на их судьбе.

Кроме того, социологи тщательно анализируют структуру общества и входящие в него социальные институты и социальные организации, от деятельности которых, успешной или неуспешной, в конечном счете зависит судьба человека.

Поскольку любое поведение людей можно считать категорией социальной, диапазон научных интересов социологии простирается от небольшой семьи или дружеской компании до крупных человеческих объединений, будь то социальные классы, аудитория или толпа. Социологию интересуют организованная преступность и религиозные культы, профессиональные группы и политические партии, поскольку те и другие выступают проявлением коллективного поведения. Стремления социологов проанализировать происходящие явления и события обнаруживаются в самых горячих точках социальной борьбы. Социологи пытаются не только объяснить социальное неравенство, но и намереваются, или намеревались, как свидетельствует история, изменить общество в соответствии с идеалами равенства и справедливости. Неудивительно, что иногда их именовали ходатаями несчастных и угнетенных, защитниками социальных аутсайдеров и маргиналов.

Социология как наука уникальна тем, что ею разработано несколько стратегических теорий развития общества, с позиций которых можно по-разному взглянуть и различным образом объяснить окружающий мир. Это функциональный структурализм и гуманистическая перспектива, гендерная и феноменологическая социология, марксизм и позитивизм. Многообразие социологических подходов вызвано сложностью, многомерностью самого человеческого общества, равно как и сложностью внутреннего мира человека, который оценивает и познает реальность с самых разнообразных точек зрения. Только физический мир однозначен и последователен, поскольку он создан приро-

дой, а не человеческими существами. Социальная же реальность не только многомерна, но и многозначна. Создавая ее, человек не только измеряет и анализирует, он еще оценивает, переживает, критикует, принимает и отвергает, наделяет окружающее символическим значением, порождает иллюзии и вымыслы.

Двойственность того мира, который приходится изучать социологии, то есть его принадлежность одновременно вселенной фактов и вселенной ценностей, методам объективного измерения и субъективного предпочтения, придала этой науке двойственный теоретический статус. Социология является не только социальной наукой подобно экономике или психологии, но также и гуманитарным знанием, как философия или искусствоведение. Такое необычное размещение социологии в структуре научного знания безгранично расширяет круг ее возможностей.

Изучая молодежную тусовку, уличную толпу, выражение человеческих эмоций, взлеты и падения промышленных корпораций, закат целых цивилизаций и крушение политических режимов, социология прибегает к самым разнообразным и порою не имеющим между собой ничего общего исследовательским техникам. Она с успехом применяет сравнительно-исторический анализ, системный подход и диалектический метод, количественные модели и корреляционные матрицы, равно как глубинное интервью, полевое наблюдение, сплошной или выборочный опрос, анализ прессы и политические рейтинги. Социология не только лучше других наук знает, о чем думают, чем обеспокоены и за кого готовы проголосовать простые люди, но и способна с определенной точностью предсказать развитие одного или нескольких обществ, просчитать изменение их социальной структуры на достаточно далекую перспективу.

На социологические данные опираются президенты и министры, реформаторы и революционеры, господствующие и оппозиционные партии. Среди социологов встречались крупные политические советники, известные революционеры и террористы; вместе с тем социологию считают идеологией среднего класса, который, как известно, всегда выступает гарантом социальной стабильности и мира.

Многоплановость социологии рождает и поддерживает к ней интерес со стороны рядовых членов общества. В 60-е годы, когда в США наблюдался массовый всплеск интереса к этой науке, социологическими эссе зачитывались миллионы людей. О проблемах, поднятых социологами, — от городской преступности до положения альтернативных меньшинств — говорили на радио и телевидении, о них спори-

ли политики, академические профессора и обыватели, никогда не покидавшие пределов своего провинциального городишки.

Социология и сегодня остается лидером изучения общественного мнения, выразителем чаяний и взглядов больших групп людей. Ее аудитория, как и объекты исследований, пожалуй, самая массовая и, если можно так выразиться, самая народная. Когда внедряют то или иное новшество, будь то платный телефон или новая система образования, политическая элита страны, крупные хозяйственные деятели всегда стремятся узнать мнение простых людей: примут ли они нововведения, придут ли голосовать на выборах, положительно ли отнесутся к различного рода реформам? С полным правом можно назвать социологию барометром общественного мнения. Ведь известно: прежде чем накалять котел, надо заглянуть в него и выяснить, а что происходит с водой? Может быть, накопившаяся энергия готова разорвать емкость и все, что рядом с ней находится?

Заглянем и мы в разогретый докрасна мир человеческих страстей, столкновений, борьбы и разочарований. Побываем в лаборатории общественного мнения, понаблюдаем за динамикой больших социальных групп. Одним словом, окунемся в мир загадочной, интересной и увлекательной науки, предметом которой является сама жизнь — во всех ее общественных проявлениях.

Глава 1
Социология как наука

Социология — одна из самых молодых научных дисциплин. Время ее возникновения и становления в качестве самостоятельной сферы научных изысканий совпадает с тем историческим периодом, который сами социологи именуют индустриализацией, — с этим этапом развития человеческого общества нам предстоит впоследствии познакомиться поближе. Хотя, конечно, социология просто не могла бы появиться, если бы ее возникновению не предшествовал длительный этап накопления фактов, дискуссий, размышлений, обобщений большого числа мыслителей начиная с античных времен. Однако, возникнув в середине XIX века, эта научная дисциплина стала развиваться достаточно быстрыми темпами — вначале в виде национальных социологических школ, а затем — как единый общепризнанный комплекс знаний, течений, парадигм. Этот комплекс формировался в ходе многочисленных дискуссий, споров, иногда абсолютно непримиримых; что-то из выдвигаемых гипотез принималось сразу, что-то отвергалось навсегда, а что-то, будучи раскритикованным и, казалось бы, безжалостно отброшенным, спустя какое-то время рассматривалось заново и признавалось справедливым — но уже на новом витке приращения общенаучного знания.

В сравнительно недавние исторические времена социология в отечественной научной мысли разделяла участь целого ряда других «лженаук», таких, например, как генетика и кибернетика. Тем не менее потребность в научной дисциплине, занятой изучением наиболее общих законов, по которым развивается человеческое общество, ощущалась и в советские времена. В те времена эту функцию фактически выполняла другая научная дисциплина с претенциозным названием «научный коммунизм». Социология же проникала в советскую науку не столько через открытую дверь, сколько через окно. С начала 60-х годов партийные власти стали проявлять интерес к *эмпирическим социологическим исследованиям,* данные которых активно использовались

в идеологических целях. Хотя теоретической, объяснительной базой для получаемых данных оставался все тот же научный коммунизм.

Однако через образовавшуюся «щель» начал просачиваться и ручеек теоретико-социологических знаний, которые к тому времени на Западе уже сформировались в довольно мощную и влиятельную научную дисциплину. Начиная с 1961 года, когда был опубликован первый русскоязычный перевод серьезного социологического издания[1], достаточно регулярно начинают издаваться и работы других известных зарубежных социологов. Появляются и издания отечественных социологов. Вначале — под лозунгами критики «буржуазной», «идеологически враждебной» теории, а затем — и как самостоятельные исследования отечественных авторов. Российская наука и российский читатель постепенно входили в общее русло мировой социологической мысли. Наконец, с конца 80-х—начала 90-х годов, социология получает полные права гражданства в России. Она вводится в число обязательных дисциплин во все стандарты высшего образования, открывая для всех желающих доступ к общемировым научным достижениям и в сфере изучения социальных законов.

В первой главе данного учебника мы рассмотрим, каковы основные особенности социологии как научной дисциплины, изучающей особую реальность окружающего нас мира — человеческое общество. Мы попытаемся выяснить также, какова в самом общем виде структура социологического знания, из каких основных частей она состоит и как эти части соотносятся друг с другом. Однако вначале представляется целесообразным разобраться вот в чем. Учитывая, что мы назвали эту главу «Социология как наука», нам предстоит более или менее детально пояснить, что мы имеем в виду под каждым из этих понятий. Для этого нам следует вначале объяснить значение термина «наука». А уж затем мы попытаемся очертить качественную определенность второго понятия — «социология», указав на круг тех явлений (а также их особых свойств), которые подлежат ее изучению.

§ 1. Особенности научного знания о социальной реальности

Один из авторитетных современных социологов Нейл Смелзер дает такое определение: «Социология — это *научное* изучение общества и общественных отношений. Она черпает данные (факты) из реально-

[1] *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. — М., 1961.

го мира и пытается объяснить их на основе *научного* анализа (выделено нами. — *В. А., А. К.*)»[1]. Стало быть, прежде чем понять, что такое социология, нам предстоит разобраться с тем, что такое *наука*. Само это понятие — «наука» — тесно связано с глаголом «научить», «научаться». Этим глаголом в русском языке, как известно, обозначают действия людей, направляемые на процесс получения ими новых *знаний*.

Мы не будем вдаваться здесь в философский анализ понятия «знание». Посмотрим, как оно соотносится с некоторыми смежными понятиями — такими как «познание», «информация». Оттолкнемся от определения, данного Советским энциклопедическим словарем, согласно которому знание — это «проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека»[2]. Таким образом, *знание* представляет собой не что иное, как совокупность сведений об окружающем и внутреннем мире, которые накапливает человек (или группа людей) в ходе восприятия *информации* — своеобразных «квантов» знаний, тех отдельных сведений, которые воспринимаются человеком в процессе познания. Происходит же это либо из непосредственного наблюдения, либо в процессе передачи их человеку другими людьми непосредственно или опосредованно (через материальные носители информации) с помощью различных условных знаковых средств — устно или визуально. Эти «квантованные» сведения постепенно аккумулируются и объединяются в единую систему с помощью определенной их интерпретации, толкования. Процесс последовательного построения такой системы знаний — это и есть *познание*. Целью познания служит приобретение не любых, а именно *истинных знаний* об объективном мире. Ложные знания тоже появляются в процессе познания, но как его необходимые издержки.

Для понимания сущности знания, а также того, как оно организуется, накапливается, систематизируется и используется на практике, вероятно, не последнюю роль играет *способ*, с помощью которого люди приобретают свои знания. Дело в том, что в нашей повседневной жизни мы познаем окружающие нас вещи и явления многими разнообразными способами. Мы можем, в частности, принимать на веру (т. е. не подвергая сомнению и критической перепроверке) все, что мы услышим от окружающих нас людей или прочтем в каких-то письменных сообщениях. «Верить — значит отказываться понимать», как утверждал французский писатель Поль Бурже. В случае некритичного принятия на веру

---

[1] *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994. С. 37.

[2] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. С. 471.

у нас вряд ли вызовет сомнение сообщение авторитетного для нас источника о том, что Земля — это огромный плоский диск, покоящийся на трех слонах (или китах), и мы просто включим эту информацию в состав уже имеющегося в нашей памяти комплекса сведений об окружающем мире. Назовем такие знания *мифологическими*. Они в значительной степени совпадают с религиозными (от лат. *religio* — набожность, предмет культа), однако вовсе не исчерпываются ими.

Мы могли бы также замечать и фиксировать отдельные разрозненные факты и, интуитивно их соединяя и сопоставляя, выявлять определенные закономерности в окружающем нас мире для того, чтобы использовать полученные таким образом знания в своей повседневной деятельности. К такого рода знаниям относятся, например, установленная и проверенная на практике информация о том, что огонь жжется и вызывает боль, что погоду предвещают те или иные внешние признаки в природной среде, что необходимо предпринять определенные действия, чтобы отправить письмо и т. п. Накопленное таким образом знание именуется *знанием здравого смысла*. Оно является практическим, экспериментальным и критическим, но зачастую отрывочным и непоследовательным именно в силу способа своего приобретения. Повседневная жизнь и в самом деле представляет собой фундаментальную реальность, в рамках которой живет абсолютное большинство людей. Постижение этого мира характеризуется «естественным аттитюдом», который принимает мир естественным, заданным и неизменным. Мир, постигаемый с помощью здравого смысла, непроблематичен и воспринимается неоспоримо, как данный.

Знание здравого смысла играет важнейшую роль в формировании общего тезауруса[1] каждого человека. Во многом содержание знания здравого смысла составляет *имплицитное* знание, то есть такой набор сведений об окружающем мире, когда человек знает больше, чем он в состоянии выразить словами. Имплицитное знание может выражаться,

[1] Следует пояснить, что мы имеем в виду под *тезаурусом*, поскольку этот термин будет неоднократно употребляться в дальнейшем. Советский энциклопедический словарь (М., 1980) определяет его как «однозначный (толковый или тематический) словарь, стремящийся максимально охватить лексику данного языка» (с. 1323). Мы будем употреблять данное понятие в более широком смысле, имея под ним в виду не просто активный лексический запас индивида, но и совокупность всех знаний об окружающем мире, которыми он обладает, при условии, что он может выразить эти знания в вербально организованной форме.

например, в каком-либо практическом умении и в то же время характеризуется невозможностью адекватно описать данное умение. Скажем, многие люди умеют ездить на велосипеде, но мало кто из них в состоянии описать свои навыки — как удержать равновесие на крутом вираже, почему велосипед более устойчив при быстрой езде, чем при медленной и т. д. Под имплицитным знанием следует, таким образом, понимать знание о различных взаимосвязях, которое можно использовать практически, хотя внутренняя причинность данных связей необъяснима.

Если же мы будем пропускать всю получаемую нами информацию через призму особых интересов той социальной группы (национальной, этнической, религиозной или экономической), к которой мы принадлежим, подразделяя полученные сведения в соответствии с этими интересами на хорошие и плохие, правильные и неправильные, полезные и вредные — разумеется, прежде всего для членов этой группы, — то получаемые в результате такой сортировки знания будут носить отчетливо выраженный идеологический характер.

Наконец, один из особых и чрезвычайно важных путей приобретения сведений об окружающем нас мире — это научный способ. Полученное в результате *научное знание* существенно отличается от знания, происходящего из мифов (и принимаемого на веру), случайных наблюдений, интуиции, веры или здравого смысла. Оно имеет свои определенные атрибуты, либо совершенно не свойственные другим типам знаний, либо проявляющиеся в иной форме.

Поскольку для нас особый интерес представляет именно научное знание, давайте, прежде всего, выделим главные качественные характеристики этого типа знания, а затем рассмотрим их более подробно. Качественная определенность любого феномена лучше всего постигается в том случае, если сравнить его атрибуты с соответствующими признаками других, схожих с ним, но в чем-то от него отличающихся. Попытаемся проделать такой анализ, сравнив качества научного знания с соответствующими качествами мифологического, идеологического, а также знания здравого смысла.

В своей оценке научного знания мы опираемся на работу Дженнет Джонсон и Ричарда Джослина «Методы исследования политической науки»[1] и исходим из того, что его отличают следующие специфические черты:

---

[1] См.: *Johnson J., Joslyn R.* Political Science Research Methods. — Washington: Congressional Quarterly Inc., 1986. P. 16–22.

- эмпиричность;
- эмпирическая проверяемость;
- ненормативность;
- передаваемость;
- общность;
- объяснительный характер;
- временность.

Если попытаться сопоставить наличие или отсутствие того или иного из этих качеств у каждого из перечисленных нами типов знаний (обозначив наличие знаком «+», а отсутствие — знаком «–»), то мы получим своеобразную матрицу (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики различных типов знания в сравнении с научным

	Типы знания			
Качества знания	**Научное**	**Здравый смысл**	**Мифологическое**	**Идеологическое**
	Эмпиричность	+	–	–
	Эмпирическая проверяемость	–	–	–
	Ненормативность	+	–	–
	Передаваемость	–	–	–
	Общность	–	+	+
	Объяснительный характер	–	–	+
	Временность	+	–	–

Следует признать, что приведенная схема не совсем полна. Вряд ли все виды знания, накопленные человеческим обществом, исчерпываются четырьмя перечисленными. Например, их можно было бы пополнить знаниями, получаемыми с помощью образно-художественного постижения мира. Однако мы ограничимся этими четырьмя, на наш взгляд наиболее важными. При этом мы не ставим своей задачей дать развернутую и подробную характеристику каждого из них. Предметом нашего ближайшего рассмотрения будет прежде всего специфика именно на-

учного знания. Но для того, чтобы понять эту специфику, нам представляется целесообразным провести хотя бы беглое сравнение данного знания с другими видами знания по выделенным параметрам.

Эмпиричность. Когда мы говорим, что научное знание эмпирическое (от греч. *empeiria* — опыт), мы имеем в виду, что оно основано на наблюдении и опыте. Мы можем использовать наши органы чувств, чтобы наблюдать действительные проявления некоторых феноменов внешнего мира (таких, скажем, как сила ветра или электрического тока, превалирующая ориентация общественного мнения по какой-нибудь проблеме, подсчет голосов в Государственной Думе) и зафиксировать эти наблюдения настолько точно, насколько представляется возможным. В значительной степени таким же путем осуществляется аккумуляция знания здравого смысла, и это объединяет его с научным. В отличие от них мифологический и идеологический типы знания воспринимаются как заданные, причем чаще всего в готовом, относительно завершенном виде. То есть они вырабатываются не самим носителем такого знания, а кем-то иным, даются ему сразу в знаковой, символической, относительно систематизированной форме и передаются достаточно крупными блоками.

Эмпирическая проверяемость. Под *эмпирической проверкой* (верификацией) мы понимаем следующее: принятию или непринятию нами какого-либо утверждения должна предшествовать практическая проверка. Таким образом, предлагаемые объяснения (т. е. утверждения требований, чтобы какое-то явление вызывалось к жизни другим явлением) должны быть проверены систематическим и логическим образом; без этого просто нельзя принять, что они истинны. Этим научное знание отличается, например, от знания здравого смысла. Знание здравого смысла, будучи знанием, происходящим из случайных, т. е. несистематических наблюдений, может иметь определенную ценность, но все же его нельзя конституировать как научное. По крайней мере до тех пор, пока оно не будет эмпирически выверено самым тщательным образом. Американский исследователь Алан Исаак отмечает, что и знание здравого смысла достаточно часто принимается «без проверки и вопросов, как предмет веры»[1], что означает восприятие фактов без должного объяснения. Поэтому знание здравого смысла с неизбежностью ограниченно и поверхностно. Кроме того, не всякое знание, полученное с помощью здравого смысла, бывает доступно эмпи-

[1] По книге: *Johnson J., Joslyn R.* Political Science Research Methods.— Здесь и далее в переводе автора — Анурина В. Ф. *(Примеч. ред.)*

рической проверке. Так, здравый смысл подсказывает человеку, что Солнце вращается вокруг Земли: ведь он ежедневно наблюдает, как Солнце описывает круг у него над головой. На основании этого здравый смысл человека, убежденного в том, что наша планета — шар, мог бы привести его к логичному умозаключению, что Солнце вращается вокруг Земли. Однако присущие ему инструменты и методы познания вряд ли позволят перепроверить эту информацию.

Иногда при первом приближении истинность знания здравого смысла не выдерживает критики. Например, в исследовании американского социолога Теда Гарра, изучавшего причины и механизмы гражданского противостояния в различных обществах, указывается, что, исходя из здравого смысла, можно было бы ожидать, что случаи гражданского насилия должны с определенной степенью вероятности возникать всякий раз, когда ухудшаются экономические условия. Однако накопленные самим Гарром сведения показывают, что гражданские конфликты и политическое насилие нередко возникают при сравнительно благоприятных социально-экономических условиях. Как правило, это происходит в тех случаях, когда не совпадают экспектации (ожидания) людей и их достижения, другими словами, когда люди начинают испытывать так называемые относительные лишения (а не сами лишения как таковые, т. е. абсолютные). Следовательно, заключает он, в противоположность здравому смыслу условия могут быть, казалось бы, совсем плохими, однако общество остается в состоянии относительного спокойствия и миролюбия, если скудость жизненных условий оказывается такой, какой ее ожидают большинство членов этого общества[1].

Вся наука как совокупность систематических знаний содержит бесконечное число примеров того, как множество исследователей подвергали свои идеи и толкования неоднократной эмпирической проверке. Они наблюдали различные феномены, которые старались понять, регистрировали отдельные случаи их проявлений и искали в своих наблюдениях те паттерны (типологические образцы), которые соответствовали их наблюдениям. Другими словами, накапливалась и представлялась масса эмпирических доказательств, и это давало другим исследователям исходную эмпирическую базу для приобретения знания о некоем физическом, биологическом или социальном явлении.

Почему не могут быть эмпирически проверяемыми факты, утверждения и положения, составляющие содержание мифологического

[1] См.: *Gurr T. R.* Why Men Rebel. — Princeton, New York, 1970. Chap. 2.

и идеологического знаний? Тому есть две основные причины. Во-первых, содержание их, а также существующие в них логические связи часто недоступны не то что прямому, но нередко и косвенному наблюдению. Скажем, вряд ли нам удастся подвергнуть эмпирической проверке утверждение о том, что Бог создал Вселенную за шесть дней, а на седьмой отдыхал (как, впрочем, равным образом и опровержение этого утверждения). Во-вторых, сама мотивация к эмпирической проверке со стороны субъекта познания должна быть достаточно тесно связана с сомнением. Мифологическое же и в значительной степени идеологическое знания, напротив, опираются на нормативный контроль со стороны различных социальных институтов, а этот контроль сплошь и рядом налагает прямой запрет на всякого рода сомнения в истинности провозглашаемых знаний, особенно когда они канонизированы.

Человек, обладающий научным складом ума, рассматривая те или иные факты, никогда не будет опираться на одну лишь веру в них, равно как и не будет испытывать к ним априорного недоверия — он изначально настроен на то, чтобы их проверять. Он задает себе вопросы относительно предмета какой-то идеи, а затем формулирует гипотезу. Допустим, человек размышляет о причине вымирания динозавров и склоняется к мысли, что они могли бы исчезнуть с лица Земли при столкновении ее с огромным астероидом. Тогда он устанавливает, какие экспериментальные факты ему необходимо получить для подтверждения своей гипотезы. В данном случае он будет искать доказательства столкновения — например, наличие обломков астероида в тех слоях осадочных горных пород, которые относятся к предполагаемой геологической эпохе. Если результаты наблюдений совпадут с предсказанием, теория находится на правильном пути. В противном случае она нуждается в корректировке.

Впрочем, доказать абсолютную истинность какой-то гипотезы часто бывает невозможно. В результате эмпирической проверки она может быть всего лишь принята или отвергнута. Каждый раз, когда наблюдаемые факты подтверждают гипотезу, она становится все более пригодной для объяснения, почему что-то происходит так, а не иначе. Пока наблюдения не противоречат гипотезе, она остается в силе — но не более того.

Ненормативность. Эмпирическое исследование, используемое для приобретения научного знания, обращено на выяснение того, что и почему происходит или могло бы произойти в будущем. Оно не ставит своей целью оценить, хорош или плох объект исследования или каким

он должен быть, даже если бы эта оценка могла оказаться полезной в такого рода определениях. Один из классиков социологической науки Эмиль Дюркгейм на этот счет заметил, что «наука, как и искусство и промышленность, находится вне нравственности» [1]. Для обозначения этого отличия социологи пользуются терминами *«нормативный»* (т. е. подчиняющийся действию каких-то установленных норм и ценностей, контролируемый, регулируемый с их помощью) и *«ненормативный»*. Нормативное знание оценивает явление с точки зрения оценочных категорий и несет в себе отчетливый оттенок долженствования. Научное же знание, будучи изначально эмпирическим, ненормативно. Оно, прежде всего, констатирует наличие или отсутствие того или иного факта или феномена и/или устанавливает наличие или отсутствие связей между различными явлениями и фактами.

Это не означает, конечно, что эмпирическое исследование проводится в ценностном вакууме. Ценности, разделяемые исследователем, очень часто определяют предмет его исследовательских интересов (между прочим, и сами ценности довольно часто становятся объектом научного изучения). Например, исследователь может чувствовать, какую серьезную проблему представляет собой преступность; при этом на основании разделяемых им ценностных установок он считает, что усиление жестокости наказания могло бы сократить преступность. Это его право. Однако проверка предположения, что ужесточение наказаний снизит показатели преступности, должна быть проведена таким образом, чтобы разделяемые исследователем ценности при этом не оказали влияния на результаты исследования и их трактовку. Ответственность исследователя заключается в том, чтобы провести проверку гипотезы без предубеждений. Ответственность же других ученых состоит в том, чтобы оценить, подтверждаются ли выводы, сделанные исследователем, насколько они убедительны, базируются ли они на валидной [2] информации. Научные принципы и методы исследования помогают уяснить как исследователю, так и тому, кто оценивает, насколько выводы исследователя соответствуют поставленной перед ним задаче.

Знание здравого смысла обычно также не является нормативным, поскольку опирается прежде всего на прагматические оценки окружающей реальности. Что же касается мифологического и идеологи-

---

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. — М., 1996. С. 59.

[2] *Валидностью* в социологии называют характеристику степени соответствия измеряемого показателя тому, что именно подлежало измерению.

ческого знаний, то они, конечно же, нормативны по самой своей природе. В мифологическом знании эту природу достаточно отчетливо выражают как предписания того, что можно и чего нельзя, содержащиеся в любом вероучении, так и морализирующий характер мифов, как это выразил А. С. Пушкин: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Идеология также довольно определенно указывает своим сторонникам, что такое хорошо и что такое плохо, — уже в силу того, что она изначально призвана не только отражать, но и защищать интересы той или иной социальной группы — будь то классовая, этническая, религиозная или профессиональная группа. Достаточно четко, к примеру, сформулировал суть нормативности идеологического подхода В. И. Ленин, для которого не было нужды в изучении социальных функций так называемой общечеловеческой нравственности: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [1]. Очевидно, что ни о какой беспристрастности, ненормативности здесь не может быть и речи.

Передаваемость. Даже если исследователи будут стараться свести к минимуму воздействие своих личных предубеждений, осуществляя наблюдения и накапливая информацию, достичь объективности в целом часто бывает нелегко. Поэтому роль четвертой характеристики научного знания в том и состоит, чтобы вытеснить или устранить личностные предубеждения, которые могут проникать в исследовательскую деятельность. Когда мы говорим, что научное знание передаваемо, то имеем в виду не только и не столько то, что его содержание может быть сформулировано, разъяснено и понято другими. Суть *передаваемости* прежде всего в том, что открыт сам метод, техника процесса познания, а потому познания могут быть проанализированы и воспроизведены. Наука, по утверждению американского исследователя Алана Исаака, — это «социальная активность, охватывающая нескольких или многих ученых, анализирующих и подвергающих друг друга проверке и критике с целью продуцирования более достоверного знания» [2].

Для того чтобы знание было передаваемым, исследователь в своих научных сообщениях и отчетах должен достаточно точно определить, какие именно данные собраны и каким образом они анализировались. Ясное описание процедуры исследования позволяет другим ученым,

---

[1] *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

[2] По книге: *Johnson J., Joslyn R.* Political Science Research Methods.

может быть, иным способом, независимым от первого, оценить его достоинства. Оно позволяет также другим исследователям собрать аналогичную информацию об иных схожих явлениях и самим проверить утверждения оригинала. Если результаты оригинала не воспроизводятся при использовании таких же процедур другими учеными, они могут быть признаны неправильными. Хотя это, конечно, не означает, что научное знание накапливается главным образом путем точного повторения какого-то одного исследования многими исследователями. Напротив, часто процедуры исследования — иногда даже преднамеренно — изменяются, чтобы проверить, получатся ли подобные результаты при других условиях.

Таким образом, упущения, сделанные при проведении исследований одними учеными, часто заставляют других сомневаться и осуществлять проекты собственных проверок. Это было бы невозможным, если бы они не публиковали ясного описания своих исследовательских проектов и методов. Описание методов и результатов позволяет лучше оценить выводы и дает возможность другим провести дальнейшие исследования, скорректировав проект и способы измерения. Результаты новых исследований затем могут быть сравнены с предшествующими результатами — так формируется целостное представление о социальном явлении. Таким путем сведения о частном аспекте социальной или политической жизни могут накапливаться и, надо надеяться, становятся все более информативными.

Вряд ли знание здравого смысла является в такой же степени передаваемым, как научное знание. Конечно, существует некий общий для данного сообщества людей социальный опыт познания окружающего мира и обращения с ним — опыт, усваиваемый каждым человеком в ходе социализации и помогающий приобрести элементарные сведения об этом мире и навыки повседневной жизнедеятельности, составляющие основу знания здравого смысла. Однако в конечном счете это знание приобретается каждым человеком в одиночку, и, скажем, обращенная к кузнецу-практику просьба объяснить, почему он нагревает металл перед ковкой именно до такой температуры (цвета) и почему это надо делать именно так, как делает он, а не иначе, может вызвать лишь недоуменное пожатие плечами: для него это очевидно.

То же самое относится к мифологическому знанию. Ни один священнослужитель, ни один жрец или шаман не сумеет внятно и убедительно пояснить, каковы *механизмы* действия его молитв или заклинаний. Он может рассказать вам, какой должна быть последовательность

действий, какие слова в какой момент необходимо произнести, но почему именно эти действия и эти слова, а не другие, необходимы в данный момент, а не в другой — это выше его разумения. Стало быть, по-настоящему научить вас этому (то есть в подлинном смысле передать свои знания) он не в состоянии. Мы же говорим, что именно от «научить» и берет свое начало «наука», т. е. процесс научения. Мы не отрицаем существования, а тем более — социальной значимости знания, основанного на вере. Однако ни один из его обладателей, даже из числа тех, кто умеет эффективно пользоваться таким знанием для каких-то практических нужд, не в состоянии толково объяснить окружающим, почему это происходит именно так, а не иначе, и при каких условиях события могли бы двигаться в ином направлении. Словом, как справедливо отмечал один из самых известных и загадочных в истории прорицателей Мишель Нострадамус, «познание как результат интеллектуального творчества не может видеть оккультное...» [1]. Поэтому научное знание в отличие, скажем, от *имплицитного* знания здравого смысла выступает полной противоположностью ему: оно *эксплицитно*, т. е. явно сформулировано с помощью вербального выражения (от лат. *explicite* — ясно, разборчиво, отчетливо выраженное).

Общность. Еще одной важной характеристикой научного знания является то, что оно носит *обобщающий характер*. Тот тип знания, который дает описание, объяснение и предсказание *многих* явлений корректнее, нежели немногих, частных явлений, обладает для науки большей ценностью. Например, знание о том, что зрелые и вообще люди старшего возраста с большей вероятностью приходят в день выборов на избирательный участок, имеет более обобщенный характер, нежели знание того конкретного факта, что пенсионер Петров голосовал в день выборов, а студент Козлов не принимал участия в голосовании.

Общее знание предпочтительнее в том смысле, что оно учитывает более широкую сферу распространенности явления, нежели частное знание, и в результате помогает нам лучше понять мир, в котором мы живем. Утверждения, в которых формулируются общие знания, называются *эмпирическими обобщениями*, они суммируют соотношения между отдельными фактами. Например, утверждение о том, что электоральная активность населения повышается пропорционально возрасту, связывает информацию о возрасте избирателей и информацию

[1] *Генин М.* Нострадамус. Пророк европейской истории // Тайна интеллекта. — Харьков, 1996. С. 486.

об их активности и обобщает эту информацию. Понятие «общность» применительно к научному знанию имеет еще один смысл: такое знание является общим для множества людей науки, разделяется ими, пополняется новой информацией, которая обязательно сообщается другим ученым, расширяя тем самым общий для них всех научный тезаурус.

Знание, здравого смысла, в отличие от научного заведомо не является обобщающим; оно всегда индивидуально, ограничено — и в пространстве, и во времени — личным жизненным опытом его обладателя. Знания и опыт, накопленные предками, также входят в состав знания здравого смысла, но, главным образом, в той мере, в какой они пригодны для сегодняшнего практического использования. Другими словами, оно имеет отношение к тому миру, который находится в пределах непосредственной досягаемости его обладателя. Напротив, мифологическое знание (равно как и идеологическое) почти всегда претендует на максимальное обобщение. Даже в сказках, где персонажами выступают животные, за каждым из них стоит более или менее обобщенный типаж человеческой личности. Не менее обобщающий характер носит и идеологическое знание.

Объяснительный характер. Научное знание, как правило, стремится к выявлению и изложению *причины* возникновения того или иного явления в окружающем мире; оно стремится к поиску ответа на вопрос, почему, зачем, по каким причинам имеет место то или иное явление, что вызывает его к жизни, каковы механизмы протекания процессов. Как мы видели, для научного знания требуется точное описание характерных черт или особенностей изучаемого явления, основанное на внимательном наблюдении и тщательном измерении. Познание фактов, конечно, важно, но большинство исследователей не испытывают удовлетворения от одного только описания фактической ситуации. Они обычно проявляют интерес к выявлению причин, объясняющих или толкующих то, что происходит в этом мире, т. е. стремятся к достижению *каузального* знания (от лат. *causa* — причина). Например, социологическая теория относительных депривaций, предложенная Т. Гарром в его работе «Почему люди бунтуют», дает объяснение, вследствие каких причин возникает в обществе политическое насилие и почему определенная комбинация экспектаций и ценностных достижений, как правило, ассоциируется с политическим насилием. Это нечто большее, нежели простое скрупулезное описание того, где, как и при каких обстоятельствах произошло то или иное конкретное насилие. На основании работы Т. Гарра другие социологи или политологи могут попытаться объяснить, почему законодательные органы в некоторых

государствах избирают именно такую политику, а не иную, почему некоторые люди избегают военной службы, почему некоторые регионы, области или города процветают, в то время как другие приходят в упадок.

Разумеется, основой для наблюдения типичных образцов и регулярности (повторяемости) явлений и для объяснения их необходимо точное описание. Картину того, что есть, необходимо составить настолько точно, насколько это возможно. А уж затем можно приступать к определению того, почему это так. История переполнена примерами ошибочных объяснений, бравших свое начало из неадекватных наблюдений. Такие объяснения приходилось в конечном счете отвергать, и их место занимали новые, более убедительные и обобщающие.

Объясняющее знание важно, поскольку оно является основой прогноза, предсказания, применения объяснения к событиям в будущем. Поэтому не случайно многие полагают конечной проверкой объяснения степень его применимости для предсказания. Предсказание — само по себе чрезвычайно ценный тип знания, поскольку оно может оказаться полезным для того, чтобы избежать нежелательных событий и достичь желаемых результатов.

Именно благодаря своей ограниченности и осторожности наука способна прогнозировать будущее в той или иной области. Парадокс заключается в том, что вероятность наступления прогнозируемого события или явления отнюдь не является стопроцентной. Так, если социолог, осуществив соответствующие исследования, предсказывает вероятность того, что 72 % малоимущих людей предпенсионного или пенсионного возраста, проживающих в сельской местности, будут голосовать на ближайших выборах за коммунистов, то прогноз скорее всего сбудется. Оставшиеся 28 % социолог относит на всевозможные отклонения по случайным причинам. Может, например, случиться так, что какая-то часть малоимущего пожилого электората коммунистов, насмотревшись на злоупотребления местной администрации, состоящей из коммунистов, разочаруется в них и проголосует за «Яблоко» или СПС. Сколько их окажется точно, сказать заранее не смогут ни статистика, ни социология, ни местные органы власти.

Объяснение — это важнейшая цель любой теории, претендующей на научность. Эмпирические обобщения, связывающие явления между собой, служат основой для развития объяснения. Теории идут следом за эмпирическими обобщениями, однако они более могущественны и в то же время более абстрактны. Как констатирует уже упоминавшийся Алан Исаак, «теория может объяснять эмпирические обобщения, потому что она носит более общий, более содержательный характер, чем

они»; теории имеют также две другие функции: «организовывать, систематизировать и координировать существующее знание в отрасли» и «предсказывать эмпирическое обобщение, предсказывать, что выдерживается (подтверждается) частное отношение» [1]. Чем больше эмпирических обобщений систематизирует и организует теория, чем больше из их числа она в состоянии предположить или предсказать, тем она сильнее.

Таким образом, любая теория или концепция ставит своей целью построение более или менее сложной *объяснительной модели* явления или процесса, интересующего исследователя. И, как любая модель, она не может не иметь ограничений (связанных, в частности, с «потолком» достигнутых нами на данный момент знаний или же с тем, что объяснение может относиться лишь к частному случаю, какой-то отдельной стороне объекта познания). Когда один и тот же объект описывают две в значительной степени не совпадающие друг с другом теории, они могут отчасти совпадать (или хотя бы не противоречить друг другу), отчасти расходиться. Чем менее противоречивы объяснения различных теорий, тем больше у нас уверенности, что наше знание приближается к истине. Там же, где они противоречат друг другу, возникает своеобразная «зона неопределенности». Она может быть сужена лишь опытным, эмпирическим путем.

Задачей знания здравого смысла тоже является сбор и обобщение фактов об окружающем мире. Однако, в отличие от научного знания, самое большее, чего оно в состоянии достичь, — это установления простых и достаточно очевидных закономерностей типа «если... то...». Выражаясь языком методологии научных исследований, знание здравого смысла не идет дальше формулировки корреляционных, в лучшем случае направленных гипотез, в то время как задачей научного знания становится формулировка и проверка каузальных гипотез. Скажем, люди издавна пытались найти признаки, указывающие на то, какой будет погода в ближайшие дни; такого рода предсказания становились неотъемлемой частью сельскохозяйственного труда. Наблюдательность представителей различных поколений запечатлелась во множестве так называемых народных примет. Например, таких:

- дым вертикально поднимается вверх — признак сухой погоды;
- если ночью тихо, а днем ветер, который к вечеру стихает, — будет вёдро;

[1] По книге: *Johnson J., Joslyn R.* Political Science Research Methods.

- если с вечера туман, который расходится к восходу солнца, — будет сухая погода;
- тонкая паутина прямо вытягивается по воздуху — знак теплой погоды;
- стрижи и ласточки летают низко — к дождю и т. п.

Однако в приведенных примерах дальше простой констатации указанной связи здравый смысл не идет. Научное же знание тем и характеризуется, что оно прежде всего будет искать цепочку причинно-следственных связей в явлениях. Согласно этому, например, так будет объяснено, почему в преддверии дождливой погоды ласточки летают низко: с приближением выпадения осадков воздух влажнеет и тяжелеет, поэтому мелкие насекомые скапливаются в слоях, расположенных ближе к земной поверхности, и птицам, которые питаются этими насекомыми, приходится переходить на бреющий полет и т. д.

Временность. Научное знание носит *временный характер.* Сколь бы тщательно и продуманно ни строилось научное исследование, можно быть уверенным, что в будущем другие исследования смогут продемонстрировать недостаточность, неполноту данного понимания явлений. Новые наблюдения, новая аппаратура, более тонкая техника, позволяющая провести более точные измерения, усовершенствования, вносимые в исследовательские проекты, проверки альтернативных объяснений, новые подходы к объяснению уже известных накопленных фактов — все это рано или поздно выявит ограниченность или эмпирическую недостаточность научного знания, добытого учеными и их предшественниками. Поэтому исследователю необходимо всегда оставаться открытым и готовым к изменению и совершенствованию понимания природных, психических и социальных явлений. Пересмотр устаревших теорий — одна из главных задач науки. Если сложить все знания, от которых когда-либо приходилось отказываться ученым или истинность которых сегодня поставлена под сомнение, то объем таких сведений, пожалуй, сравнится с объемом тех знаний, которые признаются сегодня истинными.

Утверждение о временности научного знания ни в коей мере не означает, что сведения, накопленные, чтобы рано или поздно устареть, могут быть спокойно проигнорированы. Это в то же время не означает и того, что современное знание значимо на века. Часто, когда люди размышляют о науке, они думают о научных «законах». Научный закон — это обобщение того, что было испытано и подтверждено множеством эмпирических проверок. Любой закон, как правило, имеет отношение к

обобщениям, которые были подтверждены целым рядом многочисленных повторных проверок. Временная природа научного знания подготавливает нас к возможности того, что будущие наблюдения могут прийти в противоречие с законами, принятыми сегодня.

Знание здравого смысла также заведомо ограничено во времени. Это обусловлено тем, что оно, будучи индивидуальным по своему характеру, претерпевает изменения в содержании вместе с изменением реального жизненного опыта его обладателя, вместе с приобретением им все более новой информации, которая, как известно, поступает из окружающей среды непрерывно. Наконец, это знание в значительной мере исчезает с уходом из жизни его владельца. Хотя немалая часть такого знания все же передается окружающим и остается с последующими поколениями.

Что касается мифологического знания, то оно в большей мере, нежели другие виды знания, претендует на незыблемость, неизменность и вечность. Его установления вообще ставят своей целью не просто упорядочение, а увековечение системы наших представлений о мире. Идеологическое знание по сравнению с научным гораздо менее гибко и подвижно.

Разумеется, предложенная схема структуры наших познаний, как и всякая схема, весьма условна. В действительности мы постигаем окружающий мир *всеми* доступными нам средствами. В индивидуальном сознании, равно как и в коллективном сознании целых общностей (само слово «сознание» — это производное от «совместного знания»), совокупность накапливаемой информации существует в сложном, далеко не всегда расчлененном единстве. Не говоря уже о том, что в продвинутых обществах вместе с массовым развитием грамотности и разветвленной системы образования знание здравого смысла во все большей мере пополняется за счет элементов научного знания.

Мы не случайно подчеркиваем, что предложенная схема типологии различных видов знаний носит условный характер. В реальности вряд ли кто из нас смог бы сразу, четко и с полной определенностью отделить в общем объеме своего тезауруса идеологические знания от научных или от мифологических. Кстати, говоря о научном знании и способности к его усвоению и продуцированию как основе интеллекта, мы отнюдь не имеем в виду, что его обладателями могут считаться одни лишь научные работники и исследователи — профессиональные или самодеятельные. Интеллектуалами сегодня именуют и беллетристов, и художников, и артистов, и даже теологов. Однако, как нам представляется, это справедливо лишь в той мере, в какой для их повседнев-

ной, главным образом профессиональной, деятельности и творчества присущи черты, характерные для усвоения и продуцирования прежде всего научного знания, особенности процесса его накопления и систематизации.

К примеру, любая идеологическая доктрина в своей содержательной части (особенно в новой и новейшей истории) «произрастает», формируется, развивается изначально именно из научного знания. Накапливаются факты, они систематизируются, обобщаются, трактуются... Выдвигаются гипотезы, появляются объяснения. Другими словами, внешне все это происходит вполне «научно». Другое дело, что накопление фактов носит чаще всего довольно предубежденный и нередко целенаправленно предубежденный характер: эти факты отбираются и подгоняются под заранее выдвинутые или имплицитно подразумеваемые объяснения и гипотезы; и если какие-то наблюдения и факты не подтверждают исходных концепций, то тем хуже для фактов — они просто не принимаются во внимание и как бы перестают существовать, т. е. отбрасываются, игнорируются — сознательно или бессознательно.

Поэтому нельзя не признать, что идеологии (а в новейшие времена — и религиозные течения) являются, как правило, продуктами чьей-то интеллектуальной деятельности, т. е. берут свое начало в определенной степени из научного знания, во всяком случае, стараются избежать явного противоречия и противостояния с ним. В конечном счете любые теоретические концепции, обосновывающие фундамент (содержание, комплекс знаний и логическую структуру) любой религии или идеологии, были и есть продукт интеллектуальной деятельности, которая опирается на накопленные и зафиксированные на материальных носителях знания предшествующих поколений, определенным образом систематизируя их.

Тем не менее отмеченная нами выше специфика объективно существует, на что обращали внимание даже люди, не связанные напрямую с наукой, а обслуживавшие по долгу своей профессиональной деятельности нужды политики. Так, бывший шеф советской внешней разведки Л. В. Шебаршин, вспоминая годы своего профессионального образования, пишет, что «...марксизм-ленинизм в тогдашней трактовке был предельно далек от науки. Его клишированные формулы и понятия имели характер ритуальных заклинаний, что-то вроде ежедневного и ежечасного подтверждения лояльности. Каждое учебное пособие даже в нашем весьма специальном учебном заведении начиналось с благочестивого тезиса о классовом характере разведки. (Время,

когда классовый характер приписывался физике, биологии, математике, уходило медленно. У нас медленнее, чем у других.)»[1]

Здесь необходимо помнить следующее. Наука по самой своей сути призвана отражать объективную истину, не зависящую от тех или иных пристрастий, «полезности» или «вредности». Идеология же выполняет принципиально иную функцию в социальном мире — *выражение социального интереса определенных общественных сил и определенного социального идеала.* Конечно, два этих типа знания определенным образом связаны друг с другом. Однако смешивать их не следует, ибо, как отмечает В. А. Ядов: «Идеология, опирающаяся на объективное научное знание, заслуживает положения научной. В противном случае она иллюзорна. Но наука, опирающаяся на идеологию, утрачивает право называться наукой, превращается в наукообразную апологетику социального интереса»[2]. Причем, как нам представляется, сказанное справедливо и по отношению к национальной принадлежности тех или иных научных знаний. Здесь мы вполне согласны с А. П. Чеховым, которого вряд ли кто-то мог бы упрекнуть в отсутствии патриотизма, но который в своих «Записных книжках» отмечал: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука».

§ 2. Объект и предмет социологии

Само понятие «социология» имеет как минимум две грамматические основы; это слово составляется из двух частей: латинское *socius* (компаньон) и греческое *logos* (изучение) — и поэтому буквально должно означать изучение процессов общения[3]. Другой вариант толкования этих частей: *societas* — общество; *logia* — множественное число от *logos* (слово). Или — «много-много слов об обществе».

Любая научная дисциплина имеет свой объект и свой предмет исследования. Под *объектом,* как правило, понимают круг явлений (феноменов), подлежащих ее изучению. Чем более общий характер носит наука, тем шире этот круг явлений. Так, например, биология исследует все, что

---

[1] *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы: записки начальника советской разведки. — М., 1996. С. 35–36.

[2] *Ядов В. А.* Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. — 1990, № 2. С. 90.

[3] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. Second edition. — London. 1988. P. 232.

связано с процессами живой природы (от греч. *bios* — жизнь). Это не просто особая научная дисциплина, а «совокупность наук о живой природе — об огромном многообразии вымерших и ныне населяющих Землю живых существ, их строении и функциях, происхождении, распространении и развитии, связях друг с другом и с неживой природой» [1]. В свою очередь, составными частями биологии могут считаться ботаника (объектом которой являются растительные организмы) и зоология (где объектами выступают все животные организмы).

Как ни странно, именно среди самих социологов не утихают споры о том, следует ли считать социологию отдельной и самостоятельной наукой. Основоположники этой дисциплины, в частности Конт и Дюркгейм, настойчиво стремились показать, что социология — это автономная и отдельная наука о социальных явлениях. Позднее же возникли значительные расхождения по поводу места социологии среди других общественных наук. Доводы оппонентов сводились к следующим аргументам:

- социология является не отдельной дисциплиной, а дисциплиной, скорее интегрирующей открытия экономики, политики и психологии, потому что социальное не является автономной характеристикой, но образуется на пересечении экономики, политики, географии, истории, психологии и т. д.;
- социология представляет собой особый взгляд на окружающий мир или форму воображения, которая стремится поместить индивидов и события в максимально широкий социальный контекст; такое представление не является специфическим только для социологии, но разделяется также историками, географами, экономистами, журналистами и т. д.;
- социология не обладает особым научным статусом, поскольку она не имеет ни определенного объекта анализа, ни отдельной методологии, ни научной системы анализа и должна рассматриваться скорее как идеология, соответствующая конкретной стадии развития капитализма [2].

Впрочем, следует сразу же отметить, что указанные выше точки зрения не носят массового характера, а общераспространенный взгляд все же выделяет социологию в качестве автономной дисциплины со своими особыми объектом и предметом исследования. Чтобы более

[1] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. С. 142.

[2] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 23.

наглядно выделить объект и предмет изучаемой нами науки, воспользуемся тем же познавательным приемом, к которому мы прибегли в предыдущем параграфе. Подобно тому как мы выявляли специфику научного знания, сравнивая его характеристики с другими типами знаний, мы могли бы выявить основные особенности социологии, сопоставляя ее с другими научными дисциплинами, изучающими общество как совокупность существ, обладающих сознанием, разумом, волей и определенным образом взаимодействующих между собою [1].

Прежде всего, проведем границы между социологией и науками, занятыми изучением закономерностей поведения людей — психологией и социальной психологией. В самом общем виде эти различия определяются следующим образом.

Психология изучает характеристики и механизмы поведения отдельных индивидов, нередко вне их связи с другими индивидами.

Социальная психология исследует поведение малых групп, рассматриваемых как единое целое, т. е. таких объединений индивидов, где они находятся в прямом и непосредственном контакте между собою, при этом очень важную роль в описании и объяснении поведения индивидов, находящихся в составе таких общностей, играют механизмы суггестии (от англ. *suggestion* — внушение); кроме того, объектом социальной психологии выступает поведение малой группы, рассматриваемой как единое целое.

Интерес же социологии сосредоточен прежде всего на выявлении общих закономерностей поведения больших масс людей, независимо от пространственно-временной локализации этих масс. Крупные размеры таких социальных групп чаще всего не позволяют каждому из входящих в их состав индивидов прямо и непосредственно общаться со всеми другими, и тем не менее они находятся в постоянном взаимодействии, т. е. оказывают влияние друг на друга и испытывают последствия таких воздействий; правда, взаимодействие это носит чаще всего опосредованный характер.

Однако такой подход еще не дает нам возможности «развести» социологию с другими научными дисциплинами, изучающими общественные явления. В самом деле, что является объектом таких наук, как,

---

[1] Мы ограничимся здесь только таким сопоставлением; хотя, например, П. А. Сорокин проводит гораздо более развернутый анализ, выявляя отношение социологии и к таким комплексам *естественнонаучных дисциплин,* как физические, химические, биологические, экологические (см.: *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. — М., 1993. — Гл. 1, § 2)

например, история, экономика, политология, если не те же большие массы людей? Объект у них действительно один и тот же, общий, а вот предметы разные. Давайте попытаемся сопоставить социологию последовательно с каждой из трех только что упомянутых научных дисциплин и выявить при этом специфику социологии. Равным образом мы могли бы взять для рассмотрения и другие науки, изучающие человеческие сообщества, — этнографию, демографию, юриспруденцию, антропологию — логика рассуждений при этом изменится несущественно, а выводы окажутся идентичными.

История. Эта научная дисциплина тесно связана с регистрацией, описанием и интерпретацией тех или иных событий, имевших место в человеческом обществе и отдельных его частях когда-либо в прошлом. Историческое знание достаточно хорошо укладывается в систему характеристик научного знания, т. е. вполне может считаться таковым (см. табл. 1). Однако, в чем специфика содержания исторического знания? Главное: отраженные в нем факты реальности всегда конкретны, уникальны и неповторимы. Никогда в истории не было зафиксировано двух совершенно идентичных (по составу участников, ходу развития, последствиям и т. п.) событий. Каждое из событий достаточно четко локализовано в пространстве и во времени. Если историк говорит о войне, то он должен вполне конкретно указать, о какой именно войне идет речь: о Семилетней, Тридцатилетней, Первой мировой, Алой и Белой Розы и т. д. Описываемая революция также должна иметь четкую национальную и временную привязку — Мексиканская, Русская [1], Великая французская, Французская 1830 (или 1848) года, Американская [2]...

Все указанные выше исторические события служат также и предметом научных изысканий социологов. Однако они в отличие от историков в ходе своего анализа сосредоточат внимание не на конкретных исторических сюжетах, а на типовых. То есть будут искать, а что же общего было характерно и для Семилетней, и Тридцатилетней, и Первой мировой войн; таким образом будут выявляться основные типовые закономерности, составляющие концепцию *социологии войны.* (Говоря о «социологии войны», было бы интересно отметить, что вопреки

[1] В западной исторической и социологической традиции не существует, как у нас, разделения нашей революции 1917 года на Февральскую и Октябрьскую; для них это просто различные этапы одной и той же *Русской* революции.

[2] Так сами американцы называют войну за независимость Северной Америки 1775–1783 годов.

общераспространенному мнению название знаменитого романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» несет в себе иной смысл, нежели противопоставление военного конфликта и мирной жизни. В дореволюционной орфографии роман назывался «Война и міръ», а не «Война и миръ». По словарю В. И. Даля, «миръ» означает «отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны» [1]; а «міръ» — «...все люди, весь свет, род человеческий» [2]. Поэтому название великого произведения русской литературы следует понимать как «Война и общество», т. е. влияние войны на общество, — в сущности, довольно социологическое название.)

Таким же образом изучение повторяющихся характерных черт многих подлежащих исследованию национальных революций приведет к формированию социологической теории среднего уровня под названием *социология революции*. Следовательно, социология в отличие от истории базируется прежде всего на рассмотрении стандартизованных объектов. Объектом социологии могут стать лишь повторяющиеся и типовые социальные явления — социальные роли, институциональные объекты, социальные процессы, средства социального контроля, социальные структуры и т. д.

Стремление к стандартизации проявляется и в том, что социология довольно слабо интересуется отдельно взятым индивидом, его поведением, мыслями, чувствами, а если и интересуется, то опять же — стандартными, повторяющимися у всех или у очень многих. Эта наука принципиально и изначально безличностна. «Человек», личность — это некое конкретное воплощение, наполненное индивидуальностью, конкретностью и неповторимостью. В социологии же для обозначения социальной единицы чаще используется безличное «индивид» или «член общества». Эта максимальная обезличенность проявляется, в частности, в предложениях некоторых российских социологов именовать отдельно взятого члена общества даже не индивидом и не личностью, а специальным социологическим термином, заимствованным из англоязычной социологии, *áктор* — т. е. тот, кто совершает определенные акты, действия. Между прочим, слово *actor*, используемое в англоязычных текстах, одновременно может переводиться и как «актер», и это, как мы увидим в дальнейшем, неплохо согласуется с функциональной теорией социальных ролей. Такой подход проявляется и в эмпирических социальных исследованиях,

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. II. — СПб.-М., 1881. С. 328.

[2] Там же. С. 330.

где по большей части анкеты, заполняемые респондентами, носят анонимный характер. Это делается не только с целью получения искренних и достоверных ответов, но и в стремлении подразделить всех респондентов не на личностей, а на типы.

Экономика. Эта научная дисциплина имеет своим предметом совокупность тех отношений, в которые вступают друг с другом люди и социальные группы в результате производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Она не только изучает закономерности их поведения в этой сфере общественной жизни, но и вводит особые категории, позволяющие обобщить массовые явления экономической жизни, познать экономические законы и т. п. Таким образом, как и социология, экономика имеет дело с типовыми, стандартизованными, устойчиво повторяющимися социальными явлениями. Но все эти типовые явления относятся лишь к одной из сфер жизнедеятельности общества. Вряд ли экономист будет без особой нужды интересоваться эстетическими настроениями, преобладающими в данном обществе на данном этапе, или же господствующими формами брачно-семейных отношений. Интерес же социологии к экономическим явлениям заключается в изучении влияния их на все остальные процессы социальных отношений.

Политология. Сферой интересов политологии является изучение взаимоотношений людей, больших и малых социальных групп, возникающих в результате борьбы за завоевание, удержание государственной власти, а также в связи с практическим использованием ее. Внимание политолога как исследователя, например, к экономическим, религиозным, образовательным институтам возникает постольку, поскольку эти институты оказывают свое влияние на политику. И не более того. Таким образом, политология, как и экономика, изучает особый, специальный вид взаимодействий между людьми.

В отличие от экономики и политологии социология исследует все проявления общественной жизни, причем в тесной взаимосвязи и взаимном влиянии друг на друга. При этом она, как и история, активно пользуется данными этих частных (или «индивидуализирующих», как называл их П. А. Сорокин) наук, обобщая и устанавливая их встречные воздействия. Однако верно и обратное: в последнее время специалисты в области изучения особых сфер общественной жизни все отчетливее начинают осознавать необходимость использования в своих исследованиях обобщающих данных социологической науки. Имплицитно такая необходимость присутствовала всегда, однако первыми ее почувствовали все же социологи.

Действительно, социология активно пользуется данными, получаемыми в результате развития других научных дисциплин, изучающих общественные явления, и в этом смысле существенно зависит от них. Однако более глубокое понимание этих явлений невозможно без социологического осмысления их. П. А. Сорокин, ссылаясь на выводы целого ряда социологов начала нынешнего века, отмечает: «Заработная плата рабочих, например, зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей... Формы политического устройства связаны и зависят от числа и плотности населения. Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности. Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований. Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа и т. д. Короче, в подлинной действительности все явления взаимодействия одни с другими связаны» [1].

Это означает, что эффективность всех наук об общественных явлениях, их прогресс и дальнейшее развитие существенно зависят от прогресса социологии и от того, насколько активно будут учитываться в них общесоциологические законы и методы. Вот почему Сорокин приходит к выводу о методологической ценности и важности социологической науки: «И наука о праве, и наука о хозяйстве, и дисциплины, изучающие явления религиозные, эстетические, психологические, язык, нравы, обычаи, движение народонаселения и т. д., — все они за эти десятилетия “социологизировались”, проникнись общесоциологическими принципами и понятием, соответственным образом перекрасились, короче, не избегли влияния этой дисциплины. “Социологизм” специальных наук — знамение времени» [2].

Впрочем, основной нашей задачей является не столько доказательство общенаучной значимости социологии, сколько выявление качественной определенности ее. Итак, объектом социологии являются крупномасштабные объединения людей независимо от того, какова цель их создания. В качестве таких объединений может выступать, например, население целой страны или даже группы стран на определенном этапе развития. Предметом же социологии являются отношения, которые складываются между входящими в такие объединения людьми или группами людей. Как определяет это Сорокин, «социология изучает явления взаимодействия людей друг

[1] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 89–90.

[2] Там же. С. 91.

с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого взаимодействия — с другой» [1].

Завершая этот параграф, хотелось бы сделать одно замечание по поводу термина «социальное», достаточно часто используемого как в социологии, так и в других науках об обществе. Очень часто этот термин имплицитно отождествляют с понятием «общественное». Однако на протяжении нынешнего века это понятие все чаще приобретало другой оттенок и использовалось в иных контекстах, особенно в сочетании со словом «политика». *Социальная политика* — это определенная деятельность правящей группировки (или декларация группировки, борющейся за обладание государственной властью), направленная на создание и развитие социальной инфраструктуры — образования, здравоохранения, культуры, а также системы социальной защиты так называемых слабозащищенных категорий населения — детей, престарелых, инвалидов, безработных и т. п. В еще более общем виде социальная политика — это сфера перераспределения той доли прибавочного продукта, которая изымается у собственника (или выделяется им добровольно) и направляется на нужды общества в целом и всех его членов вне зависимости от меры затраченного ими труда и капитала. Она, конечно же, не включает в себя целый ряд других важнейших видов и направлений политики — в частности, экономическую политику, а также поддержание и развитие условий собственно политической деятельности как таковой — хотя и зависит от их характера и эффективности. Отсюда появление устойчивых словосочетаний «социальная работа», «социальная защита».

Таким образом, понятие «социальное» используется в различных контекстах не столько как синоним понятия «относящееся к обществу как к целому», сколько для обозначения принадлежности лишь к одной из сфер общественной жизнедеятельности. Поэтому в социологии все чаще начинает использоваться другой термин. Понятие *социетальное* — довольно новое для нашей общественной науки. Неоднократно упоминавшийся нами британский социологический словарь *«The Penguin Dictionary of Sociology»* определяет его весьма лаконично: «Этот термин относится к характеристикам общества как целого» [2]. Понятие «социетальности» было введено в научную лексику американским социологом Толкоттом Парсонсом. В контексте обсуждаемой проблемы нам представляется ключевым его утверждение: «Для выживания

[1] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 57.

[2] По книге The Penguin Dictionary of Sociology. — Здесь и далее в переводе автора — Анурина В. Ф. *(Примеч. ред.)* P. 231.

и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) его членами в качестве их социальной идентичности» [1].

§ 3. Структура социологического знания

Как мы уже упоминали, социология — сравнительно молодая наука. Однако за полтора с небольшим века своего существования ею накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, и она превратилась в довольно разветвленную научную дисциплину, включающую в себя ряд автономных отраслей. В самом общем виде структуру социологии можно представить графически (рис. 1).

Строго говоря, именно таким образом может быть представлена структура любой научной дисциплины. Какую бы науку мы ни взяли, нетрудно убедиться, что она будет состоять из трех подобных частей. Так, на химическом факультете студенты на протяжении первых двух лет обучения изучают общую химию, на физическом — общую физику, на биологическом — общую биологию. Точно так же в рамках данной работы мы даем курс общей социологии, что представляет собой систематическое изложение наиболее общих законов, по которым живет и развивается человеческое общество. Общая социология в зависимости от базовых подходов, которые она использует в процессе исследования общественных явлений, может развиваться в различных направлениях. В связи с этим иногда говорят о господствующей в данном направлении парадигме.

Понятием *парадигмы* в любой науке обозначается «исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе» [2]. Применительно к социологии это означает некую общепризнанную всеми представителями данной науки (или отдельного ее течения) совокупность взглядов на научное исследование и на методы его проведения.

---

[1] *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Том 1. Вып. 2. — М., 1993. С. 102.

[2] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. С. 977.

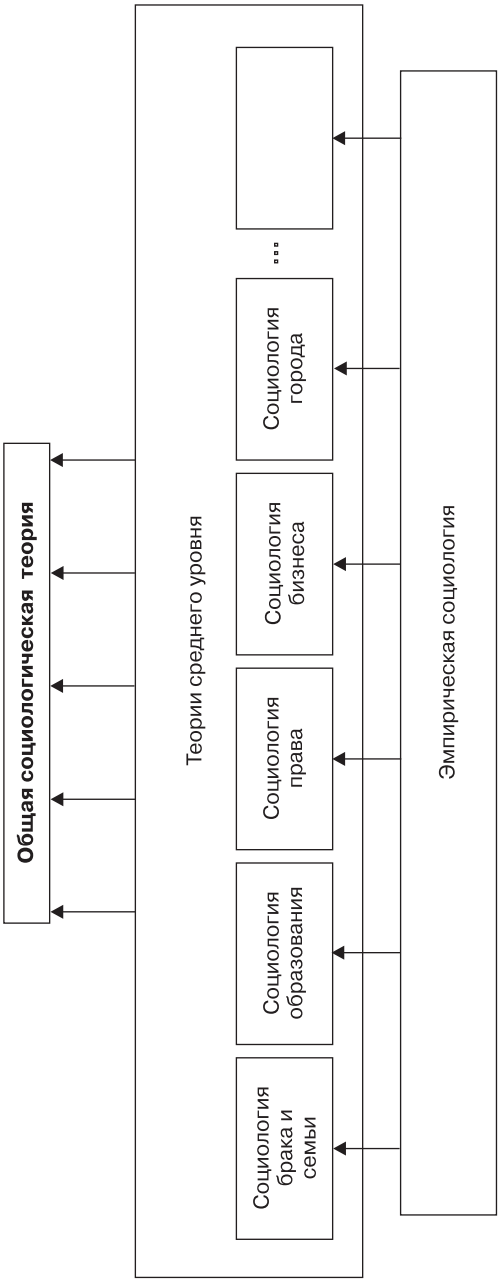

Рис. 1. Структура социологии как научной и учебной дисциплины

В социологии же данное понятие стало использоваться после опубликования работы Т. С. Куна [1] о природе научного изменения. По Куну, ученые работают в рамках парадигм, которые представляют собой общие способы осмысления мира и которые диктуют, какой именно ряд научно-исследовательских работ необходимо проделать и какие типы теории считаются приемлемыми. Эти парадигмы дают то, что Кун называет «нормальной наукой» — род научной деятельности, рутинно выполняемый изо дня в день. Однако спустя какое-то время нормальная наука начинает продуцировать ряд аномалий, которые не могут быть разрешены в рамках парадигмы. Кун доказывает, что в этой точке наступает внезапный перелом и старая парадигма замещается новой, ведущей к новому периоду «нормальной науки». В социологии это понятие имеет еще более неопределенное значение, обозначая социологические школы, каждая из которых развивается относительно самостоятельно, разрабатывая собственные методы и теории.

Именно в рамках общей социологии происходит теоретическое осмысление и обобщение множества эмпирических фактов, накапливаемых и осмысляемых в частных социологических теориях, систематизация их по тем или иным признакам, разработка социологического категориального аппарата, установление закономерностей и формулировка законов.

Эмпирическая социология — это совокупность методических и технических приемов для сбора первичной социологической информации. Это достаточно самостоятельная научная дисциплина, которая имеет и другие названия. Соответствующая ей учебная дисциплина так и называется: «Методика и техника конкретных социологических исследований». Иногда ее называют *прикладной социологией*. Однако это не очень правильно. Поскольку методы и независимые открытия социологии часто носят именно прикладной характер, понятие прикладной социологии не представляет собой ни отдельной развитой отрасли дисциплины, ни термина, обычно используемого социологами. Оно, как утверждает *«The Penguin Dictionary of Sociology»*, «просто поднимает проблемы этики и профессиональной автономии» [2]. Эмпирическую социологию называют также *социографией*. Такое наименование представляется даже несколько более точным, поскольку оно подчеркивает описательный характер этой дисциплины.

---

[1] См.: *Кун Т. С.* Структура научных революций. — М., 1977.

[2] По книге The Penguin Dictionary of Sociology. P. 13.

Однако любое эмпирическое социологическое исследование направлено не на изучение общества в целом или наиболее общих законов его функционирования, а на выявление или решение какой-либо конкретной проблемы в конкретном месте и в конкретное время. Поэтому полученная в ходе такого исследования информация накапливается и осмысляется в той или иной отраслевой (или специальной) социологической теории. Их сегодня все чаще называют *теориями среднего уровня*. Это понятие ввел в науку американский социолог Роберт Мертон, чье имя еще не раз будет встречаться на этих страницах. Свое краткое определение «теории среднего уровня» (Middle Range Theories) Р. Мертон формулирует следующим образом: это «теории, находящиеся в промежуточном пространстве между частными, но также необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающими в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений» [1]. Было бы целесообразно обратить особое внимание на то, какой именно смысл вкладывается в эти слова. Как справедливо отмечает Н. Е. Покровский, выявляя смысловую нагрузку самого понятия «теория среднего уровня», «...русский аналог “теории среднего уровня” неизбежно грешит чертами вертикальной иерархичности и христианской символической смыслонаделенности. “Наверху” — высшие абстрактные теории, “внизу” — ползучий эмпиризм, а социологические теории — где-то между “небом” и “землей”. Это в корне противоречит мысли Р. Мертона, который намеренно употреблял термин “range” (“размах”, “область захвата”, “радиус действия”), а отнюдь не менее распространенный термин “level” (“уровень”). Таким образом, правильно было бы назвать концепцию Р. Мертона “теориями среднего радиуса действия”» [2].

К числу теорий среднего уровня относятся:

- социологические концепции, которые разрабатываются на стыках наук, — социология права, медицинская социология, экономическая социология, социология менеджмента и т. п.;
- различные отрасли институциональной социологии — особого направления, связанного с исследованием устойчивых форм органи-

[1] По книге: *Merton R.* Social Theory and Social Structure. New York-London: Enlarged edition, 1968. — Здесь и далее в переводе автора — Анурина В. Ф. *(Примеч. ред.)* — Р. 39.

[2] *Покровский Н. Е.* Одиннадцать заповедей Роберта Мертона // Социологические исследования. — 1992, № 2. — С. 115.

зации и регулирования общественной жизни: социология религии, социология образования, социология брака и семьи и т. п.;

- социологические теории среднего уровня, связанные с изучением отдельных сфер общественной жизнедеятельности: аграрная социология, урбанистическая социология, социология чтения и т. п.

Говоря о структуре социологического знания, нельзя обойти вниманием и разделение его на такие составляющие, как *макросоциология* и *микросоциология*. Это не просто схоластический прием, а отражение реального опыта людей в постижении внешнего мира. Мы можем выразить это, сказав, что в нашем опыте общества мы одновременно обитаем в разных мирах. Прежде всего, мы постоянно обитаем в микромире нашего непосредственного опыта, который возникает благодаря нашим прямым отношениям с другими людьми. Помимо этого, с различными степенями значимости и продолжительности мы обитаем в макромире, состоящем из гораздо более крупных составляющих и включающем нас в отношения гораздо более абстрактные, анонимные и удаленные.

Оба мира существенно важны для нашего опыта общества, и каждый из миров зависит от того, какое значение имеет для нас другой (за исключением раннего детства, когда наш микромир — это все, что мы знаем). Микромир и все, что в нем происходит, наполняется гораздо более глубоким смыслом, если он понимается в сопоставлении с основаниями макромира, который как бы окутывает его своей оболочкой; наоборот, макромир представляет для нас незначительную реальность, если он не представлен повторяющимся образом в наших столкновениях лицом к лицу в микромире. Например, взаимодействия в классной комнате школы или института в большинстве своем обусловлены тем общим смыслом, который переживается учащимися как часть охватывающего их процесса образования; наоборот, образование останется для них смутной идеей, слабо реализуемой в их сознании, если оно не станет частью их непосредственного опыта в отношениях с другими людьми. Таким образом, в опыте человека микромир и макромир испытывают непрерывное взаимопроникновение. Социолог, если он хочет понять этот опыт, должен постоянно осознавать данное двойное выражение общественных явлений — с одной стороны, микроскопическое, с другой — макроскопическое [1].

---

[1] См.: *Berger P., Berger B.* Sociology: Biographical Approach. London: Penguin Books, 1981. P. 18–19.

Таким образом, эти понятия отражают различные уровни анализа в социологической науке.

Макросоциология — это теоретические и эмпирические исследования больших коллективностей или, выражаясь более абстрактно, социальных систем и социальных структур, экономического и политического строя, выявление более или менее крупных социальных изменений, а также факторов, оказывающих воздействие на такие изменения. Кроме того, к макросоциологии относят такие влиятельные теоретические течения, как структурный функционализм, теорию конфликта, неоэволюционизм [1]. Представители макросоциологии, рассматривая в качестве объекта своего исследования общество в целом и его крупные структурные образования, подчеркивают качественное своеобразие социетальных явлений и их несводимость к социально-психологическому уровню.

Микросоциология — это область социологического знания и познания, которой принадлежат концепции и школы, занятые изучением механизмов поведения людей, их общения, взаимодействия, межличностных отношений. Так, например, к микросоциологическим относят рассматриваемые в четвертой главе этой книги теории обмена и символического интеракционизма. Микросоциология теснее связана с эмпирическими исследованиями. Само ее формирование как самостоятельной области исследования связывают с энергичным развитием техники прикладных социологических исследований экспериментальных процедур в 20–30-х годах XX века. Несмотря на определенные разногласия и противоречия между представителями обоих направлений [2], каждое из них, включая дискуссии и критические выпады в адрес противников, по-своему обогащает социологическую теорию.

В связи с этим следует сделать несколько замечаний по поводу методологии, применяемой в той или иной социологической теории. Этим понятием обозначают совокупность исходных принципов — исторических, социально-философских, объясняющих способы получения научного знания и их трактовку. Неоднократно приходилось сталкиваться с мнениями, категорически признающими в качестве правильного лишь один метод и не менее категорически отвергающими все другие. Особенно грешило этим в недавние годы советское

---

[1] См., напр.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 23–26.

[2] См., напр.: *Андреева Г. М.* О соотношении микро- и макросоциологии // Вопросы философии. — 1970. № 7.

обществоведение, однако не отставали от него и многие западные исследователи. В гораздо большей степени нам импонирует точка зрения шведского социолога Пера Монсона о том, что «не существует исключительного, одного, самого правильного способа изучения общества, не содержащего в себе противоречий и не создающего научных проблем, — все зависит от того, как исследователь понимает общество и какой способ соотношения себя с ним выбирает» [1]. Более того, он утверждает, что социология — это наука «многопарадигматическая» [2]. Данное мнение сегодня разделяют многие исследователи — и отечественные [3], и зарубежные [4]. В сущности, подлинная диалектическая логика как раз и строится на сочетании различных методов в зависимости от того, на каком уровне абстракции идет рассмотрение проблемы. Невозможно познать изучаемый объект, глядя на него только с одной стороны. Для многостороннего (а в идеале — всестороннего) исследования столь сложного и многомерного объекта, как общество, следует периодически менять позицию наблюдения.

С другой стороны, решение задачи создания наиболее общей социологической теории связано с утверждением в ней сравнительно небольшого числа парадигм, а кроме того, установления определенных способов их взаимосвязи, когда они не опровергают, а взаимно дополняют и усиливают друг друга [5].

Резюме

1. Знания, на протяжении истории накопленные людьми о закономерностях развития окружающей их реальности — как природной, так и социальной, — можно разделить на четыре блока:

1) знание здравого смысла;

2) мифологическое;

---

[1] *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. — М., 1994. С. 13.

[2] Там же. С. 50.

[3] См. напр.: *Давыдов Ю. Н.* Социология и утопия // Вестник АН СССР. — № 10.

[4] См. напр.: *Ritzer G.* Sociology. A Multiple Paradigm Science. Boston, 1976.

[5] См.: *Давыдов А. А.* Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования. — 1992. № 9.

3) идеологическое;

4) научное.

Научное знание обладает целым рядом особых характеристик, которые отчасти отделяют его от других видов знания, отчасти объединяют с ними. Таких характеристик можно выделить семь:

- эмпиричность;
- эмпирическая проверяемость;
- ненормативность;
- передаваемость;
- общность;
- объяснительный характер;
- временность.

2. *Социология* — это особый комплекс научных знаний со своими объектом и предметом исследования, не совпадающими в общем виде с объектами и предметами других научных дисциплин.

Объектом социологии является общество, взятое в целом, а также отдельные его части, достаточно крупные для того, чтобы в них проявились закономерности, характерные для общества.

Предметом же ее являются взаимодействия между входящими в состав этого общества людьми.

3. Структура социологии как научной и учебной дисциплины имеет три уровня:

- общую социологическую теорию;
- социологические теории среднего уровня;
- эмпирическую социологию.

Общая социологическая теория представляет собой систематическое изложение наиболее общих законов, по которым живет и развивается любое человеческое общество.

Социологические теории среднего уровня, по определению Роберта Мертона, это «теории, находящиеся в промежуточном пространстве между частными, но также необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающими в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений».

Эмпирическая социология — это совокупность методических и технических приемов для сбора первичной социологической информации.

4. Социологическая теория подразделяется также на макросоциологию и микросоциологию.

Макросоциология включает в себя теоретические и эмпирические исследования больших коллективностей или, выражаясь более абстрактно, социальных систем и социальных структур, экономического и политического строя, выявление более или менее крупных социальных изменений, а также факторов, оказывающих воздействие на такие изменения.

Микросоциология опирается на концепции и школы, занятые изучением механизмов поведения людей, их общения, взаимодействия, межличностных отношений.

Контрольные вопросы

1. Перечислите семь качеств, характеризующих научное знание.
2. Какой из типов знаний является, по вашему мнению, наиболее важным — научный, мифологический, идеологический или знание здравого смысла?
3. Какое из качеств научного знания позволяет исследователю оставаться беспристрастным и непредубежденным?
4. Какие из качеств научного знания могут служить основой прогноза?
5. Какие из качеств научного знания позволяют формировать единую для всего научного сообщества систему сведений об окружающем мире?
6. В чем состоят главные отличия социологии от других наук, изучающих человеческое общество?
7. Какие уровни включает в себя структура социологического знания?
8. Что является объектом и предметом социологии как науки?
9. В чем состоит различие понятий «социальное» и «социетальное»?
10. В чем различие макросоциологии и микросоциологии?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань, 1997.
2. *Давыдов А. А.* Социология как метапарадигмальная наука // Социологические исследования. — 1992, № 9.

3. *Давыдов Ю. Н.* Социология и утопия // Вестник АН СССР. — 1990. № 10.
4. *Кравченко А. И.* Введение в социологию. — М., 1994. Гл. 1.
5. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. — М., 1994.
6. *Парсонс Т.* Общества // *Парсонс Т.* О социальных системах. — М., 2002.
7. *Руткевич М. Н.* О предмете социологии // Социологические исследования. — 1991. № 7.
8. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994. Гл. 1.
9. Современная западная социология: Словарь. — М., Политиздат, 1990.
10. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. — М., 1993.
11. *Сорокин П. А.* Структурная социология // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
12. *Тёрнер Дж.* Структура социологии. — М., 1985. Гл. 1.
13. *Шилз Э.* Общества и общество: макросоциологический подход // Американская социология. — М., 1972.
14. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. — М., 1969.
15. *Ядов В. А.* Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. — 1990. № 2.

Глава 2
История социологии

Любая научная дисциплина имеет свою историю. Знание такой истории необходимо всем, кто приступает к изучению той или иной науки. История показывает движение мысли, описывает научные дискуссии, в которых зарождались идеи, становящиеся позднее парадигмой науки.

Социология как новое, совершенно самостоятельное направление научной мысли — это интеллектуальный продукт XIX века. Одновременно можно утверждать, что она была результатом мощного кризиса западноевропейского социума, обозначившего его переход от традиционного общества к индустриальному. Не случайно отец-основатель социологии Огюст Конт был одним из первых обществоведов, настойчиво употреблявшим этот термин «индустриальное общество». Социология как особая научная дисциплина с таким названием возникла сначала во Франции, а затем, вполне независимо, в Германии и Америке. В этих трех странах она развивалась особенно бурно. Можно грубо обозначить период между 1890 и 1930 годами, когда была проделана большая часть работы по закладке ее теоретического фундамента. Значительная часть из того, что произошло с того времени в социологии, было во многом углублением проработки и доведением до логического завершения интуитивных догадок великих авторов классического периода.

В то же время нельзя забывать о том теоретическом фундаменте, который заложили предшественники социологии. Один из патриархов современной мировой социологии, Роберт Мертон, как-то сказал: «Социология — это очень молодая наука об очень древнем предмете изучения». Точнее и не скажешь. Действительно, тем, что сегодня мы называем обществом, люди заинтересовались в глубокой древности.

§ 1. Социология за рубежом

В течение двух с половиной тысяч лет мыслители анализировали и описывали общество, не называя, однако, полученные знания социо-

логией. Первое и достаточно полное представление о строении общества дали античные философы Платон и Аристотель. Многие классики социологической мысли вошли в историю науки и как классики философии, так как социология (обществознание) зарождается и долгое время существует в качестве составной части философии — социальной философии. Поэтому первых «социологов» называют *социальными философами*.

Социальные философы. Среди таких философов античности выделяют двух гигантов — Платона (427–347 до н. э.) и его ученика и последователя Аристотеля (384–322 до н. э.). Они, как и нынешние социологи, изучали традиции, обычаи, нравы и взаимоотношения людей, обобщали факты, строили концепции, которые завершались практическими рекомендациями о том, как усовершенствовать общество. Первым в истории трудом по «общей социологии» справедливо считают «Государство» Платона. Великий мыслитель разработал, по сути, основы первой в мире *теории стратификации*, согласно которой любое общество делилось на три класса: высший, состоявший из мудрецов, управлявших государством; средний, включавший воинов, охранявших государство от смуты и беспорядка; низший, куда входили ремесленники и крестьяне. Свой вариант теории стратификации предложил другой энциклопедический ум античности — Аристотель. У него опорой порядка выступал средний класс. Кроме него, общество включает в себя еще два класса — богатую плутократию и лишенный собственности пролетариат.

Еще в средневековье арабский мыслитель Ибн-Хальдун пристально изучал поведение больших социальных групп людей, составляя анатомию человеческого общества. Только через две тысячи лет после Платона и Аристотеля европейская научная мысль смогла подарить миру выдающиеся труды об обществе, прежде всего благодаря усилиям Н. Макиавелли, Дж. Локка и Т. Гоббса, которые послужили непосредственными предшественниками научного этапа социологии. Многие европейские мыслители XVII–XIX веков, в том числе Вольтер, Дидро, Кант, Гегель, задолго до официального рождения социологии писали о нравах людей, общественной морали и традициях, характере народов, поведении социальных типажей. В XVII–XVIII веках впервые появились термины, призванные сыграть решающую роль в формировании социологии: общество, культура, цивилизация, классы, структура, функция и некоторые другие.

Социология как наука — если не говорить о тысячелетней предыстории развития социальной философии — родилась в середине XIX века. Философы оказались весьма плодотворны в части создания новых

наук или придумывания им названий. Вспомним, что родоначальником экономики был философ Адам Смит, а психологии — философ Вильгельм Вундт. Таким образом, три науки, составляющие ныне костяк так называемых социальных, или поведенческих, наук, — психология, экономика и социология — созданы философами. Но они не исключение. Из недр философии, как из первоматерии, в разное время выделились в самостоятельные науки и физика, и астрономия, и математика, и все другие дисциплины. Только социальные науки, в отличие от естественных, задержались с появлением на свет. Человеческое общество, как ныне считают антропологи, зародилось никак не менее 40 тыс. лет назад, а науки о нем — социология, экономика, психология, этнография, антропология — появились, причем практически одновременно, только в XIX веке.

Возникновение в XIX веке опытной, эмпирической науки об обществе является не случайным, а имеет определенные гносеологические и социально-экономические предпосылки. XIX век — это век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Наука не знает границ, естественнонаучному методу подвластно все, в том числе мораль, право, общественное устройство — словом, все то, что раньше было предметом метафизики и спекулятивных домыслов.

Стилю научного мышления XIX века были одинаково чужды как обскурантизм средневековья, так и морализаторство просветителей. Выражаясь современным языком, лидерами естествознания в XIX веке являлись физика (механика И. Ньютона) и биология (эволюционная теория видов Ч. Дарвина). Именно эти научные дисциплины определяли стиль научного мышления своей эпохи. Особенности этого стиля мышления не могли не наложить зримый отпечаток и на процесс формирования социологии и криминологии. Общественные феномены (в том числе и преступность) стали рассматриваться как объективные явления, ничем, в принципе, не отличающиеся от объектов познания физики и биологии. Поэтому достаточно долго опытная, позитивная наука об обществе называлась социальной физикой, а ее разделы, по аналогии с механикой, — социальной статикой и социальной динамикой.

В XIX веке европейское общество окончательно и бесповоротно вступает на путь капиталистического развития. Два первых из рассматриваемых в этой главе мыслителей, О. Конт и К. Маркс, застали начальную стадию капитализма, а два других, Э. Дюркгейм и М. Вебер, — развитую. Между этими стадиями существует качественная разница. Естественно, что первые и вторые описывали совершенно разные общества. Отсюда во многом проистекает и различие их взглядов.

Огюст Конт (1798–1857). Этого выдающегося французского мыслителя принято считать родоначальником социологии как науки: именно он в 1839 году явился создателем и самого термина «социология». Получив математическое и естественное образование, Конт считал, что наука об обществе должна стать не спекулятивным, а точным знанием, использующим методы естественных наук, отвергая туманные рассуждения и домыслы. По Конту, социология (первоначально он называл ее «социальной физикой») — единственная наука, которая призвана открывать универсальные законы развития и функционирования общества, неотделимые от законов природы. Свои открытия она совершает при помощи четырех методов: наблюдение, эксперимент, сравнение и исторический метод. Причем применяться они должны объективно и независимо от оценочных суждений исследователя. Такой подход с тех пор называют *позитивизмом*. Сам Конт термин «позитивный» рассматривал в пяти значениях: реальный, полезный, достоверный, точный, организующий.

Конт при этом исходит из того, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в достаточно ясное и простое объяснение частного или общего явления, не может представлять реального и понятного смысла. Мы не можем устанавливать законы развития природы и общества, утверждает Конт. Мы можем действительно постичь лишь различные взаимосвязи явлений и фактов, никогда не будучи в состоянии до конца проникнуть в подлинные причины их возникновения. Поэтому дело ученого — наблюдать, регистрировать и систематизировать факты и на основе этой систематизации выявлять определенные закономерности. Конт и его последователи-позитивисты были убеждены в том, что такие законы существуют, причем они универсальны как для природы, так и для общества. Признание универсализма — первый фундаментальный принцип, на который опирается позитивизм. Вторым его краеугольным камнем является признание необходимости и целесообразности использования в изучении общества тех методов, которые утвердились в естествознании.

В своем творчестве Конт руководствовался идеалами прогресса, политической и экономической свободы, надеждой на то, что с помощью науки и просвещения можно решить все социальные проблемы. На вопрос о том, как вылечить больное общество, он отвечал просто: надо создать такую же точную и объективную науку об обществе, каким является естествознание. Открытые такой наукой законы надо преподавать в школах и университетах, дабы просветить людей, научить их тому, как следует правильно и разумно строить свои взаи-

моотношения. Точка зрения Конта была близка к взглядам просветителей.

Огюст Конт во всеобщей классификации (или «иерархии») наук поставил социологию на самую вершину — выше математики, физики и биологии, а преобразующую роль социологии в обществе (она должна произвести революцию в умах людей) считал столь же важной, как и роль религии.

Конт совершил поистине революционный переворот в науках об обществе, определив предмет и метод социологии. По его мнению, наука должна раз и навсегда отказаться от неразрешимых вопросов. К ним Конт относил те, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, опираясь на факты. Прежде всего, к ним относятся философские суждения, оторванные от жизни.

Конт преклонялся не только перед социологией, но и перед человеческим обществом, которое она призвана описывать. Для него отдельный индивид — почти ничто. Общество состоит не из отдельных индивидов, а из социальных систем. Под обществом Контом подразумевалось все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Посредствующим звеном между индивидом и обществом выступает семья, и семейная связь имеет совсем иную природу, нежели социальная. Учение Конта состояло из двух частей — *социальной статики*, описывающей взаимоотношения между социальными институтами, и *социальной динамики*, раскрывающей законы и этапы изменения общества. Последствиями изучения социальной динамики являются исследования в области социального прогресса, представляющего собой развитие по восходящей линии. Первичные факторы такого прогресса — духовное и умственное развитие человека; вторичные — климат, раса, продолжительность жизни.

Конт сформулировал также основной закон общественного прогресса, т. е. *закон интеллектуальной эволюции человечества*, или *закон трех стадий*, согласно которому стадии развития общества соответствуют стадиям развития человеческого ума.

Первую стадию — *теологическую*, или фиктивную, — охватывающую древность и раннее средневековье (примерно до начала XIV века), Конт делил на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. При фетишизме люди приписывали жизнь всем окружающим предметам и видели в них богов. При политеизме (Древняя Греция и Рим) обожествлялись природные явления. Эпоха монотеизма — эпоха христианства.

Вторую стадию, *метафизическую* (с XIV по XIX век), Конт рассматривал как переходную, для которой характерно разрушение старых

верований — фундамента общественного порядка. Важнейшие события этой эпохи — Реформация, Французская революция. Им сопутствовало распространение критической философии, приведшей к упадку авторитетов. Общество, погруженное в анархию, нуждается в новой идеологии, выполняющей интегрирующую роль. Такова, по Конту, философия позитивизма, знаменующая наступление следующей стадии.

Свидетельством вступления в третью, *позитивную,* стадию является распространение наук, рост их общественного значения, развитие промышленности, гармоничное развитие всех элементов социальной жизни.

Карл Маркс (1818–1883). Имя этого знаменитого немецкого мыслителя и теоретика общественной науки известно миру, пожалуй, лучше других. Маркс родился в семье адвоката, получил разностороннее образование (философия, история), жил во многих европейских городах, занимаясь научной, публицистической, организационной деятельностью, связанной с его интересом к рабочему движению. Он воочию наблюдал «зверства первоначального накопления»: рост преступности и нищеты в городах, разорение крестьянства, сказочное обогащение кучки буржуев, продажу детей в рабство и т. п. Поэтому Маркс выдвинул совершенно иной подход к пониманию общества, нежели Конт. Если для Конта и Дюркгейма главное — стабилизация общества, то для Маркса — уничтожение такого общества и замена его новым, более справедливым. Многие считают, что вся мировая социология возникла и сформировалась чуть ли не как реакция на марксизм, как стремление средствами теории опровергнуть его. В самом деле, Маркс выступал за революционный путь изменения общества, а все другие социологи — за реформистский. Маркс — основоположник так называемой *теории конфликта,* он определял противоречия и конфликты как важнейший фактор социальных изменений, как движущую силу истории.

В отличие от Конта Маркс придавал негативным сторонам капитализма, а именно эксплуатации человека человеком, обнищанию масс, росту преступности, не относительное, а абсолютное значение. Он считал, что нельзя устранить эти явления полностью или частично в рамках капитализма, так как он представляет собой такой же антагонистический строй, как рабовладение и феодализм. Антагонизм является непримиримым противоречием основных классов любого общества. Всюду, где есть классы, существует антагонизм, ибо один класс всегда эксплуатирует другой, т. е. живет за его счет, присваивает неоплачиваемый труд. Рабовладение и феодализм все больше накапливают такой антагонизм, а капитализм доводит его до логической точки. Анта-

гонизм нельзя разрешить в рамках существующего строя, ибо эксплуататоры добровольно не отдадут награбленное и не поменяются местами с теми, кого они эксплуатируют. Даже если два класса поменяются местами, эксплуатация как явление, как социальный институт не исчезнет. В результате Маркс пришел к выводу, что эксплуатацию нельзя реформировать, ее можно только уничтожить, заменив классовое общество на бесклассовое. Наиболее важными в социологическом смысле работами Маркса считаются: «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «К критике политической экономии. Предисловие».

Герберт Спенсер (1820–1903). Этот выдающийся английский мыслитель, создатель учения о социальной эволюции, внес наибольший вклад в развитие мировой социологии. Получив инженерно-ремесленное образование, Спенсер обратился к изучению философии и социологии. Немаловажное влияние оказала на него эволюционная теория Чарльза Дарвина, приобретавшая в английской и во всей европейской научной мысли все большее влияние. Спенсер горячо приветствовал и высоко отзывался о вышедшей в 1858 году книге Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». По мнению современного социолога Дж. Тернера, «скорее не Спенсера следует, согласно укоренившимся стереотипам, считать социальным дарвинистом, а, наоборот, Дарвина — биологическим спенсерианцем». Во всяком случае, сам Дарвин признавал серьезное влияние, которое оказали на него работы Спенсера. Спенсера считают основателем школы органической аналогии (к которой неоднократно обращались и другие классики социологии, в частности Дюркгейм): он сравнивал общества с биологическими организмами, а отдельные части общества (государство, церковь, образование и т. д.) — с частями организма (сердцем, нервной системой и т. д.). Каждая часть несет какую-то пользу целому и выполняет жизненно важную функцию. Экономическая жизнь в обществе, утверждал Спенсер, подобна обмену веществ в организме: правительство аналогично головному мозгу, торговля выполняет функции, подобные кровообращению, и т. д. Изменения общества не могут происходить без изменения его частей и выполняемых ими функций: изменилась экономика — меняется социальная структура общества, поскольку возникают новые классы, например, предприниматели и наемные рабочие. Считается, что Спенсер первым применил в социологии понятия структуры и функции.

Основной закон социального развития, по Спенсеру, — *закон выживания наиболее приспособленных индивидов*. Функции естественного отбора выполняет экономическая конкуренция. Правительство не должно вмешиваться, по мнению Спенсера, в процесс естественного отбора, а от наименее приспособленных индивидов полезно избавляться — такая позиция позднее получила название «социал-дарвинизм». Спенсер был противником революции, считая ее болезнью социального организма.

Научное признание получила заложенная Спенсером *теория социальной эволюции*, в частности, его идея о том, что все общества последовательно развиваются: от простого состояния, когда все части взаимозаменяемы, к сложному обществу с совершенно не схожими между собой элементами. Такое развитие эволюционно по своему характеру и выражает единство и борьбу двух взаимосвязанных процессов — дифференциации и интеграции. Чем больше разнообразия между частями общества, т. е. чем сильнее их дифференциация, тем неумолимее действует встречный закон интеграции частей. К объединению стремятся регионы одной страны, разные страны, нации, народы. Сегодня мы называем такой процесс глобализацией. Но во времена Спенсера этого термина не существовало, а потому он писал о социальной интеграции.

Спенсер способствовал введению в науку и широкому распространению такого важного социологического понятия, как «социальный институт», выделив и описав его главные разновидности. Ему удалось сделать удачный прогноз относительно возможного установления социалистического общества и его скорого возвращения к естественным законам эволюции. Спенсер первым дал полномасштабное описание сферы социологии, предвосхитил открытие некоторых положений структурного функционализма, применил эволюционный подход к анализу социальных явлений.

Последователями основанного Спенсером эволюционно-органического направления были также представители национальных социологических школ: во Франции — Р. Вормс, в Германии — А. Шеффле, в России — П. Лилиенфельд; все они искали аналогии между организмом и обществом. Во многом благодаря их идеям в XX веке зародился системный подход к изучению общества.

Эмиль Дюркгейм (1858–1917). Этот выдающийся мыслитель и ученый является основателем французской социологической школы. На начальных этапах своего научного творчества он во многом опирался на позитивистскую философию О. Конта, но пошел гораздо дальше и выдвинул принципы новой методологии: *натурализм* — понимание

законов общества по аналогии с законами природы и *социологизм* — утверждение специфичности и автономности социальной реальности, ее превосходства над индивидами. В 1895 году в работе «Правила социологического метода» Дюркгейм — первый профессор социологии во Франции — сформулировал принципы социологии, ставшие хрестоматийными.

Дюркгейм считал, что основной задачей социологии является изучение социальных фактов, под которыми он подразумевал независимую от индивидов реальность, обладающую «принудительной силой» (способ мышления, законы, обычаи, язык, верования, денежная система). При изучении социальных фактов Дюркгейм рекомендовал широко применять метод сравнения. Он также предложил использовать функциональный анализ, который позволяет устанавливать соответствие между социальным явлением, социальным институтом и определенной потребностью общества как целого.

В социальной реальности Дюркгейм выделил три уровня:

- уровень структуры (физическое и материальное основание общества, территория, население);
- уровень функционирования (социальные институты, нормы, правила);
- уровень коллективных представлений (ценностей и идеалов).

Центральной в научном творчестве Дюркгейма является *проблема социальной солидарности*. Он, как и Конт, считал, что общество по своей природе основано на консенсусе. Конфликты не являются ни движущей силой исторического развития, ни неизбежным признаком коллективной жизни, они — признак болезни или разлада в обществе. Дюркгейм отвергал идею Маркса о революции как единственно приемлемом способе разрешения социальных конфликтов.

Вслед за Контом он рассматривал общество как отношения согласия и солидарности. Согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы: *механической солидарности* (доиндустриальное и отчасти традиционное общество); *органической солидарности* (позднее доиндустриальное, а затем — индустриальное общество).

Механическая солидарность присуща неразвитым, архаическим обществам, в которых действия и поступки людей однородны, поскольку сами они похожи друг на друга и потому — взаимозаменяемы. Такое общество стремится полностью подчинить себе индивида, регулировать его сознание и поведение.

Органическая солидарность основывается на разделении труда, профессиональной специализации, экономической взаимосвязи индивидов. При ней каждый индивид в какой-то мере независим от общества, свободен и автономен. Важным условием солидарной деятельности людей является соответствие выполняемых ими профессиональных функций их способностям и наклонностям.

Макс Вебер (1864–1920). Этот известный социолог, соотечественник Маркса, жил в одно время с Дюркгеймом. Тем не менее взгляды их существенно различались. Дюркгейм и Маркс отдавали приоритет обществу. Маркс главным для прогресса считал экономические факторы, верил в историческую миссию пролетариата. Вебер превыше всего ставил индивида, причиной развития общества называл культурные ценности, верил в интеллигенцию. Согласно Веберу, только индивид обладает мотивами, целями, интересами и сознанием. Коллективное сознание — скорее метафора, нежели точное понятие.

Вебер ввел в социологическую терминологию понятие *идеальный тип*. Он утверждал, что эти теоретические конструкты («капитализм», «церковь», «хозяйство» и т. д.) служат основой понимания человеческих действий и исторических событий. «Класс», «государство», «общество» — собирательные понятия. Мы говорим о «капиталисте», «предпринимателе», «рабочем» или «короле» как о типичном (среднестатистическом) представителе данного слоя. Однако в реальной жизни «предпринимателя» или «рабочего» вообще не существует. Это абстракция, придуманная для того, чтобы одним именем обозначать целые совокупности фактов, людей, явлений.

Говоря о методах исследования, Вебер подчеркивал, что уповать только на социальную статистику неправильно. Он считал, что это — первый и далеко не последний шаг ученого. Второй и более важный шаг — поиск мотивов, которые могут раскрыть содержательную связь явлений. Статистика и изучение мотивов человеческого поведения (которые, по сути, игнорировали Конт, Маркс и Дюркгейм) — взаимодополняющие части социологического исследования. Таково ядро научного метода, который получил название *«понимающей социологии»*. Вебер исходил из того, что социология должна познавать те значения, которые люди придают своим действиям. Для этого и вводится термин *Verstehen*, который дословно переводится с немецкого как «понимание» и приобретает в социологическом методе Вебера автономное значение.

Но как выявить эти мотивы, эти значения поведения людей? Ведь мы их не видим прямо и непосредственно. Ученому надо мысленно поставить себя на место того, кого он изучает, и разобраться, почему

тот поступил так, а не иначе, что им руководило, какие цели он преследовал. Наблюдая реальное действие, например забастовку, социолог должен сконструировать правдоподобное объяснение причин ее возникновения на основе внутренних *мотивов* ее участников. Мотивы же других людей мы раскрываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях большинство людей поступают одинаково. Так Вебер подошел к теории *социального действия*. Это одно из центральных понятий веберовской социологии, которое сам он определяет следующим образом: «“Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него» [1].

Вебер сконструировал систему из четырех идеальных типов социального действия: *целерациональное*, *ценностно-рациональное*, *традиционное, аффективное*. Два последних, строго говоря, не должны входить в предмет социологии, поскольку человек выполняет их либо автоматически, сообразуясь с традициями, либо бессознательно, подчиняясь чувствам (аффектам). Только первые два он относил к социологии и называл их рациональными (осознанными).

Вебер разработал практически все базисные теории, которые сегодня составляют фундамент социологии. Это учение о социальном действии и мотивации, общественном разделении труда, отчуждении, профессии как призвании. Это основы социологии религии, социологии города, социологии социального господства, экономической социологии и социологии труда. Это теория бюрократии, концепция социальной стратификации и статусных групп, основы политологии и института власти, учение о социальной истории общества и рационализации, учение об эволюции капитализма и института собственности. Все достижения Вебера просто невозможно перечислить, настолько их много. Благодаря теоретическому вкладу Вебера, а также его коллег Тенниса и Зиммеля можно утверждать, что немецкая школа доминировала в мировой социологии вплоть до Первой мировой войны.

---

[1] *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990. С. 602–603.

Фердинанд Теннис (1855–1936). Этот выдающийся немецкий социолог в своем главном труде «Община и общество»[1] предложил ставшую позже классической типологию социальности: Gemeinschaft — сообщество (община), где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и Gesellschaft — общество, где преобладают формальные институты. Если «общинные» отношения предполагают, по Теннису, «высшую самость», то «общественные» — «искусственное лицо». Отсюда следует и различие главных экономико-правовых категорий. В первом случае (община) речь идет о «владении», «земле», «территории», «семейном праве»; во втором (обществе) — об «имуществе», «деньгах», «обязательственном» (торговом) праве. Сюда же Теннис добавляет и противоположность статуса и контракта (договора). Рассуждая о динамике общества, Теннис полагал, что «общинная» социальность в ходе истории все явственней вытесняется «общественной» социальностью. Отсюда открывался путь для анализа нравов, права, семьи, хозяйствования, деревенской и городской жизни, религии, государства, политики, общественного мнения и т. д.

Георг Зиммель (1858–1918). Главная работа этого известного немецкого обществоведа «Философия денег» была задумана им еще в 1889 году первоначально как «Психология денег», а получила завершение и была опубликована в 1890 году. Автор предпринял глубокий анализ влияния денежных отношений и разделения труда на социальную реальность, человеческую культуру и отчуждение труда. Учение Зиммеля часто называют *формальной социологией* — за то, что основным предметом изучения он считал «чистую форму», фиксирующую в социальных явлениях самые устойчивые, универсальные черты, а не эмпирически многообразные, преходящие. В том, как люди ведут себя или действуют в различных экономических ситуациях, слишком много случайного, идущего от их эмоций и желаний. Индивиды и их желания могут изучаться естественными и историческими науками. Изолировав желания, переживания и мотивы как психологические акты от их объективного содержания, социолог, по мнению Зиммеля, получает

[1] Это до определенной степени условный перевод понятий Gemeinschaft и Gesellschaft. В популярном английском толковом социологическом словаре The Penguin Dictionary of Sociology (P. 265) отдельная статья посвящена веберовскому понятию «понимание» – причем на языке оригинала (Verstehen), а не understanding, как можно было бы ожидать от англоязычного издания; тем самым признается его самостоятельный социологический смысл подобно теннисовским Gemeinschaft и Gesellschaft (там же, P. 103).

нечто, не относящееся к психологии, а составляет сферу ценностей — область идеального. Социолог изучает идеальное (точнее — идеациональное [1]), а не психологическое или нравственное. Но и это еще не все. Настоящий социолог изучает не содержание индивидуального, а ценности сами по себе, т. е. как чистые социальные формы. Так, очистив от случайного человеческие отношения, ученый получает черты вечного — чистые формы. Из них предлагается строить геометрию социального мира. Чистая форма есть попросту отношение между индивидами, рассматриваемыми отдельно от тех объектов, которые выступают предметом их желаний. Формально-геометрический метод Зиммеля позволил выделить общество вообще, институты вообще и построить такую систему, в которой социологические переменные освобождены от морализаторских оценочных суждений.

Европейские и американские социологи. Европейское и американское общество в тот период, когда его изучали теоретики «классического» периода развития социологической науки, переживало потрясающе интересные события. Капитализм, благодаря индустриальной революции, разворачивался во всю свою мощь. Выражаясь образно, штаны трещали на теле старого общества — рост промышленных городов-спрутов, обезземеливание крестьян, концентрация преступности и проституции, торговля детьми, пауперизация и обнищание широких масс. И все это — на фоне невиданного расширения политических прав, прежде всего для средних слоев, а не только для аристократии (как прежде); на фоне появления железных дорог, газовых фонарей, синематографа, пароходов и других невиданных ранее чудес «века железа», как его окрестили позже историки.

Социология, по мнению современного американского исследователя Алвина Гоулднера, возникла как идеология среднего класса. Именно в XIX веке возникло широкое движение интеллигенции (причем во всех европейских странах, включая и Россию) в помощь социальным аутсайдерам. Врачи проводят инспекции на предприятиях и описывают условия труда, филантропы жертвуют деньги на помощь беднякам и сиротам, учителя дают бесплатные уроки и выявляют одаренных детишек. Средний класс, в который входило все больше и больше людей, горел желанием улучшить положение дел в обществе. Социология же рождалась как наука об обществе и его трансформации.

---

[1] Позднее этот термин использует П. Сорокин в своей концепции циклических цивилизаций. – *Примеч. авт.*

Если европейские пионеры социологии были философами, то американские — проповедниками и священниками. Это свидетельствует не только о романтическом ореоле зарождения социологии в Европе и США, но и о том утопическом проекте, который был выбран в качестве некой теоретической платформы. XIX век, судя также и по русской литературе (вспомним хотя бы тургеневского Базарова), был весьма деятельным. Все стремились что-то улучшать, изменять, преобразовывать. Конт, создавая новую науку, мечтал ее сделать разновидностью научной религии: поверив в нее, правители смогут править в соответствии с объективными и надежными законами. Алгеброй социологи пытались проверить общественную гармонию.

Мы уже говорили, что центром мировой социологии на первом этапе (конец XIX—начало XX веков) стали три европейские страны: Франция, Германия, Англия. На следующем этапе, который начинался в 20-е годы XX века и продолжается по сей день, центр мировой социологии переместился в США, где эта наука сразу же получила немалую помощь государства и поддержку большинства университетов. Первый в мире социологический факультет, присваивающий докторские степени, возник в 1892 году в Чикагском университете. Уже к 1910 году большинство американских университетов и колледжей предлагали желающим курсы социологии.

Ничего подобного в Европе не происходило. Социология не пользовалась здесь поддержкой ни со стороны государств, ни со стороны университетов. Эмиграция социологов ослабила европейскую и усилила американскую науку. В XIX веке социологическое обучение в Европе, в отличие от США, было в роли пасынка. Если оно и получало прибежище в университетах, то не так, как в США: здесь для известных ученых создавали кафедры и разрешали читать лекции. В Европе же профессора экономики, истории, права, политической экономии или философии предлагали обучение «по социологии», хотя и не под ее собственным именем. Зиммель преподавал социологию под именем философии, Вебер и Парето — под именем экономики. Только Дюркгейм и еще немногие европейцы в XIX веке получили академический титул как социологи. Дюркгейм, в частности, был профессором социологии и образования в Парижском университете.

В США же вокруг ведущих университетов — Чикагского, Гарвардского, Мичиганского — в конце XIX—начале XX веков сформировались крупные научные школы. Десятки тысяч проведенных в первой половине XX века эмпирических исследований заложили прочный фундамент научной социологии. Если европейцы под научной социологи-

ей понимали прежде всего теоретическую науку, опирающуюся на мощные традиции классической философии, то американцы сводили научную социологию в первую очередь к эмпирической, созданной по образцу классического естествознания. Именно благодаря новому взгляду на природу социологии Америка вскоре опередила Европу в деле создания социологии как науки.

Альбион Смолл (1854–1926). Этот выдающийся американский социолог был руководителем первого в мире факультета социологии в Чикаго (1892 год), основателем Американского социологического общества, профессионального журнала *«American Journal of Sociology»,* издателем первого американского учебника по социологии. Как социолог, Смолл испытал на себе значительное влияние социал-дарвинизма и психологизма, полагая, что социальная жизнь определяется взаимодействием шести классов интересов, но интересов, имеющих субъективный и объективный аспекты.

Уильям Грэм Самнер (1840–1910). Самнер — один из отцов американской социологии, который, однако, также находился под влиянием дарвинизма. Он представил студентам систематизированный курс лекций по социологии — «Наука об обществе», в котором, испытав очарование идей Дарвина, придал естественному отбору и борьбе за существование универсальное значение как основополагающим законам социальной эволюции. Отметим, что Смолл признавал положительную роль социального неравенства и много внимания уделял изучению обычаев, традиций и нравов народов. До сих пор сохранили свое значение идеи Самнера, изложенные им в «Народных обычаях» в 1906 году: механизмы формирования обычаев, их роль в развитии общества и укреплении связи между поколениями; разработка понятий «мы-группа» и «они-группа», «этноцентризм» как основы межгруппового взаимодействия.

Толкотт Парсонс (1902–1979). Парсонс сыграл особую роль в развитии американской социологии. По словам Гоулднера, он осуществил грандиозный синтез немецкого романтизма с французским функционализмом, которые, как казалось прежде, были совершенно несовместимы. Сын конгрегационалистского священника, Парсонс провел всю свою сознательную жизнь в академических кругах Соединенных Штатов, за исключением короткого периода аспирантуры в Европе (Лондонская школа экономики, Гейдельбергский университет), который однако, оказал серьезное влияние на его мировоззрение. Существует мнение, что он американизировал немецкое социологическое наследие.

Однако неправильно считать, думает Гоулднер, что Парсонс просто перенес европейскую традицию на почву американской культуры. Вначале он с немецкой дотошностью разобрал социологическое наследие европейцев на составные элементы, а затем с чисто американской деловитостью, прежде переинтерпретировав каждый, заново соединил их в новую конструкцию. Возможно, синтез получился несколько формалистическим, а потому язык парсонсовской теории до конца так и не понят: он чрезвычайно сложен и схематичен. Но синтез этот был крайне необходим, ведь большинство американцев считают, что Америке не хватало глубокой теории, хотя у нее в избытке накопилась надежная и эффективная практика. Новая теория, по оценке Гоулднера, получилась излишне метафизической. Эта метафизичность возникла из определенной гипертрофии роли стабилизирующих факторов развития общества и недооценки роли конфликта. Это даже не теория, а нечто другое, что больше походит на социологическую парадигму или перспективу, не имеющую строгой логики, однако поражающую своей энциклопедичностью и творческим потенциалом.

Парсонс пытался сделать в социологии то же, что в физике стремился совершить великий Эйнштейн — создать всеохватывающую социологическую теорию, которая объясняла бы все уровни общества и все формы движения социальной материи. Парсонс, как и Эйнштейн (который, кстати сказать, творил свою общую физическую теорию почти в те же годы, что и Парсонс создавал свою общую социологическую теорию), потерпел неудачу. Общей теории, охватывающей все другие в качестве своих частных случаев, нет ни в физике, ни в социологии. А многие специалисты считают, что таковые вовсе не нужны. Тем не менее, в конечном счете, как считает Гоулднер, Парсонсу удалось сотворить гигантскую дедуктивную систему абстрактных понятий, охватывающую человеческую реальность во всем ее многообразии.

Теория действия задумывалась Парсонсом как предельно общая система категорий, в качестве своего предмета она берет особый аспект социальной системы — действия, организованные вокруг взаимоотношений между двумя и более индивидами. Общая социологическая теория Парсонса является наиболее крупной и влиятельной *концепцией структурного функционализма*, в которой сочетаются анализ объективной и субъективной сторон общественной жизни явлений.

Следует отметить, что на поприще частных социологических концепций (или, как называет их Мертон, теорий среднего уровня) США значительно преуспели. Америка дала миру самый длинный ряд выдаю-

щихся мыслителей — это Э. Шилз, П. Лазарсфельд, Р. Мертон, П. Блау, Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Парк, Э. Гофман, Дж. Александер, Д. Белл, Т. Веблен, А. Гоулднер, Р. Миллс, Д. Рисмен, У. Самнер, А. Смолл, А. Тоффлер, Дж. Хоманс, которые во многом определили научное содержание современной социологии.

Если в Европе социологическая мысль развивалась в тесном контакте с философией, то в Америке среди социологов получила широкое распространение социальная психология. Представители обеих культур стремились объяснить эволюцию и функционирование общества, но делали это по-разному: европейцы больше тяготели к глобальным историческим схемам, американцы — к конкретным моделям и прикладным разработкам.

Вместо философской субстанции американцы делали акцент на поведении и действии. Их не интересовало то, что скрыто внутри разума и что не поддается точному измерению. Их привлекало то, что проявляется вовне в так называемом открытом поведении. Так появился *бихевиоризм* (от англ. *behavior* — поведение), подчинивший себе в первой половине XX века все социальные науки (экономику, психологию, социологию, политологию). Теперь уже за ними закрепился ярлык поведенческих, или бихевиориальных, наук. С этим званием, а именно поведенческой (а не философской, какой она была в Европе еще в начале XX века), социология и дожила до наших дней.

В 60-е годы XX века, когда в США резко возросли государственные дотации, академическая социология успешно развивалась во всех регионах страны. Период ее признания и полной институционализации закончился. Начиная с этого момента социология росла быстрее, чем любой другой сектор американской культуры. С географической точки зрения американская социология стала полицентричной. На английском языке говорят сегодня социологи всех стран мира, а общая численность американских социологов превышает число европейских в 2–3 раза. Современная эпоха — это, по выражению Миллса, эпоха социологии. К 1960 году большинство американских университетов и колледжей имели социологические факультеты, хотя только 70 % из них предлагали подготовку на докторскую степень. В 60-е годы в США социологов было больше, чем во всех странах мира вместе взятых. Сегодня здесь более 20 тыс. профессиональных социологов; эту профессию можно получить в 250 университетах и колледжах страны.

На протяжении XX века западная социология претерпела значительную эволюцию и к настоящему времени представляет собой довольно сложную систему идей, концепций, теорий и методов. К на-

иболее крупным направлениям или, как их еще называют, *социологическим парадигмам*[1] сегодня относят:

- теорию социального конфликта (Р. Дарендорф, Л. Козер);
- структурный функционализм (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон);
- символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер);
- этнометодологию (Г. Гарфинкель);
- феноменологическую социологию (А. Шюц);
- гендерную социологию.

Социологическая мысль была раньше и является сейчас ответом на кризис динамично развивающегося общества. Причем не только европейского. Сегодня социология успешно развивается на всех континентах; особенно активно — в странах Латинской Америки, Японии и Китае.

§ 2. Социология в России

Русская дореволюционная социологическая мысль, которую мы вполне еще не изучили и по достоинству не оценили, начинала свое развитие с того же теоретического уровня, на котором находилась тогда европейская социология. Идеи О. Конта, пожалуй, даже раньше, чем на его родине, были изучены в России. Передовая интеллигенция тянулась ко всему новому, свежему. Русские социологи как с равными полемизировали с О. Контом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом. Выдающийся статистик А. Чупров оставил после себя глубокое эссе о неокантианской социологии. Наша страна дала миру социологов экстракласса. Достаточно назвать М. Ковалевского и П. Сорокина.

Социология в Россию проникла с Запада еще в 40-е годы XIX века, однако ее расцвет связывают со второй половиной 60-х годов XIX века. Как и на Западе, социальная мысль в России развивалась в лоне философии, когда другие социальные науки — история, этнография, юриспруденция — уже достигли значительных успехов. Как и в Западной Европе, отечественная социологическая мысль поначалу формировалась в русле позитивистской традиции. За период с конца 60-х годов XIX века до середины 20-х годов XX века социология прошла три эта-

[1] *Парадигма* — совокупность общих способов видения мира, которые определяют, какого рода научные теории являются приемлемыми для исследований.

па. Собственно же социологические теории в России появляются только в начале XX века.

На начальном этапе — в 60–80-е годы XIX века — в отечественной социологии доминировал *позитивизм*. О. Конта в России хорошо знали и любили. Пожалуй, ни в одной стране мира его идеи не разрабатывались так активно, как в России. Позитивизм привлекал не только своим научным, но и социальным пафосом — желанием немедленно переделать общество по строго научным основам.

В 1864 году Н. Серно-Соловьевич, размышляя о состоянии социальных наук своего времени, поставил вопрос: не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки, изучающей законы исторического развития, социальной солидарности так же объективно, как естествознание исследует законы природы. Положительные ответы на этот вопрос все чаще стали раздаваться в русской печати в связи с обсуждением общественностью путей, по которым должно развиваться русское общество после падения крепостного права и освобождения крестьян. Проблема разложения феодального строя и генезиса промышленного капитализма становится, как отмечал В. И. Ленин, «главным теоретическим вопросом» в русском обществоведении. В сущности, та же самая тема была главной для всей западной социологии.

С середины 60-х годов в русской литературе, по наблюдению историков социологии И. Голосенко и В. Козловского, появляются работы, в которых неоднократно встречается термин «социология», хотя новая наука все еще рассматривается как «философия истории на научной основе». В конце 60-х годов, отмечал крупнейший историограф русской социологии Н. Кареев, «позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход».

Русская передовая журналистика выступала с критикой и требованием пересмотра архаических заветов и преданий прошлого, устаревших институтов и организаций. Наука об обществе, социология, многим представлялась тогда наиболее надежным помощником в деле преобразования русского общества. Русские мыслители предлагали не верить, а изучать и измерять, не преклоняться перед стариной, а разрабатывать практические программы обновления общества.

Новое знание, основанное на статистических расчетах, объявлялось позитивистским, или материалистическим. Во многом продвижению точного метода в социальных науках способствовали достижения земской статистики, в рамках которой опрашивали крестьян, изучали их хозяйственный уклад и образ жизни. На становление социологии оказали влияние усложнение социальной структуры рус-

ского общества, бурный рост городских сословий, дифференциация в крестьянской среде, рост численности рабочего класса.

Первый период развития русской социологии представлен в России множеством различных подходов и направлений: географическая школа (Л. Мечников), органицизм (П. Лилиенфельд, А. Стронин), психологизм (субъективная школа — П. Лавров, Н. Михайловский, Н. Кареев, С. Южаков), социопсихологизм — (Е. Де Роберти).

Второй период в развитии русской социологической мысли условно может быть ограничен второй половиной 80-х и 90-ми годами XIX века. В эти годы развиваются марксизм и антипозитивистские установки, резко критикуются натуралистические концепции. Антипозитивистский подход представлен в работах Б. Кистяковского, П. Новгородцева, Л. Петражицкого, В. Хвостова. Существенное влияние на развитие социологической мысли в России оказал П. Струве. На данном этапе доминировала субъективная социология. Движущим мотивом создателей субъективной социологии П. Лаврова и Н. Михайловского было стремление обосновать идеи русского социализма и народничества.

В конце XIX и начале XX веков в российской социологической мысли сформировались, попеременно господствуя в общественном сознании и сменяя друг друга, несколько направлений, научных школ и течений: социокультурная теория (Н. Данилевский), социологическая концепция русского консерватизма (К. Леонтьев), государственная школа (Б. Чичерин, К. Кавелин, А. Градовский), социологические идеи теоретиков анархизма (Л. Мечников, М. Бакунин, П. Кропоткин), социал-органицизм (А. Стронин, П. Лилиенфельд), психологическое направление (Е. де Роберти, Л. Петражицкий), субъективная школа социологии (П. Лавров, Н. Михайловский, Н. Кареев, С. Южаков), генетическая социология (М. Ковалевский), марксистское направление в социологии, эмпирическая социология (К. Тахтарев, П. Сорокин).

Третий период развития русской социологии ограничен двумя первыми десятилетиями XX века. В этот период распространяется *неопозитивизм*, сочетающий функционализм и эмпирические исследования (Г. Зеленый, А. Звоницкая, К. Тахтарев, А. Лаппо-Данилевский). Центральной темой их анализа стала структура «социального взаимодействия» и изучение элементов среды в виде социальных групп и слоев.

Профессора, читавшие курсы по политической экономии, истории и правоведению, знакомили студентов с содержанием теорий О. Конта и К. Маркса. К концу столетия (в 1896–1897 учебном году) прочитан первый в России систематический курс социологии, который подготовил известный профессор Санкт-Петербургского университета

Н. И. Кареев. Этот курс был тотчас опубликован в виде пособия для студентов «Введение в изучение социологии. Лекции» (СПб., 1897). Первая кафедра социологии открылась в 1908 году в Петербурге при частном Психоневрологическом институте. А в 1916 году при Петербургском университете учреждается Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского (сразу же после кончины этого выдающегося ученого).

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Этот известный русский историк, юрист, социолог эволюционистского направления был академиком Петербургской академии наук (1914) и издателем журнала «Вестник Европы» с 1909 по 1916 годы. Важным фактом в развитии социологической мысли в России можно считать публикацию двухтомного труда М. М. Ковалевского (1851–1916) «Социология». Его перу принадлежат труды по истории общины, Французской революции, проблемам западноевропейского феодализма и общим вопросам социального развития. Понимая социологию как науку об организации и эволюции общества, Ковалевский подчеркивал, что она имеет дело со сложным переплетением экономических, психологических, географических факторов, ни один из которых не является определяющим. Поэтому свою научную задачу он видел в преодолении односторонности социологических школ, в необходимости интегрировать все положительное в них на почве *«теории социального прогресса»*. Тенденция синтеза позитивных сторон различных школ и направлений, проявившаяся у Ковалевского, стала характерной чертой отечественной социологии на рубеже веков.

Со временем в некоторых российских университетах начинают регулярную работу социологические семинары, студенческие кружки, на заседаниях которых обсуждаются проблемы общества, заслушиваются научные доклады. За несколько лет до революционных событий 1917 года по инициативе ученых и педагогов-энтузиастов социологию под разными предлогами удается включать как предмет изучения в программы некоторых средних учебных заведений, различных училищ, курсов. В последнее десятилетие перед революцией лекции по социологии читались на Высших женских курсах, в биологической лаборатории П. Лесгафта. Основы социологического образования давала Высшая русская школа общественных наук в Париже, куда со всех концов России обращались за программами, учебным материалом, пособиями. В ее аудиториях звучали голоса М. Ковалевского, Л. Мечникова, А. Чупрова, Н. Кареева, П. Милюкова, Е. де Роберти. Однако, несмотря на первые удачные шаги, в дореволюционной России система регулярного социологического образования так и не сформировалась.

После революции социология получает свободу как научная и учебная дисциплина. В течение нескольких месяцев выходят научно-популярные брошюры по актуальной тематике, газетные и журнальные статьи по социологии, авторами которых нередко были известные социологи, в частности, Сорокин, Энгель, Рожков. С 1917 года начинается издание учебной литературы по социологии для школ разных типов и одновременно расширяется круг учебных заведений, где вводится изучение социологии. И, наконец, в 1920 году в Петербургском университете был открыт созданный на базе факультета общественных наук (ФОН) первый в России социологический факультет. Его организатором, первым деканом и ведущим лектором стал П. А. Сорокин.

После краткого периода академических свобод в годы НЭПа устанавливается реакция, и ряд видных ученых-социологов и философов (П. Сорокин, Н. Бердяев) оказываются вынужденными навсегда покинуть Россию. Термину «социология» начинает все чаще придаваться негативный оттенок, постепенно он стал использоваться главным образом в связи с критикой «буржуазной» социологии. Многие социологические журналы и кафедры закрываются, немалое количество социологов, экономистов и философов подвергаются репрессиям и ссылаются в лагеря.

Питирим Сорокин (1889–1968). Это имя самого выдающегося ученого, которого Россия дала мировой социологии. По универсальности охвата социологической проблематики, значению теоретического и методологического вклада в мировую социологию Сорокина можно сравнить разве что с Вебером. Именно этот мыслитель, родившийся в России, а умерший в США, прославил нашу социологию. Благодаря ему Россию наряду с Италией (где жили и трудились такие выдающиеся социологи XIX–XX веков, как Вильфрид Парето, Гаэтано Моска и Роберт Михельс) можно причислить к разряду социологических держав мира.

После эмиграции из России в 1922 году Сорокин занял видное положение в западной социологии. Обосновавшись в США, он сделал там блестящую научную и педагогическую карьеру: преподаватель социологии, президент Американской социологической ассоциации, профессор и декан социологического факультета Гарвардского университета. Творческую деятельность Сорокина отличает необычайная продуктивность — он создал сотни работ, посвященных разнообразным проблемам.

Главная особенность творчества Сорокина — глобализм, попытка осмысления социологических аспектов широко понимаемой им культуры. Его книга «Социальная и культурная динамика» (1937) — беспрецедентный научный труд, по объему превзошедший «Капитал» Марк-

са. Другая его книга — «Социальная мобильность» признана мировой классикой. Сорокин констатировал кризисное состояние современной культуры, проанализировал различные его причины и формы. В качестве путей выхода из кризиса ученый предлагал нравственно-религиозное возрождение человечества на основе «альтруистической любви» как главной и абсолютной ценности.

Сорокин является создателем наиболее основательной и детально разработанной теории стратификации. Краткое изложение этой теории содержится в сборнике его работ «Человек, цивилизация, общество», переведенном на русский язык. Сорокин рассматривает окружающий мир как социальную вселенную, т. е. некое пространство, заполненное не звездами и планетами, а социальными связями и отношениями людей. Они образуют многомерную систему координат, которая и определяет социальное положение любого человека. В многомерном пространстве выделяются две главные оси координат: ось X — для измерения горизонтальной мобильности; ось Y — для измерения вертикальной мобильности. Иначе говоря, получилось некое подобие классического эвклидова пространства.

Сорокин рассматривает *стратификацию* как способ измерения статуса той или иной социальной группы в различных сферах жизнедеятельности общества. Он предлагает производить стратификационные измерения в трех социальных пространствах — экономическом, политическом и профессиональном. Социальная стратификация в целом описывает расслоение людей на классы и иерархические ранги. Ее основа — неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния.

Экономическая стратификация, т. е. экономическое расслоение, означает неодинаковость экономических статусов, иначе говоря, наличие экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровней жизни, в существовании бедных и богатых. Для экономической стратификации показательны два явления, которые Сорокин называет флуктуациями: во-первых, обогащение и обеднение той или иной социальной группы либо общества в целом; во-вторых, уменьшение и увеличение высоты экономической пирамиды. Оперируя огромным статистическим материалом, он доказывает, что нет семьи, деревни, города, области или страны, которые бы год от года становились только богаче или только беднее. В истории не существует никакой устойчивой тенденции такого рода. В развитии любого общества периоды обогащения сменяются периодами обеднения. Так было в Древнем Египте, и так есть в современном ему американском обществе. Бесцельные колебания *(флуктуации)* совершаются *циклически*

(за обогащением следует обнищание, а затем — наоборот): мелкие циклы — 3–5, 7–8, 10–12 лет, крупные — 40–60 лет. Сорокин утверждает, что его теория флуктуаций опровергает идею прогресса человечества — постоянного улучшения экономического положения.

Сравнивая различные классы, эпохи и страны, Сорокин неожиданно обнаружил, что в колебаниях высоты экономической пирамиды не существует никакой устойчивой тенденции. Если высоту стратификации измерять разницей в доходах высших, средних и низших слоев общества, то окажется, что в течение последних 500 лет она то увеличивалась, то сокращалась. Это значит, что богатые не богатеют, а бедные не беднеют постоянно. Вместо прямолинейного процесса существуют периодические флуктуации. Они равны 50, 100 и 150 годам. Точно так же колеблются и мировые цены в истории — то падая, то возрастая. Не удивительна связь двух явлений — бедности и мировых цен, ведь изменение цен способствует перераспределению национального дохода в пользу того или другого класса.

Социологи в советской России. Изгнание в 1922 году большой группы ученых из России сразу же сказалось на снижении уровня отечественной социологии. Социологи конца 20-х годов еще пытались проводить эмпирические исследования (К. Кабо, С. Первушин, А. Гастев и др.), разрабатывать теорию и преподавать в университетах (Н. Бухарин, С. Солнцев). Однако довольно скоро научные исследования в этой области были свернуты.

Ко второй половине 20-х годов XX века общий уровень философии и социологии как научных дисциплин в СССР резко снизился. Большевики намеревались покончить с «буржуазной социологией», а покончили с социологией вообще. Ее место вскоре занял исключительно исторический материализм (а точнее, его довольно вульгарные интерпретации). Представители прежней социологии, объявленные идеалистами, были высланы либо расстреляны, а новые марксистские кадры обществоведов по своему научному потенциалу и теоретическому уровню явно уступали своим идейным оппонентам. В духовной области прочно утвердились принципы, проповедуемые сторонниками Пролеткульта — еще одного варианта вульгарного материализма.

Тем не менее 20-е годы дали миру немало замечательных российских мыслителей. Среди них можно назвать выдающегося экономиста и специалиста в сфере экономической социологии Н. Кондратьева, автора социальной инженерии и самой эффективной по тем временам системы НОТ А. Гастева, наконец, замечательного ученого-плановика, написавшего фундаментальные работы по социальной истории общественного труда и бюджетам времени, С. Струмилина.

После 20-х годов последовал продолжительный период затишья — на протяжении почти 30 лет в стране не было создано ни одной сколько-нибудь значимой работы по социологии труда, не проведено ни одного серьезного эмпирического исследования, не организовано ни одной научной конференции, не подготовлено ни одного профессионального социолога.

На протяжении этих 30 лет американская социология в целом и индустриальная социология в частности как раз наработала тот мощный теоретический капитал, которым она питалась и продолжает питаться последующие десятилетия. В конце 20-х — начале 30-х годов проведены знаменитые Хоторнские эксперименты, положившие начало индустриальной социологии как науке. В 40–50-е годы в США проведены известные эмпирические исследования и на их базе созданы ставшие классическими иерархическая теория потребностей А. Маслоу, двухфакторная теория мотивации Ф. Херцберга, теория мотивации достижения Д. Макклеланда и некоторые другие. Сформировались теория социального действия Т. Парсонса и теория среднего уровня Р. Мертона. Кроме того, проведены тысячи эмпирических исследований, разработано множество методических инструментариев (анкет, тестов и т. п.), укрепились основы академической (университетской) науки.

Первые шаги по возрождению социологии в стране и в Московском университете были сделаны в 60-е годы 20 столетия. Социологи 50–60-х годов, или, как их позже называли, социологи первого поколения, решали нелегкую задачу — не только возродить, но и практически заново создать эту науку. Во многом благодаря работам Б. Грушина, Т. Заславской, А. Здравомыслова, Ю. Левады, Г. Осипова, В. Ядова и других ученых в стране значительно расширились масштабы социологических исследований. Предметом их была социальная структура общества, бюджет времени рабочих, социальные проблемы труда, образования, семьи.

На философском факультете была создана межкафедральная социологическая лаборатория, затем открыта кафедра методики конкретных социальных исследований (1968 год). Лекции по социологии читали профессора и доценты Г. Андреева (зав. кафедрой), А. Куприян, Л. Петровская, В. Добреньков, Д. Козлов, Б. Князев, В. Гречихин и другие. Ученые кафедры подготовили и издали одно из первых в стране учебных пособий по социологии, организовали чтение лекций по социологии на философском, юридическом факультетах и на факультете журналистики. В дальнейшем на базе кафедры и социологической лаборатории было создано отделение прикладной социологии на философском факультете.

В 1988 году было принято постановление ЦК КПСС, впервые признавшее необходимость высшего социологического образования в стране. 6 июня 1989 года можно считать днем рождения социологического факультета МГУ, который оказался первым после длительного перерыва социологическим факультетом в СССР. Деканом факультета стал его организатор и заведующий отделением социологии профессор В. Добреньков. Сегодня на факультете работают 11 кафедр, 3 научно-исследовательские лаборатории, 5 специализированных ученых советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. На факультете учатся более 760 студентов, свыше 200 аспирантов, стажеров и соискателей, в том числе из Югославии, Японии, Республики Корея, Китая, Тайваня, Канады, США и других стран мира. Здесь трудятся свыше 130 сотрудников: профессора, доценты, преподаватели и научные сотрудники.

Более 10 лет прошло со времени введения в вузах курса социологии как обязательной общеобразовательной дисциплины и издания первых отечественных учебников по этому предмету. По данным Министерства общего и профессионального образования, в 1998 году насчитывалось около 780 кафедр, в названии которых присутствовало слово «социология». Во многих крупных городах страны успешно функционируют социологические факультеты вузов.

Ежегодно в стране проводится несколько конференций, научно-практических семинаров, посвященных проблемам преподавания социологии в вузах. Они проходят в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и других городах. Проблемы социологического образования постоянно обсуждаются в журнале «Социологические исследования» в рамках «круглых столов» и в специально созданной рубрике «Кафедра». В последние годы изданы десятки учебников и учебных пособий по общим и отраслевым социологическим дисциплинам.

Резюме

1. Социология представляет собой интеллектуальный продукт XIX века. Первыми предшественниками социологии были античные социальные философы Платон и Аристотель. Базовые идеи и концепции новой науки были разработаны в европейской социальной философии XVII–XIX веков — задолго до официального рождения социологии.

2. Основателем социологии считают *Огюста Конта*, который вначале называл эту новую науку «социальной физикой». В течение существенного времени социология развивалась в соответствии с разработанными Контом принципами *позитивизма*. Первым фундаментальным принци-

пом позитивизма является признание *универсализма*, т. е. универсальных законов развития и функционирования общества, неотделимых от законов природы. Вторым краеугольным камнем позитивизма является признание необходимости и целесообразности использования в изучении общества тех методов, которые утвердились в естествознании.

3. Важный вклад в развитие социологической науки внес *Карл Маркс*. Он разработал универсальную схему аналитического исследования способа производства, призванную объяснить структуру общества и закономерности его эволюции. В отличие от всех других социологов современной ему эпохи, которые отстаивали реформистские направления социального развития, Маркс выступал за революционный путь изменения общества. Маркс считается основоположником так называемой *теории конфликта*, поскольку он определял противоречия и конфликты в качестве важнейшего фактора социальных изменений, как движущую силу истории.

4. Выдающийся английский мыслитель *Герберт Спенсер* внес большой вклад в развитие мировой социологии, создав учение о *социальной эволюции*, на которую, в свою очередь, немаловажное влияние оказала эволюционная теория Дарвина. Основной закон социального развития, по Спенсеру, — *закон выживания наиболее приспособленных индивидов*. Функции естественного отбора выполняет экономическая конкуренция. Спенсер разработал идею о том, что все общества последовательно развиваются от простого состояния, когда все части взаимозаменяемы, к сложному обществу с совершенно не схожими между собой элементами. Такое развитие эволюционно по своему характеру и выражает единство и борьбу двух взаимосвязанных процессов — дифференциации и интеграции. Спенсер способствовал введению в науку важного социологического понятия «социальный институт», выделив и описав его главные разновидности.

5. Институционализация социологии как особой научной и учебной дисциплины связана с именем французского социолога *Эмиля Дюркгейма*. Центральной в научном творчестве Дюркгейма, как и всей основанной им французской социологической школы, является проблема социальной связи и, в частности, выявление различных видов социальной солидарности. Согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы: *механической солидарности* (доиндустриальное и отчасти традиционное общество); *органической солидарности* (позднее доиндустриальное, а затем — индустриальное общество). Благодаря его скрупулезному социологическому анализу такого социального явления, как самоубийство, Дюркгейма считают пионером использования статистических методов в социологии.

6. Одним из наиболее заметных классиков социологии, оказавших серьезное влияние на развитие современной социологической мысли, считают *Макса Вебера*. Вебер сконструировал систему из четырех идеальных типов социального действия*: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное*. Кроме того, Вебер разработал практически все базисные теории, которые сегодня составляют фундамент социологии. Это учение о социальном действии и мотивации, общественном разделении труда, отчуждении, профессии как призвании. Это основы социологии религии, социологии города, социологии социального господства, экономической социологии и социологии труда. Это теория бюрократии, концепция социальной стратификации и статусных групп, основы политологии и института власти, учение о социальной истории общества и рационализации, учение об эволюции капитализма и института собственности.

7. В социологии вплоть до Первой мировой войны доминировала немецкая социологическая школа. Одним из видных ее представителей был *Фердинанд Теннис*, который, в частности, предложил типологию человеческих сообществ, ставшую позже классической: *Gemeinschaft* — община, где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и *Gesellschaft* — общество, где преобладают формальные институты.

8. Еще одним выдающимся представителем немецкой школы считают *Георга Зиммеля*, учение которого часто называют *формальной социологией* — за то, что основным предметом изучения он считал «чистую форму», фиксирующую в социальных явлениях самые устойчивые, универсальные черты, а не эмпирически многообразные, преходящие.

9. Важнейшую роль в развитии мировой социологической науки — как теоретической, так и эмпирической — сыграла американская социологическая школа, к числу наиболее видных представителей которой относят *Альбиона Смолла*, *Уильяма Г. Самнера*, *Толкотта Парсонса*.

10. В России теоретическая социологическая мысль довольно успешно развивалась с конца XIX по начало третьего десятилетия XX веков. Следует отметить имена таких выдающихся русских мыслителей, как *М. М. Ковалевский*, *Н. И. Кареев*, *П. А. Сорокин*. Однако после 20-х годов в российской социологии последовал продолжительный период затишья — на протяжении почти 30 лет в стране не было создано ни одной сколько-нибудь значимой работы по социологии, не проведено ни одного серьезного эмпирического исследования, не организовано ни одной научной конференции, не подготовлено ни одного профессионального социолога.

11. Первые шаги по возрождению социологии в России были сделаны в 60-е годы XX века. Возрождение российской социологии относят к кон-

цу 80-х—началу 90-х годов. В 1998 году в вузах страны насчитывалось около 780 кафедр, в названии которых присутствовало слово «социология». Во многих крупных городах страны успешно функционируют социологические факультеты, готовящие профессиональные кадры.

Контрольные вопросы

1. Кого из античных социальных философов можно считать предшественниками социологической науки?
2. Кто первым ввел в научную лексику термин «социология»?
3. Каковы основные принципы позитивизма, разработанные О. Контом?
4. Кто из классиков социологии застал при своей жизни начальную стадию развития капитализма?
5. Кто является основоположником социологической теории конфликта?
6. Почему Спенсер был решительным противником революции?
7. В чем, по Дюркгейму, состоит отличие механической солидарности от органической?
8. Каковы были основные причины выдвижения американской школы на лидирующие позиции в мировой социологии?
9. Что можно считать главной особенностью творчества Питирима Сорокина?
10. Какой путь прошла социологическая наука в России?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань, 1997.
2. *Араби Б. Ибн-Хальдун* — основоположник арабской социологии // Социологические исследования. — 1990. № 11.
3. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. — М., 1993.
4. *Асмус В. Ф.* О. Конт // Вестник АН СССР. — 1957. № 9.
5. *Вебер М.* О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. — 1992. № 3.
6. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. — 1994. № 5.
7. *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.

8. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
9. *Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. — 1988. № 5.
10. *Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. — М., 1991.
11. *Гофман А. Б.* Семь лекций по истории социологии. — М., 1995.
12. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
13. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. — М., 1994.
14. *Кон И. С.* Социологическая концепция Герберта Спенсера // История буржуазной социологии XIX — начала XX века. — М., 1979.
15. *Конт О.* Дух позитивной философии. — СПб., 1910.
16. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 8.
17. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2 изд. Т. 23.
18. *Маркс К.* Нищета философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2 изд. Т. 4.
19. *Маркс К.* Экономические и философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Из ранних произведений.
20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 4.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 3.
22. *Осипова Е. В.* Огюст Конт и возникновение позитивистской социологии // История буржуазной социологии XIX—начала XX века. — М., 1979.
23. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994.
24. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
25. *Спенсер Г.* Грехи законодателей // Социологические исследования. — 1992. № 2.
26. *Спенсер Г.* Основания социологии. — СПб., 1898.
27. *Спенсер Г.* Основные начала. — СПб., 1897.
28. *Спенсер Г.* Социология как предмет изучения. — СПб., 1896.
29. *Томас К.* Георг Зиммель об общественных силах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2002. № 3.

Глава 3
Ценностно-нормативные модели социальной структуры

Подвергая исследованию любой объект, мы обращаемся к вопросу о том, как он устроен, из каких частей и крупных фрагментов состоит и каковы функции этих отдельных элементов, блоков и узлов в жизнедеятельности системы или организма в целом. Такой подход характерен и для медиков, тщательно и досконально изучающих каждый из органов человеческого тела и способы их связи между собою; и для биологов, которые, обнаружив, что все живое состоит из клеток, стремятся найти составные части этих первичных «кирпичиков»; и для физиков, упорно «докапывающихся» до мельчайших составляющих элементов атома и ядра. Настойчивое стремление к исследованию строения, устройства интересующих нас предметов и явлений, видимо, является неотъемлемой чертой процесса любого человеческого познания, ибо даже ребенок старается заглянуть внутрь приглянувшейся ему игрушки — именно так постигаются азы окружающего мира.

Точно так же поступают и люди науки. Студенты-медики, например, начинают свой курс с изучения анатомии — науки о строении человеческого тела, о том, из каких составных элементов и частей состоит это тело. Да и любая научная дисциплина — будь то физика, химия, биология — своим фундаментом считает комплекс информации о том, из каких элементов, больших и малых частей складывается объект ее изучения. Так что строение, структура изучаемого объекта является одним из основных *предметов* любой науки.

Не является исключением и социология. Каждый из крупных социологов уделял немало внимания проблеме строения общества. Правда, подходы их при этом весьма различались. Классическая социология, главным образом, искала ответы на вопрос, в какие *крупные социальные группы* объединяются индивиды, составляющие то или иное общество, и каковы наиболее характерные признаки, по которым

можно занести конкретного индивида в «списки» определенной группы. Современные же социологи изучают преимущественно так называемые «безличные» элементы — *статусы, роли, функции, институты.*

В основе любой социальной структуры лежит не столько сходство людей между собою, сколько их различие, неравенство. Причем если взять биологические и даже психологические параметры, присущие разным людям, то мы обнаружим гораздо меньше разнообразия, чем в тех случаях, когда мы обращаемся к различиям позиций, которые люди занимают в социальной структуре.

В социологии сложилось много теорий и концепций, центром внимания которых является изучение социальной структуры. Большинство из них выделяют детерминирующую, определяющую роль социальной структуры по отношению к составляющим ее элементам. Кроме того, эти теории трактуют структуру не как навеки застывшую конфигурацию, а подчеркивают ее динамичный, изменяющийся со временем характер.

В теоретической социологии преобладают две основные модели социальной структуры — *ценностно-нормативная* и *категориальная.* Первая из них, которую мы и рассмотрим в данной главе, наиболее отчетливо представлена школой структурного функционализма. Сущность функционального подхода состоит, во-первых, в выделении элементов социального взаимодействия и, во-вторых, — в определении их места и значения (функции) в социальной связи. Общественную жизнь функционалисты рассматривают как бесконечное множество взаимодействий между людьми и группами людей и переплетение этих взаимодействий. Для того чтобы подвергнуть их анализу, необходимо найти в этой чрезвычайно подвижной социальной системе какие-то устойчивые элементы. Совокупность этих устойчивых элементов и образует структуру.

Структуры социальных общностей не связаны однозначно с конкретными индивидами, а образуют *совокупность позиций* (в принципе анонимных) участия индивидов в системе. Занятие тех или иных позиций означает для участвующих индивидов приобретение некоторого социального статуса. При этом предполагается, что занятие более ответственных позиций и исполнение соответствующих таким позициям функций должно получать вознаграждение со стороны системы — прежде всего в виде социального престижа. Так или иначе, система должна обеспечивать распределение индивидов по различным позициям структуры, где их деятельность могла бы послужить удовлетворению как индивидуальных, так и общественных потребностей.

Всякий сложный агрегат состоит из каких-то элементов, объединенных в достаточно крупные блоки, интегрирующиеся, в свою очередь, в единое целое. Так, любой биологический организм представляет собой единую систему органов, каждый из которых состоит из простейших элементов — клеток. Что же мы могли бы предложить в качестве таких элементарных единиц общества? Казалось бы, что за вопрос — конечно же, людей! Однако обратим внимание на то, что в своих взаимоотношениях люди сплошь и рядом относятся друг к другу не просто как к личностям, основывая эти отношения не на своих симпатиях и антипатиях, личных эмоциях и чувствах, точнее — не на одних только эмоциях и чувствах.

Мы смотрим друг на друга прежде всего как на обладателей тех или иных прав и обязанностей — как на начальника (подчиненного), мужа (жену), студента, преподавателя, милиционера и т. п. Когда, например, студент заканчивает вуз, окружающие изменяют свое отношение к нему, в их отношении появляется нечто иное, более уважительное и почтительное, хотя как личность он, вероятно, практически не изменился с получением диплома. Согласимся, что именно такой взгляд людей друг на друга и образует в первом приближении то, что мы называем социальной структурой. Другими словами, речь идет о том, что достаточно часто нас в первую очередь интересуют не столько личностные характеристики тех, с кем мы общаемся, сколько то положение, которое они занимают в обществе. Независимо от того, нравятся нам люди или нет, мы можем относиться к одним из них с почтением, к другим — фамильярно, к третьим — снисходительно или даже с пренебрежением. Именно это и составляет исходные позиции того влиятельного социологического течения, которое называется структурным функционализмом.

§ 1. Понятие социального статуса

Рассматривая социальные системы, современные социологи разработали концепции, согласно которым люди не могут рассматриваться в качестве элементной базы общества. Люди, скорее, проживают в этих системах подобно жильцам многоквартирного дома, которые въезжают в квартиры, расположенные на разных этажах его, покидают их, переезжая в другие квартиры, расположенные этажом выше или ниже, или вообще — в другие дома. Взаимное расположение этих квартир (верхние этажи — нижние этажи) никоим образом не изменится от того, кто именно занимает их в данный момент. Хотя, в принципе, конкретные

жильцы в период своего обитания в квартире, конечно, могут придать ей свои индивидуальные черты, произведя по своему вкусу ремонт, держа ее в порядке или неисправности.

Примерно так же обстоит дело и с социальными системами. Они образуются в результате упорядочивания различных социальных *позиций*: одни позиции расположены в этой системе выше, другие ниже, третьи располагаются примерно на одном и том же уровне. Соответственно относятся друг к другу и люди, занимающие эти позиции: к одним они обращаются как к высшим, к другим — как к низшим, к третьим — как к равным. Чем же определяется взаимное расположение этих социальных позиций? Ответ на этот вопрос, по сути дела, содержится в самом переводе термина *status* — это, по-латыни, правовое положение. Другими словами, *статус человека — это совокупность его прав и обязанностей по отношению к другим людям, обладающим иными статусами.* Обратим внимание на двойственность этой связи: мои права в отношении другого человека оборачиваются его обязанностями по отношению ко мне, и наоборот.

Вряд ли можно считать наиболее общим и исчерпывающим такое определение статуса, которое дает, к примеру, В. Сапов: «положение личности, занимаемое в обществе в соответствии с возрастом, полом, происхождением, профессией, семейным положением»[1]. Нам думается, что перечисление всего, «в соответствии с чем» определяется тот или иной статус, вообще неуместно: человек имеет свой отдельный статус в каждой социальной сфере жизнедеятельности, к которой он причастен (более того, сам этот «набор» непрерывно изменяется на протяжении его жизни). Мы изменяем свой статус даже в течение одного дня. Проснувшись, мы идем завтракать со своими родителями, находясь в статусе сына или дочери; выйдя на улицу, мы вплоть до автобусной остановки сохраняем за собой статус пешехода; сев в автобус, приобретаем статус пассажира; войдя в двери своего института, вплоть до окончания занятий остаемся в статусе студента... Словом, всякий раз, когда мы оказываемся в составе какой-то общности людей, объединенных общими целями и совместной деятельностью, мы приобретаем определенный статус (точнее, нас наделяют им окружающие).

Совокупность всех статусов, характеризующих на данный момент личностные и социальные позиции одного и того же человека, называется статусным набором. Можно считать, что именно сочетание, комбинация всех прав и обязанностей в известной мере характеризует

[1] Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. С. 331.

индивидуальность человека, его неповторимое место в системе общественных отношений. Однако всякий раз любой конкретный статус в любой сфере жизнедеятельности и в каждой из общностей характеризуется определенными правами и определенными обязанностями. В контексте данного вопроса представляется более приемлемым дать определение, которое отталкивается от дефиниции Н. Смелзера [1]: статусом называется позиция человека в большой или малой социальной группе, определяемая его правами и обязанностями в отношении других, сопряженных социальных позиций. (Смысл понятия «сопряженные» в данном контексте приобретет более четкие очертания при рассмотрении понятия социальных институтов, о чем мы будем говорить позже.)

Права и обязанности — это всегда две стороны одной и той же социальной связи. Например, права, которые дает родителям их статус в отношении их детей, имеют своей оборотной стороной не только и не столько обязанности детей по отношению к родителям, сколько их же, родителей, обязанности по отношению к детям.

Отметим два важных момента, связанных с понятием социального статуса.

Во-первых, совокупность всех статусов в любом обществе организована в иерархические ряды. Другими словами, статусы находятся в соподчиненности друг другу, а значит, соотношение их, как правило, выражается в понятиях «выше-ниже». Статусы, как правило, не равны друг другу и отражают неравенство людей.

Во-вторых, понятие статуса всегда относительно. Понятие статуса неприменимо к человеку, пока он находится один, сам по себе, вне связи с другими людьми. Для того чтобы это понятие обрело смысл, требуются, по меньшей мере, два человека, статус одного из которых неизбежно будет отличаться от статуса другого. Так что можно смело утверждать, что Робинзон не имел никакого статуса, пока на острове не появился Пятница.

Среди множества разнообразных статусов, которыми обладает один и тот же человек, выделяют *главные* (или ключевые) — те, что решающим образом определяют его социальные позиции в обществе. Чаще всего эти статусы — особенно в современных обществах — связаны с экономической, политической и профессиональной деятельностью. Но не только. В расово-сегрегированном обществе, например, главный статус может определяться цветом кожи. В теократическом государстве

[1] *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994. С. 90.

чрезвычайно важно вероисповедание, а также та позиция, которую занимает человек в церковной иерархии. Главный статус обычно определяет весь образ жизни человека, круг его общения, престиж в глазах окружающих и те жизненные шансы, которыми он располагает.

Какие-то статусы мы приобретаем от рождения — та же самая раса, пол, принадлежность к определенной национальной общности, наконец, статус сына или дочери. Такие статусы называются *приписанными,* или *аскриптивными.* Это понятие — «аскрипция» (или дословно — приписывание) означает, что определенные качества индивидов заданы в большей степени тем положением, в котором эти индивиды рождены (и над которым они фактически не имеют контроля), нежели их собственными достижениями. Приписанные статусы особенно важны в традиционных — кастовых и сословных — обществах, где человек рождался принцем или нищим, т. е. мог при появлении на свет получать принадлежность к очень высокой или очень низкой статусной группе. Получение аскриптивного статуса — по определению — не зависит от самого человека, его желаний и действий.

Следует отметить, что аскриптивный статус не совпадает с *прирожденным.* Прирожденными, строго говоря, могут считаться только три социальных статуса: пол, раса, национальность. Это ситуация, в которой социальное положение определяется исключительно биологическими факторами. Вплоть до самого последнего времени изменить их было в принципе невозможно. Однако в связи с последними достижениями медицины выяснилось, что в результате серии чрезвычайно сложных хирургических операций оказывается возможным изменить не только цвет кожи (и специфические черты лица, определяемые расовой принадлежностью), но и пол. Так что вопрос о прирожденности этих статусов также приобретает некоторую неопределенность.

Определенным набором статусов обладает система родства. Причем только часть этих статусов являются аскриптивными — т. е. теми, что выражают ту или иную степень кровного родства (отец, мать, сын, дочь, брат, племянник, кузен и т. п.). Целый ряд родственных статусов являются приобретаемыми. Так, женившись, мужчина приобретает не только статус мужа собственной жены, но и получает в родственники всю ее кровную родню.

Вообще, большую часть статусов из своего статусного набора человек, конечно, завоевывает, прилагая к этому какие-то усилия. Для того чтобы приобрести статус студента, необходимо пройти вступительные испытания в вуз, а чтобы удержать (подтвердить) этот статус, приходится два раза в год сдавать экзаменационные сессии; достижение ста-

туса специалиста с высшим образованием потребует немало потрудиться над дипломным проектом и подготовкой к государственным экзаменам. Такие статусы именуются *достигаемыми* (или *приобретенными*). Исторический анализ жизнедеятельности обществ, находящихся на различных уровнях развития, показывает, что в статусных наборах членов традиционных социумов преобладают аскриптивные статусы, а по мере развития обществ повышается удельный вес достигаемых. Это отражает рост общей социальной мобильности.

Признание со стороны окружающих обладания человеком тем или иным статусом (иногда даже отождествление его личности с этим статусом) называется *идентичностью.* При этом независимо от того, получена ли идентичность от рождения или же достигнута в результате затраченных усилий, она в любом случае усваивается индивидом через процесс взаимодействия с другими людьми, окружающими его. Именно другие идентифицируют его особым образом. Только если идентичность подтверждена другими, она становится реальной для самого индивида, считающего, что он обладает ею. Другими словами, идентичность — это продукт взаимодействия идентификации и самоидентификации.

Например, сегодня все чаще появляются материалы о трансвеститах (причем не только в специальной литературе, но и в широкой прессе) — индивидах, которые идентифицируются как мужчины, но которые предпочли бы быть женщинами (или наоборот). Они готовы испытывать на себе любые виды хирургических вмешательств для того, чтобы «реконструировать» свой организм с точки зрения желаемой новой идентичности. Однако сущностная цель, которой они стремятся достичь, состоит в том, чтобы по крайней мере некоторые другие приняли эту новую идентичность, т. е. идентифицировали их с этой точки зрения. Невозможно очень долго быть чем-то или кем-то только для себя. Речь идет о том, что при идентификации нашего статуса другие должны сказать нам, кто мы есть, другие должны подтвердить нашу идентичность. Хотя, конечно, имеются случаи, когда индивиды настойчиво твердят о своей идентичности, которую больше никто в мире, кроме них самих, не признает как реальную. П. и Б. Бергеры называют таких индивидов «психотиками», считая, что они «являют собою маргинальные случаи» самоидентификации[1].

Следует различать *социальные* и *личные* статусы одного и того же человека. Личный статус — это позиция, занимаемая человеком в его

[1] По книге *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach.— London, 1981. Здесь и далее в переводе автора — Анурина В. Ф. *(Примеч. ред.)* — P. 74.

непосредственном окружении, оценка, которую дают ему его родственники, коллеги, друзья. Различные люди, обладающие одинаковым социальным статусом, могут иметь разные личные статусы, и наоборот. Можно было бы провести и такое различие: личный статус — это положение, которое человек занимает в малой (как правило, первичной) группе, а социальный — позиция, занимаемая им в большой социальной общности. Социальный статус носит в значительной степени безличный (формальный) характер, тогда как личный статус всегда подчеркивает индивидуальные качества человека.

Различие социального и личностного статуса всегда отчетливо просматривается в степени авторитета и влияния, которыми обладает человек в структуре коллектива той формальной или неформальной организации, к которой он принадлежит. Скажем, в ходе исследования рейтинга преподавателей, которые проводятся в виде опроса студентов, выставляющих им оценки по целому ряду профессиональных качеств, предлагается составить ранжированный список данных преподавателей. Этот список возглавляют лидеры — преподаватели, получившие самые высокие оценки (рейтинг), а замыкают аутсайдеры — преподаватели, оцененные студентами ниже всех. Другими словами, одни преподаватели имеют более высокий статус, а другие — более низкий. Однако речь здесь идет исключительно о личном статусе, ибо социальный статус у всех преподавателей, входящих в список рейтинга, конечно же, одинаковый. И, конечно же, личностный статус является в гораздо большей степени достигаемым, нежели социальный (за исключением, может быть, того особого статуса, которым мы наделяем своих близких родственников).

И точно так же, как каждый из нас обладает целым набором социальных статусов, наша жизнедеятельность характеризуется и определенным комплексом статусов личных. Это связано с тем, что на протяжении своей жизни мы одновременно (точнее попеременно) принимаем участие в жизни множества малых групп своих семей, компаний друзей, учебных и производственных коллективов, спортивных команд. При этом в каждой из них у нас устанавливается свой особый личностный статус — высокий, средний или низкий.

Мы уже говорили, что социальные статусы — это что-то вроде пустых ячеек. Люди, которые заполняют эти ячейки, неизбежно привносят в них свою индивидуальность. В конце концов, любые права и любые обязанности можно соблюдать с большей или меньшей степенью добросовестности или охоты. Другими словами, прочность социального статуса в какой-то степени нередко зависит от личного статуса

человека. Но и личный статус в немалой степени определяется уровнем статуса социального.

§ 2. Социальная роль как динамический аспект статуса

Мы уже говорили о необходимости признания того или иного статуса человека со стороны его ближнего (а иногда и дальнего) социального окружения. Это означает, что всякий раз, когда человек занимает определенную социальную позицию, его поведение, вероятно, будет зависеть не столько от того, каково его собственное представление о таком поведении в данном положении, сколько от того, чего именно ожидают от обладателя этой позиции окружающие его люди. Характер поведения, ожидаемый от обладателя того или иного социального статуса, называется *социальной ролью*[1].

Например, конкретный школьный учитель должен исполнять роль «учителя», которая соотносится с определенным ожидаемым поведением — со стороны учеников, школьного руководства и родителей, — независимо от его личных ощущений и чувств. Благодаря этому становится возможным обобщение професионально-ролевого поведения учителя вне зависимости от индивидуальных характеристик тех людей, которые занимают эту социальную позицию.

Социологическая важность понятия роли состоит в том, что она демонстрирует, каким образом и с помощью каких механизмов индивидуальная деятельность испытывает на себе влияние общества и, благодаря этому, следует регулярным установленным образцам. Исполнение нами определенных ролей упорядочивает социальную жизнь, потому что делает поведение людей предсказуемым[2]. Далее мы рассмотрим, как социологи используют роли в качестве своего рода элементарных структурных единиц, из которых конструируются соци-

---

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 209.

[2] Сравните следующее развернутое определение американского социолога *Ральфа Тёрнера*: «В... большинстве... употреблений в определении роли появляются следующие элементы: она дает исчерпывающий *паттерн* поведения и аттитюдов; она конституирует *стратегию* для того, чтобы справиться с повторяющимся время от времени типом ситуации; она *социально идентифицирована*, более или менее ясна по своей сущности; она подлежит исполнению узнаваемым образом *различными индивидами*; и она обеспечивает главный базис для *идентификации* и *размещения* личностей в обществе» (Статья «Role: Sociological Aspects» // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 13. — New York: Macmillan, 1968. P. 552).

альные институты. Например, школа как социальный институт может быть рассмотрена как система взаимодействия ролей учителей и учеников, которые будут общими для всех школ.

В теории социальных ролей достаточно широко представлены два основных подхода.

Первый подход связан с именем Дж. Мида, который впервые систематическим образом использовал в начале 30-х годов понятие роли и которого считают предшественником теории символического интеракционизма. Он описывал роли как продукт взаимодействия между людьми, которое носит экспериментальный и одновременно созидательный характер. Мидовская социальная философия изначально проявляла интерес к тому, каким образом дети осваиваются в обществе и развивают свои социальные сущности («самости») путем принятия ролей, т. е. как бы примеряя на себя в своем воображении роли других — отцов, матерей, учителей, врачей. Взрослые в своем поведении, как предполагалось, тоже используют «примерку» на себя ролей других людей для разработки своих собственных ролей. В соответствии с теорией символического интеракционизма каждая роль включает в себя взаимодействие с другими ролями; например, роль «учителя» невозможно понять без роли «ученика», и она может быть определена только как ожидаемое поведение наставника в соответствии с ожидаемым поведением ученика. Процесс взаимодействия означает, что люди, исполняя свои роли, всегда проверяют сложившиеся у них представления относительно ролей других, и реальные реакции людей, действующих в ролях других, подкрепляют такие концепции или ставят их под сомнение. Это, в свою очередь, ведет людей к тому, чтобы поддерживать или изменять собственное ролевое поведение.

Второй подход был впервые описан Р. Линтоном [1]. Впоследствии этот подход стал составной частью функционализма — одной из наиболее влиятельных школ современной социологии. Функционализм рассматривает роли как сущностно *предписанные* и во многом статические (т. е. неизменяемые) ожидания. Эти предписания коренятся в культуре общества и находят свое выражение в *социальных нормах*, которые и вводят поведение в русло ролей. Подход культурных предписаний признает, что роли могут часто определяться в связи с другими ролями, однако не считает, что сам процесс взаимодействия может создавать новые роли или модифицировать уже существующие. Хотя, конечно, индивиды могут получать информацию о содержании своих

[1] См.: *Linton R.* The Study of Man. — New York: Appleton, 1936.

ролей и о том, насколько успешно их исполнение, в ходе взаимодействия с людьми, исполняющими другие роли.

Каким образом социальное окружение заставляет людей правильно выполнять свои роли? Этому служит механизм санкций. Когда кто-то, имеющий определенный статус, ведет себя таким образом, что это расходится с нашими ожиданиями, мы, разумеется, проявляем тем или иным образом свое неудовольствие, раздражение, гнев; и наоборот, если люди исполняют свои роли как должно, мы проявляем свое одобрение, поощрение. Тем самым ближний и дальний социум направляет людей в русло, желательное для общества в целом, по крайней мере — для ближайшего социального окружения.

Сколько-нибудь эффективное изучение социальных ролей при огромном их разнообразии в обществе требует хотя бы самой общей их классификации. Такого рода попытку предпринял в начале 50-х годов Т. Парсонс [1]. Он выделил пять основных параметров, с помощью которых может быть описана любая роль.

1. *Уровень эмоциональности.* Существуют роли, исполнение которых подразумевает максимально бесстрастное (и беспристрастное) поведение — работников правоохранительных органов, например. В то же время если столь же эмоционально сдержанно будет вести себя ваша жена (муж), то, вероятно, ваша реакция на это будет не самой положительной.
2. *Способ получения.* Учитывая, что роль есть поведение, ожидаемое от обладателя определенного статуса, мы вправе ожидать, что характер статуса окажет свое влияние и на характер роли. И в самом деле, рисунки некоторых ролей обусловливаются приписанным характером их статуса; другие же роли приобретаются вместе с приобретаемым статусом (конечно, и те и другие роли их обладателям приходится «разучивать», чтобы правильно исполнять).
3. *Масштаб.* Некоторые из ролей довольно жестко ограничены определенными аспектами взаимодействия. К примеру, если преподаватель вуза при оценке уровня знаний студента на экзамене будет проявлять интерес не только к тому, как студент усвоил пройденный материал, но и принимать во внимание степень его религиозности или политические убеждения, то это будет означать, что он выходит за рамки роли, а значит, исполняет ее неправильно. В то же время, например, рамки отношений между

[1] См.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 75.

ролью отца и ролью сына раздвинуты гораздо шире, поскольку родителей должны заботить самые разнообразные стороны жизни их детей.

4. *Степень формализации.* Исполнение многих ролей в значительной степени формализовано, т. е. носит заведомо безличностный характер. Таковы практически все роли в большинстве формальных организаций — особенно бюрократических, военных и полувоенных. Здесь правила поведения четко очерчены и предельно обезличены, а диапазоны импровизации невелики (хотя, как показывает теория организаций, и не исключены полностью). Другая крайность — это слабо очерченные роли, такие как отца или друга, где диапазон личностной импровизации гораздо шире. Вряд ли следует ожидать, что инспектор ГИБДД обязан вникать во все обстоятельства вашей личной жизни, которые привели вас к данному конкретному нарушению правил дорожного движения; если же он будет относиться к одним нарушителям с большей снисходительностью, чем к другим, мы оценим такое исполнение роли как некорректное. И наоборот, исполнение роли друга потребует от вас гораздо более внимательного отношения к слабым и сильным сторонам того, с кем вы взаимодействуете; здесь гораздо большее значение, чем в первом случае, имеет личный статус обоих партнеров.
5. *Мотивация.* Исполнение различных ролей обусловлено разными мотивами. Вряд ли мы будем ожидать, что бизнесмен затрачивает свои деньги, время и энергию, руководствуясь соображениями процветания своей общины или обогащения нанимаемых им работников; главная его цель — извлечение максимальной прибыли (прежде всего — с целью дальнейшего вложения средств в дело для извлечения еще большей прибыли и т. д.). Политик руководствуется в своих действиях расширением объема личной власти. Работники же органов социального обеспечения ставят целью достижение благополучия своих клиентов. Все эти мотивы, разумеется, причудливо переплетены в сложном социальном взаимодействии: где-то они отчасти совпадают по своей направленности, где-то противоречат друг другу. Вообще из всех критериев классификации ролей критерий мотивации наиболее трудно поддается учету и анализу.

Таким образом, любая социальная роль представляет собой сложное, комплексное сочетание конкретного выражения всех перечисленных характеристик. Дальнейшая разработка теории ролей в социологи-

ческой теории второй половины XX века привела к существенным добавлениям в нее новых характеристик. Например, Эрвин Гоффман ввел понятие *ролевой дистанции.* Он обозначил ситуацию субъективного отделения от роли ее исполнителя, когда тот не может «сжиться» с нею, не чувствует себя при исполнении данной роли достаточно комфортно. Так, в «Записных книжках» А. П. Чехова описан набросок сюжета, в котором действуют университетский профессор, с отвращением и скукой относящийся к преподаванию и по ночам с упоением занимающийся переплетанием книг, а также посещающий его переплетчик, большой любитель учености, который тайно по ночам занимается наукой.

В этот же период разрабатываются концепции *ролевого конфликта*, которые многозначно описывают целый ряд типичных ситуаций [1].

1. Ролевой конфликт может произойти в тех случаях, когда индивид обнаруживает, что он должен исполнять в одно и то же время две или более ролей, причем каждая из них выдвигает несовместимые с другими исполняемыми ролями требования. Такое нередко происходит, например, с работающими женщинами, которые должны удовлетворять одновременно ролевым ожиданиям служащей, жены и матери, роли которых могут вступать друг с другом в конфликт.
2. Бывают ситуации, когда индивид определяет рисунок своей роли иначе, нежели те, кто находятся в связанных с нею ролях. Это происходит, например, в тех случаях, когда у учителя складываются свои собственные представления о том, как должно выглядеть профессиональное поведение педагога, а эти представления оспариваются родителями или местными руководителями системы образования.
3. Может сложиться и так, что чья-то роль оказывается на пересечении внимания двух или более статусных групп, чьи ожидания относительно того, как именно должна исполняться эта роль, противоречат друг другу. В такой ситуации может оказаться, например, мастер, на которого направлены конфликтующие ожидания со стороны менеджеров и со стороны рабочих.

Люди с течением времени вырабатывают свои способы преодоления ролевого конфликта. Существует несколько довольно распространенных способов, которые обобщил Роберт Мертон [2]. Среди них, на-

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 211.

[2] См.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 78.

пример, установление для себя степени важности различных ролей — с тем, чтобы в ситуации конфликта отдать предпочтение тому, что представляется более важным; четкое разделение различных сфер жизнедеятельности, где исполняются роли, между которыми возможен конфликт; наконец, шутка.

Еще одной проблемой, которая интересовала социологов в последние годы, была свобода индивидов в ролевом творчестве — в возложении на себя ролей и их исполнении. По современным представлениям, эта свобода достаточно широко варьируется — прежде всего, в зависимости от того, какие возможности для импровизации допускает соответствующий ей тип статуса. Можно, к примеру, сравнить исполнение социальной роли с действием в античном театре масок. В представлении актеру нужно произнести определенный текст; на лицо его надета неподвижная маска, соответствующая характеру исполняемого персонажа. Сегодня роль этого персонажа исполняет один актер, в завтрашнем представлении — другой, который наденет ту же маску и будет произносить тот же текст. Однако голос актера отражает его индивидуальность, движения — манеру его игры, а кроме того, актер вполне может несколько отступать от дословного произнесения текста роли, хотя и не имеет права искажать его смысл. Словом, любая социальная роль допускает возможности импровизации. И, вероятно, определенный отпечаток на характер этой импровизации будет накладывать общая ролевая система, которой обладает данный индивид в соответствии со своим специфическим статусным набором.

Итак, для чего же нужны статусы и роли, какую социальную функцию они выполняют? Они упорядочивают отношения между людьми и делают их поведение предсказуемым. Не будь такой предсказуемости, жизнь превратилась бы в хаос.

§ 3. Социальный институт: общие представления

Термин *институт* имеет множество значений. В европейские языки он пришел из латинского: *institutum* — установление, устройство. Со временем он приобрел два значения: узкое техническое — название специализированных научных и учебных заведений и широкое социальное — совокупность норм права в определенном кругу общественных отношений, например, институт брака, институт наследования. В узкотехническом смысле мы используем слово «институт» в названии каких-либо учреждений. К примеру, Институт социологии РАН —

это конкретное научное учреждение; наука — это социальный институт, часть общества, совокупность всех конкретных учреждений.

Социологи, позаимствовавшие это понятие у правоведов, наделили его новым содержанием. Однако в научной литературе по поводу институтов, как и по другим фундаментальным вопросам социологии, пока не удается обнаружить единства взглядов. В социологии существует не одно, а множество определений социального института.

Одним из первых развернутое определение социального института дал известный американский социолог и экономист Т. Веблен. Хотя его книга «Теория праздного класса» появилась в 1899 году, многие ее положения не устарели до сих пор. Он рассматривал эволюцию общества как процесс естественного отбора социальных институтов. По своей природе они представляют привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются внешними изменениями [1].

Другой американский социолог, Ч. Миллс, под институтом понимал общественную форму некоторой совокупности социальных ролей. Институты он классифицировал по выполняемым задачам (религиозным, военным, образовательным и т. д.), которые образуют институциональный порядок.

П. Бергер институтом называет обособленный комплекс социальных действий, например, юридический закон, социальный класс, брак, организационно оформленную религию [2]. Современный немецкий социолог, один из основателей философской антропологии А. Гелен трактует институт как регулирующее учреждение, направляющее в определенное русло действия людей подобно тому, как инстинкты руководят поведением животных. Иными словами, институты обеспечивают процедуры упорядочения поведения людей и побуждают их идти проторенными путями, которые общество считает желательными [3].

По мнению Л. Бовье, социальный институт — это система культурных элементов, ориентированных на удовлетворение набора конкретных социальных потребностей или целей. Собственно институт образуют взаимодействующие индивиды. Социальный институт — это фактически культурно санкционированный способ выполнения определенного вида деятельности или совокупности определенного вида

---

[1] См.: *Веблен Т.* Теория праздного класса. — М., 1984. С. 200–201.

[2] См.: *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. — М., 1996. С. 84.

[3] См.: *Бергер П. Л.* Там же. С. 85.

деятельностей. Индивид участвует в институте через механизм социальных статусов [1].

Дж. Бернард и Л. Томпсон трактуют институт как совокупность норм и образцов поведения. Это сложная конфигурация обычаев, традиций, верований, установок, правил-регуляторов и законов, которые имеют определенную цель и выполняют определенные функции [2]. Институты — это совокупность норм или правил поведения, которые относятся только к людям.

В современной социологической отечественной литературе понятию социального института также отводится центральное место. Социальный институт определяется как основной компонент социальной структуры общества, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающий социальные отношения в отдельных сферах общественной жизни [3]. Согласно С. С. Фролову, «социальный институт — это организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» [4]. По мнению М. С. Комарова, социальные институты представляют собой «ценностно-нормативные комплексы, посредством которых направляются и контролируются действия людей в жизненно важных сферах — экономике, политике, культуре, семье и др.» [5].

Если суммировать все многообразие изложенных выше подходов, то социальный институт представляет собой:

- ролевую систему, в которую включаются также нормы и статусы;
- совокупность обычаев, традиций и правил поведения;
- формальную и неформальную организацию;
- совокупность норм и учреждений, регулирующих определенную сферу общественных отношений;
- обособленный комплекс социальных действий.

---

[1] См.: A Workbook and Reader in Sociology / Ed. by Leon F. Bouvier. Berkley, California, 1968. P. 30–31.

[2] См.: *Bernard J., Thompson L.F.* Sociology. Nurses and their Patients in a Modern Society. — Saint Louis: The C. V. Mosby Co., 1970. P. 125.

[3] См.: Энциклопедический социологический словарь / Под. общ. ред. Г. В. Осипова — М., 1995. С. 227.

[4] *Фролов С. С.* Социология. — М.: Наука, 1994. С. 122.

[5] *Комаров М. С.* Введение в социологию. — М., 1994. С. 194.

Попытаемся резюмировать данные общие черты, дав им такое рабочее определение: социальный институт — это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности и организующих их в систему ролей и статусов. Иными словами, социальные институты суть крупномасштабные объединения социальных статусов и ролей. Под институтом, кроме того, подразумевают относительно стабильную и интегрированную совокупность символов, верований, ценностей, норм, ролей и статусов, которая управляет конкретной сферой социальной жизни: это семья, религия, образование, экономика, управление.

Роль социальных институтов в обществе сродни функции биологических *инстинктов* в природе. Известно, что живое существо приспосабливается к среде с помощью инстинктов — мощных инструментов выживания, выкованных многомиллионолетней эволюцией. Они помогают ему бороться за существование и удовлетворять важнейшие жизненные потребности. Функцию инстинктов в человеческом обществе выполняют социальные институты — мощные инструменты, выкованные тысячелетней культурной эволюцией. Они также помогают человеку бороться за существование и успешно выживать. Но не отдельному индивиду, а целым сообществам. Неудивительно, что институты появились не ранее и не позднее, чем возникла культура. Оба эти устройства выполняют схожие функции — помогают человечеству приспосабливаться к окружающей социальной реальности.

Действительно, ученые часто определяют культуру именно как форму и результат приспособления к окружающей среде. Как утверждает Кеес Дж. Хамелинк, культура есть сумма всех человеческих усилий, направленных на освоение окружающей среды и создание необходимых для этого материальных и нематериальных средств. Социологи говорят, что типичные для данного общества институты отражают культурный облик этого общества. Институты так же непохожи друг на друга, как и культуры. Скажем, институт брака у разных народов разный. Он покоится на оригинальных обрядах и церемониях, нормах и правилах поведения.

Коммуникационные институты — часть культурных институтов. Они являются теми органами, через которые общество посредством социальных структур производит и распространяет информацию, выраженную в символах. Причем сами эти институты — результат усилий общества, направленных на приспособление к окружающей сре-

де. Коммуникационные институты являются главным источником знаний о накопленном опыте, выраженном в символах [1].

Социальные институты помогают решать жизненно важные проблемы большому количеству людей, обращающихся к ним. Например, миллионы людей, влюбившись, прибегают к помощи института брака и семьи, а заболев — к институтам здравоохранения и т. д. Беспокоясь об установлении законного порядка в обществе, они создают государство, правительство, суды, полицию, адвокатуру и т. д.

Институты в то же время выступают *инструментами социального контроля*, так как благодаря своему нормативному порядку стимулируют людей подчиняться и дисциплинироваться. Поэтому институт понимается как совокупность норм и образцов поведения.

На заре истории в человеческом стаде господствовал промискуитет — беспорядочные половые отношения. Он грозил человеческому роду генетическим вырождением. Постепенно такие отношения стали ограничивать запретами. Первый запрет — запрет кровосмешения. Он запрещал половые отношения между кровными родственниками, скажем, матерью и сыном, братом и сестрой. По существу — это первый и важнейший в истории вид социальных норм. Позже появились и другие нормы. Человечество училось выживать и приспосабливаться к жизни, организуя отношения при помощи норм. Так у людей зародился, может быть, самый ранний социальный институт — институт семьи и брака. Передаваясь из поколения в поколение, нормы семейного и брачного поведения, как и другие институциональные нормы, становились коллективной привычкой, обычаем, традицией. Они направляли образ жизни и образ мышления людей в определенное русло. Нарушителей этих обычаев и традиций (на языке социологии — девиантов) ожидало суровое наказание (санкции).

Процесс формирования и развития социальных институтов называют *институционализацией*. Институционализация представляет собой выработку, определение и закрепление социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна удовлетворять некоторой общественной потребности. Кроме того, институционализация включает в себя *интернализацию* членами общества этих норм и статусов, т. е. перевод внешних требований на уровень внутренней системы ценностей. Институционализация — это замена

[1] См.: *Хамелинк К. Дж.* Культура в век электронных средств // Культуры — диалог народов мира. — 1985. № 4. С. 25.

спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется, регулируется [1].

Так, институционализация какой-либо науки, скажем социологии, предполагает выработку определенных правил общения между учеными, создание общего для них терминологического словаря, без чего невозможна эффективная коммуникация. Кроме того, этот процесс предполагает издание государственных стандартов и постановлений, создание исследовательских институтов, бюро, служб и лабораторий (со своими уставами), открытие при университетах, колледжах и школах соответствующих факультетов, отделений, кафедр и курсов для подготовки профессиональных специалистов, издание журналов, монографий и учебников и т. д. Если кружок единомышленников, развернув широкую агитацию, привлек на свою сторону многих сторонников, добивающихся прогрессивных изменений в обществе, а затем установленным порядком легализовался, то говорят об институционализации конкретной политической партии. Таким образом, социальные институты появляются в обществе, когда крупные непланируемые ранее продукты социальной жизнедеятельности превращаются во вполне спланированные механизмы деятельности группы людей.

Без институционализации современное общество существовать не может. Благодаря ей беспорядочные ссоры и драки превращаются в высоко формализованные спортивные поединки, неупорядоченная половая жизнь — в институты семьи и брака, стихийные движения протеста — в массовые политические партии. Институты выступают опорными точками общественного порядка, теми китами, на которых держится социальный мир.

Институционализация — восхождение, укрепление социальной практики до уровня института, законодательное оформление статуса, его «обрастание» организационной инфраструктурой и материальными ресурсами (например кафедрами, кадрами, журналами и т. п.).

Институционализации противостоит *институциональный кризис* — обратный процесс, характеризующийся падением авторитета данного института, например семьи, снижением доверия к нему. Причиной кризиса служит неспособность данного института эффективно исполнять свои главные функции, например, института образования — передавать людям накопленные обществом знания, института здравоохранения — лечить людей, института семьи — укреплять узы брака. Институциональные нормы существуют, они провозглашены, но никем не соблюдаются. Следствие такого кризиса — перераспределение функ-

[1] См.: *Фролов С. С.* Социология. — М., 1994. С. 124.

ций институтов, т. е. переложение их «на плечи» других. Например, в середине 80-х годов в нашей стране наметился кризис средней школы, она стала плохо готовить выпускников к вузу; сразу же появились репетиторы — институт посредников между абитуриентами и вузом. Кризис политических институтов проявляется в снижении к ним доверия со стороны населения. Известно, что в трансформирующихся обществах растет массовое недоверие граждан к политическим партиям, гражданским институтам вообще. Более двух третей опрошенных в декабре 1998 года не доверяли практически ни одному институту [1]. Начали проявляться две существенные тенденции: общая политическая апатия и отход от политической жизни, с одной стороны, и повышение возможностей политических партий привлекать граждан на свою сторону недемократическими методами, с другой.

Институциональный кризис обнажает какие-то неполадки в механизме функционирования института и помогает избавиться от них, а в результате — лучше приспособиться к изменяющейся реальности. Без кризисов не бывает развития института, как без болезни нет человеческой жизни. Институт образования в США трижды испытывал серьезные кризисы — в 60-х, 70-х и 80-х годах, когда страна в погоне за ушедшими вперед странами (сначала СССР, а позже Японией) пыталась повысить уровень академических знаний школьников. США и сейчас не достигли поставленной цели, и, тем не менее, многого добились, поскольку из всех стран молодые люди едут получать американское образование, считающееся очень престижным.

В социологии различают два процесса — *институцию норм* (*instituting a set of norms*) и их *институционализацию* (*institutionalizing*). Институция норм понимается как формальное принятие парламентом или иным законодательным органом новых норм независимо от того, как к ним относится население [2]. Нормы нельзя считать институционализированными до тех пор, пока их не примет для себя большинство людей, и они, в свою очередь, не станут чем-то общепринятым, само собой разумеющимся. Данное принятие совершается, как мы упоминали, путем интернализации.

Поскольку зарубежные, а вслед за ними и отечественные социологи придерживаются различных определений социального института, то вполне естественно, что по-разному они понимают его внутреннее строение, т. е. функционально взаимосвязанную систему опорных эле-

[1] См.: Современное российское общество: переходный период. — М., 1998.

[2] См.: *Bernard J., Thompson L. F.* Sociology. Nurses and their Patients in a Modern Society. — Saint Louis: The C. V. Mosby Co., 1970. P. 130.

ментов. Кто-то считает, что главным в социальном институте выступают статусы и роли, другие уверены, что следует говорить в первую очередь о системе норм и предписаний, третьи выделяют значение моделей и образцов поведения, регулируемых механизмом социального контроля, и т. д. Несмотря на многообразие точек зрения, все они по существу верны, потому что представляют просто разное видение одного и того же. Еще В. И. Ленин писал, что в зависимости от того, как вы используете стакан, его можно считать сосудом для воды, орудием нападения, инструментом ловли мух и т. п.

Так и в социологии. К примеру, Дж. Бернард и Л. Томпсон [1] выделяют такие элементы социального института, как:

- цели и задачи, которые относятся к явным функциям института;
- образцы, или правила, поведения;
- символические черты;
- утилитарные черты;
- устные и письменные традиции.

Г. Ландберг, С. Шраг и О. Ларджен, раскрывая поэлементную структуру социального института, тесно связывают ее с выполняемыми институтом функциями (табл. 2).

По мнению С. С. Фролова, правильнее говорить не об элементах, входящих в структуру института, а о неких институциональных признаках, т. е. общих для самых разных институтов чертах и свойствах. Таковых существует пять:

- установки и образцы поведения (например привязанность, лояльность, ответственность и уважение в семье, послушание, лояльность и субординация в государстве);
- символические культурные признаки (обручальное кольцо, флаг, герб, крест, иконы и др.);
- утилитарные культурные черты (дом для семьи, общественные здания для государства, магазины и фабрики для производства, учебные классы и библиотеки для образования, храмы для религии);
- устный и письменный кодекс (запреты, правовые гарантии, законы, правила);
- идеология (романтическая любовь в семье, демократизм в государстве, свобода торговли в экономике, академические свободы в образовании, православие или католицизм в религии) [2].

---

[1] См.: *Bernard J., Thompson L. F.* Sociology. Nurses and their Patients in a Modern Society. — Saint Louis: The C. V. Mosby Co., 1970. P. 127.

[2] См.: *Фролов С. С.* Социология. — М., 1994. С. 127–130.

Таблица 2

Функции и структурные элементы основных институтов общества [1]

Функции	Институты	Основные роли	Физические черты	Символические черты
Забота, выхаживание и воспитание детей	Семейно-брачные	отец мать ребенок	дом обстановка	кольца обручение контракт
Добывание пищи, одежды, жилья	Экономические	работодатель наемный работник покупатель продавец	фабрика офис магазин	деньги торговля марка реклама
Поддержание законов, правил и стандартов	Политические	законодатель субъект права	общественые здания и места	флаг кодекс партия
Содействие соборным отношениям и установкам, углубление веры	Религиозные	пастор прихожанин	собор церковь	крест алтарь библия
Социализация людей, приобщение к базисным ценностям и практикам	Образование	учитель ученик	школа колледж	диплом степень учебник

К приведенному списку институциональных признаков необходимо добавить еще несколько, которые описывают не то, что скрыто внутри институтов, а то, что находится снаружи. Точнее сказать, то, какими их воспринимает человек. П. и Б. Бергеры, опираясь на теорию социальных фактов Э. Дюркгейма и исходя из того, что важнейшими социальными фактами следует считать социальные институты, выве-

[1] См.: *Lundberg G., Schrag C., Largen O.* Sociology. — New York, 1968. P. 709.

ли ряд базовых социальных характеристик, которыми они должны обладать [1]. Кратко рассмотрим эти характеристики.

1. *Институты воспринимаются индивидами как внешняя реальность.* Другими словами, институт для любого отдельно взятого человека представляет собой нечто внешнее, существующее отдельно от реальности мыслей, чувств или фантазий самого индивида. Согласно этой характеристике институт имеет сходство с другими сущностями внешней реальности — даже деревьями, столами и телефонами, — каждая из которых находится *вне* индивида. Он не может, например, пожелать, чтобы дерево исчезло. То же самое относится и к институту.

2. *Институты воспринимаются индивидом как объективная реальность.* Фактически это несколько в иной форме повторяет предыдущую характеристику, но не вполне совпадает с ней. Нечто является объективно реальным, когда любой человек согласится с тем, что оно действительно существует, причем вне и независимо от его сознания и того, что дано ему в его ощущениях.

3. *Институты обладают принудительной силой.* До некоторой степени эта характеристика подразумевается под двумя предыдущими: фундаментальная власть института над индивидом состоит именно в том, что институт существует объективно и индивид не может пожелать, чтобы он исчез по его желанию или прихоти. Нравится нам это или нет, добровольно или против наших желаний, осознанно или неосознанно, но мы все же вынуждены выполнять предписания и правила, составляющие содержание практически любого из социальных институтов, в рамках которых протекает наша жизнь. В противном случае могут наступить негативные санкции.

4. *Институты обладают моральным авторитетом.* Институты не просто поддерживают себя принудительной силой. Они провозглашают свое право на легитимацию — т. е. оставляют за собой право не только каким-либо образом наказать нарушителя, но и вынести ему моральное порицание. Разумеется, институты различаются по степени своей моральной силы. Эти вариации выражаются обычно в степени наказания, налагаемого на нарушителя. Государство в экстремальном случае может лишить его жизни; соседи или сослуживцы могут

[1] См.: *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. P. 84–88. Бергеры рассматривают эти характеристики на примере такого важнейшего, по их мнению, социального института, каким является язык.

объявить ему бойкот. В обоих случаях наказание сопровождается чувством негодующей справедливости у тех членов общества, которые причастны к этому.

5. *Институты обладают качеством историчности.* Почти во всех случаях, переживаемых индивидом, институт уже существовал до того, как он родился, и будет после того, как он умрет. Значения, воплощенные в институте, аккумулировались в течение долгого времени несметным числом индивидов, чьи имена и лица никогда уже не будут извлечены из прошлого.

§ 4. Типология институтов

В аналитических целях все социальные институты, образующие своеобразный «скелет» общества, разделяют на *главные* (их именуют также основными, фундаментальными) и *неглавные* (неосновные, частные). Вторые скрываются внутри первых, являясь частью их как более мелкие образования. Помимо деления институтов на главные и неглавные, их можно классифицировать и по иным критериям. К примеру, институты могут различаться по времени своего возникновения и продолжительности существования (постоянно действующие и кратковременные институты), жесткости применяемых санкций за нарушение правил, по условиям существования, наличию или отсутствию бюрократической системы управления, наличию или отсутствию формальных правил и процедур.

Ч. Миллс насчитывал в современном обществе пять *институциональных порядков*, фактически подразумевая под этим главные институты:

- экономический — институты, организующие хозяйственную деятельность;
- политический — институты власти;
- семейный — институты, регулирующие половые отношения, рождение и социализацию детей;
- военный — институты, осуществляющие защиту членов общества от физической опасности;
- религиозный — институты, организующие коллективное почитание богов.

Предназначение социальных институтов состоит в том, чтобы удовлетворять важнейшие жизненные потребности общества как единого целого. Известно пять таких основных потребностей, им соответствуют пять основных социальных институтов:

- потребности в воспроизводстве рода *(институт семьи и брака)*;
- потребности в безопасности и социальном порядке *(институт государства* и другие *политические институты)*;
- потребности в добывании и производстве средств существования *(экономические институты)*;
- потребности в передаче знаний, социализации подрастающего поколения, подготовке кадров *(институты образования* — в широком смысле, включая науку и культуру);
- потребности в решении духовных проблем, смысла жизни *(институт религии)*.

Институты возникли в глубокой древности. Производство, если за отправную точку брать первое орудие труда, созданное человеком, насчитывает 2 млн лет. Семье антропологи отводят второе место и полагают, что нижняя граница проходит по отметке 500 тыс. лет. С тех пор семья постоянно эволюционировала, принимая множество форм и разновидностей: полигамия (включая полигинию и полиандрию), моногамия, парное сожительство, нуклеарная, расширенная, неполная и т. д. Государству примерно столько же, сколько и образованию, а именно 5–6 тыс. лет. Религия в своих первобытных формах (фетишизм, тотемизм и анимизм) появляется приблизительно 30–40 тыс. лет назад, хотя некоторые археологи, учитывая возраст древнейших наскальных рисунков (15 тыс. лет) и миниатюрных скульптур, отображающих зарождение культа матери-земли (25 тыс. лет), считают ее возраст несколько меньшим.

Как уже говорилось выше, главные институты включают в себя частные, или неосновные, институты. Неосновные институты называют еще *общественными практиками*. Что они собой представляют? У каждого главного института есть свои системы наработанных практик, методов, приемов, процедур. Так, экономические институты не могут обойтись без таких механизмов и практик, как конвертация валюты, защита частной собственности, профессиональный подбор, расстановка и оценка труда работников, маркетинг, рынок и т. д.

Общественные практики называют также *обычаями*. Например, у определенных народов целибат (безбрачие) и кровную месть с равным правом можно называть либо традицией, либо устоявшейся практикой. То и другое верно. Ведь основной институт включает в себя и социальные практики, и обычаи. Внутри института семьи и брака находятся институты отцовства и материнства, наследования социального статуса родителей, имянаречения, родовой мести, побратимства

и т. д. Обычай назначать свидание является элементом общественной практики ухаживания. Бывает, что культуры различаются существующим в них набором социальных практик. Так, в некоторых регионах Азии невест выкупают либо похищают, поэтому родился институт выкупа. Калымный брак — его разновидность. А в Европе за невесту необходимо давать приданое, отсюда берет начало институт приданого, имеющий достаточно длительную историю и множество региональных особенностей.

Однако не будем спешить и полностью отождествлять общественную практику и частный (неосновной) институт. К примеру, институт представителей президента России, а также институт наставничества в бывшем СССР — отчетливо выраженные образцы частных институтов. Они были учреждены сверху государством, а не возникли из общественных потребностей как естественное продолжение народных традиций и обычаев. А вот ритуал знакомства, который у разных народов принимает подчас невероятно экзотические формы, относится к общественным практикам. В большинстве обществ для знакомства не нужны посредники, но во многих странах, прежде всего в высшем свете, мужчина не может подойти к даме или к другому мужчине и представиться ему. Необходимо, чтобы их представил друг другу кто-то третий.

Частный институт можно представить как учреждение или организацию. Институт представителей президента России и институт наставничества учреждались специальными постановлениями президента и соответствующих министерств, для их реализации выделялись бюджетные деньги, готовились штаты специалистов и т. д.

Напротив, исповедь, к примеру, всегда была социальной практикой, а не учреждением или организацией. Это многовековая практика, имеющая свои технологию исполнения, правила и нормы поведения, круг исполнителей практики (исповедники и исповедуемые), систему предписанных статусов и ролей.

К *неглавным политическим институтам* относятся, например, институты судебной экспертизы, паспортной прописки, судопроизводства, адвокатуры, присяжных, судебного контроля за арестами, судебной власти, президентства, королевской власти и т. д. К ним можно отнести также институт отстранения от власти (должности), исторические формы которого претерпели длительную эволюцию. Достаточно сказать, что одной из древнейших разновидностей отстранения от власти являлось поедание вождя. Современная же его форма — импичмент президента. Сравнивая начальный и современный этапы развития исторической эволюции этого института, установим различие:

поедание вождя — социальная практика, а импичмент — частный институт в ранге учреждения. Отсюда вывод: некоторые неглавные институты претерпевают эволюцию от социальной практики к социальному учреждению.

Повседневные практики, помогающие организовать согласованные действия больших групп людей, вносят в социальную реальность определенность и предсказуемость, благодаря чему поддерживают существование социальных институтов. Вместе с тем социальные практики не только поддерживают, но еще и укореняют социальные институты в культурной почве данной страны, делают их специфичными только для данного народа. Институты демократии в каждом западном обществе свои, они давно интегрированы в традиции и обычаи своего народа, возможно, существуют только в неразрывном единстве с ними. В таком случае, как можно заимствовать их и переносить на другую почву, допустим из Европы в Россию?

Удачное исследование местных практик провел Р. Патнэм. Он сравнил по одинаковой схеме особенности действия институтов местного самоуправления, созданных в 70-х годах в различных регионах Италии. Оказалось, что модель, созданная «на бумаге», существенно отличается от той, что была воплощена на практике. Исходный образец приспосабливался, переосмыслялся, переделывался и, в конечном счете, деформировался под воздействием местных традиций и обычаев, т. е. тех социальных практик, которые веками организовывали коллективную жизнь в том или ином районе Италии[1].

§ 5. Функции и дисфункции институтов

Функция (от лат. *functio* — исполнение, осуществление) — назначение или роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д. в обществе). Функцией социального института будем называть ту пользу, которую он приносит обществу. Иначе говоря, это совокупность решаемых задач, достигаемых целей, оказываемых услуг.

Первой и важнейшей миссией социальных институтов является удовлетворение важнейших жизненных потребностей общества, т. е. того, без чего общество не может существовать как таковое. Действи-

[1] См.: *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. — Princeton: Princeton University Press, 1993.

тельно, если мы хотим понять, в чем суть функций того или иного института, мы должны прямо связать ее с удовлетворением потребностей. Одним из первых указал на эту связь Э. Дюркгейм: «Спрашивать, какова функция разделения труда, это значит исследовать, какой потребности она соответствует» [1]. Ни одно общество не сможет существовать, если не будет постоянно пополняться новыми поколениями людей, добывать средства пропитания, жить в мире и порядке, добывать новые знания и передавать их следующим поколениям, заниматься решением духовных вопросов. Список универсальных, т. е. присущих всем институтам функций можно продолжить, включив в него функцию закрепления и воспроизводства общественных отношений, регулятивную, интегративную, транслирующую и коммуникативную функции [2].

Наряду с универсальными существуют *специфические* функции. Это такие функции, которые присущи одним институтам и не свойственны другим, например, установление порядка в обществе (государство), открытие и передача новых знаний (наука и образование), отправление духовных ритуалов (религия). Некоторые институты выполняют функцию стабилизаторов общественного порядка. К ним относятся политико-правовые институты — институты государства, правительства, парламента, полиции, судов, армии. Другие поддерживают и развивают культуру. К ним относятся институты церкви и религии. Можно составить комбинацию универсальных и специфических функций, выполняемых различными социальными институтами (табл. 3).

Общество устроено так, что ряд институтов выполняет несколько функций одновременно и в то же время на выполнении одной функции могут специализироваться сразу несколько институтов. К примеру, функцию воспитания или социализации детей выполняют такие институты, как семья, церковь, школа, государство. В то же время институт семьи выполняет не только функцию воспитания и социализации, но и такие функции, как воспроизводство людей, удовлетворение в интимной близости и т. д. Функции, выполнявшиеся некогда одним институтом, со временем могут передаваться другим или распределяться, частично или полностью, среди других. Скажем, в далеком прошлом институт семьи выполнял пять-семь функций и более, однако сегодня некоторые из них переданы другим институтам. Воспитанием наряду с семьей занимается школа, организацией отдыха — специальные ин-

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. — Одесса, 1900. С. 37.

[2] См.: *Фролов С. С.* Социология. — М., 1994. С. 130–132.

ституты рекреации. Функцию удовлетворения сексуальных потребностей разделяет с семьей институт проституции. А функцию добывания средств к существованию, чем во времена охотников и собирателей занималась исключительно семья, сегодня отчасти взяла на себя индустрия.

Таблица 3

Типы социальных институтов и их функции [1]

Функции	Типы институтов
Репродукция (воспроизводство общества в целом и отдельных его членов, а также их рабочей силы)	Брачно-семейные Культурные Образовательные
Производство и распределение материальных благ (товаров и услуг) и ресурсов	Экономические
Контроль за поведением членов общества (в целях создания условий для конструктивной деятельности и урегулирования возникающих конфликтов)	Государство Культурные Коерсивные[2] Политические Правовые
Регулирование использования власти и доступа к ней	Государство Политические
Коммуникация между членами общества	Культурные Образовательные
Защита членов общества от физической опасности	Военные Коерсивные Медицинские Правовые

На заре своего возникновения государство выполняло узкий круг задач, прежде всего связанных с налаживанием и поддержанием внутренней и внешней безопасности. Однако по мере усложнения общества усложнялось и государство. Сегодня оно не только защищает границы, борется с преступностью, но также регулирует экономику,

[1] Составлена на основе перечня основных функций социальных институтов, разработанного Г. и Дж. Ленски (см.: *Lenski G., Lenski J.* Human Societies . Third edition. — New York, 1970).

[2] Этим термином обозначается обобщенное название полицейских сил, судебной и пенитенциарной системы (от англ. *coercion* — принуждение, подавление).

занимается социальным обеспечением и помощью малоимущим, собирает налоги и поддерживает здравоохранение, науку, школу и т. д. Церковь создавалась ради решения важных мировоззренческих вопросов и установления высших нравственных нормативов. Но со временем она стала заниматься также образованием, экономической деятельностью (монастырское хозяйство), сохранением и передачей знаний, исследовательской работой (монастырские библиотеки, религиозные школы, гимназии, колледжи, университеты, академии), попечительством и филантропией (помощь нуждающимся).

Функции, выполняемые институтами, изменяются со временем. Одни из них исчезают, иные перемещаются к другим институтам, третьи уменьшаются или увеличиваются в объеме. Раньше среди основных задач церкви были образование и социальная помощь нуждающимся. Однако современное государство создало разветвленную сеть учреждений, выполняющих ту и другую работу. Хотя в какой-то мере церковь продолжает заниматься образованием и социальной работой [1].

Если институт помимо пользы приносит обществу вред, то такое действие называют *дисфункцией*. Об институте (или о любом виде социальной деятельности) говорят, что он обладает дисфункцией, когда некоторые из последствий его деятельности препятствуют осуществлению другой социальной деятельности или другого института. Или, как определяет дисфункцию *(dysfunction* или *disfunction)* один из авторитетных социологических словарей, это «любая социальная деятельность, вносящая негативный вклад в поддержание эффективной деятельности социальной системы» [2]. К примеру, экономические институты по мере своего развития предъявляют более повышенные требования к тем социальным функциям, которые должен выполнять институт образования. Именно потребности экономики приводят в индустриальных обществах к развитию массовой грамотности, а затем — к необходимости подготовки все большего количества квалифицированных специалистов. Но если институт образования не справляется со своей задачей, если образование поставлено из рук вон плохо, или готовит не тех специалистов, которых требует экономика, то ни развитых индивидов, ни первоклассных профессионалов общество не получит. Школы и вузы выпустят в жизнь рутинеров, дилетантов,

---

[1] См.: *Bernard J., Thompson L.F.* Sociology. Nurses and their Patients in a Modern Society. — Saint Louis: The C. V. Mosby Co., 1970. P. 126.

[2] По книге *Collins Dictionary of Sociology*. — Glasgow, 1995. Здесь и далее перевод автора — Анурина В. Ф. *(Примеч. ред.)* P. 183.

полузнаек, а значит, институты экономики окажутся не в состоянии удовлетворить потребности общества. Так функция превращается в дисфункцию, плюс — в минус. Поэтому деятельность социального института рассматривается как функциональная [1], если она способствует сохранению стабильности и интеграции общества. И она расценивается как *дисфункциональная*, если работает не на его сохранение, а на разрушение. Нарастание дисфункций в деятельности социальных институтов может вести к социальной *дезорганизации* общества.

К примеру, к концу 60-х годов СССР готовил специалистов с высшим образованием на душу населения больше, чем любая страна в мире. Уровень подготовки и система образования были, возможно, самыми высокими на планете, поскольку они были адекватными одной из важнейших на тот момент функций советской социальной системы — сохранению приоритетов в сфере обороноспособности государства. В сенате США дискутировался вопрос о вызове, брошенном миру советской системой образования. Американцы срочно разработали систему практических мероприятий для того, чтобы догнать и перегнать нас. Шли годы. Можно утверждать, что сегодня российские специалисты — одни из самых образованных, но именно применительно к задачам функционирования советской социальной системы. Однако в целом система образования в период с 70-х по 90-е годы изменялась слишком медленно. Возник серьезный разрыв между теоретической подготовкой и практическими навыками студентов. Производство явно недоиспользовало выпускников; на предприятиях с передовой технологией специалистов с вузовскими знаниями не хватало, а там, где трудились на устаревшем оборудовании, таких специалистов оказывалось излишне много.

В конце 80-х годов началась перестройка, общество повернуло к рыночным отношениям. Открылся новый недостаток: марксистское обществоведение оказалось не в состоянии вооружить молодежь знаниями в области рыночной экономики, менеджмента, современной социологии, психологии и философии. Пришлось срочно перестраивать учебные планы, перенимать западные технологии обучения. Народное хозяйство недополучило сотни тысяч грамотных специалистов, знающих современную науку. Экономический ущерб оказался колоссальным. К нему надо добавить ущерб социальный и нравственный. Ведь поко-

[1] В функционализме в качестве противоположного дисфункции понятия употребляют также термин *евфункциональное (eufunctional)* — «вносящее положительный вклад в функционирование социальной системы» (Collins Dictionary of Sociology. P. 210).

ление людей, воспитанных на старых традициях, занимает ключевые позиции в обществе, следовательно, управляет страной не всегда так, как требуют обстоятельства. Урон же от неправильной внешней и внутренней политики, непродуманных государственных решений вообще не поддается исчислению.

Функции и дисфункции социальных институтов бывают *явными*, если они отчетливо выражены (иногда даже официально заявлены), всеми осознаются и вполне очевидны, либо *латентными*, если они скрыты и остаются неосознанными для участников социальной системы.

Явные функции институтов являются ожидаемыми и необходимыми. Они формируются и декларируются в кодексах и закреплены в системе статусов и ролей.

Латентные функции выступают непреднамеренным результатом деятельности институтов или лиц, представляющих их. Демократическое государство, установившееся в России в начале 90-х годов при помощи новых институтов власти — парламента, правительства и президента, казалось бы, стремилось улучшить жизнь народа, создать в обществе цивилизованные отношения и внушить гражданам уважение к закону. Таковы были явные (эксплицитные), заявленные во всеуслышание цели и задачи. Реально же в стране выросла преступность, а уровень жизни упал. Такими оказались побочные результаты усилий институтов власти. Явные функции свидетельствуют о том, чего хотели добиться люди в рамках того или иного института, а латентные — о том, что из этого получилось.

Концепцию явных и латентных функций разрабатывал в середине XX века выдающийся американский социолог Роберт Мертон [1]. Первые — осознаваемые и произвольные функции социальных процессов, вторые — неосознаваемые и непреднамеренные. Так, явной функцией запрещающего азартные игры закона может быть их прекращение, а латентной — создание подпольной империи игорного бизнеса. Христианские миссионеры, представители института религии, в Латинской Америке и Африке явно стремились обратить жителей в новую систему верований, а латентно способствовали разрушению местных племенных культур и, таким образом, дали мощный толчок процессам социальной трансформации. Сам Мертон приводит такой пример. Индейцы племени Хопи участвуют в церемониальных танцах, предназначенных для того, чтобы вызвать дождь, — это явная функция ритуала.

[1] См.: *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. — М., 1994. С. 379–447.

Современному здравомыслящему человеку покажется сомнительным, чтобы этот ритуал возымел желательные последствия. Однако каким бы ни оказалось воздействие танцев на погоду, они имеют своим непреднамеренным последствием латентную функцию объединения всех танцоров со своим племенем [1].

Тотальный контроль КПСС над всеми без исключения сферами жизни советского общества явно был призван поддерживать господство революционного духа, латентно же породил новый класс партийных бюрократов, несомненно буржуазных по своим взглядам и устремлениям и все менее склонных к самоотверженности и преданности коммунистическим идеалам, что было свойственно первым большевикам. Явная функция многих добровольных организаций в Америке заключается в объединении людей и служении на благо общества, латентная — в присвоении статусных признаков тем, кому разрешается принадлежать к подобным организациям [2].

К явным функциям школы как института образования относятся приобретение грамотности и аттестата зрелости, подготовка к вузу, обучение профессиональным ролям, усвоение базисных ценностей общества. Но у института школы есть также и скрытые функции: приобретение определенного социального статуса, который позволит взобраться выпускнику на ступеньку выше неграмотного сверстника, завязывание прочных дружеских школьных связей, поддержка выпускников в момент их вступления на рынок труда. Не говоря уже о целом ряде таких латентных функций, как формирование взаимодействия классной комнаты, скрытого учебного плана и ученических субкультур [3]. Явными, т. е. достаточно очевидными, функциями института высшего образования можно считать подготовку молодежи к освоению различных специальных ролей и усвоение господствующих в обществе ценностных стандартов, морали и идеологии, а неявными — закрепление социального неравенства между имеющими высшее образование и не имеющими такового.

Латентные функции, таким образом, являются побочным эффектом деятельности социального института. Они могут быть как позитивными, так и негативными. В качестве примера положительного

---

[1] См.: *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. — New York: Free Press, 1957.

[2] См.: *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию. С. 44.

[3] См. напр.: *Анурин В. Ф.* Основы социологических знаний. — Н. Новгород, 1998. С. 228.

влияния латентных функций часто упоминают деятельность Генри Форда — крупного бизнесмена и основателя знаменитой автомобильной компании. Он искренне ненавидел профсоюзы, большие города, крупные кредиты и покупки в рассрочку, однако по мере своего продвижения в обществе он более, чем кто-либо другой, стимулировал их развитие, понимая (возможно, интуитивно), что латентные, скрытые, побочные функции этих институтов работают на него и на его бизнес.

Резюме

1. В соответствии с подходами ценностно-нормативной модели структуры социальных общностей образуют совокупность *социальных позиций*, характеризующих участие различных индивидов в общей системе. Занятие той или иной позиции означает для участвующих в этой системе индивидов приобретение определенного *социального статуса*.

2. *Статусом* называется позиция индивида в большой или малой социальной группе, определяемая его правами и обязанностями по отношению к другим, сопряженным социальным позициям. Права и обязанности — это две стороны одной и той же социальной связи.

3. Совокупность всех статусов в любом обществе организована в *иерархические ряды*, т. е. статусы находятся в соподчиненности друг другу, а значит, соотношение их, как правило, выражается в понятиях «выше – ниже». Понятие статуса всегда относительно, оно неприменимо к человеку, пока он находится один, сам по себе, вне связи с другими людьми.

4. Совокупность всех статусов, характеризующих на данный момент личностные и социальные позиции одного и того же человека, называются *статусным набором*. Каждый человек — поскольку он включен в сложный комплекс различных видов социальной жизнедеятельности — обладает определенным статусным набором.

5. Среди множества разнообразных статусов, которыми обладает один и тот же человек, можно выделить: *главные* (или ключевые) — те, что решающим образом определяют его социальные позиции в обществе в целом; *аскриптивные* (приписанные) — те, для обладания которыми не нужно прилагать никаких усилий; *достигаемые* — те, что для своего получения требуют определенных энергетических затрат.

6. Признание со стороны окружающих обладания человеком тем или иным статусом называют *идентичностью*. При этом независимо от того, получена ли идентичность от рождения или же достигнута в результате затраченных усилий, она в любом случае усваивается ин-

дивидом через процесс взаимодействия с другими людьми, окружающими его. Именно другие идентифицируют его особым образом. Только если идентичность подтверждена другими, она становится реальной для самого индивида, считающего, что он обладает ею.

7. Характер поведения, ожидаемый от обладателя того или иного социального статуса, называется *социальной ролью*. Исполнение людьми определенных ролей упорядочивает социальную жизнь, потому что делает поведение их предсказуемым. Все, кто окружает исполнителя данной социальной роли, оказывают на него определенное влияние, заставляя его тем или иным способом вести себя так, как от него ожидают.

8. Совокупность принципов, норм, правил, регулирующих поведение людей в той или иной конкретной сфере общественной жизнедеятельности и организующих ее в систему статусов и ролей, именуется *социальным институтом*. Поэтому институты являются крупномасштабными объединениями социальных статусов и ролей. Под институтом, кроме того, подразумевают относительно стабильную и интегрированную совокупность символов, верований, ценностей, норм, ролей и статусов, которая управляет конкретной сферой социальной жизни. Предназначение социальных институтов — удовлетворение важнейших жизненных потребностей общества как единого целого.

9. Процесс формирования и развития социальных институтов называют *институционализацией*. Институционализация представляет собой выработку, определение и закрепление социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна удовлетворять некоторую общественную потребность. Кроме того, институционализация включает в себя *интернализацию* членами общества этих норм и статусов — т. е. перевод внешних требований на уровень внутренней системы ценностей. Институционализация — это замена спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется и регулируется обществом.

10. Помимо *явных*, отчетливо выраженных (эксплицитных) функций, социальные институты обладают также *латентными* (скрытыми) функциями, которые являются побочным эффектом деятельности этих социальных институтов. При этом латентные функции могут быть как позитивными, так и негативными.

Контрольные вопросы

1. Что лежит в основе любой модели социальной структуры?
2. Приведите определение социального статуса.

3. Чем различаются аскриптивный и достигаемый статусы?
4. Дайте определение социальной роли.
5. С помощью какого механизма социальное окружение заставляет людей правильно выполнять свои роли?
6. Перечислите пять основных параметров, с помощью которых может быть описана любая роль (по Т. Парсонсу).
7. Какова главная социальная функция статусов и ролей?
8. Некоторые социологи говорят об институтах целибата (безбрачия) в католичестве, крещения и исповеди в православии, инквизиции, монашества, епископата и т. д. Как вы думаете, к чему их следует относить — к частным институтам как учреждениям или к социальным практикам?
9. Чем отличается институция от институционализации?
10. Каким образом социальные функции институтов задают их типологию?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань, 1997.
2. *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. — М., 1996. С. 84.
3. *Блау П.* Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
4. *Гидденс Э.* Введение в социологию // Современная зарубежная социология (70–80-е годы). — М., 1993.
5. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
6. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и взаимоотношения/ THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. — 1993, т. I, вып. 2.
7. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
8. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994.
9. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
10. *Хамелинк К. Дж.* Культура в век электронных средств // Культуры — диалог народов мира. — 1985. № 4.

Глава 4
Категориальные модели социальной структуры

Как мы говорили выше, основными компонентами социальной структуры категориальных моделей являются большие группы людей, объединенные схожими социальными признаками — классы, социальные страты, демографические, профессиональные, этнические и т. п. группы. В рамках категориального подхода можно выделить два основных направления, несколько по-разному описывающих и трактующих социальную структуру. Так, сторонники марксизма и неомарксизма подчеркивают обусловленность социальной структуры и ее особенностей характером господствующего *способа производства* и стремятся, прежде всего, выявить характер противоречий между очень крупными составляющими ее частями — *классами*. Современная же социология использует категориальный подход, прибегая не столько к *классификации*, сколько к *стратификации*. Мы считаем, что между этими двумя методами нет непроходимой пропасти, что мы и попытаемся показать ниже.

Вообще говоря, понятие *класс* используется в разных научных дисциплинах для обозначения любого множества, состоящего из элементов, каждый из которых обладает, как минимум, одним общим для всех свойством. Именно наличие этого общего свойства способствует объединению изучаемых элементов в единый класс. Каждый из этих элементов, в свою очередь, может выступать в качестве выразителя и представителя того или иного класса.

Термин же *социальная классификация* (от лат. *classis* — разряд, класс и *facio* — делаю) означает единую систему больших групп людей, расположенных в иерархическом (т. е. соподчиненном) ряду, образующих в своей совокупности общество в целом.

Понятие «социальный класс» ввели в научную лексику в начале XIX века французские историки Тьери и Гизо, вкладывая в него при этом главным образом политический смысл, показывая противополож-

ность интересов различных общественных групп и неизбежность их столкновения. Несколько позже ряд английских экономистов, в числе которых Риккардо и Смит, предприняли первые попытки раскрыть «анатомию» классов, т. е. их внутреннее строение.

§ 1. Марксистская традиция в классовом анализе

Активное использование термина «класс» в социологии и других социальных и политических науках связано с именем Карла Маркса. И, хотя сам Маркс не дает четкого и однозначного определения понятия «класс», принимая его как нечто само собой разумеющееся и хорошо всем известное (как мы увидим ниже, первую четкую марксистскую дефиницию понятия «класс» дал В. И. Ленин), анализ классовой структуры индустриального капитализма XIX века занимает в марксистской социологии огромное место. В своих работах понятие класса Маркс использует, прежде всего, в экономическом смысле, хотя имеются различия во взглядах на то, что же считать решающими экономическими детерминантами.

Маркс проанализировал классы, прежде всего, в аспекте экономической жизнедеятельности общества, а именно — *отношений собственности на капитал* и *средства производства*. Он разделил членов любого из обществ на тех, кто (а) обладает собственностью на средства производства, и на тех, кто (б) лишен такой собственности. То есть — для современного ему капиталистического общества — на капиталистов и пролетариат. Правда, при этом отчасти признавалось существование и других очень больших групп, которые не находили места в этой структуре — таких, например, как крестьяне и мелкая буржуазия. Однако Маркс был твердо убежден, что они представляют собой пережитки докапиталистической экономики, которые будут стремительно исчезать, «размываться» по мере созревания капиталистической системы. Однако, в марксистской теории понятие «класс» использовалось не только для описания экономического положения различных социальных групп: Маркс рассматривал классы не только как удобную аналитическую модель, но и как вполне реальные социальные силы, способные изменять общество.

В то же время необходимо отметить следующий момент. Хотя экономический подход Маркса основывается, прежде всего, на объективных факторах, имеет место и субъективное измерение, которое сам он называл классовым сознанием. Нередко, утверждал Маркс, существует расхождение между объективными обстоятельствами и субъектив-

ным осознанием, которое имеют люди о своем положении в классовой системе. Достаточно часто люди могут заблуждаться относительно своей реальной позиции в обществе — о таком случае Маркс говорит как о ложном классовом сознании. Одной из важнейших предпосылок успешной революции, совершаемой эксплуатируемым классом, как раз и является возрастание классового сознания, то есть осведомленности людей о том, что они действительно являются угнетаемой группой, и это их общая судьба. Непрерывное стремление капиталистов к извлечению прибыли ведет ко все большей эксплуатации пролетариата, и потому, как был убежден Маркс, — к его непрерывной пауперизации (от лат. *pauper* — нищий). В таких условиях рабочие должны развивать в себе классовое сознание, и пролетариат должен расти от бытия в качестве класса «в себе» (т. е. просто экономически определенной категории, не обладающей особым самосознанием) до становления в класс «для себя», состоящий из рабочих с классово осознанным взглядом на мир и готовый преднамеренно вступить в классовый конфликт с капиталистами.

Макс Вебер, общий подход которого к социологии был во многих смыслах долгосрочной конфронтацией с Марксом, в принципе признавал правильность разделения населения на классы по признаку наличия или отсутствия собственности на капитал и на средства производства. Однако он считал такое разделение слишком грубым, одномерным, упрощенным и предлагал дополнить его градацией в соответствии с экономическими различиями в емкости рынка труда. Класс трактуется Вебером как группа людей, обладающих одинаковыми *жизненными возможностями*. Любая классовая позиция, согласно Веберу, детерминирует возможность того, что жизнь индивида будет следовать определенным паттернам. Это означает, что, вследствие определенной общности доступа людей к ограниченным ресурсам, существует сильная вероятность того, что индивиды внутри одного и того же класса могут и должны иметь схожие биографии, поведение, намерения, желания и реальные достижения в конкретном обществе.

Одним из источников емкости рынка товаров и услуг выступает капитал, в то время как квалификация и образование наемных работников формируют другой рынок — труда, который тоже должен приниматься во внимание при классовом анализе. Другими словами, Вебер предлагал рассматривать в качестве критерия классификации не только собственность на средства производства, но и собственность на рабочую силу. Поскольку владельцы собственности на средства производства образуют класс, те собственники рабочей силы, чья квали-

фикация оказывается редкой на рынке и которые, благодаря этому, будучи наемными работниками, получают высокое жалование, также конституируются в класс. Таким образом, Вебер выделял в капиталистическом обществе уже не два, как Маркс, а четыре основных класса в соответствии с теми позициями, которые они занимают на товарном рынке (что определяется размерами собственности на средства производства) и на рынке труда (что определяется уровнем квалификации) — (Табл.4) Позиции же, занимаемые классом на том или ином рынке, детерминируют жизненные шансы, получаемые его представителями, т.е. возможности, которыми обладает индивид для того, чтобы претендовать на получение определенной доли производимых в обществе товаров экономического и культурного характера.

Таблица 4

Система классов в капиталистическом обществе по М. Веберу

ласс	**Позиции на рынке товаров**	**Позиции на рынке труда**
Буржуазия (класс собственников капитала)	высокие	–
Профессионалы (класс интеллектуалов, администраторов и менеджеров)	–	высокие
Мелкая буржуазия (класс мелких предпринимателей и торговцев)	низкие	–
Рабочий класс	–	низкие

Классовый конфликт, по Веберу, — это действительно общераспространенное явление, но он с наибольшей вероятностью возникает, прежде всего, между группами с непосредственно противостоящими интересами — например, скорее, между рабочими и менеджерами (профессионалами), нежели напрямую между рабочими и капиталистами. Вебер отмечал также немаловажное значение и других принципов стратификации, которые отличаются от классовых, а именно — социальной репутации или статуса, а также власти [1].

Современные подходы к анализу классовой структуры часто отвергают марксистское определение. В продвинутых, т. е. развитых обще-

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 35.

ствах диверсификация собственности и преобладание ее акционерной формы, а также отделение владения капиталом от менеджмента и контроля над индустрией делают отсутствие концентрированной в одних руках собственности на капитал столь широко распространенным явлением, что это не дает возможности провести четкого различия между группами с различным экономическим положением — например, между менеджерами и фабричными рабочими. Не сбылось и предсказание Маркса о пауперизации (что отмечал еще в конце прошлого века Э. Бернштейн).

Тем не менее, говорить о полном отказе от марксистских подходов к классовому анализу общества было бы преждевременно. Убедительная логика, четкая внутренняя (причем, непротиворечивая) связь различных разделов всей марксовой теории заставляет некоторых социологов вновь и вновь обращаться к марксистской методологии, на которой, например, в значительной степени основаны рассматриваемые ниже подходы к классовому анализу американского социолога Эдварда Райта и его коллег.

§ 2. Немарксистские подходы к определению классов

В различных социологических школах — например, американской и английской — классовые теории развивались в различных направлениях. Послевоенные американские социологи вообще рассматривали свое общество как *бесклассовое*. Это происходило отчасти вследствие того, что они полагали, будто уже не существует резких перепадов в распределении материального вознаграждения (которое они располагали по ранжиру вдоль непрерывного континуума), отчасти — из-за их убежденности в том, что индивидов в современном обществе можно вполне правомерно распределять в классы по множеству таких критериев и факторов, которые уже не связаны с *экономически* определенным классом, — таких, например, как род занятий, религия, образование, этническая принадлежность. Эти социологи принимали, скорее, точку зрения Вебера относительно статусов и разрабатывали скорее многомерный подход, который трактовал социальный статус и престиж как независимые факторы, которые ослабляли или даже вытесняли идею класса как экономически детерминированной системы. Большинство иерархических схем профессиональных шкал, используемых в исследовании неравенства, просто предполагали, что профессии могут, скорее, быть ранжированы по принципу «лучше»

или «хуже», нежели по другим — соответствующим, например, доходу и престижу, которые получают их обладатели.

Британские же социологи считали решающей детерминантой класса разделение труда, а основным принципом классового деления провозгласили различие между физическим и нефизическим трудом. Это, как тогда представлялось, должно было соответствовать основным различиям в экономических и социальных условиях жизни. Такое деление было даже принято в качестве официально-статистического; по итогам переписи 1951 года оно легло в основу создания Британского Генерального Регистра классификации социо-экономических групп *(SEG — Socio-Economic Groups)*. Эти социо-экономические группы включали в себя людей, чьи жизненные стили (или образы жизни) схожи в отношении социального, культурного и досугового поведения, и люди помещались в ту или иную SEG, прежде всего, на основе их профессиональных занятий и профессионального статуса. Количество статусов первоначально составляло тринадцать, а к 1961 году увеличилось до семнадцати. Существовала и сжатая версия шести социоэкономических групп (классов):

- профессионалы;
- работодатели и менеджеры;
- клерки — промежуточные и младшие работники нефизического труда;
- квалифицированные работники физического труда и самостоятельные (самонанимаемые) непрофессионалы;
- полуквалифицированные работники физического труда и обслуживающий персонал;
- неквалифицированные работники физического труда.

Впрочем, такого рода разграничение носило в значительной степени искусственный характер, и в теоретическом классовом анализе социологи сегодня редко используют эту классификацию; однако нельзя не признать, что она, в конечном счете, проистекает из веберовского замечания о жизненных шансах. Так или иначе, это деление не является широко употребимым в социологии, поскольку в развитых обществах экономические и социальные условия многих видов интеллектуального труда (во всяком случае, более низкого уровня) становятся все более похожими на те, в которых работают и живут работники физического труда; не существует и значительных различий между теми, кто находится у подножия и на вершине лестницы работников физического труда.

Сегодня социологами класс определяется, скорее, по критериям рыночных и трудовых ситуаций. Рыночная ситуация относится к материальному вознаграждению и жизненным шансам (таким, как оплата работодателем дополнительных льгот, страховок и иных материальных благ), безопасности и возможностям служебного продвижения. Трудовая ситуация имеет отношение к характеру решаемых трудовых задач, технологии производства и структуре социальных отношений в системе контроля в фирме. Предполагается наличие согласованности между этими факторами в том смысле, что рыночное вознаграждение и трудовые условия прогрессирующим образом улучшаются по мере восхождения по классовой иерархической лестнице.

Классы могут трансформироваться из простых экономических категорий в социально значимые группы. Этот процесс в социологии называют *структурализацией*. Факторы, детерминирующие структурализацию, включают в себя, в частности: проживание людей в сравнительно однородных по составу, моноклассовых общинах; низкие показатели социальной мобильности, которые удерживают людей в рамках одного класса; общность жизненных стилей *(life-styles)*, что, в конечном счете, ведет к превращению классов в такие социальные группы, которые можно подвергнуть более четкой социальной идентификации. Некоторые различия между людьми, принадлежащими к одному и тому же классу, могут к также дополняться дифференциацией их политических взглядов.

Однако, общепринятое определение, которое основывается именно на веберианских представлениях о классовом делении общества, не всегда легко применить на практике. Критерии в принципе учитывают разнообразие классов, основанное на различных уровнях вознаграждений, различных типах трудовых ситуаций и различных их комбинациях, но точная идентификация нескольких *основных* классов — это сегодня дело, скорее, интерпретации, нежели самоочевидного и объективно детерминированного бытия. Сегодня общепринятой социологической моделью классовой структуры в некоторых странах (например, в Великобритании) является разделение населения на три класса — рабочий, промежуточный и высший [1]. Работники физического труда относятся к рабочему классу; работников не-физического труда низкого уровня, таких, как клерки и низшие техники, относят к среднему классу; а менеджеров, администраторов и профессионалов — к высшему. Некоторые социологи помещают в рабочий класс и канцелярских работников, но это

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 37.

не общепринятый взгляд. В то же время, как мы видим, в эту схему опять не вписываются крупные капиталисты, а также мелкие и средние предприниматели.

Американскую социологию в вопросе о классовой структуре отличает значительное разнообразие взглядов и направлений. Среди них можно выделить опять же два основных подхода — немарксистский и марксистский (или несколько иные направления, близкие к ним), интерес к которым в 70–80-е годы в американской социологии заметно возрос. Для немарксистского направления характерно простое деление общества на «высшие» и «низшие» классы. Традиционное же деление на классы в американской социологии придерживается четырехчленной структуры.

- Высший класс *(Upper Class)*, отличающийся наиболее высоким уровнем благосостояния и власти.
- Средний класс *(Middle Class)*, который образуется весьма пестрым конгломератом большого числа социальных групп — от предпринимателей средней руки до среднеоплачиваемых инженеров и клерков.
- Рабочий класс *(Working Class)*, объединяющий всех работников физического труда, независимо от сферы занятости.
- Низший класс *(Underclass)*, включающий в себя, как правило, представителей этнических меньшинств, а также женщин, занятых на наиболее низкооплачиваемых, наименее безопасных и наименее привлекательных — хотя бы с точки зрения служебной карьеры — рабочих местах [1].

В то же время большинство социологов отчетливо осознают, что такого крупномасштабного деления явно недостаточно для углубленного анализа классовой структуры. Они стараются найти более тонкую, более детальную градацию социальной структуры современной Америки. Так, Р. Ротмэн в своей монографии «Неравенство и стратификация в Соединенных Штатах» [2] поступает достаточно прямолинейно: он просто выделяет *слои* внутри среднего класса, присоединяя их к трем другим классам с указанием примерной доли каждого из них в общем объеме населения (табл. 5 и рис. 2).

---

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 155, 256, 259, 273.

[2] См.: *Rothman R.* Inequality and Stratification in the United States. — New Jersey, 1978. P. 150.

Таблица 5

Структура современного американского общества по Р. Ротмэну

Класс	Удельный вес (%) в населении США
Высший	1–2
Высший средний	5–10
Предприниматели	5–10
Низший средний	20–25
Рабочий класс	50–60
Низший класс	10–15

Ротмэн последовательно и детально рассматривает каждый из названных классов — их социально-демографический состав, особенности жизненного стиля и политического поведения. В основу же определения социальной иерархии Ротмэн, как и большинство западных социологов, кладет размер дохода. То, что он называет классом «предпринимателей», включает в себя, по марксистской терминологии, городскую и сельскую мелкую буржуазию. Не обходит Ротмэн и вопрос о характере *распределения*: согласно приведенным им данным, 0,5 %

Рис. 2. Структура современного американского общества по Р. Ротмэну (конец 70-х гг.)

населения владеют 20,4 % активов, тогда как 40 % американцев обладают менее чем 3 % общего богатства, находящегося в руках частных лиц [1]. Отметим, что, производя свою классификацию, автор фактически не разделяет *социальную структуру* и *структуру занятости* населения: так, в состав рабочего класса, помимо индустриальных и сельскохозяйственных рабочих, включены работники сферы услуг — одна из наиболее многочисленных на сегодняшний день профессиональных категорий в современной Америке.

На это же обращает внимание и другой американский социолог — Чарльз Андерсон. Он подчеркивает, что рост численности работников в сервисном секторе отражает изменения, происходящие в структуре занятости, но отнюдь не в социальной композиции общества. В целом ряде своих работ Ч. Андерсон выдвигает тезис о возникновении «нового рабочего класса». Традиционный рабочий класс, по мнению автора, представлен, главным образом, «синими воротничками» [2] и составляет 40–45 % глав семейств в совокупной рабочей силе страны. Существует и «новый рабочий класс», который состоит из наемных служащих — «белых воротничков», причем основу его образуют ученые, инженеры и техники, вовлеченные в производство; кроме того, Андерсон относит сюда работников образования и здравоохранения, а также большинство управленческих, торговых и офисных работников. Автор представляет развернутую характеристику классовой структуры США в начале 70-х годов (табл. 6).

Несмотря на некоторую противоречивость предлагаемых категорий, автор дает достаточно убедительную и, по мнению многих исследователей, близкую к действительности картину классового строения американского общества.

Среди американских социологов, опирающихся на марксистское понимание класса, следует выделить работы Эдварда Райта. В своей монографии «Классовая структура и определение дохода» [3] он подчеркивает, что игнорировать общественные отношения производства озна-

---

[1] См.: *Rothman*. Inequality and Stratification in the United States. — New Jersey, 1978. P.154.

[2] *Blue collars* — традиционное обозначение в американской социологии работников физического труда, в отличие от *White collars — белых воротничков* – наемных работников умственного (в более широком смысле — нефизического) труда.

[3] *Wright E.O.* Class Structure and Income Determination. — New York, 1979.

чает отвергать одну из фундаментальных причин неравенства при капитализме [1].

Таблица 6

Классовая структура США по Ч. Андерсону [2]

Классы	% в общем объеме
1) Капиталистический класс	0,5–2
2) Старый средний класс	9
В том числе:	
«самостоятельные бизнесмены»	3
«самостоятельные специалисты»	4
фермеры	2
3) Новый рабочий класс	19
В том числе:	
специалисты	12
управляющие-администраторы	7
4) «Белые воротнички»	23
В том числе:	
торговые работники	6
конторские работники	17
5) «Старый рабочий класс»	35
В том числе:	
высококвалифицированные рабочие	11

[1] Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на слово «определение» в названии монографии Э. Райта. Это не *definition*, т. е. «определение понятия» и не *fixation* – «установление точного значения», а *determination*, что можно было бы привести приблизительно так: «оказание решающего воздействия» дохода на классовую структуру. Другими словами, автор подчеркивает наличие *причинной обусловленности* доходов характером классовой структуры.

[2] Цит. по: *Мельников А.Н.* Американцы: социальный портрет. — М., 1987. С. 29–40.

Классы	% в общем объеме
полуквалифицированные рабочие	17
неквалифицированные рабочие	5
сельскохозяйственные рабочие	2
6) Работники сферы услуг	12

Райт справедливо указывает на теоретические и практические сложности, возникающие при выявлении классовой принадлежности наемных работников к числу «белых воротничков» — менеджеров, специалистов разного уровня, техников [1]. В связи с этим он выдвигает новое положение о «противоречивых локациях внутри классовых отношений». К таким «локациям» Райт относит: менеджеров и супервайзеров, которые расположены между буржуазией и рабочим классом; «полуавтономных служащих», которые расположены между рабочим классом и мелкой буржуазией; а также мелких нанимателей рабочей силы, которые расположены между буржуазией и мелкой буржуазией. Сама же мелкая буржуазия как класс — это скорее реликт простого товарного производства, нежели продукт капитализма.

Итог анализа классовой структуры США, проведенного Э. Райтом и его коллегами, таков: самый многочисленный класс общества — рабочий; рабочие вместе с теми, кто занимает противоречивые, но близкие к ним локации, составляют от 50 до 60 % населения. В то же время Райт указывает еще на одну немаловажную деталь: большинство нынешних рабочих составляют женщины и представители этнических меньшинств *(minorities)* [2].

В последнее время западных социологов все чаще занимает проблема изучения *полового* состава различных классов. Так, критика традиционного подхода к классовому анализу состоит, в частности, в том, что он концентрирует свое внимание на мужчинах и игнорирует женщин. К примеру, в Великобритании женщины составляли в начале 80-х годов около 43 % всей занятой рабочей силы. Женщины, работающие в сфере нефизического труда, сегодня сосредоточены в основном, в ограниченном круге профессий, преимущественно, на канцелярских

[1] См. также: *Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Д.* Классовая структура американского общества // Социологические исследования.— 1984. № 1.

[2] См.: *Wright E. O.* Class Structure and Income Determination. — P. 42, 116; *Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Д.* Классовая структура американского общества. С.159, 163.

и торговых должностях; а в сфере физического труда — на неквалифицированных фабричных работах, например, уборка. Их профессиональные занятия имеют тенденцию отделяться от мужских — определенные должности и специальности резервируются именно для женщин. Они имеют также более низкий по сравнению с мужчинами уровень рыночного вознаграждения. Если бы участие женщин во всех сферах занятости было равномерным, игнорирование полового разделения не могло бы повлиять на способ, каким изучается классовая структура. Но поскольку это не так, у социологов, которые исследуют профессиональную занятость, имея ввиду, главным образом, мужчин, могут сложиться искаженные представления о характере классовой структуры, поскольку, игнорируя женщин, они вычеркивают из рассмотрения значительные пласты в общей структуре занятости.

Вообще теоретические и практические результаты трактовки мужчины как центральной фигуры в классовом анализе являются предметом широкого обсуждения в социологии. Одной из центральных проблем здесь является превращение семьи в единицу анализа в эмпирических исследованиях класса, и это ставит вопрос о передаче и закреплении сложившегося материального и культурного неравенства в последующих поколениях (при изучении, например, социальной мобильности). Правда, для того, чтобы приписать семье определенную классовую позицию, необходимо определить классовые позиции *всех* членов семьи на основе рода занятий одного из членов — мужа/отца, рассматриваемого в качестве главы домохозяйства и главного кормильца. Практика эмпирических исследований показывает, что в большинстве случаев выполнение этого условия становится проблематичным. Если, например, мужу и жене приписываются, исходя из их индивидуальных профессиональных занятий, различные классовые позиции, то классовая позиция семьи не может считаться четко очерченной. Кроме того, образы жизни тех семей, где заработок (доходы) приносят двое, могут существенно отличаться от других, принадлежащих тому же классу, где зарабатывает лишь один. Плюс к этому, некоторые феминисты полагают, что в классовой теории несправедливо игнорируется выполнение женщиной неоплачиваемой работы по дому, поскольку эта домашняя работа поддерживает силы членов семьи на оплачиваемой работе, помимо этого, они заняты еще и репродуцированием следующего поколения занятых.

§ 3. Классификация или стратификация?

Термин *«стратификация»* еще сравнительно недавно рассматривался в советской социологической науке как символ «тлетворного влияния Запада». В стремлении к утверждению и поддержанию мифа о непрерывном движении к социальной однородности социалистического общества идеологи от науки бдительно искореняли любые намеки на то, что неравенство людей, по сути дела, вечно, а тем более — всякую мысль о том, что это неравенство может служить источником постоянного саморазвития общества (хотя вообще-то такая мысль вполне соответствует принципам диалектики). Всякие предположения о стратифицированности советского общества, о наличии в нем «верхов» и «низов», «элиты» и «дна» жестко пресекались — тем более, что и сама эта терминология была не «нашей», а «буржуазной». Именно поэтому, как утверждает Р. В. Рывкина, «...никакие исследования реального распоряжения собственностью, реальной дифференциации по размерам дохода и объему власти не велись. Проблематика эта жестко контролировалась многими социальными институтами: цензурой, прессой, издательствами, партией. В результате население СССР полвека не знает, из каких групп состоит то общество, в котором оно живет» [1].

Другими словами, советская общественная наука при описании социальной структуры прибегала исключительно к принципу классификации, отвергая стратификационный подход и объявляя его лженаучным. Между тем оба этих подхода никоим образом не могут исключать друг друга. Это просто две измерительные линейки с различными масштабами. Понятие «класс», удобное и уместное при макроподходе, окажется явно недостаточным, когда мы попытаемся рассмотреть интересующую нас структуру более детально. Кроме того, для выработки системного подхода явно недостаточно одного лишь экономического измерения, которое предлагает нам марксистский классовый подход. Поэтому и теоретические, и практические потребности политического и административного характера заставляют нас искать иные методики измерения социальной структуры.

Здесь и открываются те возможности, которые как с аналитической, так и с практической точки зрения предоставляет измерение стратификации. «Страта» *(stratum)* в переводе с латыни означает «слой». А что представляют собой выделенные Ротмэном внутри среднего

[1] *Рывкина Р.В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. М., — 1989. С. 33.

класса промежуточные группы — «высший средний», «предпринимательский» и «низший средний» классы? Их можно назвать «субклассами», а точнее — различными иерархически организованными слоями одного и того же среднего класса. То же самое мы могли бы сказать о «противоречивых локациях внутриклассовых отношений» Э. Райта. Таким образом, стратификационное измерение — это достаточно тонкая градуировка слоев внутри класса, позволяющая провести более глубокий детализированный анализ социальной структуры.

П. и Б. Бергеры описывают стратификацию довольно образно: «Понятие стратификации совершенно преднамеренно возбуждает геологическое воображение. Оно предполагает некую гору, в которой один над другим размещаются различные слои камня и почвы. Это как раз тот образ, который данное социологическое понятие хочет предложить. Существует дополнительное предположение, согласно которому нужно вскрыть поверхность для того, чтобы обнаружить точную организацию слоев. Горы очень редко можно увидеть в разрезе, чтобы с одного взгляда можно было понять, какова их геологическая стратификация. То же самое справедливо в отношении обществ. Поэтому любое социологическое исследование стратификации требует большой работы, чтобы раскопать или удалить поверхностные материалы, которые скрывают от взгляда то, что реально происходит на глубине. Более того, социологи, подобно геологам, не хранят в тайне друг от друга свои проекты раскопок» [1].

Однако это только один из аспектов понятия стратификации. Другим является тот подход, начало которому положил М. Вебер. Мы уже говорили выше о предложенной им модели классовой дифференциации общества. Однако он выдвигал и другие принципы определения социального неравенства [2].

Во-первых, он утверждал, что тип стратификации зависит от *статуса*. Статус в понимании Вебера имеет практически тот же смысл, которым мы наделяли его выше: он относится просто к уровню социальной оценки, которой удостаивается индивид или группа. Нет нужды говорить, что очень часто между статусом и классом существует тесная связь. Но эта связь не является необходимой или универсаль-

[1] См.: *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. — London, 1981. P. 139–40.

[2] См.: *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. — New York: Free Press, 1957.

ной. Так, бывают случаи, когда люди занимают, казалось бы, внешне высокую позицию в классовой иерархии, но не приобретают сравнимого статуса. Простым примером тому может служить богатый выскочка, стремящийся войти в состав аристократического общества. И наоборот, могут быть люди или группы с высоким статусом, которые в классовой системе занимают сравнительно низкие позиции. Примером тому могут быть военные во многих обществах (в особенности в мирное время).

Во-вторых, веберовское понятие страты тесно связано с понятием *сословия*. Сословие (это слово, конечно, употребляется здесь не в смысле собственности, а как пример — когда люди говорят о буржуазии как о третьем сословии во времена, скажем, Французской революции) понимается Вебером как социальная группа, в которой индивид рожден и в которой он остается под воздействием добродетели, которую Вебер называет кодексом чести. Отсюда следует, что попасть в систему сословий значительно труднее, чем подняться по иерархической лестнице в системе классовой. В последней главным механизмом мобильности является приобретение экономических средств. В сословной системе этого явно недостаточно: можно купить множество разнообразных вещей, но нельзя купить факт своего рождения — здесь неважно, сколько у тебя денег. Строго говоря, при совершенной системе сословий никому невозможно продвинуться вверх, хотя, конечно, нарушив положения кодекса чести, некоторые люди могут опуститься по социальной лестнице вниз. В то же время в реальной жизни возможности вхождения в сословную систему существуют, и одной из наиболее важных является вступление в брак. Вступив в брак с тем, с кем надо, можно как бы исправить факт своего рождения. Ниже мы рассмотрим эти моменты более подробно, обращаясь к процессам социальной мобильности.

В-третьих, согласно Веберу, существует стратификация, базирующаяся на *власти*. И это опять же может быть связано или не связано и с классом, и со статусом. Власть определяется Вебером довольно просто — как способность осуществлять свои намерения в обществе даже вопреки сопротивлению других. В обсуждаемой стратификации, основанной на власти, Вебер также использует такие понятия, как «политический класс» или «партия». Другие социологи предпочитают пользоваться понятием элиты. Какое бы понятие ни использовалось, совершенно ясно, что все общества стратифицированы не только с точки зрения доступа людей к ограниченным ресурсам и статусу, но также и к власти. Некоторые группы в этом отношении более могуще-

ственны, чем другие. Поэтому мы можем говорить еще об одном типе веберовской стратификации — политическом.

И, наконец, еще одно ключевое понятие стратификации — это стиль жизни. (Понятие *life style* имеет несколько иной смысловой оттенок, нежели принятое в советском обществоведении «образ жизни».) Этот термин, впервые введенный в социологию именно Вебером, относится к общей культуре или к способу жизни различных групп в обществе. Некоторые американские социологи делали акцент на стиле жизни взамен экономических факторов, и думали посредством этого обеспечить немарксистский способ исследования стратификации. Это в особенности справедливо в отношении исследований стратификации в Америке, которые стимулировали работы Ллойда Уорнера [1].

В 30–40-е годы Уорнер провел детальное полевое исследование социальной структуры общины Ньюберипорт в штате Массачусетс (следуя обычному правилу анонимности при полевых работах, Уорнер назвал эту общину «Янки-сити»). При этом в качестве основного типологического признака он принял *репутацию*, точнее то, как определяли уровень классовой принадлежности того или иного индивида его соседи и земляки. Исследование Уорнера интересно также тем, что это одна из немногих работ, где показано различие доминирующих духовных ценностей у представителей различных страт — в частности, ценностей моральных. Уорнер разделил общину, которую он изучал, на шесть страт: вначале на три — высшую, среднюю и низшую, а затем произвел внутри каждой из них еще одно деление на две — высшую и низшую. Таким образом, он получил шесть страт, проранжированных от *высшей-высшей* (ведущей свое происхождение от старых семей Новой Англии) до *низшей-низшей* (нечто вроде люмпенов, расположенных на социальной лестнице общины ниже пролетариата).

Проводя свое исследование, Уорнер попытался выявить стороны особого стиля жизни, которые можно было бы считать общими для большинства членов каждой страты; причем такие стороны, которые были бы не явно связаны с очевидными различиями в материальном достатке представителей различных страт. Например, он видел разницу между вышеупомянутыми высшей-высшей и высшей-низшей стратами, которая была связана с более поздним выходом второй на этот социальный уровень. В некоторых случаях индивиды из высшей-низшей страты имели гораздо больше денег, чем люди высшей-высшей

[1] *Warner L. Lunt P.* The Social Life of a Modern Community. — New Haven, Conn: Yale University Press, 1941.

страты, и тем не менее они лезли из кожи вон, стараясь хоть в чем-то превзойти стиль жизни последних. Наилучшее прилагательное, которым можно было бы описать стиль жизни высшей-высшей страты, — «спокойный». Это, по мнению Уоррена, довольно резко отличалось от стиля жизни среднего-высшего класса (из которого, кстати, лишь недавно вышли большинство представителей низшего-высшего класса). В среднем-высшем классе, с каких бы позиций их ни оценивать, результаты чьих-то экономических устремлений отображаются явно, открыто, иногда даже с некоторой долей агрессивности. Напротив, стиль жизни высшего класса диктует, чтобы богатство не выставлялось напоказ, было, насколько это возможно, скрыто. Соответственно этому, существует также различие в *этосе* [1] каждой из страт. Скажем проще: общую характеристику этоса среднего класса можно было бы выразить словом — натиск. Однако те ценности, которые в среднем классе рассматриваются как нормальные здоровые амбиции, со стороны высшего класса оценивались как некая непристойная напористость и вульгарность.

Такого же рода различия в этосе выявились по социальной шкале и ниже. Так, Уорнер показал, что разграничительная линия между тем, что он называл высшей-низшей и низшей-низшей стратами, носит, прежде всего, моральный характер. Высшая-низшая страта (скорее всего, та самая, которую марксистские социологи назвали бы рабочим классом) бедна, в некоторых случаях, возможно, столь же бедна, как и члены страты, расположенной ниже нее, однако ее представители воодушевляются этосом тяжелой работы, дисциплины, энергии и амбиций. Напротив, индивиды низшей-низшей страты (те, кого называют «дном» — если не люмпены, то очень близко к ним) полностью лишены таких добродетелей. Там превалирующим этосом выступает сиюминутное наслаждение и полное презрение к тем вознаграждениям, к которым стремятся люди в других стратах. В каком-то отношении возникает поистине курьезное сходство между самой высшей и самой низшей стратами в уорнеровской схеме — в смысле этоса презрения к амбициозным устремлениям. Что касается господствующего этоса среднего класса, то он, в соответствии с анализом Уорнера, доминирует в большей части его классовой системы. Проходя сверху вниз, этос среднего класса распространяется от низшего-высшего класса до высшего-низшего. В этих стратах большинство индивидов исполнены добросовестного стремления к улучшению своей экономической си-

[1] Здесь *этос* – это устойчивый внутренний нравственный характер (иногда противопоставляется *пафосу* – внешнему выражению душевных переживаний).

туации. Что же касается людей на двух крайних полюсах системы — на самом верху и на самом дне, — то они созерцают всю эту кипучую активность с сардонической отрешенностью.

Нельзя не сказать еще об одной школе, принадлежащей к числу наиболее известных и популярных в современной теоретической социологии, главным образом — в американской социологии. Это школа *структурного функционализма*, которая разработала собственный подход к решению проблемы стратификации [1]. Она была действительно очень влиятельной в течение определенного периода времени, хотя, вероятно, в последние годы это влияние стало падать. Какие бы критерии для детерминации положения в стратификационной схеме ни использовались (а социологи этой школы испытывали на себе, прежде всего, влияние Вебера), акцент делался на том, что историческая миссия теорий стратификации состоит в поддержании функционирования общества путем обеспечения мотивации и вознаграждений членов общества. Для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества необходимо, чтобы в нем кем-то выполнялись определенные функции. Чтобы выполнять их, люди должны быть мотивированы на это и затрачивать определенные усилия на выполнение соответствующих задач.

Наилучшим инструментом мотивации могут служить вознаграждения, присуждаемые за успешное исполнение таких задач. Другими словами, стратификация функционирует как своеобразная система кнута и пряника. Это выглядит так, как если бы общество внушало составляющим его людям: «Делайте то, чего от вас ожидают, и вы сохраните или повысите свой статус с определенными привилегиями. Если вы откажетесь от выполнения того, чего от вас ожидают, то вы либо не удержите своего статуса, либо вас — в худшем случае — вышвырнут из этой позиции». В отличие от марксистского акцента на тех возможностях, которые предоставляет участие в классовой борьбе, здесь делается упор не на разрушении и изменении общества, а на его интеграции и стабильности.

В принципе, при изучении стратификации в зависимости от тех целей, которые ставит перед собой исследователь, возможен достаточно

[1] Это течение нашло свое наиболее адекватное отражение в дискуссии, начавшейся со статьи структурных функционалистов Кингсли Дэвиса и Уилберта Мура. См.: *Davis K., Moore W.* Some Principles of Stratification // American Sociological Review. — 10 (1945). P.242 ff (отсюда широко известное в современной теоретической социологии название этого течения *в целом* как «дискуссия Дэвиса-Мура»).

широкий выбор оценочных критериев стратификационного пространства. Так, в конце 80-х годов Т. И. Заславская провела углубленный стратификационный анализ советского общества, приняв за главную точку отсчета дихотомию «сторонник перестройки — противник перестройки» [1], и это выглядело довольно убедительно. Словом, следует согласиться с мнением П. и Б. Бергеров, утверждающих, что «все человеческие общества стратифицированы, но они сильно отличаются друг от друга по критериям стратификации» [2].

§ 4. Квантификация социального пространства

Одна из главных научных заслуг Питирима Сорокина в том, что он в своей теории социального пространства фактически «примирил» взгляды сторонников ценностно-нормативного и категориального подходов к анализу социальной структуры. Напомним основные положения концепции П. Сорокина. Он вводит понятие *социального пространства*, называя этим термином совокупность всех социальных статусов данного общества. При этом он убедительно и настойчиво предостерегает не смешивать и не отождествлять социальное пространство (и социальную дистанцию, разделяющую статусы) с геометрическим пространством (и геометрической дистанцией, разделяющей физические тела индивидов). В то же время он прибегает к аналогии их, указывая, что «определение более или менее удовлетворительного геометрического положения требует учета целой системы пространственных координат геометрической вселенной. То же относится и к определению «социального положения индивида» [3]. Давайте воспользуемся этой аналогией и попытаемся для наглядности изобразить социальное пространство в осях декартовой системы координат (рис. 3). Пространство это трехмерное — в соответствии с основными тремя формами социальной стратификации, определяемыми П. А. Сорокиным [4], и поэтому описывается тремя осями координат — *экономический статус, политический статус, профессиональный статус*.

---

[1] См.: *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. — М., 1988.

[2] *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. P. 140.

[3] См.: *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. С. 298.

[4] См.: Там же.

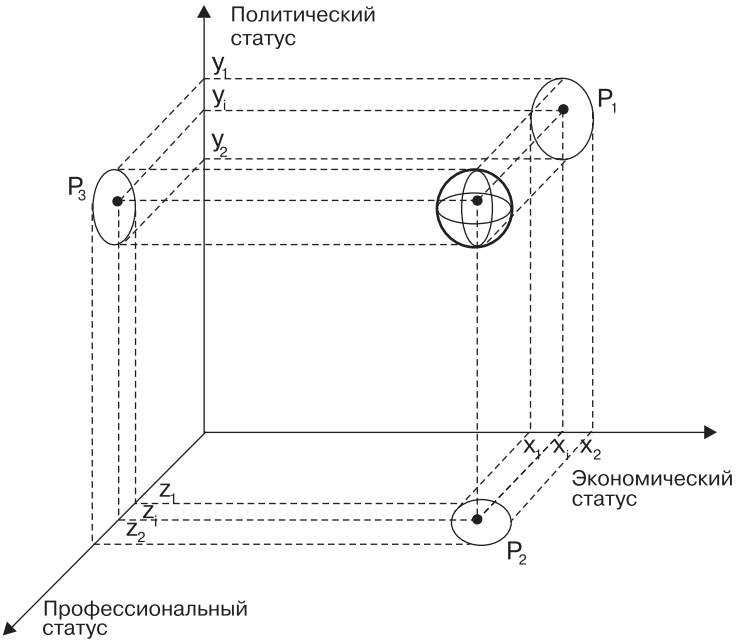

Рис. 3. Оси координат и координатные плоскости социального пространства

Таким образом, социальная позиция (общий социальный статус) каждого индивида ***i***, являющегося составной частью данного социального пространства, описывается с помощью трех координат (x_i, y_i, z_i) на этих осях. Совокупность индивидов, обладающих такими же (или близкими по значению), как у индивида ***i***, социальными координатами (то есть экономическими, политическими и профессиональными статусами), образуют страту. Статус страты можно описать совокупностью координатных интервалов $\{(x_2 _ x_1), (y_2 _ y_1), (z_2 _ z_1)\}$. Принимая такую «топологическую» логику изучения стратификации, необходимо иметь в виду следующие соображения.

Отметим, что данная система координат описывает исключительно обобщенные *социальные*, но отнюдь не *личные* статусы индивида. Кроме того, из множества самых разнообразных статусов мы, вслед за П. А. Сорокиным, выбрали основные, решающим образом детерминирующие социальную позицию индивида. И даже среди этих главных статусов ни одна из координат не сможет помочь описать социальный статус исчерпывающим образом. К примеру, профессиональный статус индивида может быть чрезвычайно высок, а экономический —

являть собою жалкое зрелище (как это происходит сегодня с множеством преподавателей вузов и научных работников), и наоборот. При одном и том же экономическом положении люди могут иметь совсем не одинаковые политические и профессиональные статусы, а значит — принадлежать к различным стратам.

Отметим еще один важный момент. Может сложиться ситуация, когда индивид, обладая высоким статусом по одной из осей координат, в то же время имеет невысокий статусный уровень по другой оси. Такое явление именуется в социологии *статусной несовместимостью* (Status Inconsistency)[1]. Например, индивиды с высоким уровнем приобретенного образования, которое обеспечивает высокий социальный статус вдоль профессионального измерения стратификации, могут занимать плохо оплачиваемую должность и поэтому будут обладать низким экономическим статусом. Люди, страдающие от статусной несовместимости, испытывают не просто неудобство, а прямое недовольство таким положением вещей. Поэтому большинство социологов справедливо полагают, что наличие статусной несовместимости способствует росту возмущения среди таких людей, и они будут поддерживать радикальные социальные изменения, направленные на изменение стратификации.

Впрочем, от статусной несовместимости страдают не только отдельные индивиды, но и общество в целом: если данная несовместимость распространена в обществе достаточно широко, то это свидетельствует о его нестабильности, неустойчивости, и социальная система будет стремиться возвратиться в состояние равновесия. Сегодня это, например, отчетливо проявляется в стремлении многих российских нуворишей в политику: они ясно осознают, что достигнутый ими высокий экономический уровень ненадежен без совместимости со столь же высоким политическим статусом. Аналогичным образом небогатый человек, получивший достаточно высокий политический статус (будучи, скажем, избранным в депутаты Государственной Думы), неизбежно начнет использовать вновь обретенное положение для соответствующего «подтягивания» своего экономического статуса. В результате приведения различных статусов в соответствие требуемое равновесие восстанавливается, происходит *статусная кристаллизация*.

Статусная несовместимость (весьма слабо изученная в отечественной социологии) может при определенных условиях создать довольно серьезную социальную проблему. Сеймур Липсет, ссылаясь на много-

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. — P. 242.

численные американские исследования, указывает, что «когда люди занимают несовместимые статусные положения, два взаимопротиворечивых статуса могут породить реакции, отличные от действий каждого из них, взятого самого по себе, а иной раз даже вызвать к жизни более экстремистскую реакцию» [1].

Таким образом, знание одной координаты не может описывать социального статуса в целом. Две координаты описывают статус уже более определенно и жестко. В системе координат социального пространства определение диспозиции интересующего нас объекта (будь то индивид или страта) происходит при помощи выявления координат эпипроекции определенной точки (если речь идет об индивиде) или объемной фигуры (страты) на каждую из трех плоскостей: политико-экономическую, профессионально-экономическую или профессионально-политическую. Вероятно, именно в этих плоскостях может выполняться значительная часть исследовательской работы — *двумерный анализ*: мы можем, к примеру, попытаться выяснить, каким образом политический статус влияет на экономическое положение человека или социальной группы, связаны ли между собою профессиональная и политическая диспозиция, каковы реальные границы страты в единицах измерения каждой из переменных и т. д.

Заметим, что на рис. 3 представлены некие обобщенные политические, экономические и профессиональные координаты, которые вряд ли поддаются прямому эмпирическому измерению. Поэтому если мы поставим перед собой задачу эмпирического (практического) измерения стратификации, то должны будем вспомнить о многомерности социального пространства и перейти к *подпространствам*. Этим термином мы именуем системы координат, в которые развернется каждое из трех измерений обобщенного социального пространства. Давайте попытаемся проделать эту работу — «войти внутрь» каждого из трех подпространств и посмотреть, что же именно предстоит там измерить.

Шкалирование осей экономического подпространства. Для выбора шкал, с помощью которых можно было бы измерить различные координаты, определяющие экономический статус, вернемся ненадолго к марксистскому подходу, определяющему класс с экономических позиций. Вот определение, которое дал классам В. И. Ленин: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их *отношению*

[1] *Липсет С.М.* Политическая социология // Американская социология. — М., — 1972. С. 217.

(большей частью закрепленному и оформленному в законах) *к средствам производства*, по их *роли в организации труда*, а, следовательно, по способам получения и *размерам той доли общественного богатства*, которой они располагают (выделено нами. — *В. А., А. К.*)» [1].

В этом определении выделено три основные переменные, которые мы и разместили на координатных осях: отношение к собственности на средства производства *(ОС)*, роль в организации труда *(ОТ)*, размеры дохода *(Д)* (рис. 4). Какими же должны быть единицы измерения — а, соответственно, и шкалы — на каждой из осей?

Доход (Д). Этот показатель, пожалуй, наиболее прост и доступен прямому наблюдению, во всяком случае, в смысле теоретического определения и описания. Доход индивида (или страты) всегда поддается непосредственному измерению в виде суммы средств в денежном выражении, получаемой объектом измерения в единицу времени — будь то год, квартал или месяц. Шкала здесь пропорциональная, как в любом случае непрерывно меняющейся переменной с нулевой точкой отсчета. Таким образом, мы зафиксируем размер «той доли общественного богатства, которой они располагают». Что же касается отмеченных в ленинском определении *способов получения доходов*, равно как и размеров их, то они детерминируются двумя другими переменными.

Отношение к собственности (ОС). Строго говоря, этот критерий принадлежит не только экономическому пространству: собственность (и, прежде всего — на средства производства) — это в значительной степени правовая категория, что и оговаривает Ленин в своем определении. Тем не менее, в экономическом подпространстве она играет чрезвычайно важную роль. Первая грубая прикидка по разметке шкалы могла бы привести нас к дихотомическому результату: можно либо иметь собственность, либо не иметь ее, а значит, зарабатывать на жизнь своим трудом. Однако мы знаем, что действительность, в том числе и экономическая, имеет гораздо больше оттенков. Это особенно справедливо применительно к рассматриваемой категории в обществах с диверсифицированной собственностью. Таким образом, на оси *ОС* будет размещаться порядковая шкала, на левом конце которой зафиксировано положение *наемного работника*, а на правом — позиция *полного* (безраздельного) *собственника*. Между ними могут размещаться в порядке возрастания такие позиции, как *арендатор, акционер*, может быть, *владелец контрольного пакета акций* и др.

[1] *Ленин В.И.* Великий почин // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

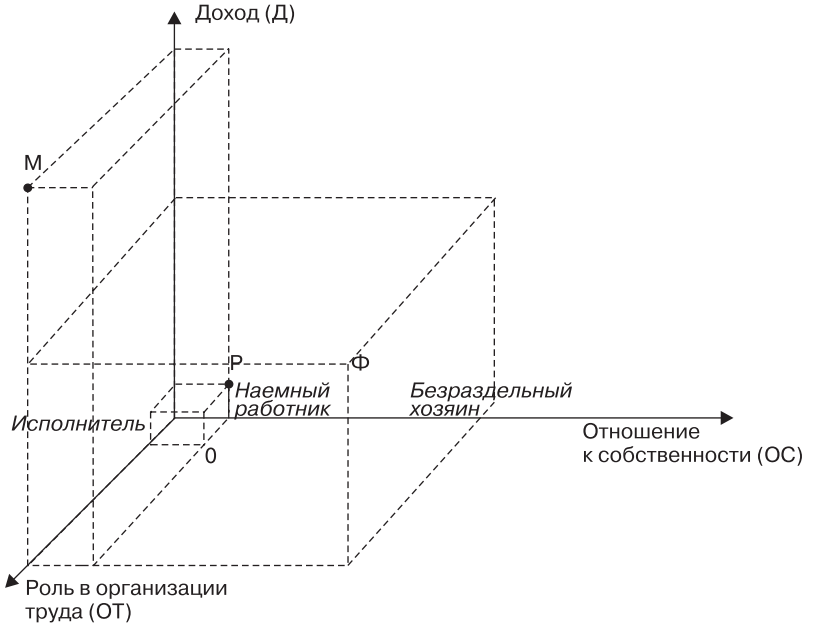

Рис. 4. Экономическое подпространство

Роль в организации труда (ОТ). Этот показатель экономической стратификации определяется разделением труда в процессе производства и распределением материальных благ. В первом приближении здесь также просматривается дихотомическая шкала: на верхнем конце — *руководитель*, на нижнем — *исполнитель*. Поскольку, как мы знаем, иерархия управленческой деятельности включает в себя множество самых разнообразных уровней, то шкала, расположенная по оси *ОТ*, может быть проградуирована достаточно тонко.

Следу ет также определиться в том, что именно принять в качестве нулевой отметки по каждой из координатных осей *ОС* и *ОТ* (поскольку для оси *Д* это вроде бы достаточно ясно). Очевидно, нуль на этих шкалах должен зафиксировать статус индивида (или социальной группы), не имеющего вообще никакого отношения ни к собственности, ни к организации труда. Таким может быть положение деклассированного элемента (люмпена).

Следует отметить, что не всегда удается легко и однозначно определить статус любого индивида в координатах экономического подпространства. Например, один и тот же человек может быть одновремен-

но и наемным работником, и владельцем какого-то количества акций своего или другого предприятия. Однако в отдельных конкретных случаях это сделать нетрудно. Например, на рис. 4, где условно обозначены позиции: (1) наемного менеджера (М), стоящего во главе независимого предприятия, и при этом не владеющего его акциями — просто высокооплачиваемого профессионала-управленца; (2) рядового рабочего (Р), не владеющего никакими иными источниками дохода, кроме зарплаты; (3) независимого фермера (Ф), полновластно хозяйничающего на собственном участке земли. Конечно, в развитом индустриальном обществе не так уж много удастся встретить индивидов, обладающих такими экономическими статусами в «чистом» виде.

Шкалирование осей политического подпространства. Как известно, политика — это сфера деятельности, связанная с завоеванием, удержанием и использованием *государственной власти*. Стало быть, именно такого рода параметры должны быть даны осям координат политического подпространства.

Такой выбор представляет собой непростую проблему. Сложность состоит в том, что для разных типов обществ переменные, т. е. критерии, по которым одни люди наделяются большим объемом влияния, нежели другие, или контролем над действиями других, могут быть весьма разнообразны. Серьезное воздействие на этот выбор могут оказывать и уровень развития демократических институтов в стране, и степень религиозности населения, и его национально-этническая структура, и доминирующие в данный период времени тенденции в политической жизни общества. Давайте попробуем предложить следующий набор переменных.

Ранг в государственной иерархии (РГИ). Это индикатор, самым прямым и непосредственным образом относящийся к государственной власти. Уже из самого названия его ясно, что он располагается на ранговой (порядковой) шкале. На нижнем ее конце располагается статус рядового избирателя, чье влияние на принятие политических решений носит довольно слабый и опосредованный характер. На верхнем же будет размещаться статус реального, фактического главы государства, будь то президент, король, премьер, генеральный секретарь, каудильо или аятолла. Остальные позиции на этой шкале определяются степенью постоянства и силы того влияния, которое оказывают занимающие их люди на принятие решений политического характера, а также, может быть, числом людей, на которых распространяется обязательность исполнения принимаемых на данном уровне решений. У тех, кто находится непосредственно на государственной службе, позиция на

этой шкале прямо определяется занимаемой должностью (нечто вроде «Табели о рангах»).

Партийная принадлежность (ПП). Это одна из тех переменных в данном подпространстве, значение которой может трактоваться наиболее широко, ибо оно решающим образом зависит не только от характера общественного устройства, но и от общей духовной и идеологической атмосферы данного социума. Дело в том, что под *партией* мы понимаем практически любую (кроме разве что самого государства) политически организованную силу. Такое партийное членство не всегда может быть жестко фиксированным, что, разумеется, создает определенные трудности для эмпирического измерения. Проще всего с таким измерением в тоталитарном государстве, где имеется всего одна партия, деятельность которой к тому же пронизывает все поры социального организма, и где партийное членство регистрируется в каждой анкете и личном листке по учету кадров — «член КПСС», «член ВЛКСМ», «б/п».

Несколько сложнее, когда эмпирическому измерению подвергается общество с многопартийной системой: в этом случае придется выстраивать по ранговой шкале сами партии. В теократическом государстве решающее значение будет иметь принадлежность к господствующей конфессии — представители ее будут иметь на такой шкале существенно более высокий статус, нежели прихожане других церквей. Когда мы решим изучить общество, где господствует национализм или расизм, эту шкалу придется проградуировать с помощью этнических признаков. При разработке такой шкалы необходимо будет учесть множество самых разнообразных по форме группировок, ставящих перед собой разные политические цели и обладающих различной степенью влияния на политическую жизнь. Между тем, именно реальная степень такого влияния (независимо от декларируемых целей, принципов, идеологических установок) и должна лежать в основании градуировки шкалы. Однако среди этих критериев всегда необходимо искать главные. Ведь даже в столь многонациональном, многопартийном и веротерпимом государстве, каким являются США, обладание тем, что обозначается аббревиатурой WASP *(White Anglo-Saxon Protestant)*, может оказаться решающим ключом к политической карьере во многих американских штатах.

Так или иначе, вдоль шкалы партийной принадлежности размещаются различные формальные или неформальные политические организации в соответствии со степенью своего влияния на политическую жизнь общества. На верхней границе этой шкалы окажется правящая

партия, следом за ней — оппозиционные партии, коалиции, фронты, движения и т. п. Понятно, что градуировка такой шкалы потребует специальных усилий по проведению разного рода рейтинговых и экспертных исследований, опросов общественного мнения. К тому же — во всяком случае, в политически нестабильном социуме — эту градуировку необходимо периодически корректировать в соответствии с изменениями в политической конъюнктуре.

Впрочем, партийная принадлежность индивидов и групп может определяться не только прямой принадлежностью (или приверженностью) индивида и группы к какой-нибудь политически организованной силе. У многих людей, не проявляющих регулярной политической активности, все равно может существовать сложившаяся система убеждений, которая в решающей ситуации (например, во время президентских или парламентских выборов) подтолкнет их к тому, чтобы поддержать те политические партии, лозунги которых окажутся наиболее близки к их убеждениям. Наши собственные исследования, проведенные в 1995–96 годах, позволили выявить среди населения Нижегородской области по меньшей мере шесть таких страт с довольно четко оформленными системами политических предпочтений [1].

Ранг в партийной иерархии (РПИ). Деление всей совокупности членов общества по партийному признаку приводит к необходимости измерить и зафиксировать уровень положения, занимаемого интересующим нас субъектом в рамках политической партии, к которой он принадлежит. Любая политическая организация неоднородна по внутреннему строению и образует пирамидальную иерархию, разделяясь на лидеров и элитную верхушку (которые займут верхнюю часть шкалы), функционеров среднего уровня, активистов и рядовую массу последователей данного политического движения. Среди последних могут быть и формальные члены партии, и сочувствующие (участники массовых акций — митингов, манифестаций), и те, чья партийная принадлежность выражается лишь в том, что они голосуют за кандидатов от данной партии при выборах в тот или иной орган управления. Так что состав партийных низов может оказаться довольно пестрым.

Вообще картина политической стратификации представляет собой — особенно на нижних своих уровнях — чрезвычайно неоднородную и изменчивую массу. Чем выше мы будем подниматься по иерархической лестнице, тем более однородной будет становиться эта масса, кристал-

[1] См.: *Анурин В. Ф.* Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. — 1996. № 12.

лизуясь вокруг стремления к удержанию власти самой по себе. Мы знаем, как быстро забывают свои предвыборные обещания и клятвы лидеры порою противоположных по взглядам и лозунгам партий, в какие невероятные, парадоксальные альянсы они вступают ради того, чтобы сохранить за собою главенствующие позиции по шкале на оси *РГИ*.

Шкалирование осей профессионального подпространства. Когда мы выделяем профессиональное подпространство в качестве самостоятельной сферы социальной деятельности, то следует учесть, по меньшей мере, две важных особенности. Во-первых, переменные, которыми будет измеряться профессиональный статус, должны быть иными, нежели переменные двух подпространств, рассмотренных выше; другими словами, здесь уже неправомерно было бы прибегать ни к денежной оценке труда, ни к должностной иерархии (которая измеряется осями координат *ОТ* в экономическом подпространстве и *РГИ* в политическом подпространстве). Во-вторых, операционализацию переменных целесообразно проводить таким образом, чтобы они были доступны прямому измерению. Поэтому нам представляются не вполне убедительными те измерения профессиональной стратификации, которые предлагает в своей работе Питирим Сорокин.

Он описывает, например, классификацию профессора Ф. Тоуссига, которая, по его словам, «признается почти всеми исследователями» [1] и представляет собой профессиональную пирамиду, на вершине которой размещается группа профессий, включающая высокопоставленных официальных лиц и крупных бизнесменов; далее следует класс «полупрофессионалов», мелких бизнесменов и служащих; затем идет класс работников квалифицированного труда (по всей вероятности — ручного); еще ниже расположены профессиональные группы «полуквалифицированного и неквалифицированного труда». Эта классификация, отмечает Сорокин, основана «на принципе уменьшения интеллекта и контролирующей силы профессии, одновременно совпадающей с уменьшением оплаты труда и с понижением социального статуса профессии в иерархии» [2]. Однако, если исключить из перечисленного набора параметров измерение уровня интеллекта, то окажется, что мы имеем дело с осями координат из экономического пространства *(доход, роль в организации труда* и, отчасти, *отношение к собственности)* и в какой-то степени — политического *(ранг в государственной иерархии)*. Кроме того, вряд ли правомерно использо-

[1] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность. С. 355.

[2] Там же.

вать такой параметр, как *социальный статус* (пусть даже речь идет лишь о социальном статусе профессии) — ведь это обобщающее понятие, и именно его, в конечном счете, и предназначены описать и измерить все выбираемые нами переменные!

Сорокин упоминает также «шкалу профессионального статуса» Ф. Барра, которая построена на выявлении *уровня интеллекта,* требуемого для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей. Он приводит, в частности составленную Барром таблицу таких «индексов интеллекта» (варьирующих от 0 до 100). Резюмируя данные Ф. Барра, Сорокин приходит к выводу о трех координатах профессионального подпространства: характер труда (ручной или интеллектуальный); уровень интеллекта, необходимый для выполнения данных профессиональных обязанностей; связь с функциями социальной организации и контроля [1]. Таким образом, в этом наборе, помимо функций контроля (а это уже знакомые нам переменные на осях координат *ОТ* и *РГИ*, определяющие параметры двух других подпространств — экономического и политического), встает вопрос об использовании исключительно *интеллектуальных* характеристик. Здесь хотелось бы возразить П. А. Сорокину по поводу эмпирической пригодности этого показателя для измерения стратификации. Во-первых, насколько нам известно, среди существующих сегодня методик измерения интеллекта имеется немало таких, что противоречат друг другу. Во-вторых, все они предназначены для измерения уровня развития интеллекта у конкретных индивидов в целом, а не для того, чтобы зафиксировать уровень интеллекта, требуемого для исполнения каких-то профессиональных обязанностей.

И, наконец, как отмечают специалисты по изучению интеллекта, даже в высокоразвитых обществах имеются многочисленные группы специалистов (принадлежащих, как правило, к самой высокой страте в таблице Ф. Барра), «чей высокий интеллект, показанный в тестах, не оплачивается обществом соразмерно вкладу их труда» [2]. Поэтому показатели интеллекта вряд ли могут служить показателем достаточно высокого статуса. В еще большей степени такое положение дел характерно для менее «продвинутых» обществ, таких, например, как наша Россия. По некоторым данным, на конец 1996 года уровень заработной платы научных кадров составлял 60,9 % от оплаты труда в строи-

[1] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность. С. 355.

[2] *Айзенк Г. Ю.* Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. — Н. Новгород, 1993. С. 18.

тельстве, 73,1 % — от оплаты труда в промышленности и 81,9 % — по экономике в целом [1]. Конечно, здесь мы в значительной степени имеем дело с явлением той же статусной несовместимости. Однако эта статусная несовместимость уже сравнительно устойчива и, в принципе, вряд ли влияет на общую социальную стабильность. Отметим, кстати, что когда представители научного и научно-педагогического труда, которых не устраивает неадекватная оценка обществом их труда, уходят в сферы бизнеса или политики (стремясь к статусной кристаллизации), то они тем самым просто полностью изменяют свой профессиональный статус. Поэтому мы позволили бы себе предложить свой набор координат для измерения социальных позиций индивидов или социальных групп в профессиональном подпространстве (осознавая, что он, может быть, и не бесспорен) [2].

Образование (О). Этот показатель прямо измеряется числом лет, затраченных индивидом на получение формального общего и профессионального образования. Таким образом, мы получаем шкалу, проградуированную во временнум измерении — годами.

Квалификация (К). Эта переменная может измеряться по ранговой шкале, так как она характеризует степень общепризнанного мастерства индивида — в тех категориях и рангах, какие приняты в данном обществе. Для работников физического (ручного) труда она может измеряться в разрядности или классности; для работников управленческого труда это может быть воинское или приравненное к нему звание или разряд (наподобие принятых в России для государственных служащих разрядов Единой Тарифной Сетки); для интеллектуальных работников — это ученое звание. Отметим, что эта переменная в определенной степени коррелирует со значениями предыдущей координатной оси, но не совпадает с ними. Так, одному потребуется десять лет на завершение и защиту кандидатской диссертации (из которых лишь три года аспирантуры пойдут в зачет формального образования), а другой потратит на это всего два года, причем, вообще минуя официальное положение аспиранта.

Сложности с использованием этой шкалы состоят в проблеме совмещения шкал разных типов — в различных сферах профессиональной деятельности. Как сравнить между собой (и правомерно ли вообще про-

[1] См.: Аргументы и факты. — 1996. № 51.

[2] См.: *Анурин В. Ф.* Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социологические исследования. — 1993. № 4. С. 95

водить такое сравнение) по уровню ранга, скажем, квалификацию доктора наук и чиновника (государственного служащего) 15-го тарифного разряда, токаря шестого разряда и конструктора первой категории? Эту проблему в дореволюционной России пытались отчасти решить путем прямого узаконения такого рода сравнений. Согласно известной «Табели о рангах», восходящей к временам петровских реформ, ранг, скажем, статского советника гражданской службы (который автоматически приравнивался к рангу университетского профессора) соответствовал званию генерал-майора военной службы и т. д. Однако такая градация принималась только для «служилых» людей, т. е. для тех, кто находился на государственной службе. Правда, бюрократический гений чиновников не мог смириться с тем, что вне ранжировки оставалась огромная масса населения, и поэтому в России, начиная с 1775 года, для семейств и лиц купеческого сословия был принят гильдейский принцип: привилегированное купечество в зависимости от размеров капитала подразделялось на три гильдии — первую, вторую и третью. Хотя, конечно, радикального упорядочения в легальную типологию различных страт тогдашнего российского общества это, конечно, внести не могло.

Ранг профессии (РП). По аналогии с *партийной принадлежностью (ПП)* в политических осях координат мы могли бы назвать данную ось «профессиональной принадлежностью». Однако хотелось бы подчеркнуть, что мы стремимся зафиксировать расположение профессий в ранжированном ряду, по шкале, организованной по принципу «выше-ниже». Другими словами, нас интересует *престиж* конкретной профессии в данном социуме, характерный для данного периода времени. В чем может проявляться такого рода престиж? Вероятно, прежде всего — в тех позициях, которые занимают представители той или иной профессии на рынке труда. Здесь всегда спрос на одни профессии превышает спрос на другие (а соответственно — и цена труда, выражаемая в назначаемой зарплате). Соответственно возрастает и привлекательность данной профессии в глазах широких слоев населения.

Конечно, многое зависит от общей политической и экономической ситуации в обществе. В тридцатые годы в СССР чрезвычайно престижной была профессия военного (и в особенности летчика) — страна стояла на пороге войны, и внимание государства и всего общества к армии было огромным. Три-четыре десятилетия назад чрезвычайно возрос престиж физиков, авиастроителей — вообще всех профессий и специальностей, требовавшихся в оборонном комплексе. Сегодня, в условиях рыночной экономики, резко повышается спрос на юристов,

а также на специалистов по менеджменту, бухгалтерскому учету и экономическому анализу.

При всей субъективности такого рода оценок они имеют под собой, вероятно, и объективные основания. Во всяком случае, именно это утверждает так называемая *технико-функциональная теория стратификации*, согласно которой во всех обществах в различные периоды развития возникают потребности в профессиях, объективно обладающих в данный момент большей важностью, нежели другие, и требующих особых умений для своего адекватного исполнения [1]. Однако эти умения дефицитны, потому что талант встречается редко, а обучение стоит дорого — по времени и по затратам средств — и не каждому доступно по его способностям. Потому и вознаграждения — не только в форме денежного стимулирования, но и высокого социального престижа — должны быть адекватны, чтобы побуждать тех, кто обладает соответствующими способностями, получать знания, умения и навыки именно требуемого профиля.

Резюме

1. Категориальные модели в качестве основных компонентов социальной структуры выделяют большие группы людей, объединенных *схожими социальными признаками* — классы, социальные страты, демографические, профессиональные, этнические и т. п. большие социальные группы.

2. Понятие *класс* означает любое множество, состоящее из элементов, каждый из которых обладает, как минимум, одним общим для всех свойством. Именно наличие этого общего свойства и позволяет объединить их все в единый класс. Каждый из этих элементов может выступать в качестве выразителя и представителя того или иного класса.

3. Одной из наиболее влиятельных социологических концепций классовой структуры является марксистская теория классов. В этой теории классообразующим признаком выступает *наличие или отсутствие собственности на средства производства*.

4. Достаточно часто люди могут заблуждаться относительно своей реальной позиции в обществе — такое явление Маркс определяет как *ложное классовое сознание*. Представители пролетариата должны раз-

[1] См., напр.: *Collins R.* Functional and Conflict Theories of Educational Stratification // American Sociological Review. — 1971, Vol. 36 (December). P. 1002–1019.

вивать в себе классовое сознание, и пролетариат должен расти от бытия в качестве класса «в себе» до становления в класс «для себя», состоящий из рабочих с классово осознанным взглядом на мир и готовых преднамеренно вступить в классовый конфликт с капиталистами.

5. Макс Вебер трактует класс как группу людей, обладающих одинаковыми *жизненными возможностями*. Любая классовая позиция, согласно Веберу, означает, что жизнь индивида будет следовать определенным паттернам. Он предлагал дополнить признак наличия или отсутствия собственности градацией по экономическим различиям в *емкости рынка труда*. В соответствии с этим он считал, что в капиталистическом обществе можно выделить четыре класса: буржуазию, профессионалов, мелкую буржуазию и рабочий класс.

6. Современные подходы к социальной классификации чаще всего выделяют четыре класса: *высший класс (Upper Class)*, отличающийся наиболее высоким уровнем благосостояния и власти; *средний класс (Middle Class)*, который образуется пестрым конгломератом большого числа социальных групп; *рабочий класс (Working Class)*, объединяющий всех работников физического труда, независимо от сферы занятости; *низший класс (Underclass)*, включающий в себя, как правило, представителей этнических меньшинств, а также женщин, занятых на наиболее низкооплачиваемых, наименее безопасных и наименее привлекательных рабочих местах.

7. Другим распространенным подходом к анализу социальной структуры является *стратификация*, в соответствии с которой общество подразделяется на *страты* (слои). В зависимости от выбранных признаков — богатство, власть, престиж, репутация, соответствие потребностям общества и т. д. — можно выделить множество самых разнообразных способов стратификации.

8. Питирим Сорокин в своей теории социальной стратификации вводит понятие *социального пространства*, называя этим термином совокупность всех социальных статусов данного общества. Обобщенный социальный статус каждого из элементов этого пространства — будь то индивид или целая социальная группа — определяется одновременно тремя статусами: экономическим, политическим и профессиональным, каждый из которых образует свое социальное подпространство.

9. Эмпирическое измерение стратификации производится с помощью различных параметров, расположенных на соответствующих осях социальных координат. Параметры экономического подпространства: отношение к собственности на средства производства, место в организации труда, размер дохода. Параметры политического подпрост-

ранства: ранг в государственной иерархии, партийная принадлежность, ранг в партийной иерархии. Параметры профессионального подпространства: образование, квалификация, ранг (престиж) профессии.

Контрольные вопросы

1. Какой классообразующий критерий использовал К. Маркс?
2. Дайте определение термина «страта»?
3. Что такое «жизненный стиль»?
4. Из каких компонентов состоит *полный* социальный статус индивида или социальной группы?
5. В чем заключается сущность «статусной несовместимости» и «статусной кристаллизации»?
6. Назовите параметры осей экономического подпространства.
7. Назовите параметры осей политического подпространства.
8. Назовите параметры осей профессионального подпространства.
9. Сколько всего показателей необходимо измерить эмпирически, чтобы выявить полный социальный статус индивида?
10. Как бы вы построили современную шкалу престижа профессий?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань, 1997.
2. *Анурин В. Ф.* Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. — 1996. № 12.
3. *Анурин В. Ф.* Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социологические исследования. — 1993. № 4.
4. *Анурин В. Ф.* Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. — 1996. № 1.
5. *Балабанов С. С.* Социальные типы и социальная стратификация // Социологический журнал. — 1995. № 2.
6. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. — 1992. № 9.
7. *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. — М., 1988.

8. *Ионин Л. Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. — 1996. № 2–4.
9. *Липсет С. М.* Политическая социология // Американская социология. — М., 1972.
10. *Мельников А. Н.* Американцы: социальный портрет: Новые явления в классовой структуре США. — М., 1987.
11. *Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Д.* Классовая структура американского общества // Социологические исследования. — 1984. № 1.
12. *Рывкина Р. В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. — М., 1989.
13. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994. Гл. 6, 9.
14. Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990.
15. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.

Глава 5
Социальное неравенство и социальная мобильность

Проблема неравенства непосредственно связана с прямо противоположной ей проблемой равенства. Хотя некоторые — прежде всего религиозные — доктрины провозглашают, что люди в определенном смысле равны друг другу от рождения, большинство социологических дискуссий сосредоточивают свое внимание на состоянии и тенденциях изменения равенства в конкретных социальных контекстах. Отсутствие равенства, то есть *неравенство*, — это жизненно важный элемент, возникающий в ходе изучения любой стратификации. Строго говоря, при отсутствии неравенства теряет смысл сама социальная стратификация, поскольку любая стратификационная система, какие бы параметры мы ни взяли для ее описания, фиксирует именно характер и размеры неравенства между различными членами общества.

После Великой французской революции и развития либеральных демократий равенство обычно интерпретировалось как равенство между индивидами или гражданами в целом ряде различных контекстов. Представители либеральной демократии, к примеру, исходили из того, что все члены общества должны быть равны перед законом, обладать политическим равенством. Такие типы равенства часто переводились на язык ряда конституционных прав: права на справедливое судебное разбирательство, права организовывать политические партии, права на беспристрастный выбор независимо от социального происхождения. Однако такого рода либерально-демократический подход к индивидуальному равенству вовсе не предполагал и не предполагает равенства в распределении доходов и благосостояния, что само по себе подрывает любые попытки установления равенства, поскольку обладатели материальных ресурсов имеют заведомое преимущество перед любыми другими гражданами. Этот момент был отмечен социологами как весьма плодотворная тема для эмпирических исследований, и они сумели продемонстрировать, каким образом обладание материальными ресурсами может оказывать влияние на жизненные шансы людей.

Если отвлечься от идеологии и демагогических деклараций, то непредвзятый анализ общесоциологических тенденций динамики человеческого общества может привести к довольно непопулярному выводу, способному вызвать бурю негодования среди наиболее ревностных адептов свободы, равенства и братства. Вывод этот таков: в доиндустриальных обществах и на ранних этапах индустриального именно экономическое и политическое неравенство членов общества служит одним из решающих факторов прогрессивных (в конечном счете) социальных изменений. Более того, это неравенство *объективно* закрепляется и в господствующих представлениях о справедливости во всех слоях общества, в том числе и среди самих неимущих.

В главе 2 уже упоминалось о том, что Питирим Сорокин, анализируя огромный исторический и статистический материал, пришел к выводу, что никакой устойчивой тенденции в обострении или, наоборот, смягчении социального неравенства обнаружить невозможно, можно наблюдать лишь флуктуации в распределении экономического богатства и политического влияния между различными социальными группами. Вопреки укоренившемуся мнению о том, что наиболее убежденными сторонниками «уравниловки» были марксисты, сам Карл Маркс достаточно убедительно показывает бессмысленность самой постановки вопроса о стремлении к «абсолютному равенству» [1]. В этой главе мы попытаемся проследить некоторые тенденции изменения социального неравенства, которые, в частности находят свое отражение в таком важном и неоднозначном процессе, как социальная мобильность.

§ 1. Бедность и неравенство

С социальной стратификацией тесно связаны понятия *неравенство*, а также противостоящие друг другу *богатство* и *бедность*. Неравенство характеризует *неравномерное распределение дефицитных ресурсов общества* — денег, власти, образования и престижа — между различными стратами или слоями населения. Основные измерители неравенства — ликвидные ценности. Эту функцию обычно выполняют *деньги* (в примитивных обществах неравенство выражалось в количестве мелкого и крупного рогатого скота, ракушек и т. д.).

Если неравенство представить в виде *шкалы*, то на одном ее полюсе окажутся те, кто владеет наибольшим (богатые), а на другом — наименьшим (бедные) количеством благ. Таким образом, бедность — это экономическое и социокультурное состояние людей, имеющих мини-

[1] См.: *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв.: В 3 т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1983. С. 14–16.

мальное количество ликвидных ценностей и ограниченный доступ к социальным благам. Бедность — это не только минимальный доход, но и *особый образ* и *стиль жизни*, т. е. передающиеся из поколения в поколение нормы поведения, стереотипы восприятия и психология. Поэтому социологи говорят о бедности как об особой *субкультуре*.

Самый распространенный и легкий в расчетах способ измерения неравенства — *сравнение величин самого низкого и самого высокого доходов* в данной стране. П. А. Сорокин сравнивал подобным образом характер распределения благ среди членов общества в различных странах и в различные исторические эпохи. Результат такого рода измерений приводит к выявлению *масштаба неравенства*. Например, в средневековой Германии соотношение высшего и низшего доходов составляло 10 000 к 1, а в средневековой Англии — 600 к 1. Другой способ — *анализ доли семейного дохода, затрачиваемого на питание*. Оказывается, в современном обществе богатые расходуют на продовольствие всего 5–7 % своих доходов. Вообще выявлена такая закономерность: чем беднее индивид, тем больше у него удельный вес затрат на питание, и наоборот. Это, в принципе, понятно: биологически каждой из человеческих особей требуется примерно одинаковое количество пищи.

Сущность социального неравенства, как мы уже сказали, заключается в неодинаковом доступе различных категорий населения к социально значимым благам, дефицитным ресурсам, ликвидным ценностям. Сущность экономического неравенства состоит в том, что меньшинство населения всегда владеет большей частью национального богатства. Иными словами, самые высокие доходы получает наименьшая часть общества, а средние и наименьшие — большинство населения. Последние могут распределяться по-разному. В США наименьшие доходы (как, впрочем, и наибольшие) получает меньшинство населения, а средние — большинство. В России сегодня наименьшие доходы получает большинство, средние доходы — относительно большая группа, а наивысшие — меньшинство населения. Соответственно пирамиду доходов, их распределение между группами населения, иными словами неравенство, в первом случае можно изобразить в виде ромба, а во втором — конуса. В итоге мы получим так называемый *профиль стратификации* (рис. 5, рис. 7, *а*, рис. 7, *б*).

Неравенство характеризует общество в целом, бедность — только часть населения. В зависимости от уровня экономического развития страны бедность охватывает значительную или незначительную часть населения. Как видно, в 1992 году в США к бедным относили себя 14 % населения, а в России — 80 %.

Для измерения масштаба бедности социологи выявляют удельный вес той части населения страны (обычно выраженный в процентах), которая проживает у официальной черты, или порога, бедности. Для обозначения масштаба бедности применяются также термины «уровень бедности», «границы бедности» и «коэффициент бедности».

Порог бедности — это сумма денег (обычно выражается, например, в долларах или рублях), официально установленная в качестве минимального дохода, которого индивиду или семье хватает лишь на приобретение продуктов питания, одежды и жилья. Его также называют «уровнем бедности». В России он получил дополнительное название — прожиточный минимум.

В социологии различают абсолютную и относительную бедность.

Под *абсолютной бедностью* понимается такое состояние, при котором индивид на свой доход не способен удовлетворить даже базисные потребности в пище, жилище, одежде, тепле либо способен удовлетворить только минимальные потребности, обеспечивающие биологическую выживаемость. Численным критерием здесь выступает порог бедности (прожиточный минимум).

Под *относительной бедностью* понимается невозможность поддерживать уровень приличествующей жизни, или некоторый стандарт жизни, принятый в данном обществе. Как правило, относительная бедность составляет менее половины среднего дохода семьи в данной стране[1]. Относительная бедность показывает, насколько конкретный индивид или семья бедны в сравнении с другими людьми. Она является сравнительной характеристикой по двум параметрам. Во-первых, показывает, что человек (семья) беден относительно того изобилия или достатка, которым обладают другие члены общества, не считающиеся бедными. Первое значение относительной бедности заключается в сравнении одной страты с другими стратами, или слоями. Во-вторых, она показывает, что человек (семья) беден относительно некоторого стандарта жизни, например стандарта достойной, или приличествующей, жизни.

Эта граница довольно подвижна. Еще 40 лет назад черно-белый телевизор в СССР считался предметом роскоши, доступным немногим. В 90-е годы цветной телевизор появился практически в каждой семье, а черно-белый считается признаком скромного достатка, или относи-

---

[1] См.: *Жеребин В. М., Римашевская Н. М.* Проблема борьбы с бедностью в разработках зарубежных правительственных и международных организаций // Бедность: взгляд ученых на проблему / Под ред. М. А. Можиной. — М.,1994. С. 26.

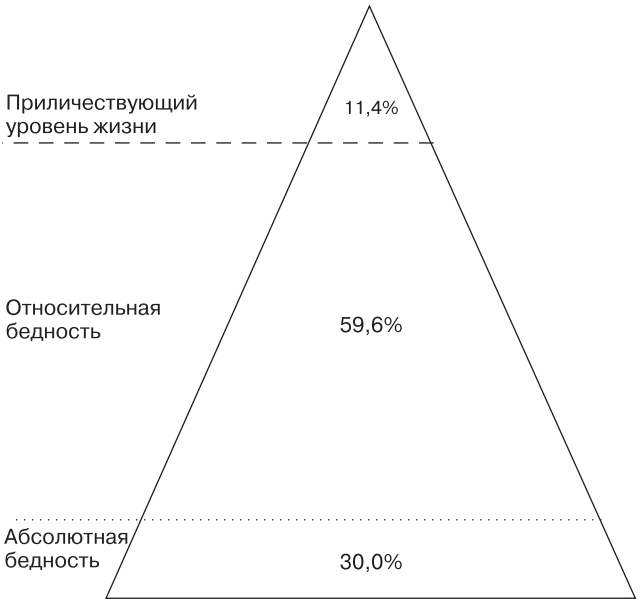

Рис. 5. Соотношение абсолютной и относительной бедности в России (конец 90-х годов XX века)

тельной бедности. Скоро в разряд относительной бедности перейдут те, кто не может позволить себе купить японский телевизор или компьютер.

Нижней границей относительной бедности является прожиточный минимум и/или порог бедности, а верхней — так называемый приличествующей уровень жизни. *Приличествующий уровень жизни* отражает количество материальных благ, позволяющих человеку удовлетворять все разумные потребности, вести достаточно комфортный образ жизни, не чувствовать себя ущемленным. По данным представительного исследования (опрошено 4 тыс. респондентов из 38 регионов РФ), проведенного Т. Ю. Черкашиной, всего 11,4 % россиян имеют доходы, которые находятся на уровне приличествующей жизни или превышают его. На конец 90-х годов по статистике 30 % россиян получали доходы ниже официального прожиточного минимума. Таким образом, уровень относительной бедности равен 11,4 %, а абсолютной — 30 % (рис. 5).

В 11,5 % входят богатые (включая так называемых «новых русских») и часть среднего класса — те, кто, по их собственным оценкам, живет «нормально». Из 100 % населения вычитаем 30 % нищих (поскольку проживание ниже официальной черты бедности, или офици-

ального прожиточного минимума, фактически означает нахождение в состоянии нищеты), а также 11,5% живущих на приличествующем уровне (уровень относительной бедности), и получаем 59,6% расположенных между границами абсолютной бедности (снизу) и относительной (сверху).

Данные Т. Ю. Черкашиной свидетельствуют: чем богаче человек, тем выше его притязания. Люди победнее обладают довольно скромными представлениями о том, сколько денег им необходимо, чтобы «жить нормально». У богатых амбиции и претензии неизбежно растут. Другая тенденция: чем моложе возраст, тем больше требуется денег для того, чтобы жить нормально. У 18–25-летних уровень приличествующей жизни (во всяком случае, по их собственным представлениям) в 1,5 раза выше, нежели у 60–70-летних. Еще одна тенденция такова: чем выше образование, тем выше уровень притязаний. У тех, кто не имеет среднего образования, этот уровень в 2 раза ниже, чем у тех, кто обладает дипломом о высшем образовании. Наконец, у жителей Москвы и Санкт-Петербурга уровень притязаний в 3 раза выше, чем у жителей сельской местности. Таким образом, на селе считают, что для нормальной жизни им необходимо меньше денег, чем горожанам. В чем-то это объяснимо: жизнь на селе по-прежнему во многом базируется на продукции, которую дает натуральное хозяйство, — собственного производства молоко, мясо, овощи с огорода. Кроме того, чем дальше от непосредственного производства жизненных благ, тем больше разнообразных посредников, а значит, тем выше цена потребляемых благ. Однако не меньшую роль здесь играет традиционно более низкий уровень притязаний жителей провинции и отсутствие влияния так называемого *демонстративного потребления*, обусловленного характером господствующих субкультур (например, посещения театра, спортзала, кафе и т. д.).

Отсюда следует, что универсального для всех слоев и социальных групп уровня приличествующей или «нормальной» жизни просто не существует. Для каждого класса и категории населения он свой, и разброс значений весьма существенный. Приведенные значения относительной бедности (рис. 5) выражают лишь среднестатистическую тенденцию, которая сглаживает такого рода различия.

§ 2. Тенденции изменения неравенства

П. А. Сорокин в своей широко известной и неоднократно упоминавшейся нами работе «Социальная и культурная мобильность» провел тщательное и кропотливое исследование множества самых разнообразных статистических данных с целью выявления исторических за-

кономерностей флуктуаций (колебаний) неравенства в распределении различных благ (прежде всего — экономических, но также и властных) между членами общества на протяжении нескольких тысячелетий. Результат был несколько неожиданным: никаких отчетливо выраженных тенденций выявить не удалось. Периоды нарастания неравенства сопровождались сглаживанием его, а затем неравенство вновь нарастало. Единственной кривой, которой удавалось аппроксимировать исследуемые тренды, оказалась *синусоида*.

Это не означает, однако, что такого рода тенденции невозможно выявить на протяжении исторических периодов, сравнимых с жизнью нескольких, а тем более одного-двух поколений. Напомним, что, по Сорокину, мерой неравенства в различных обществах можно считать два параметра:

1) *высоту стратификации*, под которой понимают социальную дистанцию между самым высоким и самым низким статусами данного конкретного общества;
2) *профиль стратификации*, который показывает соотношение численности мест (социальных позиций) в социальной структуре общества по мере повышения статуса.

Многочисленные эмпирические исследования выявляют следующие исторические тенденции. Чем выше уровень развития общества, тем ниже высота стратификации, и наоборот. Наибольший уровень высоты стратификации — то есть социальной дистанции, отделяющей наивысшие уровни социальных позиций в данном обществе от самых низких, — отмечаются в наиболее отсталых обществах. И наоборот — чем выше уровень развития общества в целом, тем меньше размеры высоты стратификации. Другими словами, в отсталых обществах социальные верхи от социальных низов отделяет пропасть непроходимых размеров, в то время как в продвинутых обществах представители низших слоев могут относиться к своей элите если не как к равным, то и не так, как к недостижимым «богам», т. е. достаточно спокойно.

Если сравнивать уровни неравенства по такому, например, эмпирически измеряемому параметру, как *децильный коэффициент*[1], то можно было бы, применительно к российскому обществу, убедиться в следующем. Если в начале и середине 80-х годов XX века (на «излете» совет-

[1] Эта величина рассчитывается следующим образом: составляется ранжированный список, в котором на первом месте стоит тот, кто имеет самый высокий уровень дохода, на последнем — тот, у кого самый низкий уровень. Средний доход верхних 10 % делится на средний доход нижних 10 %.

ского общества) децильный коэффициент колебался между 3 и 4, то во второй половине 90-х он установился на уровне 18–20.

Существует устойчивое мнение, что стремительное нарастание неравенства в российском обществе — это результат рыночных реформ 90-х годов. Однако наши собственные исследования показывают, что данная проблема возникла значительно раньше. Еще в советские времена мы попытались отследить тенденцию изменения неравенства, выраженного в объемах вкладов в сбережениях в так называемых государственных сберкассах (возможности разместить свои свободные денежные средства в других банках в те времена просто не было) представителями различных социальных страт[1]. Воспользовавшись данными ежегодных отчетов Горьковского областного управления гострудсберкасс, мы обратили особое внимание на категорию вкладчиков, у которых остаток вклада на начало года превышал 5 тысяч рублей. Напомним, что для того периода это была весьма солидная сумма, составлявшая стоимость легкового автомобиля — символа богатства по тем временам. Учитывая, что в сберкассах хранились свободные деньги, имеется немало оснований полагать, что они составляли лишь верхушку айсберга общего объема имущества, принадлежавшего этим вкладчикам.

На графике (рис. 6) отражена динамика изменений с 1971 по 1986 годы двух показателей — числа вкладов размером более 5 тыс. рублей (нижняя кривая) и удельного веса принадлежащего им объема вкладов в общем объеме вкладов населения области (верхняя кривая). Мы видим, что всего за 16 лет выросли оба эти показателя, однако выросли несопоставимо. Бросается в глаза быстрый рост удельного веса общей суммы вкладов на фоне более медленного увеличения удельного веса численности их владельцев. Так, в 1986 году менее чем на 4 % сберкнижек лежало более четверти всех помещенных в сберкассах денег. В то же время около 60 % вкладчиков делили между собой менее пятой части этой общей суммы.

На основе выявленных за шестнадцать лет тенденций мы попытались дать определенный прогноз с помощью экстраполяции данных, приведенных на графике (рис. 6): «Если предположить, что сохранятся даже средние (а не максимальные, как в последние пять лет) темпы упомянутого процесса, то к 2000 году в Горьковской области немногим более 7 % вкладчиков будут владеть почти половиной сбережений»[2]. Мы не мог-

[1] См.: *Анурин В. Ф.* Тайны вклада (динамика денежных сбережений населения) // Социологические исследования. — 1988. № 2.

[2] Там же.

ли предвидеть событий российской истории, последовавших через три года после опубликования этих материалов, равно как и того, что Горьковская область вновь станет Нижегородской. Однако думается, что если мы и ошиблись, то ненамного, и скорее — в сторону увеличения. Сегодня половиной сбережений владеют не 7 % вкладчиков, а гораздо меньше. Впрочем, год спустя после опубликования этих материалов нам попались на глаза данные, согласно которым в Москве и Риге половина вкладов в сберкассах принадлежала не семи, а всего лишь трем процентам вкладчиков. Это более высокий уровень неравенства, чем, например, в современной Великобритании, где «один процент населения держит в своих руках четверть личной собственности в стране, пять процентов владеют половиной ее...» [1].

Профиль стратификации, т. е. его форма, также отражает уровень неравенства в данном обществе, хотя и несколько иначе. Так, по мере нарастания этого уровня профиль становится все более «заостренным», по мере снижения уровня неравенства он «уплощается». В большинстве традиционных обществ, где уровень неравенства чрезвычайно высок (что находит свое выражение также в непомерно большой высоте стратификации), профиль стратификации принимает форму пирамиды (или, по Сорокину, конуса) с крутыми склонами (рис. 7, *а*). Для современных продвинутых обществ эта форма приближается к ромбовидной (рис. 7, *б*). Как видим, в пирамидальном профиле по мере приближения к дну численность слоев возрастает. В ромбовидном же наиболее многочисленным является средний слой, а «придонная» страта уступает ему в размерах [2].

Конечно, пирамидальный и ромбический профили стратификации — это скорее «идеальные типы», реальные же стратификационные профили продвинутых обществ выглядят несколько иначе. Российский исследователь Н. Е. Тихонова приводит в своей работе [3] профиль социальной структуры, типичный для 17 стран Европы и Северной Америки, построенный по 10-позиционной шкале, который практически близок к ромбическому (рис. 8).

Н. Е. Тихонова указывает также на то, что «социальная структура России в 1992 году, несмотря на начало рыночных реформ, также в целом воспроизводила тогда общий для всех обследованных стран тип

---

[1] *Овчинников В.* Корни дуба // Роман-газета. — 1987. № 4. С. 35.

[2] См.: Collins Dictionary of Sociology. P. 622.

[3] См.: *Тихонова Н. Е.* Социальная структура российского общества: итог восьми лет реформы // Общественные науки и современность. — 2000. № 3. С. 6.

[4] Там же.

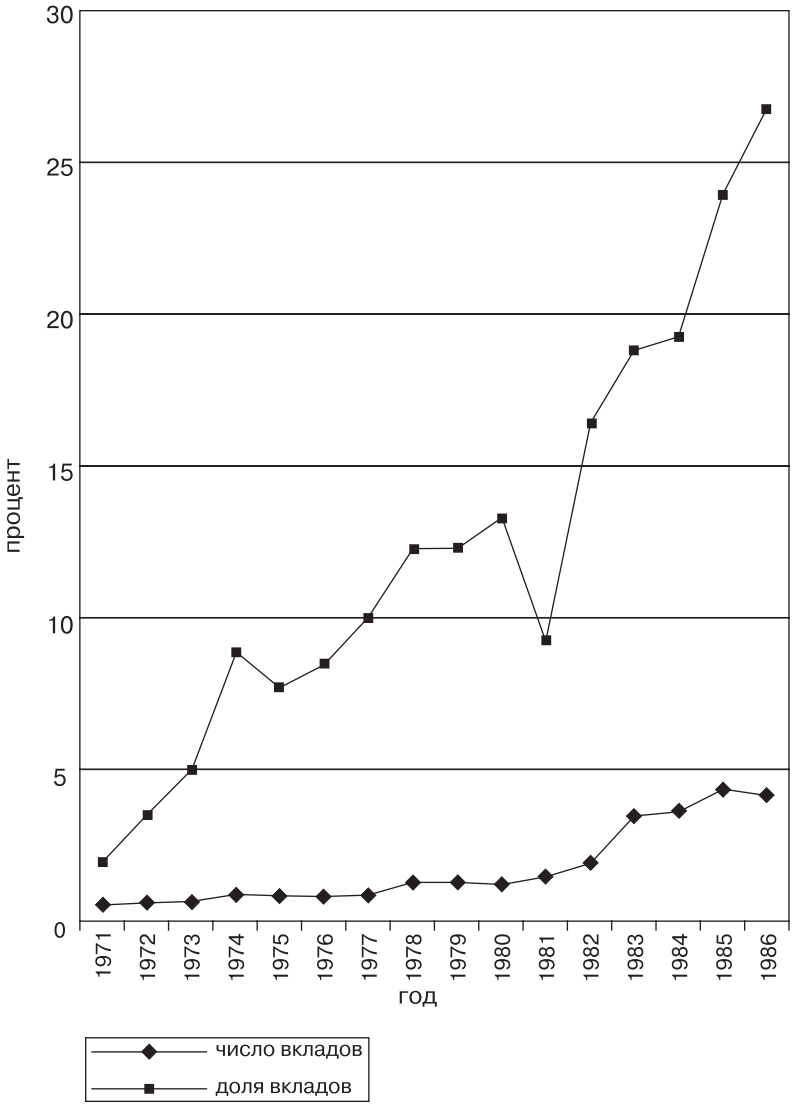

Рис. 6. Динамика изменений самых крупных вкладов и их доли в общей сумме сбережений населения Горьковской области с 1971 по 1986 годы

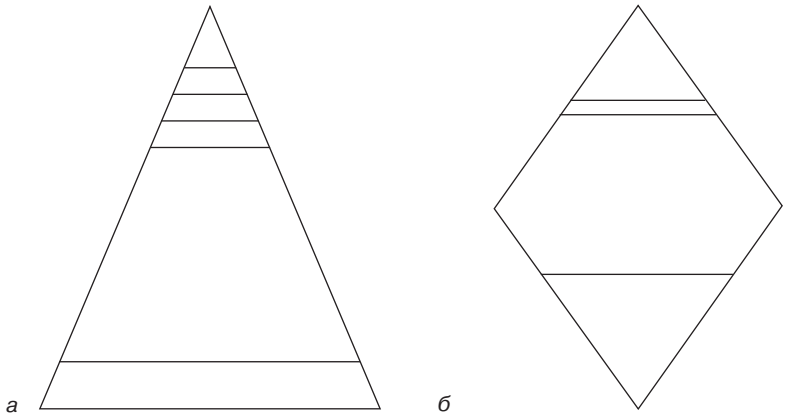

Рис. 7. Профили стратификации: *а* — характерные для традиционных обществ; *б* — характерные для современных западных обществ

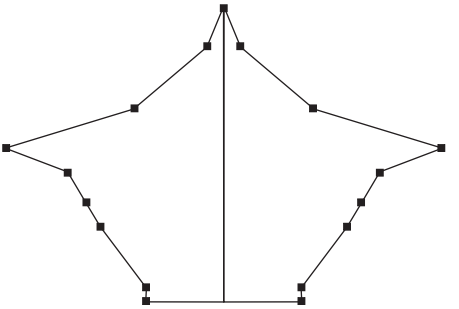

Рис. 8. Типичная социальная структура 17 стран Европы и Северной Америки

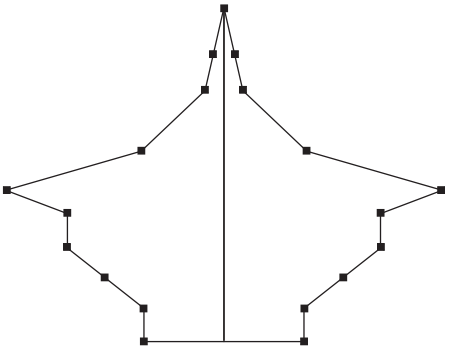

Рис. 9. Социальная структура России в 1992 году

социальной структуры»[4] (рис. 9). В целом эта форма социального профиля соответствовала «нормальной»[1]. Конечно, «донная» часть профиля стратификации 1992 года немного «проседает» в сравнении с профилем продвинутых обществ. Это свидетельствует о том, что удельный вес низших слоев был тогда в России несколько выше в сравнении с продвинутыми обществами.

Ситуация заметно изменилась после дефолта, объявленного правительством С. В. Кириенко в августе 1998 года (рис. 10). Мы видим, что профиль стратификации заметно «просел», приближаясь к конусу, в большей степени характерному для традиционных обществ. «Крылья», в которых локализовался средний класс, «как бы опустились, и те слои населения, которые относили себя раньше к среднему классу, перешли в состав низших слоев. В результате основной характерной особенностью вновь возникшего типа социальной структуры стала «приниженность» социальных статусов основной массы россиян»[2].

Есть основания считать, что отраженные на этих диаграммах реальные социальные процессы, имевшие место в течение последнего десятилетия отечественной истории, подтверждают тезис П. А. Сорокина относительно флуктуаций неравенства в распределении экономических благ.

§ 3. Социальная мобильность и миграция

Люди находятся в постоянном движении, а общество — в развитии. Это означает и непрерывную изменчивость социальной структуры. Совокупность социальных перемещений людей в обществе, т. е. изменений ими своего статуса, называется *социальной мобильностью*. Данная тема интересовала человечество с давних пор. Неожиданное возвышение человека или его внезапное падение — излюбленный сюжет народных сказок: хитрый и мудрый нищий вдруг становится богачом, бедный принц — королем, а трудолюбивая Золушка выходит замуж за принца, повысив тем самым свои статус и престиж.

Однако человеческая история складывается не столько из индивидуальных судеб, сколько из движения больших социальных групп. На сме-

---

[1] *Тихонова Н. Е.* Социальная структура российского общества: итог восьми лет реформы // Общественные науки и современность. — 2000. № 3. С. 6.

[2] *Там же.* Наши собственные исследования, относящиеся к тому же периоду, подтверждают эти выводы (см.: *Анурин В. Ф.* Социальная стратификация и социальное самочувствие // Социальная мобильность и социальный конфликт. — М.–Н. Новгород, 1996. С. 12–29).

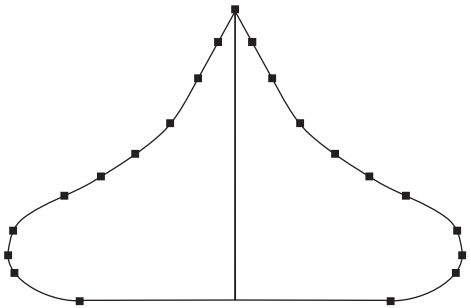

Рис.10. Социальная структура России летом 1998 года

ну земельной аристократии приходит финансовая буржуазия, представители малоквалифицированных профессий вытесняются из современного производства представителями так называемых «белых воротничков» — инженерами, программистами, операторами роботизированных комплексов. Войны и революции перекраивали социальную структуру общества, поднимая на социальную вершину пирамиды одних и опуская других. Подобные изменения произошли в российском обществе после Октябрьской революции 1917 года. Происходят они и сегодня, когда на смену партийной элите приходит бизнес-элита.

Исследования показывают, что обладатели высших статусов предпочитают для себя и своих детей высокие позиции, но и обладатели низких статусов желают для себя и своих детей того же самого. Между восхождением и нисхождением существует известная *асимметрия:* все хотят подниматься и никто не хочет опускаться по социальной лестнице. Как правило, восхождение — явление добровольное, а нисхождение — принудительное.

В этом параграфе мы рассмотрим сущность, причины, типологию, механизмы, каналы и факторы, влияющие на социальную мобильность.

Существуют *два основных вида* социальной мобильности — межпоколенная (или интергенерационная) и внутрипоколенная (интрагенерационная) и *два основных типа* — вертикальная и горизонтальная. Они, в свою очередь, распадаются на *подвиды* и *подтипы,* которые тесно связаны друг с другом.

Межпоколенная мобильность описывает повышение или, наоборот, понижение социального статуса представителей последующих поколений по сравнению со статусом нынешнего; предполагается, что дети достигают более высокой социальной позиции либо опускаются на более низкую ступеньку, чем их родители. Например: сын шахтера становится инженером — восходящая интергенерационная мобильность, а сын профессора работает слесарем-сантехником — нисходящая.

Внутрипоколенная мобильность относится к ситуации, где один и тот же индивид, вне сравнения с отцом, на протяжении жизни несколько раз меняет свои социальные позиции. По-другому этот процесс называется *социальной карьерой*. Пример: токарь становится инженером, затем начальником цеха, директором завода и, наконец, министром машиностроительной отрасли.

Первый вид мобильности относится к долговременным, а второй — к кратковременным социальным процессам. В первом случае социологов в большей степени интересует межклассовая мобильность, а во втором — перемещение из сферы физического труда в сферу умственного.

Вертикальная мобильность подразумевает перемещение из одной страты (а также сословия, класса, касты) в другую. В зависимости от направления перемещения выделяют *восходящую* мобильность — социальный подъем, движение вверх и *нисходящую* мобильность — социальный спуск, движение вниз. Повышение в должности — типичный пример восходящей мобильности, увольнение, разжалование или увольнение по сокращению штатов — пример нисходящей.

Горизонтальная мобильность подразумевает переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Примером может служить перемещение из православной в католическую религиозную группу, из одного гражданства — в другое, из одной семьи (родительской) — в другую (свою собственную, вновь образованную), из одной профессии — в другую. Подобные движения происходят без заметного изменения социального положения в вертикальном направлении.

Разновидностью горизонтальной мобильности является *географическая мобильность*. Она подразумевает не изменение статуса или группы, а перемещение из одного места в другое при сохранении прежнего статуса. Примером выступает международный и межрегиональный туризм, переезд из города в деревню и обратно, переход с одного предприятия на другое.

Если же к перемене места добавляется перемена статуса, то географическая мобильность превращается в *миграцию*. Если деревенский житель приехал в город, чтобы навестить родственников, то это географическая мобильность. Если же он переселился в город на постоянное место жительства и нашел здесь работу, то это уже миграция. Он поменял профессию.

На характер вертикальной и горизонтальной мобильности оказывают влияние пол, возраст, уровень рождаемости, уровень смертности, плотность населения. Мужчины и молодые люди в целом более мобильны, чем женщины и пожилые люди. Перенаселенные страны чаще испы-

тывают последствия эмиграции, чем иммиграции. Там, где высок уровень рождаемости, население более молодое и поэтому более подвижное, и наоборот. Для молодых людей в большей степени свойственна профессиональная, для взрослых — экономическая, для пожилых — политическая мобильность.

Уровень рождаемости так же неодинаково распределен по классам. У низших классов, как правило, больше детей, у высших — меньше. Существует закономерность: чем выше человек поднимается по социальной лестнице, тем меньше детей у него рождается. Даже если каждый сын богача пойдет по стопам своего отца, на верхних ступенях социальной пирамиды все равно образуются пустоты, которые заполняют выходцы из низших классов. Ни в одном классе люди не планируют заранее точное количество детей, необходимых для замещения родителей. Количество вакансий и количество претендентов на занятие тех или иных социальных позиций в разных классах разное.

Профессионалы (врачи, юристы и т. п.) и квалифицированные служащие не имеют достаточного числа собственных детей, которые могли бы заполнить их рабочие места в следующем поколении. Напротив, фермеры и сельскохозяйственные рабочие, если речь идет о США, имеют в полтора раза больше детей, чем им необходимо для самозамещения. Нетрудно рассчитать, в каком направлении должна развиваться социальная мобильность в современном обществе.

Высокая и низкая рождаемость в разных классах создает для вертикальной мобильности тот же эффект, какой создает для горизонтальной мобильности плотность населения в разных странах. Страты, как страны, могут быть перенаселены или недонаселены.

Можно предложить классификацию социальной мобильности и по иным критериям. Так, например, различают индивидуальную и групповую мобильность.

Индивидуальная мобильность — перемещение конкретного человека по социальной лестнице вниз, вверх или по горизонтали независимо от других людей.

Групповая мобильность — перемещение по социальной лестнице вниз, вверх или по горизонтали той или иной группы людей; например, когда после социальной революции старый класс уступает господствующие позиции новому классу.

Индивидуальная мобильность и групповая мобильность определенным образом связаны с приписываемым и достигаемым статусами. Индивидуальной мобильности в большей степени соответствует достигаемый, а групповой — приписываемый статус. Индивидуальная мобильность происходит там и тогда, где и когда повышается или по-

нижается общественная значимость целого класса, сословия, касты, ранга, категории. Октябрьская революция привела к возвышению большевиков, прежде не имевших признанного высокого положения. Брахманы находились на одной ступени социальной лестницы вместе с кшатриями, пока не стали высшей кастой в результате длительной и упорной борьбы и не переместились по социальной иерархии вверх. В Древней Греции большинство людей были освобождены от рабства и поднялись по социальной лестнице, а многие их прежние хозяева опустились после принятия конституции.

Переход от наследственной аристократии к плутократии (аристократии на принципах богатства) имел те же последствия. В 212 году почти все население Римской империи получило статус римского гражданства. Благодаря этому огромные массы людей, ранее считавшиеся неполноправными, повысили свой социальный статус. Нашествие варваров (гуннов, лонгобардов, готов) нарушило социальную стратификацию Римской империи: один за другим исчезли старые аристократические роды, а им на смену пришли новые. Чужестранцы основали новые династии и новую знать.

Мобильные индивиды обычно начинают социализацию в одном классе, а заканчивают в другом. Они буквально разрываются между несхожими культурами и стилями жизни. Они не знают, как себя вести, одеваться, разговаривать с точки зрения стандартов другого класса. Часто приспособление к новым условиям остается весьма поверхностным. Типичным примером тому является мольеровский «мещанин во дворянстве».

Таковы главные виды, типы и формы (между этими терминами существенных различий нет) социальной мобильности. Кроме них иногда выделяют организованную мобильность, когда перемещения человека или целых групп вверх, вниз или по горизонтали управляется государством — с согласия самих людей или без такового. К добровольной организованной мобильности следует отнести так называемый социалистический оргнабор, общественные призывы на комсомольские стройки и т. п. К недобровольной организованной мобильности можно отнести депортацию (переселение) малых народов и раскулачивание в годы сталинизма.

От организованной мобильности надо отличать *структурную мобильность*. Она вызвана изменениями в структуре народного хозяйства и происходит помимо воли и сознания отдельных индивидов. Скажем, исчезновение или сокращение отраслей или профессий приводит к перемещениям больших масс людей. Так, например, в 50–70-е годы в СССР проводилось сокращение малых деревень и их укрупнение.

Каким образом можно было бы измерять и сравнивать социальную мобильность, протекающую в различных обществах или в одном и том же обществе в разные исторические периоды? В качестве индикаторов можно принять изменения, происходящие в показателях стратификации, предложенных нами в предыдущей главе. Так, экономическая мобильность отражается в продвижении статуса индивида по каждой из трех выбранных нами шкал координатных осей. Другими словами, мы можем говорить о мобильности в сфере экономической стратификации всякий раз, когда наблюдаем, что кто-то улучшил свои позиции в отношениях собственности (или, напротив, ухудшил их), стал иметь больше (или меньше) дохода, получил более высокий (или, наоборот, более низкий) должностной пост в системе организации труда. Если мы вспомним то, что говорилось выше о статусной кристаллизации, то станет очевидным, что вероятность одновременного продвижения по двум или даже всем трем координатным осям экономического подпространства более высока, чем по одной.

Аналогично мы могли бы рассмотреть условия повышения социального статуса и в двух других подпространствах — политическом и профессиональном. Любое карьерное восхождение государственного чиновника найдет свое отражение на шкале оси «ранг в государственной иерархии»; равным образом можно увеличить свой политический вес и повышая ранг в партийной иерархии. Если же он принадлежит к числу функционеров или активистов партии, которая стала в результате парламентских выборов правящей, то такой чиновник имеет гораздо больше шансов получить руководящий пост в системе государственного или муниципального управления. И, конечно же, профессиональный статус человека повысится с получением диплома о высшем образовании или с защитой диссертации на соискание ученой степени.

В целях сравнения характера социальной мобильности в различных обществах и на различных исторических этапах их развития П. А. Сорокин вводит два параметра, названные им интенсивностью и всеобщностью мобильности. Понятием *интенсивности* обозначается «вертикальная социальная дистанция или количество слоев — экономических, профессиональных или политических, — проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени» [1]. Под *всеобщностью* же «подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени.

[1] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность. С. 376.

Абсолютное число таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в структуре данного населения страны; пропорция таких индивидов ко всему населению дает относительную всеобщность» [1].

§ 4. Миграционная картина современной России

В конце XX века наблюдалось значительное и постоянное увеличение масштабов миграции, вовлечение в мировой миграционный круговорот практически всех стран мира, иными словами, обозначилась глобализация международной миграции. На начало 1996 года в мире насчитывалось более 125 млн мигрантов, которые, по существу, образовали своеобразную «нацию мигрантов» [2].

Эксперты ООН выделяют пять категорий мигрантов:

1) иностранцы, допущенные в страну въезда для получения образования и обучения;
2) мигранты, въезжающие на работу;
3) мигранты, въезжающие с целью объединения семей или создания новых семей;
4) мигранты, въезжающие на постоянное поселение;
5) иностранцы, допущенные в страну въезда из гуманитарных соображений (беженцы, лица, ищущие убежища и др.) [3].

Участие России в мировых миграционных потоках приобрело в конце 80-х—начале 90-х годов массовый характер. Так, краткосрочная валовая миграция увеличилась с 1988 года почти в три раза, при этом частная миграция (т. е. по приглашениям родственников, знакомых, юридических лиц и др.) — более чем в 15 раз [4]. На изменение миграционной картины в российском обществе основное влияние оказал распад СССР.

С появлением ближнего зарубежья возникла уникальная ситуация, когда в рамках бывшего СССР внутренняя миграция в один момент превратилась во внешнюю. За рубежами РФ неожиданно оказались

---

[1] См.: *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность. С. 376.

[2] См.: *Ионцев В. А.* Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социологические исследования. — 1998, № 6. С. 39.

[3] См.: *Golini A.* Migrants and international migrations: new issues and strategies of the United Nations // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Международный семинар. — М., 9–10 апреля 1997.

[4] См.: *Ионцев В. А.* Международная миграция населения. С. 39

около 25 млн русских — 17,4 % их общей численности в пределах бывшего СССР. Основная часть этих «внешних русских» (почти 70 %) сосредоточена на Украине и в Казахстане. Очень высока доля русского населения в Латвии, Эстонии, Кыргызстане. Русские, проживавшие ранее на территории Прибалтики, Украины, Средней Азии, превратились в иностранцев и вынуждены были либо принимать нероссийское гражданство, либо превращаться в беженцев и переселяться в РФ. К моменту распада СССР в 10 из 15 бывших союзных республик представители некоренных национальностей составили свыше четверти населения, а в двух республиках — Казахстане и Киргизии — даже более половины населения. После распада Советского Союза за пределами своих национальных государств оказалось, кроме 25 млн русских, также 6 млн украинцев, более 2 млн белорусов и т. д.

При этом Россия практически остается единственной из бывших союзных республик, которая ни прямо, ни косвенно (через законы о гражданстве, земле, языке и т. п.) не закрыла своих границ для *всех* бывших советских граждан, желающих в нее въехать, какой бы национальности они ни были. На территории СССР проживало население почти в 300 млн человек, насчитывающее 130 этнических групп, где каждый пятый из его граждан проживал вне своего национального региона.

Согласно данным Международной организации по миграции (МОМ), за 6 лет — с 1990 по 1996 годы — население России увеличилось за счет миграции на 3,3 млн человек. А за 14 лет советской власти (с 1976 по 1990 год) — на 2,4 млн человек. Если в ближайшие годы экономическая ситуация в России улучшится, то количество мигрантов может достичь 1,2–1,5 млн человек в год. Основной поток переселенцев из бывших союзных республик — русские. По количеству иммигрантов в Россию в 1996 г. лидировали выходцы из Казахстана, Украины и Узбекистана. Прибалтийские страны за последние годы покинули более 10 % русскоязычного населения, а республики Средней Азии и Закавказья — 17 %. С 1990 по 1996 годы в Россию перебрались почти 2 млн 362 тыс. русских[1].

После Октябрьского переворота из России эмигрировали около 2 млн человек. До середины 80-х годов на постоянное жительство за границу ежегодно выезжало в среднем не более 3 тыс. человек. В 1988 году произошел перелом — практически была разрешена эмиграция евреев, немцев и греков, а также выезд в гости. Если в 1987 году Россию

[1] См.: Аргументы и факты. — 1997. № 42.

покинуло 9,7 тыс. эмигрантов, то за последующие три года их число увеличилось более чем в 10 раз и достигло в 1990 году максимальной величины — 103,6 тыс.[1] В дальнейшем объемы эмиграции не возрастали.

Отличительной чертой миграционного обмена России того периода была его односторонность: от нас уезжало больше, чем к нам приезжало. Так, в 1992 году в дальнее зарубежье на постоянное жительство выехало в 34 раза больше человек, чем въехало [2]. Но с 1993 по 1998 годы ситуация изменилась. В Россию приезжало больше, чем выезжало. Из бывших советских республик в страну хлынули миллионы русских переселенцев. Их стали называть беженцами.

Начиная с 1992 года миграция населения из стран ближнего зарубежья становится не только одним из главных компонентов общего роста населения России. Она, по существу, играет важнейшую роль в сглаживании демографического кризиса, обусловленного естественной убылью населения, которая составила за 1992–1997 годы более 4,1 млн человек. Эмиграционный отток в страны дальнего зарубежья за эти же годы достиг 623 тыс. человек. Таким образом, общая убыль населения России, составившая за 1992–1997 годы около 4,2 млн человек, была более чем наполовину компенсирована чистой миграцией из стран ближнего зарубежья (3310 тыс.)[3]. Тенденции российской миграции за последние полвека можно отследить из ниже приведенных данных (табл. 7).

Одним из видов международной миграции, специфической для России, является так называемая «челночная миграция». Многие российские граждане, получившие возможность свободного выезда из страны по приглашениям и туристическим визам, воспользовались ими в спекулятивных целях, например, для ввоза недоброкачественной зарубежной продукции. По данным Центрального банка РФ, только за 6 месяцев 1997 года из страны эмигрантами и туристами было вывезено соответственно 0,4 и 3,1 млрд долл. (за 1996 год в целом — 1,2 и 7,9 млрд долл.), в то же время ввезено иммигрантами и туристами соответственно 0,5 и 1,3 млрд долл. (за 1996 год — 1,2 и 3,0 млрд долл.)[4].

---

[1] См.: *Войнова В. Д., Ушкалов И. Г.* Современные эмиграционные процессы в России // Социологические исследования. — 1994, № 1. С. 39.

[2] См.: Там же. С. 40.

[3] См.: *Ионцев В. А.* Международная миграция населения.

[4] См.: Финансовые известия. — 1997, 11 ноября.

Таблица 7

Компоненты изменения численности населения России с 1951 по 1996 годы[1]

Периоды, годы	Численность населения на конец периода (тыс. чел.)	Среднегодовые темпы прироста (%)	Общий прирост/убыль (тыс. чел.)	В том числе (тыс. чел.)	
				естественный	миграционный
1951	102 945				
1951–1955	112 266	17,5	9 321		
1956–1960	120 766	14,7	8 500	9 283	–783
1961–1965	127 189	10,4	6 423	9 386	–2 963
1966–1970	130 704	5,5	3 515	4 180	–664
1971–1975	134 690	6,0	3 986	4 180	–195
1976–1980	139 165	6,6	4 338	3 730	607
1981–1985	144 080	7,0	4 807	3 939	869
1986–1990	148 542	6,1	4 707	3 649	1 058
1991	148 704	1,1	162	110	52
1992	148 673	–0,2	–31	–207	176

1993	148 366	–2,1	–307	–737	430
1994	148 306	–0,4	–60	–870	810
1995	147 976	–2,2	–330	–832	502
1996	147 540	–2,9	–436	–786	350

[1] Источники: Население СССР. 1973. — М., 1975. С. 14, 70; О положении семей в Российской Федерации. —М., 1994. С. 35; Численность и миграция населения в РФ в 1995 г. Госкомстат РФ. — М., 1996. С. 14; Социально-экономическое положение России. Госкомстат РФ. — М., 1997. С. 192.

Современную эмиграцию из России составляют три основные группы:

а) безвозвратные эмигранты, т. е. лица, уезжающие по разным причинам на постоянное место жительства в другую страну, нередко со сменой гражданства;

б) лица, мигрирующие в поисках временной работы за границей на контрактной основе и по истечении срока договора обязанные выехать из страны въезда (хотя часть из них пытается продлить контракт или заключить новый, выйти замуж за иностранца, жениться);

в) лица, выезд которых за рубеж связан с поездками по частным приглашениям, учебой, туризмом, отдыхом [1].

Столичные города всегда отличались сфокусированностью миграционного поля. Здесь лучше условия жизни, выше благополучие, больше возможностей заняться бизнесом или подыскать работу. Кроме того, мигранты восполняют численность этих городов, которая без притока иногородних резко пошла бы на убыль. Приезжие дают крупным городам новые рабочие руки и новые таланты. В Москве среди выдающихся представителей любой профессии львиную долю составляют некоренные москвичи. Например среди артистов. Такие знаменитости, как В. Золотухин, И. Абдулов, О. Янковский, братья Соломины и многие другие, приехали в столицу из провинциальных городов. Крупные города, в которых сосредоточены ведущие научные центры и интеллектуальный потенциал страны, всегда притягивают к себе талантливых бизнесменов, руководителей, политиков, артистов, ученых. Причем это относится не только к городам, но и странам. Именно это притяжение лежит в основе такого неоднозначного и все расширяющегося явления, которое получило название «утечка мозгов». Образованные интеллектуалы из слаборазвитых стран стремятся переселиться в продвинутые общества не только в поисках высокооплачиваемой работы, но и с целью больших возможностей творческой самореализации; они обретают работу и жилье, делают подчас головокружительную карьеру и обогащают духовную жизнь второй родины.

Однако у миграции есть серьезные минусы. Крупные города превращаются в так называемые социальные отстойники. Например, в Москве скапливаются массы вынужденных мигрантов, беженцев, нелегалов-иностранцев и лиц без гражданства, представителей част-

[1] См.: *Ушаков И. Г., Воинова В. Д.* Современные эмиграционные процессы в России. С. 39–49.

ного бизнеса, теневой экономики, бомжей, преступников. На вокзалах и в метро множество бесприютных детей, приехавших просить милостыню со всех концов страны. Сегодня Москву можно назвать «всероссийским бомжатником». Здесь легче затеряться в толпе и не попасться на глаза милиции. В криминальных разборках здесь часто убивают приехавших издалека «новых русских». В результате происходит своеобразное выталкивание жителей крупных городов на периферию общественной жизни.

В целом эмиграция россиян за 6 лет дала наибольший прирост населения в следующих странах: Израиле — 3 %, Германии — 2 %, Греции — 0,1 % и минимальный в США (0,01 %). Исследования говорят о том, что современная этническая эмиграция из России не только связана с нерешенностью ряда этнополитических проблем, включая воссоздание национальных территорий в прошлом депортированных народов (немцев и др.), но во многом определяется социально-экономическими факторами — в частности, стремлением достичь лучших условий жизни. Высокий уровень этнической эмиграции поддерживается тем, что во многих странах уже сложились довольно многочисленные колонии наших бывших соотечественников, поэтому стремление и возможность воссоединиться с родственниками становятся одной из причин выезда, в результате чего эмиграционные потоки получают ярко выраженную географическую и этническую направленность. Эти группы населения как бы «запрограммированы» на эмиграцию, тем более что квоты на них в случае выезда на этническую родину не распространяются [1].

Резюме

1. Сущность социального неравенства заключается в неодинаковом доступе различных категорий населения к социально значимым благам, дефицитным ресурсам, ликвидным ценностям. Понятие неравенства чаще всего определяется через экономические категории *богатства* и *бедности*. Сравнение величин самого низкого и самого высокого доходов в данном обществе приводит к выявлению *масштаба неравенства*.
2. Если неравенство характеризует общество в целом, то бедность касается только части населения. В зависимости от уровня экономического развития страны бедность охватывает значительную

[1] См.: *Ушаков И. Г., Воинова В. Д.* Современные эмиграционные процессы в России. С. 42–43.

или незначительную часть населения. Для измерения *масштаба* бедности выявляется удельный вес части общества, которая проживает у официальной черты, или порога, бедности. *Порог бедности* — это сумма денег, официально установленная в качестве минимального дохода, которого индивиду или семье хватает лишь на приобретение продуктов питания, одежды и жилья. Его также называют «уровнем бедности». В России он получил дополнительное название — прожиточный минимум. Под *абсолютной бедностью* понимается такое состояние, при котором индивид на свой доход не способен удовлетворить даже базисные потребности в пище, жилище, одежде, тепле. Под *относительной бедностью* понимается невозможность поддерживать некоторый стандарт жизни, принятый в данном обществе. Нижней границей относительной бедности является прожиточный минимум или порог бедности, а верхней — так называемый приличествующий уровень жизни.

3. Для сравнения уровней неравенства в различных обществах используют два параметра:
   1) *высоту стратификации*, под которой понимают социальную дистанцию между самым высоким и самым низким статусами данного конкретного общества;
   2) *профиль стратификации*, который показывает соотношение численности мест (социальных позиций) в социальной структуре общества по мере повышения статуса. В традиционных и относительно слабо развитых обществах профиль стратификации имеет пирамидальную (или конусообразную) форму, в современных продвинутых обществах — ромбическую.
4. Для описания социальных перемещений, связанных с изменениями статуса, в социологии используют понятие *социальной мобильности*. Существуют *два основных вида* социальной мобильности — межпоколенная (или интергенерационная) и внутрипоколенная (интрагенерационная), и *два основных типа* — вертикальная и горизонтальная. *Межпоколенная мобильность* описывает повышение или, наоборот, понижение социального статуса представителей последующих поколений по сравнению со статусом нынешнего. *Внутрипоколенная мобильность* относится к ситуации, где один и тот же индивид на протяжении жизни несколько раз меняет свои социальные позиции. *Вертикальная мобильность* подразумевает перемещение из одной страты (а также сословия, класса,

касты) в другую. В зависимости от направления перемещения выделяют *восходящую* мобильность (социальный подъем, движение вверх) и *нисходящую* мобильность (социальный спуск, движение вниз). *Горизонтальная мобильность* подразумевает переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. Классификацию социальной мобильности можно провести и по иным критериям: различают *индивидуальную мобильность*, когда перемещение вниз, вверх или по горизонтали происходит у конкретного человека независимо от других, и *групповая мобильность*, когда перемещения происходят коллективно.

5. Разновидностью горизонтальной мобильности служит *географическая мобильность*. Она подразумевает не изменение статуса или группы, а перемещение из одного места в другое при сохранении прежнего статуса. Если к перемене места добавляется перемена статуса, то географическая мобильность превращается в *миграцию*.
6. Для сравнения характера социальной мобильности в различных обществах и на различных исторических этапах их развития используют два параметра: *интенсивность,* под которой имеют в виду вертикальную социальную дистанцию или количество слоев — экономических, профессиональных или политических — проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени; *всеобщность*, под которой подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит сущность социального неравенства?
2. Каков наиболее распространенный способ измерения неравенства?
3. Чем различаются абсолютная и относительная бедность?
4. Каковы исторические тенденции изменения неравенства по Сорокину?
5. Что такое высота стратификации?
6. Каким образом профиль стратификации отражает уровень неравенства в обществе?
7. Чем отличается интергенерационная мобильность от интрагенерационной?

8. Каковы разновидности вертикальной мобильности?
9. Чем отличается миграция от географической мобильности?
10. Чем отличается организованная мобильность от структурной мобильности?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань: Издательство Казанского университета, 1997.
2. *Абрахамсон П.* Социальные эксклюзии и бедность // Общественные науки и современность. — 2001. № 2.
3. *Берто Д., БертоВьям И.* Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. — М., 1992. Т. 1.
4. *Борисов А. А.* Социальная мобильность в Советской России // Социологические исследования. — 1994. № 4.
5. *Гордон Л. А.* Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. — 2001. № 3.
6. *Дай Т., Циглер Г.* Социализм и равенство в свете кросснациональных исследований // Социологические исследования. — 1991. № 8.
7. *Дудина О. М., Ратникова М. А.* Профессиональная мобильность: кто и как принимает решение сменить профессию // Социологические исследования. — 1997. № 11.
8. *Жеребин В. М., Римашевская Н. М.* Проблема борьбы с бедностью в разработках зарубежных правительственных и международных организаций // Бедность: взгляд ученых на проблему / Под ред. М. А. Можиной. — М., 1994.
9. *Левыкин И. Т.* Взаимодействие равенства, свободы и справедливости в дилектике группового и индивидуального сознания // Образ жизни и состояние массового сознания. — М., 1992.
10. *Тихонова Н. Е.* Социальная структура российского общества: итог восьми лет реформы // Общественные науки и современность. — 2000. № 3.
11. *Шестаков Е. Е.* Некоторые способы достижения справедливости в условиях рыночной экономики // Вестник РАН. — 1993, т. 63. № 8.

Глава 6
Социальное взаимодействие

Социологическая наука проявляла интерес к проблеме социального взаимодействия с самого своего зарождения. Напомним основные позиции, с которых рассматривали данный вопрос известные и упоминавшиеся выше ученые. Еще О. Конт, анализируя в своей «Социальной статике» природу социальной связи, пришел к выводу, что базовым элементом общественной структуры может выступать лишь такая единица, где уже присутствует социальное взаимодействие; поэтому он и объявил элементарной ячейкой общества семью.

М. Вебер ввел в научный оборот понятие «социального действия» как простейшей единицы социальной деятельности. Как мы помним, этим понятием он обозначал такое действие индивида, которое не только направлено на разрешение его жизненных проблем и противоречий, но и сознательно ориентировано на ответное поведение других людей, на их реакцию.

Центральной идеей социологического реализма Э. Дюркгейма, которой было, по существу, посвящено все его научное творчество, выступает идея общественной солидарности — вопрос о том, каков характер тех связей, которые объединяют, притягивают людей друг к другу.

Мы могли бы обратиться к трудам любого из классиков или современных теоретиков социологической науки, и не составило бы большого труда убедиться, сколь значительное внимание уделяется в них проблеме социального взаимодействия. При этом, когда возникает вопрос о социальной связи, практически всякий раз делается акцент на взаимном влиянии друг на друга рассматриваемых социальных объектов.

§ 1. Понятие социального взаимодействия и условия его возникновения

Рассмотрение проблем социального взаимодействия — это поиски ответов на самые разнообразные вопросы: каковы типовые способы, которыми люди устанавливают между собою самые разнообразные связи; как они поддерживают эти связи, каковы условия сохранения

и, наоборот, прерывания этих связей; каким образом эти связи оказывают влияние на сохранение целостности социальной системы; каким образом сам характер социальной системы оказывает воздействие на способы взаимодействия входящих в нее людей... Словом, вопросам, которые возникают при рассмотрении проблемы социального взаимодействия, кажется, нет конца.

Социальное взаимодействие является обобщенным и ключевым понятием для целого ряда социологических теорий. В основе этого понятия лежит представление о том, что социальный деятель, индивид или общество всегда находятся в физическом или мысленном окружении других социальных деятелей — акторов (индивидуальных или групповых) и ведет себя сообразно этой социальной ситуации [1].

Как известно, особенности строения любой сложной системы, каков бы ни был характер ее происхождения, зависят не только от того, какие элементы входят в ее состав, но и от того, каким образом они между собою соединены, связаны, какое влияние они оказывают друг на друга. По существу, именно характер связи между элементами задает и целостность системы, и то возникновение эмерджентных свойств, которое является самым характерным ее свойством как единого целого. Это справедливо для любых систем — и для достаточно простых, элементарных, и для максимально сложных из известных нам систем — социальных.

Понятие «*эмерджентные свойства*» было сформулировано Т. Парсонсом в 1937 году в его анализе социальных систем. При этом он имел в виду три связанных между собою условия.

- Во-первых, социальные системы обладают структурой, которая возникает не сама по себе, а именно из процессов социального взаимодействия.
- Во-вторых, эти эмерджентные свойства не могут быть редуцированы (сведены) к простой сумме биологических или психологических характеристик социальных деятелей: например, особенности той или иной культуры невозможно объяснить, соотнося ее с биологическими качествами людей — носителей этой культуры.
- В-третьих, значение любого социального действия невозможно понять изолированно от социального контекста той социальной системы, в рамках которой оно проявляется.

Пожалуй, наиболее скрупулезно и детально рассматривал проблемы социального взаимодействия Питирим Сорокин, посвящая им зна-

[1] См.: Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. С. 52.

чительную часть первого тома «Системы социологии» [1]. Давайте попытаемся вслед за классиком российской и американской социологии разобраться с элементарными понятиями этого важнейшего социального процесса, связывающего множество разрозненных людей в единое целое — общество и, более того, превращающего чисто биологических особей в людей — т. е. в разумные, мыслящие и, главное, социальные существа.

Точно так же, как в свое время О. Конт, П. А. Сорокин выразил уверенность, что отдельно взятый индивид не может рассматриваться в качестве элементарной «социальной клетки» или простейшего социального явления: «...индивид как индивид — никоим образом не может считаться микрокосмом социального макрокосма. Не может потому, что *из индивида можно получить только индивида* и нельзя получить ни того, что называется "обществом", ни того, что носит название "общественных явлений"... Для последних требуется не один, а много индивидов, по меньшей мере два» [2].

Однако чтобы два и более индивидов составляли единое целое, которое могло бы рассматриваться как частица (элемент) общества, одного только наличия их недостаточно. Необходимо также, чтобы они вступали во *взаимодействие* между собою, т. е. обменивались какими-то действиями и ответными реакциями на эти действия. Что же такое взаимодействие с точки зрения социолога? Определение, которое дает Сорокин этому понятию, достаточно обширно и претендует на то, чтобы объять почти необъятное, т. е. все возможные варианты: «Явление взаимодействия людей дано тогда, когда: a) психические переживания или b) внешние акты, либо c) то и другое одного (одних) людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов» [3].

Это определение, пожалуй, действительно универсально, потому что включает в себя и случаи непосредственных, прямых контактов людей между собою, и варианты опосредованного взаимодействия. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев самые разнообразные примеры, встречающиеся в повседневной жизни каждого из нас.

Если кто-то (случайно или намеренно) наступил вам на ногу в переполненном автобусе (внешний акт) и это вызвало у вас негодование (психическое переживание) и возмущенное восклицание (внешний акт),

---

[1] См.: *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. — М., 1993. С. 138–139.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 102.

то это значит, что между вами произошло взаимодействие. Если вы являетесь искренним поклонником творчества Майкла Джексона, то, вероятно, каждое появление его на экране телевизора в очередном клипе (а запись этого клипа, вероятно, потребовала от певца совершить немало внешних актов и ощутить множество психических переживаний) вызовет у вас бурю эмоций (психические переживания), а может быть, вы вскочите с дивана и начнете подпевать и «подтанцовывать» (совершая тем самым внешние акты). При этом мы имеем дело уже не с прямым, а с опосредованным взаимодействием [1]: Майкл Джексон, разумеется, не может наблюдать вашу реакцию на запись его песни и танца, однако вряд ли приходится сомневаться, что именно на такой отклик миллионов своих поклонников он и рассчитывал, планируя и осуществляя свои физические действия (внешние акты). Так что данный пример также демонстрирует нам случай социального взаимодействия.

Чиновники налогового ведомства, разрабатывающие новый фискальный проект, депутаты Государственной Думы, обсуждающие этот проект, вносящие в него поправки, а затем голосующие за принятие соответствующего закона, президент, подписывающий указ о введении нового закона в действие, множество предпринимателей и потребителей, на чьи доходы окажет влияние этот закон, — все они находятся в сложно переплетенном процессе взаимодействия друг с другом, а главное — с нами. Бесспорно, что здесь имеет место очень серьезное влияние и внешних актов, и психических переживаний одних людей на психические переживания и внешние акты других людей, хотя в большинстве случаев участники этой цепочки могут даже не видеть друг друга (в лучшем случае — на экране телевизора).

Важно отметить такой момент. Взаимодействие всегда вызывает какие-то физические изменения в нашем биологическом организме. Например, наши щеки «вспыхивают» при взгляде на любимого человека (сосуды под кожей расширяются и испытывают прилив крови); слушая аудиозапись любимого нами популярного певца, мы испытываем эмоциональное возбуждение и т. п.

Каковы же основные *условия* возникновения любого социального взаимодействия? П. А. Сорокин вводит в рассмотрение и подвергает

[1] На это, между прочим, указывает обобщенное название прессы, радио и телевидения как разновидностей массовой коммуникации, т. н. *масс-медиа* (*media* — это множественное число от *medium*, то есть агент, проводник, *посредник*, медиум).

развернутому анализу три таких условия (или, как он именует их, «элемента»):

1) наличие двух или более индивидов, обусловливающих поведение и переживания друг друга;

2) совершение ими каких-то действий, влияющих на взаимные переживания и поступки;

3) наличие проводников, передающих эти влияния и воздействия индивидов друг на друга [1].

Мы, в свою очередь, могли бы добавить сюда и четвертое условие, которое Сорокин не упоминает:

4) наличие общей основы для контактов, соприкосновения.

А теперь давайте попытаемся несколько пристальнее взглянуть на каждое из этих четырех условий.

1. Очевидно, что в пустом пространстве (или же в пространстве, заполненном только лишь растениями и животными) не может возникнуть никакого социального взаимодействия. Вряд ли может оно произойти и там, где находится всего один человеческий индивид. Отношения Робинзона с его попугаем и козой нельзя признать паттернами (образцами) *социального* взаимодействия. В то же время и самого по себе факта наличия двух и более индивидов еще недостаточно для того, чтобы между ними возникло взаимодействие. Эти индивиды должны обладать способностью и желанием воздействовать друг на друга и отреагировать на такое воздействие. Среди десяти базовых потребностей *homo sapiens*, которые выделяет в своей классификации П. А. Сорокин [2], по меньшей мере пять [3] тесно связаны со стремлением любого человека к контактам с другими людьми, и вне таких контактов удовлетворение их просто невозможно.

Правда, следует отметить, что большинство этих потребностей отнюдь не врожденные; они возникают лишь в ходе взаимодействия. Однако вопрос о том, что именно из них — потребности или процесс взаимодействия — выступает, в конечном счете, причиной, а что следствием, имеет столько же шансов на ответ, как и вопрос о том, что является первичным — курица или яйцо.

---

[1] См.: *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 142–259.

[2] Там же. С. 150–163.

[3] Это потребности: половая (размножения); групповой самозащиты; общения с себе подобными; интеллектуальной деятельности; чувственно-эмоциональных переживаний.

2. Как было задано в приведенном в начале этого параграфа определении, взаимодействие возникает лишь тогда, когда по меньшей мере один из двух индивидов оказывает воздействие на другого, другими словами, совершает какой-то поступок, действие, акт, *направленный на другого*. В самом деле, можно (хотя и с трудом) представить себе сколь угодно большое число людей, собранных на одной территории в пределах непосредственной досягаемости (видимости и слышимости) друг друга, но при этом совершенно не обращающих друг на друга никакого внимания, занятых исключительно собой и своими внутренними переживаниями. И в этом случае мы вряд ли можем сказать, что между ними возникает взаимодействие.

3. Условие наличия особых *проводников*, передающих раздражающее воздействие от одних участников взаимодействия к другим, достаточно тесно связано с тем, что передаваемая в ходе взаимодействия информация всегда запечатлена на каких-то материальных носителях.

Строго говоря, вне материальных носителей информация вообще существовать не может. Даже на самом глубинном и неосознаваемом — генетическом — уровне информация записана на материальных носителях — в молекулах ДНК. Элементарная информация, которой обмениваются между собою животные, также передается с помощью материальных носителей. Распущенный хвост павлина-самца воспринимается самкой с помощью восприятия органами зрения световых волн. Сигналы тревоги (предупреждения о потенциальной опасности) передаются и воспринимаются членами стаи (любой — будь то грачиная или волчья) с помощью звуковых волн; то же самое относится к призывным трелям соловья-самца, воспринимаемым самкой с помощью колебаний воздуха. Муравьи общаются между собою, выделяя особыми железами порции определенных пахучих веществ: органы обоняния насекомых воспринимают молекулы того или иного вещества как запах, расшифровывая содержащуюся в нем информацию. Словом, во всех случаях информация передается и принимается с помощью тех или иных материальных носителей. Однако эти природные материальные носители крайне недолговечны, большинство из них существуют лишь на протяжении периода передачи-приема, после чего исчезают навсегда. Их необходимо всякий раз создавать заново.

Самым, пожалуй, существенным отличием человеческого (а значит — *социального*) взаимодействия от общения между собою животных является наличие так называемой *второй сигнальной системы*. Это свой-

ственная лишь человеку система условно-рефлекторных связей, формирующихся при воздействии *речевых* сигналов, т. е., собственно, не самого непосредственного раздражителя — звукового или светового, а его символического словесного обозначения.

Конечно, эти сочетания звуковых или световых волн тоже передаются с помощью недолговечных материальных носителей, однако в отличие от передаваемой животными сиюминутной, одномоментной информации информация, выраженная в символах, может быть зафиксирована (и впоследствии, спустя сколь угодно долгий период времени воспроизведена, воспринята, расшифрована и использована) на таких материальных носителях, которые сохраняются в течение длительного времени, будучи запечатленными на камне, дереве, бумаге, кино- и магнитной ленте, магнитном диске. Они, в отличие от естественных носителей, существующих в природе в готовом виде, производятся людьми, являются искусственными предметами. Информация же на них запечатлевается в знаково-символической форме путем изменения определенных физических параметров самих носителей. Именно в этом и состоит фундаментальная основа возникновения и развития социальной памяти. Сама же вторая сигнальная система, являясь базой возникновения обобщенно-абстрактного мышления, может развиться лишь в ходе специфического социального взаимодействия.

Так или иначе, если нет каких-либо проводников, выступающих переносчиками материальных носителей информации, ни о каком взаимодействии не может быть и речи. Однако когда проводники налицо, препятствием для осуществления взаимодействия не будут ни пространство, ни время. Вы можете позвонить из Москвы в Лос-Анджелес своему приятелю, находящемуся на другом конце земного шара (проводник — телефонный кабель или радиоволны, передаваемые с помощью искусственного спутника Земли), или написать ему письмо (проводник — бумага и средства почтовой доставки) и таким образом вступить во взаимодействие с ним. Более того, вы взаимодействуете с основателем социологии Огюстом Контом (которого уже полторы сотни лет нет в живых), читая его книги. Посмотрите, какая длинная цепь взаимодействий пролегает между вами, сколько социальных субъектов в нее включено (редакторы, наборщики, переводчики, издатели, книготорговцы, библиотекари) — они ведь тоже в свою очередь выступают проводниками этого взаимодействия.

Таким образом, при наличии проводников «фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия людей» [1].

Мы уже отмечали выше, что социология в отличие от таких научных дисциплин, как, например, психология или социальная психология, изучает не только прямое и непосредственное взаимодействие, протекающее в ходе непосредственных контактов между индивидами. Объектом ее исследования выступают все виды социальных взаимодействий. Вы вступаете во взаимодействие с множеством знакомых и незнакомых вам людей, когда выступаете по радио, публикуете статью в журнале или газете или, будучи должностным лицом достаточно высокого уровня, ставите свою подпись под документом, затрагивающим жизнь довольно большого числа граждан. И во всех этих случаях невозможно обойтись без материальных носителей информации, а также тех или иных проводников, передающих эту информацию.

4. Мы сочли необходимым дополнить предложенный П. А. Сорокиным перечень условий возникновения социального взаимодействия еще одним — тем, что назвали наличием *общей основы* для контактов между социальными субъектами. В наиболее общем случае это означает, что сколько-нибудь эффективное взаимодействие может возникнуть лишь тогда, когда обе стороны говорят на одном языке. Речь идет не только о единой лингвистической базе общения, но и о примерно одинаковом понимании норм, правил, принципов, которыми руководствуется партнер по взаимодействию. В противном случае взаимодействие может либо остаться неосуществленным, либо привести к результату, порой прямо противоположному тому, который ожидают обе стороны.

Наконец, наиболее общий подход к рассмотрению сущности социального взаимодействия требует классифицировать их, т. е. составить определенную *типологию* взаимодействий. Как известно, составление любой типологии производится на основе выбора определенного критерия — *системообразующего признака*. П. А. Сорокин выделяет три главных признака, которые дают возможность разработать соответственно три различных подхода к типологии социальных взаимодействий. Кратко ознакомимся с ними.

1. Типология социальных взаимодействий составляется в зависимости от *количества и качества индивидов*, участвующих в процессе взаимодействия. Если говорить о количестве, то здесь могут возникнуть лишь три варианта взаимодействий: а) происходящие между дву-

[1] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 179.

мя одиночными индивидами; b) между одиночным индивидом и группой; c) между двумя группами. Каждый из этих типов обладает собственной спецификой и существенно отличается по своему характеру от других, как указывает Сорокин, «даже при предпосылке качественной однородности индивидов» [1].

Что касается качества, то этот критерий указывает, прежде всего, на необходимость учитывать однородность или разнородность вступающих во взаимодействие субъектов. Критериев однородности или разнородности можно выделить великое множество, вряд ли возможно подвергнуть учету даже сколько-нибудь полную их совокупность. Поэтому Сорокин приводит перечень наиболее важных из них. По его мнению, особо следует выделять принадлежность к:

a)	одной семье	*a')*	разным семьям
b)	одному государству	*b')*	разным государствам
c)	одной расе	*c')*	» расам
d)	» языковой группе	*d')*	» языковым группам
e)	одному полу	*e')*	» полам
f)	» возрасту	*f')*	» возрастам
m)	сходным по профессии, степени богатства, религии, объему прав и обязанностей, по политической партии, по научным, художественным, литературным вкусам и т. д.	*m')*	различным по профессии, имущественному положению, религии, объему прав, политической партии и т. д.

«Сходство или различие взаимодействующих индивидов в одном из этих отношений имеет громадное значение для характера взаимодействия» [2].

2. Типология социальных взаимодействий составляется в зависимости от *характера актов* (действий), совершаемых взаимодействующими субъектами. Здесь также невозможно или чрезвычайно трудно охватить весь спектр вариантов; сам Сорокин перечисляет некоторые из них, наиболее важные. Мы просто назовем эти варианты, а заинтересованный читатель может более подробно ознакомиться с ними в первоисточнике [3].

---

[1] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 261.

[2] Там же. С. 292–294.

[3] Там же. С. 262.

1) в зависимости от делания и неделания (воздержания и терпения);
2) взаимодействие одностороннее и двустороннее;
3) взаимодействие длительное и временное;
4) взаимодействие антагонистическое и солидаристическое;
5) взаимодействие шаблонное и нешаблонное;
6) взаимодействие сознательное и бессознательное;
7) взаимодействие интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое.

3. И, наконец, типология социальных взаимодействий составляется в зависимости от *проводников*. Здесь Сорокин выделяет: a) формы взаимодействия в зависимости от природы проводников (звуковое, свето-цветовое, двигательно-мимическое, предметно-символическое, посредством химических реагентов, механическое, тепловое, электрическое); b) взаимодействие непосредственное и опосредованное.

Кроме того, в первом томе «Системы социологии» имеется ссылка и на иные способы классификаций, разработанные другими социологами.

§ 2. Трактовки социального взаимодействия в специальных социологических теориях

Итак, понятие социального взаимодействия является центральным в социологии в силу того, что возник целый ряд социологических теорий, разрабатывающих и трактующих разнообразные его проблемы и аспекты на двух основных уровнях исследования, как мы уже упоминали, *микроуровне* и *макроуровне*. На микроуровне изучаются процессы общения между индивидами, находящимися в прямом и непосредственном контакте; такое взаимодействие протекает, главным образом, в пределах малых групп. На макроуровне социального взаимодействия возникает взаимодействие крупных социальных групп и структур; здесь интерес исследователей охватывает, прежде всего, социальные институты. В этом параграфе мы кратко рассмотрим лишь некоторые из наиболее распространенных теорий и их «ответвлений».

Одной из наиболее известных и основательно разработанных концепций, описывающих социальное взаимодействие, считается *теория обмена*. Вообще концептуализация социального взаимодействия, социальной структуры и социального порядка с точки зрения обмена отношениями давно стала центром внимания такой научной дисцип-

лины, как антропология, но лишь сравнительно недавно была взята на вооружение социологами. Интеллектуальные основы идеи обмена подробно описаны еще в классической политэкономии, основоположники которой Бентам и Смит считали, что основным движущим фактором деятельности любого человеческого существа следует считать стремление к полезности и получению выгоды. В конце XIX—начале XX века во многих работах по социальной антропологии указывалось на важную роль обменных сделок в жизни первобытных племен.

Одна из исходных предпосылок, на которых базируется теория обмена, — это допущение, что в социальном поведении любого человека заложено некое рациональное начало, которое побуждает его вести себя расчетливо и постоянно стремиться к получению самых разнообразных «выгод» — в форме товаров, денег, услуг, престижа, уважения, одобрения, успеха, дружбы, любви и т. д. В начале 60-х годов американский социолог Джордж Хоманс пришел к выводу, что такие утвердившиеся в социологии понятия, как «статус», «роль», «конформизм», «власть» и др., следует объяснять не действием макросоциальных структур, как это принято в функционализме, а с точки зрения тех социальных отношений, которые порождают их. Суть же этих отношений, как считает Хоманс, состоит в стремлении людей к получению выгод и вознаграждений, а также в обмене этими выгодами и вознаграждениями.

Исходя из этого, Хоманс исследует социальное взаимодействие в терминах *обмена действиями* между «Деятелем» и «Другим», предполагая, что в подобном взаимодействии каждая из сторон будет стремиться извлечь максимум выгоды и минимизировать свои затраты. К числу важнейших из ожидаемых вознаграждений он относит, в частности, *социальное одобрение*. Возникающее в ходе обмена действиями взаимное вознаграждение становится повторяющимся и регулярным и постепенно перерастает в отношения между людьми, базирующиеся на взаимных ожиданиях. В такой ситуации нарушение ожиданий со стороны одного из участников влечет за собой фрустрацию [1] и, как следствие, — возникновение агрессивной реакции; при этом само проявление агрессивности становится в определенной степени получением удовлетворения.

---

[1] *Фрустрация* – психологическое состояние, возникающее в ситуации разочарования, неосуществления какой-либо значимой для человека цели, потребности; проявляется в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности.

Эти идеи развивал другой современный американский социолог, Питер Блау, который утверждал, что практически «все контакты между людьми покоятся на схеме эквивалента давания и возврата *(giving and returning the equivalence)*»[1]. Разумеется, эти выводы были заимствованы из идей рыночной экономики, а также бихевиористской психологии. Вообще теории обмена усматривают сходство между социальными взаимодействиями и экономическими или рыночными сделками, осуществляемыми в надежде, что оказанные услуги будут так или иначе возвращены. Таким образом, базовая парадигма теории обмена являет собой *диадическую* (двухличностную) модель взаимодействия. Повторяем, что акцент при этом делается на *взаимном* обмене, хотя основа взаимодействия все равно остается расчетной и плюс к этому включает в себя некоторую долю доверия или обоюдно разделяемых моральных принципов.

Такого рода подход почти неизбежно сталкивается с целым рядом критических замечаний. Содержание этих замечаний сводится к следующему.

- Психологические предпосылки теории обмена слишком упрощены и делают чрезмерный акцент на эгоистических, расчетливых элементах индивидуальности.
- Теория обмена, по сути, ограничена в развитии, поскольку не может перейти от двухличностного уровня взаимодействия к социальному поведению более обширного масштаба: как только мы переходим от диады к более широкому множеству, ситуация приобретает значительную неопределенность и сложность.
- Теория обмена не в состоянии объяснить многих социальных процессов, таких, например, как господство обобщенных ценностей, которое невозможно извлечь из парадигмы диадического обмена.
- Наконец, некоторые критики утверждают, что теория обмена — это просто «элегантная концептуализация социологической тривиальности»[2].

Учитывая это, последователи Хоманса (Блау, Эмерсон) старались проявлять большую гибкость для преодоления того разрыва между микро- и макроуровнями, который создавала теория обмена. В частности, Питер Блау предлагал проводить исследования социального взаимодействия при помощи синтеза принципов социального обмена

[1] *Collins Dictionary of Sociology.* Second edition. — Glasgow, 1995. P. 214.

[2] *The Penguin Dictionary of Sociology.* P. 94.

с понятиями таких макросоциологических концепций, как структурный функционализм и теория конфликта.

Одной из модификаций теории обмена является возникшая в 80-х годах XX века *теория рационального выбора*. Это относительно формальный подход, в котором утверждается, что социальная жизнь в принципе может быть объяснена как результат «рациональных» выборов социальных кторов. «Оказываясь перед лицом нескольких возможных вариантов действия, люди обычно делают то, что, по их убеждению, должно с определенной степенью вероятности привести их к наилучшему результату в целом. Это обманчиво простое предложение резюмирует теорию рационального выбора» [1]. Для этой формы теоретизирования характерно стремление к применению технически строгих моделей социального поведения, которые помогают извлекать ясные выводы из относительно небольшого числа изначальных теоретических предположений о «рациональном поведении».

Другой влиятельной теорией, ставящей целью дать объяснение социального взаимодействия, является *символический интеракционизм*. Это теоретико-методологическое направление сосредоточивается на анализе социальных взаимодействий преимущественно в их символическом содержании. В сущности, еще Сорокин указывал на то, что в отличие от животных люди наделяют свои действия и действия других людей определенными символическими значениями, выходящими за пределы их чисто физического смысла. Последователи символического интеракционизма утверждают: любые действия людей есть проявления социального поведения, основанного на коммуникации; коммуникация же становится возможной благодаря тому, что те люди, которые вступают в контакт для обмена информацией, придают одинаковые значения одному и тому же символу. При этом особое внимание уделяется анализу языка как главного символического посредника взаимодействия. Взаимодействие, таким образом, рассматривается как «непрерывный диалог между людьми, в процессе которого они наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют на них» [2]. Само понятие символического интеракционизма было введено еще в 1937 году американским социологом Г. Блумером, который резюмировал основные принципы этого подхода с позиций трех предположений:

а) человеческие существа совершают свои поступки в отношении тех или иных объектов на основе тех значений, которые они этим объектам придают;

---

[1] *Collins Dictionary of Sociology.* — P. 544.

[2] *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 137.

b) эти значения возникают из социального взаимодействия;

c) любое социальное действие проистекает из приспособления друг к другу индивидуальных линий поведения [1].

Одним из социологов-основоположников концепции символического интеракционизма считается Джордж Герберт Мид (Н. Дж. Смелзер вообще называет его автором этой теории [2]). Мид был профессором философии в Чикагском университете, он никогда не считал себя никем, кроме как философом, и действительно проводил довольно сложные исследования в рамках этой науки. Тем не менее его вклад в американскую философию остался, как считают, весьма поверхностным, а вот его влияние на американскую социологию и социальную психологию оказалось огромным. Работа, в наибольшей степени обеспечившая это влияние, была опубликована только после его смерти. Фактически это был цикл авторских лекций, собранный его последователями в книгу, которую они назвали «Разум, самость и общество» [3]. В этой работе Мид очень подробно анализирует, каким образом социальные процессы создают человеческую самость (осознание человеком самого себя и своего особого места в обществе), подчеркивая, что понять индивида вне понимания его в социальном контексте невозможно. При этом Мид использует понятие *роль* как ключевое. Позднее работы Мида по социальной философии стали основанием для разработки так называемой «ролевой теории», которая нашла свое место в американской социологии. Влияние Мида осталось очень сильным и по сей день, и его обычно оценивают как одну из самых значительных фигур в той школе социологии и социальной психологии, которую сегодня называют символическим интеракционизмом.

Аргументация Мида [4] состояла в том, что разница между человеком и любым деятельным существом иной породы [5] включает в себя два следующих различия.

---

[1] См.: Collins Dictionary of Sociology. P. 672.

[2] См.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 136.

[3] См.: *Mead G. H.* Mind, Self and Society. — Chicago: University of Chicago Press, 1934.

[4] Данную аргументацию Мида, между прочим, довольно активно используют социологи, разрабатывающие проблемы искусственного интеллекта (см. напр.: *Wolfe A.* Mind, Self, Society and Computer: Artificial Intelligence and the Sociology of Mind // American Journal of Sociology, № 96 (1991).

[5] Сегодня известны лишь два типа таких существ — животные и компьютеры.

1. Все виды деятельных существ, включая и человека, оснащены мозгом, но только человек обладает разумом.
2. Все другие виды, включая и человека, имеют тела, однако лишь человек обладает ощущением своей собственной исключительной и неповторимой личности.

Первое из представленных выше различий связано с тем, что мозг представляет собой определенные психологические сущности *(entities)* — орган, состоящий из материальных веществ, обладающий определенными свойствами и представленный тем, что во времена Мида было названо центральной нервной системой. Однако в отличие от тех исследователей мозга, которые рассматривали его как сугубо биологическую субстанцию, Мид писал: «Абсурдно смотреть на разум *(mind)* только с позиций индивидуального человеческого организма». Поэтому «мы должны оценивать разум... как возникающий и развивающийся в рамках социального процесса». Человеческие формы познания характеризуются процессом, в ходе которого социальный разум наделяет биологический мозг возможностями познания окружающего мира в совершенно особых формах: «Субъективный опыт индивида должен быть поставлен в определенные отношения с естественными социобиологическими действиями мозга для того, чтобы сделать вообще возможной приемлемую оценку; и это может быть сделано только в том случае, если признается социальная природа разума» [1]. Таким образом, разум предполагает наличие по меньшей мере «двух мозгов». Разум может пополнять мозг информацией в той (и до той) степени, в какой индивид инкорпорирует в свои действия точки зрения других людей.

Однако анализ Мида — это нечто большее, чем просто попытка рефлексии путем постановки себя на место другого.

Второе из отмеченных выше различий — различие между телом и личностью, помогает ответить на вопрос, что же позволяет физическому телу стать социальной личностью? Только возможность взаимодействия с другими социальными личностями! Поскольку «личности могут существовать только в определенных отношениях с другими личностями» [2], качества разума могут существовать лишь в тех случаях, когда жест «оказывает одинаковое воздействие и на индивида, который делает его, и на того индивида, которому он адресован» [3]. Поэтому

---

[1] *Mead G. H.* Mind, Self and Society. P. 133. Здесь и далее перевод автора — Анурина В. Ф. (*Примеч. ред.*)

[2] Там же. P. 164.

[3] Там же. P. 46.

ни один индивид не может обладать исключительно рефлексивным интеллектом — то есть не может считаться имеющим разум — без взаимодействия с другим индивидом, также обладающим умом. Причем этот другой уже должен быть личностью еще до того, как наша личность может вступить с ним в коммуникацию. Таким образом, человеческое познание отличается от любого другого типа познания, поскольку оно требует, чтобы мы отфильтровывали наши мысли через тот способ, каким, по нашему мнению, можно эффективно довести их до понимания других человеческих существ.

Социальная жизнь зависит от нашей способности воображать самих себя в других социальных ролях, и это принятие роли другого зависит от нашей способности к внутреннему разговору с самим собой. Мид представлял себе общество как обмен жестами, который включает в себя использование символов. Таким образом, символический интеракционизм изучает, по сути дела, отношение общества к самому себе как к процессу символических коммуникаций между социальными деятелями. Этот взгляд внес важный вклад в анализ таких социологических понятий, как роль, социализация, коммуникация и действие. Он оказался довольно эффективен при разработке социологии девиации для понимания *карьеры*, а также при изучении *криминального поведения*. Интеракционистский подход дал также теоретическую базу для других, более поздних социологических концепций, в частности таких, как теории *навешивания ярлыков*, а также *социальных стереотипов*. Он, в частности, доказал свою ценность в медицинской социологии для изучения взаимодействия врач — пациент и роли больного. В то время как Мид подчеркивал свой социальный объективизм (общество обладает собственным объективным существованием, а не просто отражает или «суммирует» субъективные сознания входящих в его состав деятелей), современный символический интеракционизм стремится рассматривать общество как систему, возникающую из множества различных деяний, совершенных социальными деятелями.

В самом деле, в какой-то мере символическую нагрузку несут практически все окружающие нас предметы, явления и поступки людей. И, лишь поняв, что именно они символизируют для нашего партнера по взаимодействию (реального, потенциального или воображаемого), мы сможем это взаимодействие осуществить. Практически любое действие, которое мы совершаем, связано с осмыслением не только поступков, но и возможных намерений партнера, способностью «влезть в его шкуру», посмотреть на окружающий мир его глазами. Мид называл такое осмысление «принятием на себя роли другого». Это означает, что, к примеру, ребенок не только обучается распознавать у кого-то

определенный аттитюд (от *attitude* — франц., установка, готовность к действию) и понимать его значение, но что он обучается сам принимать его для себя. Очень важной частью этого процесса обучения является игра. Каждый, конечно, наблюдал детей, играющих в своих родителей, в старших братьев и сестер, а позднее — в войну, ковбоев, индейцев. Такая игра важна не только для тех конкретных ролей, которые она охватывает, но и для обучения ребенка *любой* роли. Поэтому не имеет значения, что данный конкретный ребенок никогда не играет в ковбоев или индейцев, а играет в «дочки-матери». Но при проигрывании роли в первую очередь разучивается обобщенный паттерн поведения. «Дело не в том, чтобы стать индейцем, а скорее в том, чтобы научиться, как играть роли» [1].

«Проигрывание ролей» помимо общей обучающей функции имеет также функцию передачи социальных значений «для реальности». То, как российские дети будут в своих играх изображать роли милиционеров и жуликов, будет сильно зависеть от того, что эта роль означает в их непосредственном социальном опыте. Для ребенка из интеллигентной обеспеченной семьи милиционер — это фигура, исполненная авторитета, уверенности, готовности к защите рядовых граждан, к которой можно обратиться в случае беды. Для ребенка из маргинальной семьи та же роль, вполне вероятно, будет подразумевать враждебность и опасность, скорее угрозу, чем доверие, кого-то такого, от кого скорее нужно убегать, чем прибегать к нему. Мы можем также предполагать, что в играх американских детей роли индейцев и ковбоев будут иметь различные значения в белом пригороде или в индейской резервации.

Таким образом, социализация [2] протекает в непрерывном взаимодействии человека с другими людьми. Но не все другие, с кем имеет дело ребенок, одинаково важны в этом процессе. Некоторые из них явно обладают для него «центральной» важностью. Для большинства детей это — родители, а также в той или иной степени — братья и сестры. В некоторых случаях эта группа дополняется такими фигурами, как дедушка и бабушка, близкие друзья родителей и друзья по играм. Есть и другие люди, которые остаются на заднем плане и чье место в процессе социализации может быть лучше всего описано как фоновое воздействие. Это все виды случайных контактов — от почтальона до соседа, которого видят только от случая к случаю. Если рассматривать социализацию как разновидность драматического спектакля, то его можно описать с точки зрения античного греческого театра, где не-

[1] *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. P. 66.

[2] Это понятие будет более подробно рассмотрено в следующей главе.

которые из участников выступают в качестве главных героев пьесы (протагонистов), в то время как другие функционируют как хор.

Главных героев в драме социализации Мид называет *значимыми другими*. Это люди, с которыми ребенок взаимодействует наиболее часто, с которыми он имеет важные эмоциональные связи и чьи аттитюды и роли являются решающими в его положении. Очевидно, в том, что происходит в жизни ребенка, очень важно, кто именно является этими значимыми другими. Под этим мы имеем в виду не только их индивидуальные особенности и причуды, но также их местоположение в структуре более крупного общества. На ранних фазах социализации, какие бы аттитюды и роли ни принимались ребенком, они принимаются именно от значимых других. Они в очень реальном смысле и *есть* социальный мир ребенка.

Однако по мере того, как протекает социализация, ребенок начинает ощущать, что эти конкретные аттитюды и роли соотносятся с гораздо более общей реальностью. Ребенок начинает, например, понимать, что не только его мать сердится на него, когда он обмочился; что эта рассерженность разделяется каждым из других значимых взрослых, которых он знает, и в действительности — миром взрослых в целом. Именно в этот момент ребенок начинает соотноситься не только с конкретными значимыми другими, но и с *обобщенным другим* (еще одно понятие Мида), который представляет общество во всем его объеме. Данный процесс легко проследить, если проанализировать язык малыша. В более ранней фазе ребенок как бы говорит себе (во многих случаях он реально делает это): «Мама не хочет, чтобы я обмочился». После открытия обобщенного другого это становится примерно таким утверждением: «Этого делать нельзя». Конкретные аттитюды становятся теперь универсальными. Специфические команды и запреты индивидуальных других становятся обобщенными нормами. Эта ступень носит весьма решающий характер в процессе социализации.

По мнению некоторых социологов [1], символический интеракционизм дает более реалистическое представление о механизмах социального взаимодействия, нежели теория обмена. Однако он концентрирует свое внимание на субъективных представлениях взаимодействующих индивидов, каждый из которых, в сущности, уникален и неповторим. Поэтому на его основе довольно трудно сделать обобщения, которые можно было бы применить к самым разнообразным жизненным ситуациям.

[1] См., напр.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 138.

Кратко упомянем еще две влиятельные социологические концепции взаимодействия — *этнометодологию* и *концепцию управления впечатлениями.*

Первая из них — *этнометодология* — пытается взять на вооружение методы исследования, которые применяют антропологи и этнографы для изучения примитивных культур и общин, сделав их социологически универсальными. Базовое предположение здесь состоит в том, что правила, регулирующие контакты между людьми, обычно принимаются ими на веру, в готовом виде. Таким образом, этнометодология ставит своей целью исследование того, каким образом люди («члены») конструируют свой мир. Ее предметом выступают скрытые, неосознаваемые механизмы социальной коммуникации между людьми. При этом все формы социальной коммуникации сводятся в значительной степени к речевой коммуникации, к повседневным разговорам. Один из этнометодологических методов исследования иллюстрируют некоторые эксперименты их основоположника Гарольда Гарфинкеля по разрушению стереотипов повседневной жизни. Гарфинкель просил своих студентов по приходе домой вести себя так, как если бы они были квартирантами или постояльцами гостиницы. Реакции родителей и родственников носили драматический характер, вначале недоуменный, затем — даже враждебный. По Гарфинкелю, это иллюстрирует, насколько тщательным, даже деликатным образом сконструирован социальный порядок повседневной жизни. В других исследованиях (к примеру, поведения присяжных заседателей) он изучал, как люди конструируют свой порядок в различных ситуациях, всецело полагая его само собой разумеющимся. Дж. Тернер следующим образом сформулировал программное положение этнометодологии: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении» [1].

Вторую социологическую концепцию взаимодействия — *концепцию управления впечатлениями* — разработал Эрвин Гоффман. Основной интерес его исследований был связан с элементами скоротечных встреч, возможностями, заложенными в моментальных столкновениях, то есть с социологией повседневной жизни. Для того, чтобы изучить и понять порядок таких социальных встреч, Гофман использовал драму как аналогию для их постановки, поэтому его концепцию называют иногда *драматургическим подходом* (или *драматургическим интеракционизмом*). Основная идея данного подхода состоит в том, что в процессе взаимодействия люди обычно разыгрывают друг перед

[1] *Тёрнер Дж.* Структура социологии. — М., 1985.

другом своеобразные «шоу», режиссируя впечатления о себе, воспринимаемые другими. Социальные роли, таким образом, аналогичны театральным ролям. Люди проектируют собственные имиджи, причем обычно такими способами, которые как нельзя лучше служат их собственным целям. Регулирование взаимодействий между людьми основывается на выражении выгодных для них символических значений, и они нередко сами создают ситуации, в которых, как они считают, могут произвести наиболее благоприятное впечатление на других.

Резюме

1. По универсальному определению П. Сорокина, явление *социального взаимодействия* «дано тогда, когда: a) психические переживания или b) внешние акты, либо c) то и другое одного (одних) людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов».

2. *Условия* возникновения любого социального взаимодействия определяются следующим образом:

1) наличие двух или более индивидов, обусловливающих поведение и переживания друг друга;
2) совершение ими каких-то действий, влияющих на взаимные переживания и поступки;
3) наличие проводников, передающих эти влияния и воздействия индивидов друг на друга;
4) наличие общей основы для контактов, соприкосновения.

3. В соответствии с концепцией П. Сорокина можно выделить три типологии взаимодействия в зависимости от выбора системообразующих признаков:

1) количество и качество участников взаимодействия;
2) характер актов, совершаемых участниками взаимодействия;
3) природа проводников взаимодействия.

4. Разработан целый ряд социологических концепций, описывающих и трактующих механизмы социального взаимодействия. Согласно *теории обмена*, любое социальное взаимодействие можно уподобить отношениям продавца и покупателя на рынке; возникающее в ходе взаимодействия вознаграждение становится повторяющимся и регулярным, постепенно перерастая в отношения между людьми, базирующиеся на взаимных ожиданиях. В соответствии с концепцией *символического интеракционизма* социальная жизнь зависит от нашей

способности воображать себя в других социальных ролях, и это принятие роли другого зависит от нашей способности к внутреннему разговору с самим собой. Сторонники *этнометодологии* исходят из того, что правила, регулирующие контакты между людьми, обычно принимаются ими на веру, в готовом виде. Концепция *управления впечатлениями* (драматургического интеракционизма) утверждает, что регулирование взаимодействий между людьми основывается на выражении выгодных для них символических значений, и они нередко сами создают ситуации, в которых, как они считают, могут произвести наиболее благоприятное впечатление на других.

Контрольные вопросы

1. Что такое «эмерджентные свойства»?
2. Чем отличается взаимодействие людей от взаимодействия между любыми другими живыми существами?
3. Опишите четыре условия возникновения социального взаимодействия.
4. В чем состоит главная особенность проводников *социального* взаимодействия?
5. Каковы главные основания типологии социальных взаимодействий, определяемые П. А. Сорокиным?
6. В чем состоит сущность теории обмена?
7. На каких фундаментальных принципах основана концепция символического интеракционизма?
8. Что такое «значимый другой»?
9. На каком базовом предположении основывается этнометодология?
10. В чем состоит суть драматургического интеракционизма?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь / Пер. с англ.— Казань, 1997.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология. — М., 1988.
3. *Антипина Г. С.* Теоретико-методологические проблемы исследования малых групп. — Л., 1982.
4. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
5. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. — М.,1978.

6. *Кули Ч.* Первичные группы // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
7. *Култыгин В. П.* Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. — 1997. № 5.
8. *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. — 1992. № 3–4.
9. *Мид Дж.* От жеста к символу. Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
10. *Рисмен Д.* Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. — 1993. № 3, 5.
11. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994.
12. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
13. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. — М., 1993.
14. *Тёрнер Д.* Структура социологической теории. — М., 1985.
15. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я // Диалог. — 1990. № 12.
16. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности // Социологические исследования. — 1992. № 7.

Глава 7
Социализация

Логическим продолжением темы социального взаимодействия, рассмотренной в предыдущей главе, является *социализация*. Ее следует рассматривать как важнейший вид социального взаимодействия, в ходе которого совершается формирование любого человека как полноправного и полноценного члена общества. Социологи используют этот термин для описания процесса, в ходе которого и с помощью которого люди обучаются приспосабливаться к социальным нормам, и делающего возможным продолжение развития общества и передачу его культуры из поколения в поколение.

Этот процесс можно концептуализировать двумя путями.

1. Социализацию можно понимать как *интернализацию социальных норм:* социальные нормы становятся обязательными для индивида потому, что они, скорее, устанавливаются им самим для себя, нежели навязываются ему средствами внешней регуляции, и являются, таким образом, частью собственной индивидуальности личности. То есть благодаря интернализации индивид ощущает внутреннюю потребность в приспособлении к окружающей его социальной среде.
2. Социализацию можно представить как *сущностный элемент социального взаимодействия* на основе предположения о том, что люди желают повысить цену собственного самоимиджа, добиваясь одобрения и повышения статуса в глазах других; в этом случае индивиды социализируются в той мере, в какой они направляют свои действия в соответствии с ожиданиями других [1].

§ 1. Социобиологические предпосылки социализации

Социализация объясняет происхождение человеческих обычаев, норм, ценностей и самой личности, фокусирующей в себе все проти-

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 231.

воречивое многообразие общественных отношений. Человек, как известно, живет в обществе и быть свободным от него не может, как бы того ни желал. Это и есть одна из констант социального поведения. Поэтому человек не только «существо разумное», но еще и «существо социальное». Причем социализация, т. е. становление человека в качестве «homo sapiens», начинается с самого рождения. Любые человеческие действия лишь отчасти являются продуктом природы. Все человеческое поведение — прежде всего результат научения, или социализации.

Зачатки социальной организации существуют у пчел, муравьев: они живут коллективно, у них наблюдается разделение труда, оборона территории, контроль порядка, сложившаяся система отношений, существует даже определенная «социальная иерархия» (рабочие, воины, няньки), т. е. почти как в человеческом обществе. Однако имеются веские основания утверждать, что у животных нет социализации. Поведение животных, ведущих коллективный образ жизни, хотя и похоже на человеческое, но происходит инстинктивно. Инстинкт — это биологические программы действия, которые являются врожденными и передаются генетически. Инстинкт предполагает однолинейное, жестко предписанное поведение (без вариантов); отклонение от инстинкта может привести к гибели.

Живые организмы имеют естественную иерархию. Все их многообразие можно расположить на лестнице видов от самых простых до самых сложных. Чем сложнее организм, тем дольше приходится ему приспосабливаться к окружающей среде. Насекомые, в отличие от людей, рождаются уже взрослыми, т. е. готовыми нормально функционировать в своей экологической нише. Высшим организмам приходится труднее. Природа позаботилась о том, чтобы выделить специальный период времени, в течение которого новорожденный обучается и приспосабливается к взрослому миру своего биологического вида. Этот период называется *детством*. У птиц он длится один сезон, у тигров, слонов и обезьян — несколько лет. Чем выше по лестнице видов, тем продолжительнее период адаптации.

Возникающая в ходе эволюции иерархия живых существ от низших — насекомых до высших — человека может быть представлена в виде соответствующей диаграммы (рис. 11). На ней по оси Y будет возрастать сложность организации психики живых существ; по оси X — плотность инстинктов и степень их влияния на поведение живого существа (см. рис. 11).

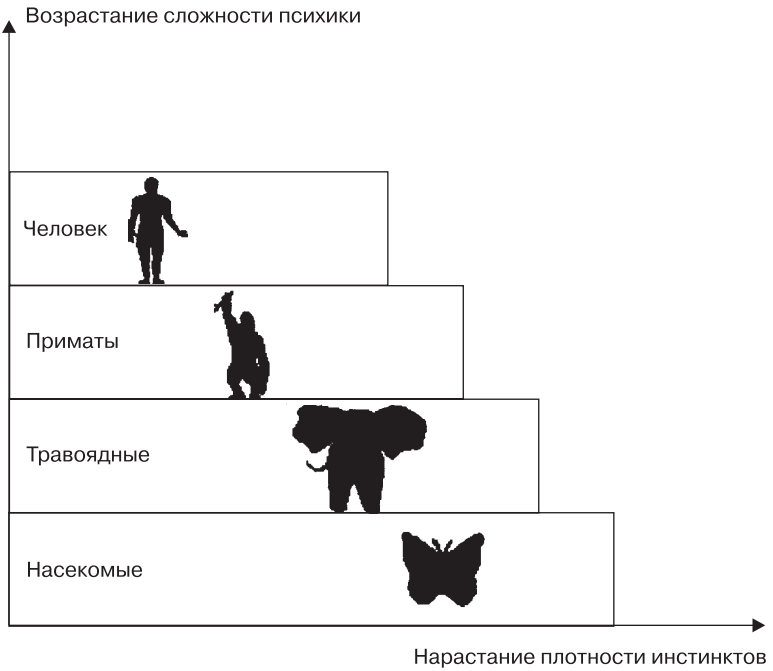

Рис. 11. Чем примитивнее живое существо, тем сильнее на его поведение влияют инстинкты

Закономерность, представленная на рисунке, такова: чем примитивнее существо, тем большую роль в его поведении играют инстинкты. У насекомых поведение практически на 100 % инстинктивно. У слонов, волков уже меньше инстинктов и больше так называемого приобретенного поведения, которое передается родителями. У обезьян еще меньше инстинктов, чем, скажем, у тигров. У человека, по мнению некоторых исследователей, поведение более чем на 80 % — социально приобретаемое. Чем больше в своем поведении живое существо руководствуется инстинктами, тем меньшую роль в его «научении» принимают родители. У насекомых функцию родителей выполняет, по сути, сама природа (врожденные программы поведения). Соответственно, чем меньше инстинктов, тем выше роль и ответственность родителей.

Период подготовки к взрослой жизни в наибольшей степени затянут у человека. Раньше считалось, что он ограничивается детством, сегодня в него включают период юности и молодости. Практически треть своей жизни человек обучается жить в самом сложном из сущест-

вующих миров — в мире общественных отношений. Такой экологической ниши нет ни у одного из видов живых существ. В последнее время специалисты пришли к мнению, что человек обучается и переобучается всю свою жизнь. Таковы требования современного общества. Этот процесс подготовки и получил название *социализации.*

Социализация объясняет то, каким образом человек из существа биологического превращается в существо социальное. Социализация как бы описывает на индивидуальном уровне то, что происходило с обществом на уровне коллективном. Еще основатель социологии Огюст Конт указывал на то, что человек в ходе своего социального созревания в свернутом виде проходит те же самые этапы, какие прошло общество за 40 тыс. лет своей культурной эволюции и какие прошел человеческий род за 2 млн лет своей биологической эволюции.

§ 2. Фазы и содержание процесса социализации

Процесс социализации пронизывает все фазы развития любого человеческого существа, которые называют еще основными *жизненными циклами.* Таких циклов можно выделить четыре:

- *детство* (от появления на свет до полового созревания) — освоение элементарных навыков человеческого общежития;
- *юность* (от 12–14 до 18–20 лет) — подготовка к активному трудовому периоду;
- *зрелость* (18–60 лет) — активный трудовой период;
- *старость* (60 лет и старше) — выход из активного трудового периода.

Этим жизненным циклам соответствуют четыре основные фазы (этапы) социализации:

- *первичная социализация* — этап социализации младенческого возраста;
- *вторичная социализация* — этап, совпадающий с получением формального образования;
- *социализация зрелости* — этап превращения индивида в самостоятельного экономического агента и создания им собственной семьи;
- *социализация старости* — этап постепенного отхода от активной трудовой деятельности и превращение в своеобразного «иждивенца» (государства или собственных детей — в зависимости от уровня развития общества).

Каждый из этих этапов связан с обретением нового статусного набора и освоением новых ролей. Продолжительность каждого из этапов и его содержание определяющим образом зависят от уровня развития общества.

Помимо фаз (этапов) процесса социализации следует выделять также понятие «содержание социализации». Взаимодействие с себе подобными в процессе социализации, когда одна социальная группа обучает «правилам жизни» другую, называется становлением социального «Я». Содержание социализации — не только обретение социальной и экономической самостоятельности, но и *формирование личности.*

Становление социального «Я» возможно только как процесс усвоения мнения значимых других обо мне, которые служат своеобразным зеркалом «Я». Можно сказать иначе: на социально-психологическом уровне становление социального «Я» происходит через интернализацию культурных норм и социальных ценностей. Напомним, что *интернализация* — это превращение внешних норм во внутренние правила поведения.

Как уже говорилось, социализация человека представляет собой продолжающийся всю жизнь процесс усвоения культурных норм и освоения социальных ролей. Как мы теперь знаем, на социальную роль оказывает влияние множество культурных норм, правил и стереотипов поведения, она незримыми социальными нитями — правами, обязанностями, отношениями — связана с другими ролями. И все это надо осваивать. Вот почему к социализации более применим термин «освоение», а не «обучение». Он шире по содержанию и включает в себя обучение как одну из составных частей.

Поскольку на протяжении жизни человеку приходится осваивать не одну, а множество социальных ролей, продвигаясь по возрастной и служебной лестнице, процесс социализации для человека продолжается всю жизнь. До глубокой старости он меняет взгляды на жизнь, привычки, вкусы, правила поведения, роли и т. п. А теперь приглядимся несколько пристальнее к содержанию каждой из фаз (этапов) социализации.

§ 3. Этапы социализации

Первичная социализация. В период *первичной* (детской) социализации возможности приобретения информации из социальной памяти еще во многом определяются возможностями и параметрами био-

логического интеллекта: качеством «сенсорных датчиков», временем реакции, концентрацией внимания, памятью. Однако чем больше удаляется человек от момента своего рождения, тем меньшую роль в этом процессе играют биологические инстинкты и тем большее значение приобретают факторы социального порядка.

С самого рождения ребенок взаимодействует не только со своим собственным телом и с физическим окружением, но и с другими человеческими существами: мир младенца населен другими людьми. Причем очень скоро ребенок становится способен отличать их друг от друга, а некоторые из них приобретают для его жизни господствующее значение. Биография индивида с момента его рождения — это фактически история его отношений с другими.

Более того, и несоциальные компоненты опыта младенца опосредуются и модифицируются другими, то есть его социальным опытом. На протяжении бóльшей части этого периода существования физический комфорт или дискомфорт малыша вызывается действиями или оплошностями других. Этот объект с приятно гладкой поверхностью был кем-то вложен в кулачок ребенка. А если его вымочил дождь, то это потому, что кто-то оставил его коляску на воздухе неприкрытой. В такой ситуации социальный опыт, поскольку он может быть отличим от других элементов в опыте ребенка, еще не являет собой особую, изолированную категорию. Почти каждый элемент в мире ребенка включает в себя другие человеческие существа. Его опыт общения с другими имеет решающее значение для всего приобретаемого опыта в целом. Именно другие создают паттерны, через которые им познается мир. И именно через эти паттерны организм устанавливает стабильные связи с внешним миром, причем не только с миром социальным, но и равным образом — с физическим окружением. Но те же самые паттерны также пронизывают и организм, т. е. они вмешиваются в процесс функционирования организма. Именно другие насаждают в нем паттерны, по которым удовлетворяется голод ребенка. Наиболее очевидная иллюстрация этому — режим приема пищи. Если ребенок питается только в установленное время, его организм принуждается приспосабливаться к этому паттерну. В ходе формирования такого приспособления меняется функционирование его организма. В результате ребенок не просто начинает питаться в определенное время, но и голод его пробуждается к этому же времени. Общество не только насаждает свои паттерны поведения ребенка, но и, по сути, «проникает внутрь» его организма, чтобы организовать функционирование его желудка. Такие же наблюдения можно было бы проделать

за физиологическими выделениями, сном и другими физиологическими процессами, эндемичными (т. е. внутренне присущими) для организма.

Практика кормления младенцев — этот, казалось бы, наиболее элементарный уровень первичной социализации — может быть рассмотрена как важный пример приобретения ими социального опыта, где серьезным фактором оказываются не только индивидуальные особенности матери, но и социальная группа, к которой принадлежит семья. В этой практике, конечно, возможно большое число вариаций — кормление ребенка по регулярному расписанию в противопоставление с так называемым кормлением по востребованию, кормление грудью в противопоставление бутылочному вскармливанию, различные сроки отнятия от груди и так далее. Здесь существуют большие различия не только между обществами, но и между различными классами в рамках одного и того же общества. К примеру, в Америке бутылочное вскармливание было впервые введено матерями из средних классов. Затем это довольно быстро распространилось на другие классы. Поэтому социальный статус родителей ребенка в буквальном смысле «решает», будет ли ему предоставлена, когда он проголодается, материнская грудь или бутылочка [1].

Различия между обществами в контексте рассмотренного выше примера поистине замечательны. В семьях средних классов в западном обществе до того, как эксперты по этим вопросам распространили различные представления относительно кормления по востребованию, существовал жесткий, почти индустриальный режим кормления по расписанию. Ребенка кормили в определенные часы и только в эти часы. В промежутках ему позволяли плакать. В оправдание такой практики приводились разнообразные доводы — или с точки зрения практичности, или в защиту идеи о поддержании здоровья ребенка. Противоположную картину мы можем наблюдать в практике кормления у народности гусайи в Кении [2]. Здесь, когда мать работает, она носит ребенка на себе привязанным или к спине, или к другой части тела. Как только ребенок начинает плакать, он немедленно получает грудь. Общее правило таково, что ребенку нельзя плакать более пяти минут

[1] См.: *J. Newson E.* Patterns of Infant Care in an Urban Community. London: Penguin Books, 1971. P. 176ff.

[2] См.: *Whiting B.* (ed.) Six Cultures-Studies in Child Rearing. — New York: Wiley, 1963. P. 139ff.

до того, как его покормят. Для западных обществ такой режим вскармливания действительно выглядит весьма «либерально».

Можно проследить огромное влияние общества даже на сферу физиологического функционирования организма ребенка, т. е. на практику приучения маленьких детей к пользованию горшком[1]. Иногда такое влияние оказывается излишне навязчивым, достаточно вспомнить типовую рекламу: «"Либеро" — лучший друг малышей!» У каждого народа, эпохи и класса были и свои методы ухода за детьми. В странах с холодным климатом младенцев днем и ночью предпочитают держать в люльке спеленатыми, а там, где климат теплый, — носить в платке или на перевязи за спиной. Одевают здесь младенцев легко или вовсе не одевают.

И уж, разумеется, социальный фактор оказывается решающим при формировании интеллекта начинающего члена общества. Продолжительность, функции и способы воспитания различны у разных народов, разных классов и в разные исторические эпохи. Так, воспитание в высшем и среднем классе было более продолжительным, чем в рабочем классе. У обеспеченных слоев детство считалось периодом относительной беззаботности и неучастия в тяжелом труде. Типовая социальная ситуация «неравенство возможностей — неравный старт» проявляется уже в первые годы жизни ребенка. В одних семьях воспитанием и развитием интеллекта младенца занимаются чуть ли не с момента его рождения, в других же не занимаются вовсе. Ко времени прихода в школу или в детский сад — т. е. к началу этапа *вторичной* социализации — дети уже довольно заметно различаются по уровню своего развития, умению читать и писать, по своему литературному и общекультурному багажу, по мотивации к восприятию новой информации.

Очевидно, что в семье профессионального интеллектуала дети проходят существенно иную социализацию, нежели в семьях родителей более низкого интеллектуального уровня. Нам представляется, что влияние этих факторов «социальной сети», в которую включена формирующаяся личность, воздействие ее ближайшего социального окружения значительно сильнее, значимее тех 30 процентов, которые, например, отводит в формировании интеллекта окружающей социальной среде известный английский психотерапевт Г. Айзенк[2] (если

---

[1] См.: *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. — London, 1981. —P. 60–63.

[2] См.: *Айзенк Г. Ю.* Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. — 1995, № 1. С. 113.

такое сравнение вообще доступно количественной оценке). Необходимо подчеркнуть — не следует смешивать *умственные способности* и *интеллект*: первые действительно в немалой степени обусловлены генетически, второй, безусловно, вырабатывается. Можно было бы перечислить огромное количество выдающихся личностей, которые получили детерминирующий интеллектуальный старт именно благодаря условиям своего детства — от родителей и того круга друзей семьи, которые играли важнейшую роль агентов первичной социализации. «Во всех решительно случаях, когда детство и юность гения известны, оказывается, что так или иначе его окружала среда, оптимально благоприятствовавшая развитию его гения, отчасти потому, что гений именно ее сумел выбрать, найти, создать, отчасти потому, что гениальный ребенок родился (и воспитывался! — *В. А., А. К.*) в семье с определенной социальной преемственностью. Случаи таких семей многим хорошо известны: юность Моцарта, Баха описана многократно» [1].

Может быть, к числу наиболее убедительных свидетельств в пользу социального происхождения индивидуального интеллекта (даже в его наиболее общем — психологическом — смысле) можно отнести результаты наблюдений за так называемыми детьми-маугли. Именно так — по имени киплинговского героя — называют детей, которые по тем или иным причинам оказались с младенческого возраста лишены человеческого общества и воспитаны животными. Другое название этого феномена — «феральные люди». Существует мнение, что в ходе индивидуального психического созревания существует некий критический период — в возрасте примерно от 7 до 9 лет, перевалив за который, дети-маугли (если они не были возвращены к людям *до* этого) окончательно утрачивают возможность обрести человеческий разум и навсегда остаются животными.

Один из наиболее часто упоминаемых случаев такого рода — вскармливание и воспитание волками двух индийских девочек, которых назвали Амалой и Камалой. Младшая из девочек, Амала, вскоре после возвращения к людям умерла, а старшая прожила среди людей еще десять лет. Наблюдатели отмечали, что, несмотря на некоторую адаптацию к окружающим социальным, человеческим условиям, ее поведение в огромной степени напоминало поведение волка (легкость передвижения на четырех конечностях при затрудненности прямохождения, отвращение к одежде, лакание воды вместо питья, отлично развитое обоняние, даже вой в полнолуние). Весь словарный запас,

[1] *Эфроимсон В. П.* Загадка гениальности. — М., 1991. С. 19.

освоенный ею за этот период, так и не вышел за пределы около сорока слов. (Может быть, кругом понятий, обозначаемых именно этими сорока словами, и ограничивается волчье мышление?) Другими словами, человеческий ум у этой девочки так и не сформировался — не только на уровне интеллекта, но даже на уровне элементарного здравого смысла. Возможно, правы те психологи, которые утверждают, что возраст примерно в 7–9 лет являет собою некий критический порог. К этому возрасту ребенок усваивает до 50 % (!) того объема информации, который ему предстоит усвоить в течение всей его жизни.

Имеются примеры воспитания детей животными не только в глубине джунглей, но и в современном городе. Так, в Евпатории шестилетний мальчик четыре года прожил в заброшенном доме со стаей собак. «Он жил на равных правах в будке с тремя большими дворнягами, оставшимися от прежних хозяев дома. Они и кормили его: приносили с окрестных помоек пищу, словно щенку» [1]. Мальчик не говорит, и все манеры его поведения действительно как у бродячей собаки. Правда, в семейном детском доме, куда мальчик, наконец, попал, не теряют надежды сделать из него человека. И для этого, видимо, есть определенные основания, поскольку упомянутого выше критического возрастного порога он пока еще не перешагнул. Свидетельства такого рода в последнее время множатся, и они чаще всего обусловлены именно социальными факторами. Так, в программе «Очная ставка» на НТВ 22 июля 2002 года было рассказано о девочке Оксане Малой из украинского села Новая Благовещенка, которая жила вместе с дворовой собакой в ее будке и которую посадили на цепь собственные родители (!). И, хотя она не только лает, но все же и говорит, по заключению специалистов, полноценным человеком не станет уже никогда.

Схожие выводы можно было бы сделать из так называемого «феномена Каспара Хаузера» (по имени юноши, воспитывавшегося практически в полной изоляции от других людей). Правда, судя по описаниям этого случая в литературе, Каспар Хаузер довольно быстро адаптировался к культурным ценностям своего времени.

Огромный материал для психологов, занимающихся проблемами развития умственных способностей, дали наблюдения за обитателями Загорского интерната слепоглухонемых детей. Некоторые питомцы интерната, попавшие в него со значительным опозданием, при хронологическом возрасте в 19–20 лет обладали уровнем развития полуто-

[1] *Словецкий В.* Мальчик-собака // Жизнь. — 18 июля 2002.

ра-двухгодовалых младенцев. Вероятно, психологическая *депривация*, возникшая вследствие значительной изоляции от внешних раздражителей и сенсорной недостаточности, ведет не просто к задержке, а прямотаки к *остановке* интеллектуального развития. Однако воспитанники интерната, попавшие в него в раннем возрасте и обучаемые по специальной методике (появилось даже специальное научно-методическое направление, связанное с воспитанием глухонемых, — т. н. тифлосурдопедагогика), сравнительно успешно проходили (насколько это возможно при лишении зрения и слуха) все этапы социализации (вплоть до защиты кандидатской диссертации одним из учеников Э. Ильенкова).

Почему же не удалась первичная социализация воспитанницы волков Камалы? Как нам кажется, она все же состоялась, однако это случилось еще *до* возвращения в человеческое общество. Активно общаясь с «сородичами» по волчьей стае, девочка по достижении «критического возраста» приобрела достаточно завершенную (а потому устойчивую) психику волка. Вследствие этого и оказалась невозможной *ресоциализация*[1]: социальные требования нового окружения оказались уже не в состоянии вытеснить слишком прочно закрепившиеся в психике поведенческие и адаптивные стереотипы животного, не имевшие практически ничего общего с нормами и ценностями человеческого общества. Сознание же слепоглухонемого ребенка (как, вероятно, и Каспара Хаузера) к моменту полноценного столкновения с человеческим обществом представляет собой своеобразную *tabula rasa*. Возможно, у таких детей сенсорная депривация (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение, обделенность) содействует зарождению и аккумуляции органической потребности в активной деятельности (в том числе

[1] Этим понятием обозначают усвоение новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия. Некоторые авторы, к примеру М. Комаров, неоправданно отождествляют *ресоциализацию* со *вторичной социализацией* (*Комаров М.* Социология. — М., — 1994. С. 104, 300). Между тем в современной социологии считается общепризнанным отнесение вторичной социализации именно к периоду получения формального образования (см., напр.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 231; Collins Dictionary of Sociology. P. 613; *Спасибенко С. Г.* Поколения как субъекты общественной жизни // Социально-политический журнал. — 1995, № 3. С. 122). А Смелзер прямо указывает: «Ресоциализацией называется усвоение новых ценностей, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших» (*Смелзер Н.* Социология. С. 112).

и познавательной), потому и социализация этих малышей протекает сравнительно быстро.

Значение именно ранних воздействий, развивающих личность и интеллект, подчеркивается, в частности, в работе Р. Бергинса, который показывает, что 20 % будущего интеллекта приобретается к концу первого года жизни, 50 % — к четырем-пяти годам, 80 % — к 8 годам, 92 % — до 13 лет [1]. Считается, что уже в этом возрасте можно с достаточно высокой вероятностью предсказать как сферу, так и «потолок» будущих возможных достижений. В. П. Эфроимсон обращал внимание также на то, что обстановка в семьях и в окружении, составляющих основные агенты социализации высокотворческих детей и детей потенциально интеллектуальных, несколько различается. Если в семьях и окружении первых складывается ситуация независимости и некоторой неопределенности, склонности к риску, то во вторых, составляющих большинство, предпочтение отдается стандартам достаточно ровного поведения [2].

Учеными доказано, что у детей, воспитывающихся *вне семьи*, вообще значительно снижаются возможности для полноценного развития. Среди воспитанников детских домов в возрасте от года до трех лет в физическом развитии отстает 46 % обследованных в 1988 году детей, а в психическом — 75 %.

Так или иначе, к моменту завершения первичной социализации родители и ближайшее окружение ребенка уже передают ему не только значительный объем информации о мире, в котором тому предстоит жить, но также и нормы, ценности и цели своих групп и своего социального класса (во всяком случае — того класса, с которым они себя идентифицируют).

Вторичная социализация. Содержание, характер и качество *вторичной* социализации человека, совпадающей по времени и содержанию с периодом получения им формального образования, определяются уровнем подготовки педагогов, качеством педагогических методик, условиями, в которых протекает образовательный процесс. А на это, в свою очередь, не может не влиять социальное происхождение, а значит, культурный и материальный уровень семьи. От этого уровня зависит, в какую школу пойдет учиться ребенок, какие книги

[1] См.: *Bergins R.* «Begabung» als Ergebnis von Lemvorgangen // Studium Generale. — 1971. V. 24, № 2. S. 202–217.

[2] См.: *Эфроимсон В. П.* Загадка гениальности. С. 31.

и в каком объеме он будет читать, каким будет круг его повседневного общения, будут ли у него персональные наставники и репетиторы, а сегодня — и компьютер, и т. п. Различия психометрического интеллекта детей тождественны различиям социальных статусов семей, в которых они родились и воспитываются.

Подлинное формирование интеллекта, то есть приобщение индивида к миру *научных систематизированных* знаний, начинается именно в школе. Однако школа преследует не только эту цель. Одна из главных функций этапа вторичной социализации — общая подготовка индивида к предстоящей ему в дальнейшем жизнедеятельности в социальных институтах, действующих в рамках формальных организаций. Один из критиков современной системы образования, Ивен Иллич, даже назвал школу «универсальной церковью» [1]. В силу этих причин школа, помимо формирования у своих воспитанников устойчивого комплекса определенных знаний, всегда ставит перед собой задачу привития им господствующих в данном обществе в данный исторический период идеологических и моральных ценностей.

Как утверждают П. и Б. Бергеры, «существует идеология образования, имеющая глубокие корни в истории западной цивилизации, которая говорит о том, каким *должен быть* этот опыт» [2]. Предполагается, что образование передает умения и основы знаний, в которых нуждается индивид, чтобы преуспеть в этом мире. Предполагается также (и в классической традиции западного образования это более важно), что образование призвано сформировать характер и развить ум — совершенно независимо от критериев успеха в том или ином конкретном обществе. Несмотря на большое разнообразие национальных образовательных систем, они, в сущности, организованы по единому принципу: «Образовательная карьера индивида в целом структурирована следующим образом: знание “упаковывается” в курсы, каждая из единиц добавляется к другим единицам, общая сумма которых представляет специфические образовательные цели (завершение того или иного учебного плана, получение той или иной степени), которые индивид предполагает достичь» [3].

Бесспорно, главной функцией этапа вторичной социализации является интеллектуализация личности, т. е. максимально возможное

---

[1] См.: *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. — P. 194.

[2] Там же. — P. 192.

[3] Там же. — P. 197.

наполнение ее тезауруса информацией, накопленной предшествующими поколениями (причем информацией, носящей характер систематизированного научного знания), выработка навыков логичного мышления. Однако помимо этой прямой своей функции вторичная социализация выполняет и ряд *латентных* функций, скрытых от непосредственного наблюдения. Так, можно с уверенностью утверждать, что одной из таких функций является выработка навыков функционирования в условиях *формальной организации*. До прихода в школу ребенок проводил все свое время в рамках неформальных малых групп — в семье, в дружеских компаниях сверстников. Для всех окружающих его он был уникальной, неповторимой личностью. Садясь за парту, он становится одним из многих, приобретая формальный статус ученика, воспитанника. Следовательно, можно утверждать, что вторичная социализация начинается еще до школы — для тех детей, которых приводят в детский сад или даже ясли. А сироты — воспитанники детских домов — оказываются вообще лишенными первичной социализации, начиная свою жизнь практически сразу со вторичной.

Необычность ситуации, в которой оказывается ребенок, вышедший за рамки семьи, — это отсутствие родителей и родственников, которые прежде осуществляли надзор за ним. Ему приходится учиться подчиняться незнакомым людям, и уже не потому, что он испытывает к ним привязанность или любовь, а потому, что так требует социальная система, основанная на единообразии требований, норм, правил и социальных ролей. Ни один из детей уже не рассматривается как уникальная личность, любимый сын (дочь) или исключительная одаренность. Индивидуальные качества ребенка в типичной школе не являются объектом специального внимания. Ребенок становится лишь одним среди многих, он теперь подчиняется тем же правилам, что и все другие. От него ждут не исключительного, а типичного поведения, соответствующего предписанным нормам.

В школах некоторых стран существуют специальная школьная форма, стандартный набор учебников и письменных принадлежностей, строго соблюдаемый режим дня, четко установленная очередность предметов (расписание уроков), стабильность преподавательского контингента и учеников. Успехи детей оцениваются при помощи специальных стандартов (школьных оценок), обычно по пятибалльной системе. Если они выполняют необходимый минимум требований (хорошая или удовлетворительная успеваемость по зачетным предметам), через год их переводят в следующий класс. Обычная продолжительность обучения в средней школе в разных странах — от 10 до

12 лет. Обучение может подразделяться на несколько этапов, например, начальное, неполное среднее, законченное среднее. После окончания школы выдается сертификат — диплом (аттестат) об окончании средней школы, фиксирующей успехи в школьные годы и служащий основанием для поступления в колледж или университет.

Эффективность воздействия процесса образования на формирование личности также во многом зависит и от характера социальных взаимодействий, протекающих в стенах классной комнаты. В начале 1970-х годов целый ряд английских социологов проводили исследования социальных взаимодействий и ценностей (нередко скорее подразумеваемых, нежели осознаваемых формально), которые составляют *социальную систему классной комнаты* в школе [1]. Поскольку эти исследования носили ограниченный (часто единственной школой) и главным образом описательный характер, обобщения, которые можно было бы сделать по поводу открытий таких исследований, ограничены кругом следующих проблем:

- *скрытым учебным планом* и контролем за учениками как частью социальной системы — школы;
- существованием отчетливо выраженных *ученических субкультур* — тех, кто принимает школьные ценности, и тех, кто в той или иной мере расходится с ними;
- влиянием социальной организации школы на учащихся — представителей этих субкультур (например, *сегрегация* на потоки «способных» и «менее способных», стереотипирование и навешивание ярлыков как со стороны учителей, так и со стороны самих учащихся и т. п.);
- чрезвычайно сложным характером социального взаимодействия между учителями и учениками, основанным на *асимметричном распределении власти*, что иногда встречает сопротивление со стороны некоторых учеников [2].

Следовательно, реальные успехи обучаемых являются продуктом не только их интеллектуального уровня и врожденных способностей, но также сложных социальных процессов, протекающих в школе.

---

[1] См.: *Hammersley M., Woods P.* The Process of School: A sociological reader. — London, 1976; *Cosin B. R., Dale I. R., Esland G. M., Mackinnon D., Swift D. F.* (eds.) School and Society: A sociological reader. — London, 1977.

[2] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 40.

Английский социолог Н. Кедди, изучая сложившуюся в британских школах практику распределения учащихся по параллельным классам с учетом их способностей, связывает оценку способностей ученика, которая формирует основу такого разделения, с критериями, используемыми учителями для оценки знания, получаемого в классной комнате. Предполагается, что те знания, которые сама школа считает необходимыми и «правильными», довольно абстрактны и могут быть представлены в общих формах. При этом учителя оценивают именно эти приобретенные на школьной скамье знания выше конкретных знаний учеников, усваиваемых ими непосредственно из собственного опыта. Кандидаты в группы с высокими способностями с большей охотой усваивают прежде всего то, что определяется учителями как «подходящее» знание, и воздерживаются от выражения недоверия, когда оно не совпадает с их собственным опытом. После распределения по параллельным классам те, кто признан более способными, получают более свободный доступ к знаниям, оцениваемым более высоко, в отличие от тех, кто аттестуется как менее способные[1]. Следует отметить, что при этом, вероятно, производится и оценка достигнутого учеником уровня интеллектуального развития, которая, таким образом, производится в рамках господствующих в обществе *ценностно-нормативных* представлений.

Практически все школы и другие организации, функционирующие в рамках образовательных институтов, имеют формальный учебный план, охватывающий те области академического знания, которые, как ожидается, будут осваиваться учениками — например, математику, физику, биологию. Однако помимо этого академического и точно изложенного изучаемого плана существует ряд ценностей, аттитюдов или принципов, передаваемых ученикам учителями *в неявном виде*. Полагают, что этот *скрытый учебный план* призван поддерживать социальный контроль в школе и обществе. Это в результате приучает людей приспосабливаться к реально функционирующей государственной власти, а также господствующей в обществе идеологии и подчиняться ей; заставляет их воспринимать социальное неравенство как естественное состояние и обеспечивает, таким образом, культурное воспроизводство в данном обществе. Конечно, все это накладывает свой отпечаток на формирование интеллекта. Нередко можно наблюдать, что ученики творческие и независимые относительно слабо ус-

[1] См.: *Keddie N.* Classroom Knowledge // Young M. F. D. (ed.) Knowledge and Control. — London, 1971. P. 133–161.

певают в школе, в то время как преуспевают школьники, обладающие такими качествами, как пунктуальность, дисциплина, повиновение и прилежание.

Так или иначе, уровень и качество *образования* (здесь мы не разделяем формального и неформального, профессионального и непрофессионального аспектов, а говорим об образовании вообще — как о целенаправленном и систематическом приобретении новых знаний, умений и навыков) выступает важнейшим фактором формирования индивидуального интеллекта. Зависимость между образованием и уровнем психометрического интеллекта неоднократно подтверждалась данными как зарубежных, так и отечественных исследований. Так, Л. Н. Борисова проанализировала результаты эксперимента по определению уровня интеллекта в пяти группах с различными уровнями образования[1]. Всего было обследовано 2 300 испытуемых, что позволяет говорить о достаточно высокой репрезентативности и статистической значимости результатов. Как и следовало ожидать, разрыв в уровне интеллекта по мере повышения образовательного уровня заметно увеличивается (рис. 12).

Завершая рассмотрение вторичной социализации, обратим внимание на следующее. Школа является довольно поздним результатом исторического развития цивилизации. В первобытном обществе и у отсталых (примитивных) народов сегодня школы как таковой вообще не существует. Обучение новым знаниям и навыкам в таких обществах происходит благодаря неформальным контактам старших, передающих свой опыт, с младшими, усваивающими его; и не через письменные носители информации (книги, учебники, тетради), а через устную речь и наглядные примеры.

Социализация зрелости. Большинство авторов, изучающих проблемы социализации, сосредоточивают практически все свое внимание лишь на первых двух фазах[2], иногда даже не упоминая о двух последующих, хотя они охватывают не менее двух третей человеческой жизни. В этом есть определенный резон: предполагается, что социализация, рассматриваемая в основном как подготовка к жизнедеятельности в условиях человеческого общества, завершается с наступлением биологической и социальной зрелости. Однако, рассматривая социализацию в широком смысле — как освоение норм и ценностей общества,

[1] См.: *Борисова Л. Н.* Динамика интеллектуального развития взрослых // Возрастные особенности умственной деятельности взрослых. — Л., 1974. С. 58.

[2] См. напр.: Collins Dictionary of Sociology. P. 613.

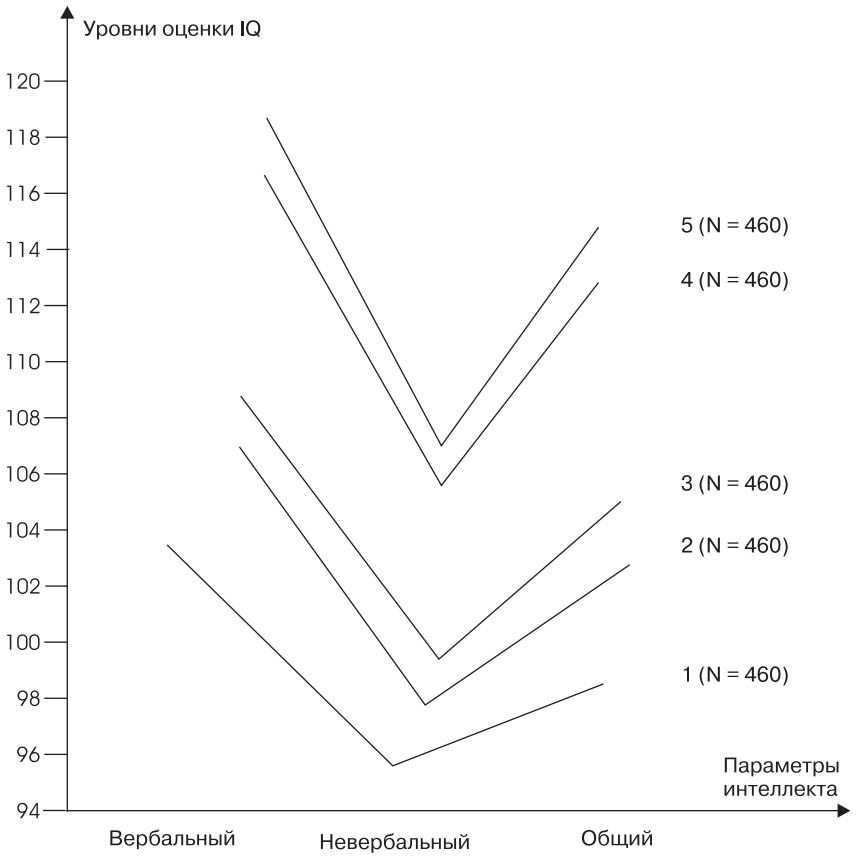

Рис. 12. Зависимость уровня интеллекта от образования: 1 — группа испытуемых с 8-летним образованием; 2 — школьников; 3 — со средним образованием; 4 — студентов; 5 — с высшим образованием

в котором индивид живет, — мы должны будем согласиться с тем, что она продолжается у человека практически до самой его смерти (в полном соответствии с поговоркой «век живи — век учись»). Правда, учитывая огромное разнообразие общественных практик и различие включенности в них разных членов общества, довольно трудно выделить *типовые паттерны* социализации зрелого возраста. Тем не менее на некоторые из них, характерные для всех обществ и всех исторических периодов, следует указать.

В контексте данного вопроса можно выделить два типовых момента.

Первый — это *освоение роли самостоятельного экономического агента*. Оба предшествующих этапа социализации — первичной и вторичной — независимо от продолжительности их по времени характеризуются тем, что физическое и культурное существование индивида материально обеспечивают другие люди — родители, воспитатели, опекуны. Завершая же вторичную социализацию, человек должен научиться самостоятельно заботиться о добыче средств для своего существования.

Второй — *обзаведение собственной семьей*. Это означает не только его (ее) прямое участие в продолжении рода в биологическом смысле. Если на первых двух этапах своей социализации человек — лишь объект чьего-то обучающего и воспитывающего воздействия, то с наступлением третьего этапа он сам превращается в агента социализации. От него теперь требуется освоение новых ролей — мужа (жены), отца (матери), воспитателя, наставника, опекуна. «Правильное» исполнение всех этих ролей, разумеется, достаточно тесно связано с эффективностью исполнения роли экономического агента.

Конечно, сценарии семейных ролей во многом зависят от характера брачно-семейных институтов, типичных для того или иного общества, а также преобладания той или иной формы семьи. Скажем, для традиционных обществ, где доминирует *расширенная* семья, вступление в этап социализации взрослого человека еще не означает обретения полной независимости: даже став отцом или матерью, индивид остается в подчинении реальному главе семьи — патриарху. Кстати, и свою роль экономического агента он исполняет, не выходя за рамки семьи, поскольку именно семья является в традиционном обществе базовой хозяйственной единицей. Иное дело — современное индустриальное общество, где преобладает *нуклеарная* семья. В таком обществе обзаведение собственной семьей предполагает и обзаведение собственным автономным домашним хозяйством, что означает гораздо более высокую степень независимости.

Различие в типах обществ и уровнях их развития накладывает свой отпечаток на характер и содержание различных этапов социализации, а также на их продолжительность. В традиционных обществах с их недоступностью образования для широких масс абсолютное большинство членов этих обществ просто «перескакивает» через этап вторичной социализации, переходя от первичной непосредственно в социализацию зрелости. Реально это означает, что дети в семьях крестьян и ремесленников с самых юных лет приобщаются к посильной работе по добыванию хлеба насущного, не в игре, а на практике осваивая роль

самостоятельного экономического агента. Кроме того, здесь является самым обычным делом вступление в брак сразу по достижении биологической половой зрелости[1]. Для распространения такой традиции были серьезные объективные основания. Достаточно вспомнить, что даже в развитой Англии в канун индустриальной революции (середина XVIII века) средняя продолжительность жизни составляла тридцать лет. Вряд ли есть основания считать, что в предшествующие эпохи и в других обществах она была дольше. Кроме того, заключение брака (равно как и рождение новых детей) означало появление в семейном производстве новых работников, от общей численности которых зависела его, производства, эффективность.

Эта ситуация коренным образом меняется в индустриальных обществах, что, конечно, также имеет свои объективные предпосылки. Здесь, прежде всего, семья оказывается сплошь и рядом отделенной от производственной деятельности, а социальные функции ее ограничиваются репродукцией — биологической и культурной. Кроме того, усложнение технологий и все более активное внедрение в производственный процесс достижений науки диктуют настоятельную необходимость массовой грамотности. Это ведет к тому, что этап вторичной социализации становится обязательным для абсолютного большинства членов индустриальных обществ. Более того, продолжительность этого этапа (разделяющего первичную социализацию и социализацию зрелости) последовательно увеличивается в размерах по мере развития индустриализации. Вступление человека в стадию социализации зрелости затягивается до 25-летнего возраста, а то и старше. Для традиционных обществ это было бы равносильно гибели, однако индустриальным обществам такое не грозит — хотя бы в силу более чем двукратного увеличения средней продолжительности жизни.

Социализация старости. Появление этого этапа как особой типовой стадии жизненного цикла также становится возможным только в индустриальном обществе, причем на достаточно высоких уровнях его развития. Конечно, особо почтительное отношение к старикам было присуще практически всем обществам, начиная с примитивных. В дописьменных обществах старики были объектом уважения и почитания, потому что в отсутствие иных материальных носителей информации они являлись живыми хранилищами мудрости, обычаев,

[1] Вспомним, как у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» няня рассказывает Татьяне о своем замужестве: «...мой Ваня моложе был меня, мой свет, а было мне тринадцать лет».

сведений об имущественных и иных правах. К тому же доля их в общей численности населения была незначительной — в силу только что упомянутого низкого уровня средней продолжительности жизни. И когда кто-то доживал до преклонного возраста, это само по себе выделяло его среди соплеменников. Хотя, конечно, в наших представлениях о более благоприятном статусе пожилых людей в ранние периоды истории человеческого общества присутствует изрядная доля романтизма. Идиллическая картина, изображающая седовласого старца, сидящего у очага и рассказывающего детям чудесные истории о прошлом, заставляет закрывать глаза на многие жестокости, которые были характерны для обращения со стариками в прошлом.

Нынешний интерес социологии к старению и геронтологии стимулируется прежде всего возрастанием удельного веса пожилых людей в популяции индустриальных обществ и необходимостью наращивания объема государственной заботы о стариках. Старость в современном обществе означает неизбежное понижение социального статуса — и в *филогенезе* (в сравнении с прежними обществами), и в *онтогенезе* (сравнительно с тем, что имело место в прежние возрастные периоды). Прежде всего, это связано с невозможностью продолжения индивидом прежней экономической активности с прежней интенсивностью. Это влечет за собой падение таких параметров экономического статуса, как активное распоряжение собственностью — у тех, кто ею обладает, и место в организации труда — у наемных работников. Постепенный или резкий — в связи с выходом на пенсию — уход с рынка труда означает одновременное снижение значимости всех параметров в системе профессиональной стратификации — как для самого человека, так и для окружающих его людей. Эти потери становятся особенно чувствительными для индивида в связи с тем, что они обычно совпадают со снижением уровня доходов и состояния здоровья. Мы не говорим уже об ощущении социальной и профессиональной невостребованности, которое требует определенной психологической адаптации.

В то же время наблюдения за этой категорией населения в развитых обществах показывают, что все не настолько драматично, как представляется на первый взгляд. Дело в том, что система социального обеспечения по старости в этих обществах (связанная, в частности, с интенсивным развитием негосударственных пенсионных фондов) позволяет обеспечить пожилым людям уровень жизни, который намного выше в сравнении с тем, что имело место даже всего полвека назад. Кроме того, у пенсионеров чаще наблюдается превышение доходов над расходами — во-первых, в связи с тем, что предшествующий

период жизни позволил им сделать солидные накопления (выплачены все кредитные взносы за жилье, давно сделаны все крупные приобретения, имеется счет в банке), во-вторых, уровень их запросов заметно ниже в сравнении с их более молодыми современниками. Мы не говорим уже о том, что они — опять же в сравнении со своими детьми — обладают практически неограниченным запасом свободного времени. Мы повторяем, что речь здесь идет о продвинутых обществах, однако такого рода ситуация все чаще наблюдается и в России.

Так или иначе, и позитивные, и негативные аспекты перехода в период «заката жизни» означают необходимость освоения новых ролей (пенсионер, иждивенец, дедушка, бабушка...), что означает выход на практически новый — теперь уже заключительный — этап социализации, который также требует определенных психологических и моральных усилий от личности и который все чаще заставляет задумываться об этой проблеме как органы государственной власти, так и социологов [1].

§ 4. Малые группы как агенты первичной и вторичной социализации

В социологии существует еще один, несколько иной подход к подразделению на первичную и вторичную социализацию. Согласно ему, социализация делится на первичную и вторичную в зависимости от того, кто выступает в качестве главного ее агента. При таком подходе *первичной* социализацией именуется процесс, который протекает в рамках малых — прежде всего первичных — групп (а они, как правило, бывают неформальными). *Вторичная* же социализация протекает в ходе жизнедеятельности в рамках формальных институтов и организаций (детский сад, школа, вуз, производство). Такой критерий носит нормативно-содержательный характер: первичная социализация протекает под пристальным взором и решающим влиянием *неформальных* агентов, родителей и сверстников, а вторичная — под влиянием норм и ценностей *формальных* агентов, или институтов социализации, т. е. детского сада, школы, производства, армии, милиции и т. д.

Первичными группами называются малые контактные сообщества, где люди знают друг друга, где между ними существуют неформальные, доверительные отношения (семья, соседская община).

---

[1] См., напр.: Пожилые люди — взгляд в XXI век. — Н. Новгород, 2000.

Вторичными группами называются достаточно большие по размерам социальные множества людей, между которыми существуют преимущественно формальные отношения, когда люди относятся друг к другу не как к индивидуальным и неповторимым личностям, а в соответствии с тем формальным статусом, которым они обладают.

Достаточно частое явление — вхождение первичных групп во вторичные в качестве составных частей.

Основная причина, по которой первичная группа является важнейшим агентом социализации, состоит в том, что для индивида первичная группа, к которой он принадлежит, выступает одной из важнейших референтных групп. Этим термином обозначают ту группу (реальную или воображаемую), система ценностей и норм которой выступает для индивида своеобразным эталоном поведения. Человек всегда — вольно или невольно — соотносит свои намерения и поступки с тем, как могут их оценить те, чьим мнением он дорожит, независимо от того, наблюдают они за ним реально или только в его воображении. Референтной[1] может быть и та группа, к которой индивид принадлежит в данный момент, и та группа, членом которой он был прежде, и та, к которой он хотел бы принадлежать. Персонифицированные образы людей, составляющих референтную группу, образуют «внутреннюю аудиторию», на которую человек и ориентируется в своих помыслах и поступках.

Как мы уже говорили, первичная группа — это обычно семья, группа ровесников, дружеская компания. Типичными же примерами вторичных групп являются армейские подразделения, школьные классы, производственные коллективы. Некоторые вторичные группы, например профсоюзы, можно рассматривать как ассоциации, в которых, по крайней мере, некоторые их члены взаимодействуют между собой, в которых имеется единая, разделяемая всеми членами нормативная система и какой-то общий, разделяемый всеми членами смысл корпоративного существования. В соответствии с указанным подходом первичная социализация протекает в первичных группах, а вторичная — во вторичных группах.

Первичные социальные группы — это сфера личностных отношений, т. е. *неформальных*. Неформальным называется такое поведение между двумя и большим количеством людей, содержание, порядок

[1] Одним из значений английского *reference*, от которого происходит этот термин, является русскоязычное понятие *соотнесение*.

и интенсивность которого не регулируется никаким документом, но определяется участниками самого взаимодействия. Пример — семья.

Вторичные социальные группы — это сфера деловых отношений, т. е. *формальных*. Формальными называются такие контакты (или взаимоотношения), содержание, порядок, время и регламент которых регулируется каким-либо документом. Пример — армия.

Обе группы — первичная и вторичная — равно как и оба типа отношений — неформальные и формальные — жизненно необходимы каждому человеку. Однако время, уделяемое им, и степень их влияния поразному распределяются на разных отрезках жизни. Для полноценной социализации индивиду необходим опыт общения в тех и других средах. Таков принцип разнообразия социализации: чем более гетерогенный характер носит опыт общения и взаимодействия индивида с его социальным окружением, тем полноценнее протекает процесс социализации.

Процесс социализации включает не только тех, кто обучается и усваивает новые знания, ценности, обычаи, нормы. Важной составляющей этого процесса выступают и те, кто влияет на процесс научения, в решающей степени формирует его. Их называют *агентами социализации*. К этой категории можно отнести и конкретных людей, и социальные институты. Индивидуальными агентами социализации могут быть родители, родственники, приходящие няни, друзья семьи, учителя, тренеры, подростки, лидеры молодежных организаций, врачи и т. п. В роли коллективных агентов выступают социальные институты (к примеру, главным агентом первичной социализации выступает семья).

Агенты социализации — это конкретные люди (или группы людей), ответственные за обучение культурным нормам и освоение социальных ролей.

Институты социализации — социальные институты и учреждения, влияющие на процесс социализации и направляющие его: школа и вуз, армия и милиция, контора и фабрика и др.

Первичные (неформальные) агенты социализации — родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, близкие и дальние родственники, приходящие няни, друзья семьи, сверстники, учителя, тренеры, врачи, лидеры молодежных группировок. Термин «первичные» относится в рамках данного контекста ко всему, что составляет непосредственное, или ближайшее, окружение человека. Именно в этом смысле социологи говорят о малой группе как первичной. *Первичная среда* — это не просто ближайшая к человеку, но и важнейшая для формирования его личности, поскольку она стоит на первом месте и по степени

значимости, и по частоте и плотности контактов между ним и всеми ее членами.

Вторичные (формальные) агенты социализации — представители формальных групп и организаций: администрации школы, университета, предприятия, офицеры и чиновники армии, полиции, церкви, государства, а также те, контакты с которыми носят опосредованный характер, — сотрудники телевидения, радио, печати, партий, суда и т. д.

Неформальные и формальные агенты социализации (как мы уже указывали, иногда это могут быть целые институты) по-разному влияют на человека, но и те и другие воздействуют на него на протяжении всего его жизненного цикла. Однако воздействие неформальных агентов и неформальных отношений обычно достигает своего максимума в начале и в конце человеческой жизни, а действие формально-деловых отношений с наибольшей силой чувствуется им в середине жизни.

Достоверность приведенного суждения очевидна даже с точки зрения здравого смысла. Ребенок, так же как и старик, тянется к родным и близким, от помощи и защитных действий которых целиком зависит его существование. Старики и дети заметно менее других мобильны в социальном плане, более беззащитны, они менее активны и в политическом, и в экономическом, и в профессиональном отношении. Дети еще не стали производительной силой общества, а старики уже перестали ею быть; и те и другие нуждаются в поддержке зрелых родственников, находящихся в активной жизненной позиции.

После 18–25 лет человек начинает активно заниматься профессионально-производственной деятельностью или бизнесом и делать свою карьеру. Начальники, партнеры, коллеги, товарищи по учебе и работе — вот те люди, к мнению которых зрелый человек больше всего прислушивается, от которых он получает больше всего нужной ему информации, которые определяют его служебный рост, оклад, престиж и многое другое. Часто ли звонят своим «маменькам» повзрослевшие дети-бизнесмены, которые, кажется, совсем недавно держались за материнскую руку?

Среди первичных агентов социализации в указанном выше смысле не все играют одинаковую роль и обладают равным статусом. Бесспорно, что по отношению к ребенку, проходящему первичную социализацию, в преимущественном положении находятся родители. Что же касается сверстников (тех, кто играет с ним в одной песочнице), то они просто равны ему по статусу. Они прощают ему многое из того, что не прощают родители: ошибочные решения, нарушение нрав-

ственных принципов и социальных норм, бесцеремонность и т. д. Каждая социальная группа может дать индивиду в процессе социализации не более того, чему они сами обучены или в чем сами социализированы. Иначе говоря, у взрослых ребенок учится тому, как «правильно» быть взрослым, а у ровесников — как «правильно» быть ребенком: играть, драться, хитрить, тому, как относиться к противоположному полу, дружить и быть справедливым.

Малая *группа ровесников* (Peer group) [1] на этапе первичной социализации выполняет важнейшую социальную функцию: она облегчает переход от состояния зависимости к независимости, от детства к взрослости. Современная социология указывает, что этот тип коллективности играет особенно важную роль на этапе биологического и психологического созревания. Именно юношеские группы ровесников имеют отчетливо выраженную тенденцию к обладанию: 1) довольно высокой степенью солидарности; 2) иерархической организацией; 3) кодексами, которые отрицают ценности и опыт взрослых или даже противостоят им. Родители вряд ли научат тому, как быть лидером или добиться лидерства в компании сверстников. В каком-то смысле ровесники и родители воздействуют на ребенка в противоположных направлениях, при этом нередко первые сводят на нет усилия вторых. Родители и в самом деле нередко смотрят на ровесников своих детей как на своих конкурентов в борьбе за влияние на них.

§ 5. Неравенство и социализация

Мы уже неоднократно затрагивали в этой главе проблему неравенства и социализации — в частности, когда шла речь о первичной социализации как этапе младенческого возраста. В определенной степени эта проблема имеет место и на этапе средней школы, особенно в тех обществах, где реально существуют две раздельные системы — одна для всех, а другая для выходцев из привилегированных сословий, причем вторая обеспечивает несравненные преимущества для продолжения образования в высших учебных заведениях (например т. н. школы «академического профиля» в США или *«grammar schools»* в Великобритании).

Образование в современных странах — это очень широкие и высокоразвитые дифференцированные многоуровневые социальные системы (подсистемы общества) непрерывного совершенствования знаний

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 183.

и навыков членов общества, выполняющие важнейшую роль в социализации личности, ее подготовке к получению того или иного социального статуса и выполнению соответствующих ролей, в стабилизации, интеграции и совершенствовании общественных систем. Образование имеет большое значение в определении социального статуса личности, в воспроизводстве и развитии социальной структуры общества, в поддержании социального порядка и стабильности, осуществления социального контроля [1].

Образование выступает важнейшим фактором воспроизводства и совершенствования социально-профессиональной структуры общества. Кроме того, оно является важным каналом социальных перемещений и социальной мобильности. Чем более демократическим и открытым является общество, тем в большей степени образование «работает» как эффективный социальный «лифт». Оно позволяет человеку из низших страт в иерархической структуре общества переместиться в высшие страты и, следовательно, достигнуть высокого социального статуса [2].

В прежнем СССР эта проблема в явном виде не существовала, однако имелись школы для «одаренных детей», среди которых была довольно велика доля выходцев из семей партийных и государственных чиновников. В пореформенной же России вопросы неравенства возможностей в получении образования, особенно высшего, обозначились гораздо более отчетливо и выпукло.

В серии исследований, проводившихся новосибирскими социологами под руководством В. Н. Шубкина на протяжении 30-летнего периода [3], выяснились глобальные закономерности, характеризующие аккумулированный эффект социального неравенства в системе образования. Если в первый класс школы дети рабочих и крестьян и интеллигенции поступали в той же пропорции, в какой эти категории представлены в социальной структуре общества, то к моменту ее окончания доля детей последней резко увеличивалась, а доля первых двух групп сокращалась. Еще отчетливее обнаруженная тенденция проявлялась на уровне высшего образования: по существу в университетах одни интеллигенты (преподаватели) обучали других (студентов).

---

[1] См.: *Тадевосян Э. В.* Социология. Учебное пособие. — М., 1999. С. 261–262.

[2] См.: *Волков Ю. Г., Мостовая И. В.* Социология в вопросах и ответах. — М., 1999. С. 346.

[3] См.: *Константиновский Д. Л.* Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. — 1997. № 3.

Если прежде, в 60-е годы, правительство дополнительными мерами как-то выравнивало пропорции обучающихся в соответствии с параметрами социальной структуры, то к середине 90-х годов на такое выравнивание не осталось уже ни средств, ни желания. Платное обучение — и в вузе, и в школе — резко усилило социальную дифференциацию не только среди взрослых, но и среди детей.

Так, согласно полученным данным, к 1994 году по сравнению с 1962 годом доля старшеклассников из числа детей руководителей возросла в 3,5 раза, а доля детей рабочих и крестьян сократилась в 2,5 раза[1]. Последние отсеивались из школы не только по неуспеваемости, но и по финансовым причинам. Разбив респондентов на четыре группы (дети рабочих и крестьян, дети специалистов, дети служащих, дети руководителей), В. Н. Шубкин и Д. Л. Константиновский, сравнив ориентации старшеклассников, установили следующее: чем выше статус и уровень образования родителей, тем более привлекательны для юношей и девушек профессии, связанные с квалифицированным умственным трудом. Здесь отчетливо прослеживается тенденция к репродукции статуса родителей.

Интеллигенция, заполняющая три слоя среднего класса, ориентирована только на высшее образование. Родители, даже очень ограниченные в своих материальных возможностях, вкладывают иногда последние деньги именно в образование детей. Формула «лучшее капиталовложение — это образование наших детей» выступает лейтмотивом всей жизни среднего класса, который сам сформирован из представителей образованной части общества. Дети вырастают в постоянной ориентированности на вузовское образование. У них всегда находятся нужные социализаторы, способные дать правильный совет, для них мобилизуются все семейные доходы, им создается благоприятная духовная среда в период обучения.

Описанные выше тенденции в гораздо меньшей степени характерны для семей рабочих и крестьян, основная часть которых относится к низшему классу — независимо даже от размеров дохода. Дети здесь заметно слабее ориентированы на вузовское обучение. Живого примера высокообразованного специалиста, занятого престижным и творческим трудом, в своем ближайшем окружении они не видят: их родители, родные и знакомые, как правило, представители того же класса.

---

[1] См.: *Константиновский Д. Л.* Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. — 1997. № 3. С. 100.

В советском обществе путь наверх, в принципе, был открыт представителям всех слоев и классов, в нынешней же России сформировалась так называемая *надклассовая модель социализации*. К высшему образованию в советском обществе, так или иначе, стремились все — дети рабочих, крестьян и интеллигенции. Более того, первые при поступлении даже получали определенное преимущество. Учиться в вузе было мечтой практически всей советской молодежи. В чем-то эта традиция, или модель поведения, сохранилась и в 90-е годы, однако реализовать ее стало крайне непросто. Само высшее образование раздробилось на бесплатное — государственное, куда конкурс вырос, и платное — коммерческое и полукоммерческое, куда конкурса практически не существует, но зато устанавливается непомерно высокая для многих оплата за обучение. В результате перед низшим классом, помимо менее высокой внутренней мотивации на получение высшего образования, возникло сразу еще два внешних фильтра:

- *высокий конкурс на бюджетное (бесплатное) обучение*;
- *высокая плата в негосударственных вузах*.

Оба социальных барьера сделали почти недоступным высшее образование для низшего класса. Для преодоления высокого конкурса нужны глубокие знания и основательная подготовка, которые не способна дать рядовая российская средняя школа, где и обучается подавляющая часть детей из низшего класса. Платные вузы становятся недоступными не столько из-за того, что дети не подготовлены к поступлению в них, сколько вследствие того, что к рыночной жизни оказались неподготовленными их родители: они не выбились в «новые русские», не имеют собственного бизнеса, не трудятся в коммерческом секторе.

Вложению всех капиталов в образование детей интеллигенции помогает ориентация родителей на получение высшего образования и сильная мотивация на достижение этой цели. Даже при одинаковых материальных возможностях у рабочих и интеллигенции их дети имеют неодинаковые шансы на поступление в вуз. Часто семьи рабочих и крестьян не умеют эффективно вложить в подготовку детей к вузу свободные средства, даже обладая ими: они не знают хороших репетиров, у них нет знакомых среди преподавателей вузов, они при первой неудаче бросают начатое дело. Но чаще случается другое: семьи из низшего класса оказываются просто не в состоянии накопить нужные средства в силу неправильного, расточительного образа жизни.

В семьях среднего класса профессии часто наследуются. Дети видят на живом примере, как и сколько времени работает отец, из чего состоит его работа, как творчески он растет на ней, как радуется удачам, сколько получает денег и т. п. Таким способом — воочию, наглядно — ребенок приобщается к совершенно конкретной профессии. Сделать свой выбор ему уже проще. Менее болезненно у таких детей протекает и переходный возраст, поскольку к новому стабильному положению, т. е. студенческим годам, они готовятся как бы исподволь.

Труднее детям рабочих. Большинство представителей рабочего класса ориентируют своих детей как раз не на физический труд, которым заняты они сами, а на умственный. И они хотят «затолкать» их в вузы. Однако дать наглядный пример интеллектуальной профессии они не могут. Дети наблюдают совсем иной труд, а о том, что им предстоит в будущем, знают понаслышке. И посоветовать некому: все окружение — из среды рабочего класса. Поступив в вузы, они учатся хуже детей из среднего класса.

Судя по некоторым данным о социальном происхождении (род занятий и профессия родителей), более половины студентов российских вузов в середине 1990-х годов были выходцами из семей интеллигенции — инженеров, конструкторов, экономистов, финансистов, юристов, правоведов, военных, преподавателей, учителей, научных и творческих работников, врачей, бизнесменов, руководящих работников. В составе студентов увеличивается доля представителей быстро формирующегося слоя предпринимателей, возрастает удельный вес выходцев из состава гуманитарной, научной и инженерно-технической интеллигенции. При сохранении такой тенденции в XXI веке две трети студентов вузов будут рекрутироваться из семей интеллигенции[1]. Таким образом, современный вуз нацелен в основном на «самовоспроизводство» класса интеллигенции (если, конечно, ее можно назвать классом).

Итак, вуз, призванный готовить потенциальных работников интеллектуального труда, прежде рекрутировал студентов из всех слоев общества, сегодня это делается преимущественно из интеллигенции. Этот процесс можно было бы назвать *деформацией профессионального отбора* в вузы. По мнению некоторых специалистов, явный перекос в сторону интеллигенции ведет к взаимной изоляции социальных классов и слоев, порождает у рабочих и служащих чувство социаль-

[1] См.: *Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В.* Социология образования: прикладной аспект. — М., 1997. С. 36–37.

ной несправедливости, отсутствия равенства шансов для вертикальной мобильности.

Обнаруженные тенденции, которые можно было бы назвать своеобразной «воронкой» социального неравенства, к примеру, в сфере образования (рис. 13), проявляются во множестве фактов. Так, если в 1963 году из ста выпускников средних школ поступало в вузы 11 выходцев из рабочих и крестьян, то в 1983 году их стало 9, а в 1993 году — 5. Соответственно доля детей служащих с 1963 по 1993 годы возросла с 10 до 16, специалистов — с 14 до 18, руководителей — с 6 до 20 процентов [1].

Рис. 13. «Воронка» социального неравенства в сфере образования

Дети руководителей и специалистов сегодня заполнили три четверти (75 %) самых престижных вакансий в вузах — учатся на факультетах экономики и финансов. Лишь одна десятая этих вакансий занята детьми служащих (13 %), доля детей рабочих и крестьян — еще меньше [2]. В 90-е годы качественное среднее и высшее образование становится все менее доступным для социальных низов. Плата за обучение в московских коммерческих лицеях и вузах достигает 2–4 тыс. долл. в год, в то время как средняя заработная плата москвича не достигает и 120 долл. Очевидно, что попасть в престижные вузы имеет значительно больше шансов тот, чьи родители могут заплатить за учебу в привилегированной школе, за предварительную довузовскую подготовку, за обучение в вузе. В результате усиления социальной дифференциации дети — выходцы из низов вытесняются в «дешевые» школы, одновременно происходит и ухудшение уровня образования таких подростков. Через школьное и вузовское сито проходят главным об-

[1] См.: *Константиновский Д. Л.* Молодежь в системе образования: динамика неравенства. С. 108.

[2] Там же. С. 113.

разом дети из высших социальных слоев. О неравном доступе к получению образования на послешкольном и вузовском уровнях для рабочих и крестьян пишут и другие ученые. «В вузах, как правило, обучались сыновья и дочери партийных работников и интеллигенции, эти слои использовали свое влияние для того, чтобы обеспечить место своим детям в элитной общеобразовательной средней школе или университете... Еще один источник неравенства состоял в том, что социалистическая система образования и подготовки кадров, как правило, не принимала в расчет детей, имеющих специфические потребности. Дети-инвалиды, дети, отстающие в развитии или живущие в неблагоприятных социальных условиях, редко получали необходимую им специализированную помощь» [1].

Таким образом, в ходе эмпирических исследований, проведенных отечественными социологами в последние десятилетия, выяснилось, что социальное неравенство в доступе к среднему и высшему образованию увеличивается не только от одного исторического периода к другому, но и от одной ступени обучения к другой — от начальной к средней школе и от среднего образования к высшему.

Резюме

1. Термин «социализация» используется для описания процесса, в ходе которого и с помощью которого люди обучаются приспосабливаться к социальным нормам, т. е. процесса, делающего возможным продолжение развития общества и передачу его культуры из поколения в поколение. Социализация объясняет происхождение человеческих обычаев, норм, ценностей и становление самой человеческой личности. Она показывает, каким образом человек из существа биологического превращается в существо социальное, обучаясь и переобучаясь в течение всей своей жизни.

2. Процесс социализации принято разделять на четыре фазы (этапа), соответствующие жизненным циклам: *первичная социализация* — этап социализации младенческого возраста; *вторичная социализация* — этап, совпадающий с получением формального образования; *социализация зрелости* — этап превращения индивида в самостоятельного экономического агента и создания им собственной семьи; *социа-*

[1] *Серикова Т. Л.* Институт образования и его трансформация в процессе реформирования российского общества // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. — М., 1999. С. 334–336.

лизация старости — этап постепенного отхода от активной трудовой деятельности.

3. Согласно еще одному подходу, социализация делится на первичную и вторичную — в зависимости от того, кто выступает в качестве главного ее агента. *Первичной* социализацией именуется процесс, который протекает в рамках малых — прежде всего первичных — групп (а они, как правило, бывают неформальными). *Вторичная* же социализация протекает в ходе жизнедеятельности в рамках формальных институтов и организаций (детский сад, школа, вуз, производство).

4. Под *агентами социализации* понимают конкретных людей (или группы людей), ответственных за обучение культурным нормам и освоение социальных ролей. *Институты социализации* — социальные институты и учреждения, влияющие на процесс социализации и направляющие его: школа и вуз, армия и милиция, контора и фабрика и др. *Первичные (неформальные) агенты социализации* — родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, близкие и дальние родственники, приходящие няни, друзья семьи, сверстники, учителя, тренеры, врачи, лидеры молодежных группировок. Термин «первичные» относится в данном контексте ко всем людям, которые составляют непосредственное, или ближайшее, окружение человека. *Вторичные (формальные) агенты социализации* — это, как правило, представители формальных групп и организаций.

5. На всех этапах социализации отчетливо проявляется социальное неравенство. На этапе первичной социализации дети находятся в неравных условиях в силу неодинакового материального положения семей и различий в объеме внимания, уделяемого детям со стороны взрослых. Характер и качество получаемого индивидом образования также различается в зависимости от финансовых возможностей и личных способностей. На двух последующих этапах — социализации зрелости и социализации старости — это усугубляется эффектами неравенства, аккумулированными на двух предыдущих этапах.

Контрольные вопросы

1. Как выглядит соотношение инстинктов и сложного поведения у различных видов живых существ?
2. Какова трактовка процесса социализации с точки зрения теории социальных ролей?
3. На какие этапы подразделяется процесс социализации?
4. Что такое «ресоциализация»?

5. Чем характеризуется первичная социализации?
5. Каковы явные и латентные функции вторичной социализации?
6. Каковы главные паттерны социализации зрелого возраста?
7. Чем характеризуется социализация старости?
9. В чем состоит главное отличие первичных малых групп от вторичных?
10. Что понимается под агентами социализации и ее институтами?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань: Издательство Казанского университета, 1997.
2. *Анурин В. Ф.* Некоторые проблемы социологии старости // Пожилые люди — взгляд в XXI век. — Н. Новгород, 2000.
3. *Борисова Л. Н.* Динамика интеллектуального развития взрослых // Возрастные особенности умственной деятельности взрослых. — Л., 1974.
4. *Кули Ч.* Первичные группы // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
5. *Константиновский Д. Л.* Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. — 1997, № 3.
6. *Мид Дж.* Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
7. *Парсонс Т.* О социальных системах. — М., 2002. — Гл. 6: Обучение социально-ролевым ожиданиям и механизмы социализации мотивации.
8. *Руткевич М. Н.* Изменение социальной роли общеобразовательной школы России // Социологические исследования. — 1996. № 11, 12.
9. *Серикова Т. Л.* Институт образования и его трансформация в процессе реформирования российского общества // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. — М., 1999.
10. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
11. *Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В.* Социология образования: прикладной аспект. — М., 1997.
12. Этнография детства. — М., 1983.
13. *Эфроимсон В. П.* Загадка гениальности. — М., 1991.

Глава 8
Отклоняющееся поведение

Слово «девиация» — это прямая русскоязычная «калька» позднелатинского *deviatio*, т. е. отклонение. Заглянув в энциклопедические словари общего характера, мы обнаружим, что этот термин является общепринятым прежде всего в таких науках, как физика и биология. В социологию он пришел сравнительно недавно и используется главным образом для обозначения различных типов поведения, *отклоняющихся от нормального*.

История свидетельствует, что общество во все времена пыталось подавлять *нежелательные формы* человеческого поведения. В качестве осуждаемых обществом носителей нежелательного поведения нередко почти в равной степени оказывались гении и злодеи, очень ленивые и сверхтрудолюбивые, нищие и богачи. Резкие отклонения от средней нормы — причем как в положительную, так и в отрицательную сторону — грозят нарушению стабильности общества, которая всегда ценилась превыше всего.

§ 1. Трактовки отклоняющегося поведения

Итак, социологи называют отклоняющееся поведение *девиантным*. Этот термин употребляется в отечественной социологии в двух значениях — широком и узком.

В *широком смысле* термин «девиантность» подразумевает любое отклонение от принятых в обществе социальных норм, начиная с самых незначительных проступков, например, нарушения пропускного режима в учреждении или опоздания на службу и кончая самыми серьезными преступлениями, например, убийством. Традиция расширительного употребления данного термина берет начало из зарубежной социологии, которая, естественно, не использует наше словосочетание «отклоняющееся поведение». Когда американские социологи пишут о том, что девиантное поведение принимает такие формы, как криминал, героические поступки, самоубийство, бунт, гениальность, растрата

чужих денег, сексуальные приставания, наркомания, воодушевляющее лидерство и т. д.[1], то они, по существу, говорят о девиантности в широком смысле.

В *узком значении* девиантность обозначает незначительные проступки, которые не подпадают под статью уголовного или даже административного кодексов. Для более серьезных форм нарушения специалисты применяют дополнительные термины, а именно *делинквентность* и *преступность* (криминальное поведение). В дальнейшем девиантность в широком смысле мы будем обозначать русским словосочетанием «отклоняющееся поведение», а узкое значение этого термина будет сохранено для обозначения незначительных отклонений, т. е. собственно девиации. Можно видеть, что использование русского словосочетания «отклоняющееся поведение» в качестве общей категории, а трех иностранных терминов — в качестве ее конкретизации дает нам определенные терминологические преимущества. Исчезает необходимость одним и тем же понятием — «девиация» — обозначать разные явления.

Итак, всякое поведение, которое вызывает неодобрение со стороны общественного мнения, называется отклоняющимся. Оно имеет чрезвычайно широкий диапазон явлений — от безбилетного проезда до вандализма. Все многообразие форм отклоняющегося поведения, на наш взгляд, можно подразделить на три группы: собственно девиантное, делинквентное и криминальное (преступное).

К основным формам девиантного поведения в широком смысле Я. И. Гилинский и В. С. Афанасьев относят:

1) пьянство и алкоголизм;

2) наркотизм;

3) преступность;

4) самоубийство;

5) проституцию;

6) гомосексуализм[2].

В узком понимании под девиантным поведением подразумеваются такие отклонения, которые не влекут за собой ни уголовного, ни даже

---

[1] См.: *Lowry R. P., Rankin R. P.* Sociology. Social Science and Social Concern. — NewYork, 1972. P. 492.

[2] См.: *Гилинский Я. И., Афанасьев В. С.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. Учебное пособие. — Санкт-Петербург, 1993.

административного наказания, иначе говоря, не являются противоправными. Совокупность же противоправных поступков, или преступлений, получила в социологии особое название — делинквентное поведение. Оба значения — широкое и узкое — одинаково употребляются в социологии.

Таким образом, в самом общем виде понятие *отклоняющееся поведение* — это *собирательный термин*, охватывающий три формы — девиантное, делинквентное и криминальное поведение, представляющие собой, по нарастающей, три степени нарушения социальных норм. В итоге образуется некоторый континуум, или шкала отклоняющегося поведения (рис. 14).

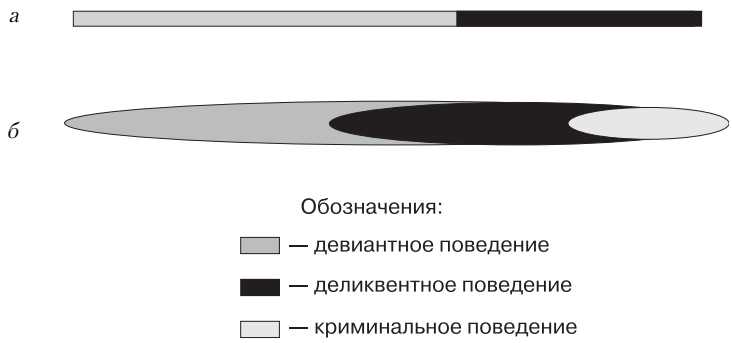

Рис. 14. Шкала отклоняющегося поведения: девиантное, делинквентное и криминальное поведение

На рисунке показаны две проекции континуума.

Первая проекция (14, *а*) изображает нарастание строгости санкций от самых мягких, следуемых за нарушение девиантного поведения, до самых жестких, применяемых к преступникам.

Вторая проекция (14, *б*) обозначает объемы понятий. Из нее вытекает, что самым широким понятием выступает девиантность, она охватывает самый широкий круг явлений, поскольку всевозможные мелкие нарушения в быту и на работе совершает большинство граждан (70–90 %).

Самым узким сектором отклоняющегося поведения считают криминальную сферу. Число учтенных преступлений на 100 тыс. населения в 90-е годы составляло: в США (с учетом всех преступлений) около 15 тыс., в Швеции — 14 тыс., в Дании — 10,5 тыс., в Англии и Уэльсе — 9 тыс., в Германии — 8,3 тыс., во Франции — 6,7 тыс., в Австрии —

6,3 тыс.[1]. Иными словами, уровень регистрируемой преступности в этих странах колеблется от 6,3 до 15%.

В России данный показатель выглядит наиболее благополучным, хотя его количественные оценки у разных специалистов расходятся. В одном случае реальная преступность (учтенная + латентная) в 2000 году приблизилась к 6–8 тыс. в расчете на 100 тыс. населения, или 6–8 %, а регистрируемая — к 3 тыс. [2], в другом случае она составляет около 6–6,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, или 6–6,5 % [3]. Критическим же в мировой практике считается уровень преступности, равный 6 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, или 6 %. Например, в США — 2 млн заключенных, что составляет 25 % сидящих за решеткой во всем мире, хотя население этой страны в общей численности человечества составляет всего 5 %; это абсолютный рекорд.

Таким образом, наблюдается парадоксальная ситуация: в стабильных и процветающих странах уровень преступности выше, нежели в экономически отсталых и так называемых обществах переходного типа, где неэффективно функционируют правоохранительные органы, а граждане не доверяют властям. Специалисты теряются в догадках, стараясь объяснить коварную статистику. Но цифры говорят сами за себя. Основными причинами могут служить два обстоятельства.

Первое обстоятельство связано с особенностями регистрации преступлений. Например, советская (а сегодня российская) милиция, как и другие правоохранительные органы, всегда регистрировала только то, что она в состоянии как-то расследовать. Сохраняется давняя традиция доказывать начальству (а не народу) свою способность бороться с преступностью фальсифицированным путем, т. е. путем выборочной регистрации преступлений [4].

Второе обстоятельство связано с тем, что тоталитарные и закрытые общества вообще отличаются консерватизмом, неподвижностью социальных процессов, в том числе и криминальных. В советские времена реальная преступность в стране действительно была намного ниже, чем в западных странах. А в Китае или Ираке, которые остаются до

---

[1] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования. — 1996, № 7. С. 94.

[2] Там же. С. 98.

[3] См.: *Покосов В.В.* Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. — 1998, № 4. С. 86–93.

[4] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования. — 1996, № 7. С. 98.

сих пор закрытыми, во многом традиционными обществами, несмотря на высокие темпы индустриализации, отмечаемые в первом в последнее время, уровень преступности еще ниже. Однако в связи с демократизацией российского общества и началом этапа первоначального накопления капитала динамика преступности в нашей стране резко подскочила. Общественное сознание, не привыкшее к подобным явлениям, восприняло это почти как катастрофу.

А теперь, после рассмотрения общей структуры и общих проблем отклоняющегося поведения в обществе, перейдем к более детальному анализу его отдельных форм и видов.

§ 2. Девиантное поведение

Как уже было сказано, самым массовым видом нарушения поведения выступает собственно *девиантное* поведение. Оно отнюдь не сводится исключительно к многочисленным нарушениям общественного и административного порядка. Помимо негативного смысла у слова «девиантность» существует и позитивное значение. Отклоняться от среднего стандарта поведения можно как в отрицательную, так и в положительную сторону.

Девиантное поведение подразумевает любые поступки или действия, не соответствующие писаным или неписаным нормам. В некоторых обществах малейшие отступления от традиций, не говоря уже о серьезных проступках, довольно сурово наказывались. Иногда под контролем находилось буквально все: длина волос, форма одежды, манеры поведения. Так поступали и правители древней Спарты в V веке до н. э., и советские партийные органы в XX веке. Ваши родители наверняка помнят, как в 60–70-е годы в школе учителя боролись с «длинноволосыми», усматривая в их облике подражание «битлам», как они насаждали школьную униформу на манер военной, как «пропесочивали» на родительских собраниях тех, кто «неправильно» ведет себя.

В большинстве обществ *контроль* девиантного поведения *несимметричен:* отклонения в плохую сторону осуждаются, а в хорошую — чаще одобряются. В зависимости от того, позитивным или негативным является отклонение, *все формы девиаций* можно расположить вдоль некоторого континуума.

На одном полюсе этого континуума разместится группа лиц, проявляющих максимально *осуждаемое* поведение: революционеры, террористы, непатриоты, политические эмигранты, предатели, атеисты, преступники, вандалы, циники, бродяги.

На другом полюсе расположится группа с максимально *одобряемыми* отклонениями от нормы: национальные герои, выдающиеся артисты, спортсмены, ученые, писатели, художники и политические лидеры, миссионеры, передовики труда.

Если бы мы провели статистические подсчеты, то оказалось бы, что в *нормально* развивающихся обществах и в обычных условиях на каждую из этих групп пришлось бы примерно по 10–15 % общей численности населения. И, напротив, порядка 70 % членов общества составили бы «твердые середняки» — люди, проявляющие лишь несущественные отклонения своих качеств и своего поведения от неких «норм».

Мы попытались графически изобразить (рис. 15) так называемое *нормальное* распределение случайно появляющихся или наблюдаемых признаков в обществе при достаточно большом количестве наблюдений. Позитивные выдающиеся качества (смелость, гениальность, сострадание и др.) встречаются среди людей столь же редко, как и негативные выдающиеся качества; причем удельный вес имеющих эти качества людей в общей структуре примерно одинаков, поскольку нормальное распределение симметрично. В силу того, что такие люди больше других обращают на себя внимание окружающих, может создаваться впечатление, что их достаточно много. То же самое происходит и с отклоняющимся поведением. Преступников-злодеев — если общество развивается в нормальных условиях — бывает обычно не более 5 % общей численности населения; людей, совершивших более или менее тяжкие преступления непредумышленно и готовых встать на путь исправления, как правило, не бывает более 15 %. Если эти цифры оказываются в криминальной статистике выше, то следует задуматься о том, что общество, может быть, патологически нездорово.

Политический радикализм, порождающий революционеров, обычно имеет в качестве своей питательной среды массовое недовольство населения существующим режимом. Если уровень этого недовольства, а также вызванного им радикализма достигает некой критической отметки, в обществе может произойти революция. Точных экспертных расчетов здесь не существует, но, вероятно, уровень недовольства населения политическим режимом должен существенно превысить 50 %. Если такая отметка не достигнута, то недовольство может выражаться в многочисленных формах нереволюционного действия, в частности, в различных движениях протеста.

По мнению специалистов, в большинстве стран доля граждан, радикально отвергающих существующую политическую систему, обычно бывает невелика и составляет примерно 15–20 %. Более высокий

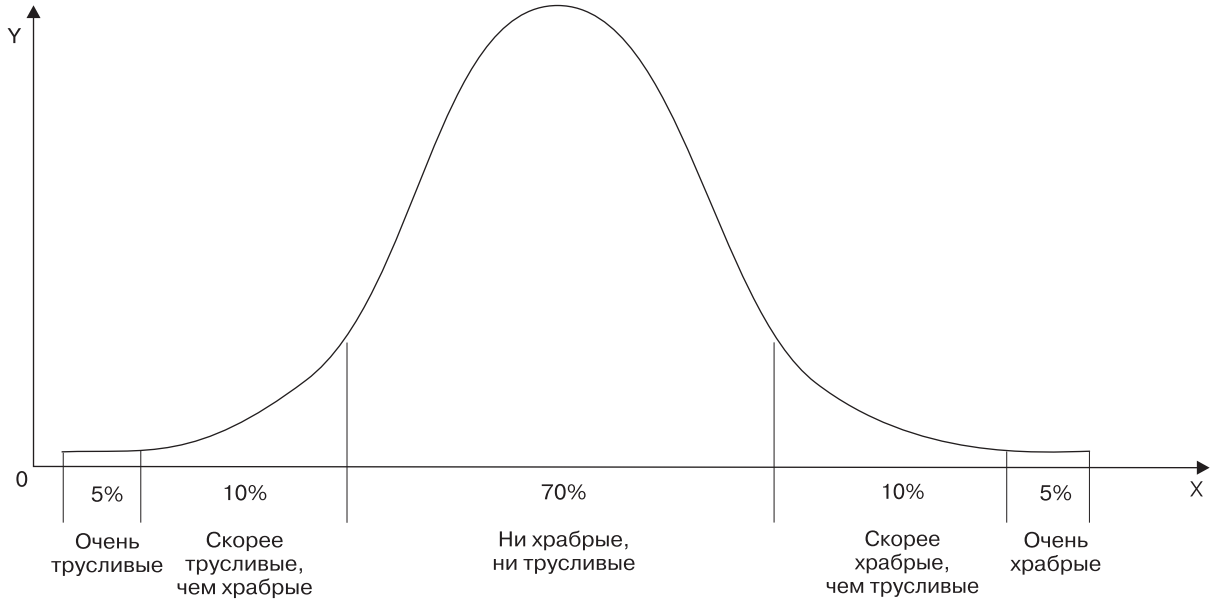

Рис. 15. Нормальное распределение храбрых и трусливых людей в достаточно большой по размерам популяции

уровень — а в России он в 90-е годы достигал отметки 40 % — уже ставит легитимность политического режима под сомнение. Уровень доверия населения к деятельности центральных органов власти, как правило, не опускается ниже 25 %. В противном случае считается, что власть потеряла доверие населения. Величина этого показателя связана с экстраполяцией необходимого уровня поддержки кандидата его избирателями на выборах [1].

Поставив целью изучить многообразие форм проявления девиантного поведения, Р. Кевен построила теоретическую модель, описывающую взаимодействия индивида и общества [2]. Она предложила континуум типов поведения от крайней девиации при «недоконформизме» [3], или низшем уровне конформизма (*underconformity*), через промежуточные формы более или менее правильного поведения до крайней девиации при «сверхконформизме», или максимальном конформизме (*overconformity*). Схема Р. Кевен представляет собой кривую Гаусса на горизонтальной прямой, разбитой на 7 равных сегментов (рис. 16).

Поведение, которое полностью одобряется и вознаграждается обществом, попадает в зоны C, D, E. Им соответствуют сознательные, или *законопослушные,* граждане, так называемые типичные американцы. Поведение в зоне D, находящейся в середине континуума, вполне регулируется и управляется существующими социальными институтами, которые задают официальные нормы и официальные средства контроля. Поведение подавляющего большинства людей в обществе группируется вокруг этой центральной зоны, т. е. является *конформным.*

Те люди, чье поведение попадает в зоны B и F, называются *маргинальными* индивидами. Первые «*недоконформисты*». Они вечно спорят, конфликтуют и враждуют даже с родителями, учителями и полицией. Но это не значит, что они должны покинуть общество или быть изолированными от него. Последнее предупреждает их и делает все возможное, чтобы исправить их неправильный образ жизни. «*Сверхконформная*» молодежь в зоне F расположена вдоль наружной границы приемлемого поведения и рискует быть исключенной из нормальной

---

[1] См.: *Покосов В. В.* Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития. С. 86–93.

[2] См.: *Cavan R. S.* The Concepts of Tolerance and Contraculture as Applied to Delinquency // The Sociological Quarterly. — 1961, vol. 2, October, P. 243–258.

[3] Конформность (от лат. *conformus* — подобный, сообразный) — готовность человека уступить реальному или воображаемому социальному окружению; позиция согласия с общепринятыми нормами, ценностями и взглядами.

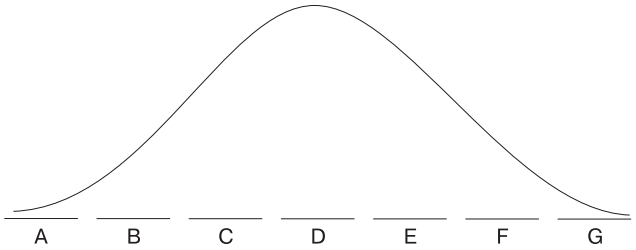

Рис. 16. Континуум форм взаимодействия индивида и общества по Р. Кевен

социальной деятельности. Взрослые пытаются убедить их в необходимости быть более непринужденными, веселыми, непосредственными. Молодых людей из зоны B и F окружающие люди либо с удовольствием принимают в свой круг, либо отталкивают вовсе. Если индивиды из зоны B ощущают отчуждение, они проявляют враждебность, агрессивность, вандализм. Напротив, индивиды из зоны F начинают заниматься самокопанием и критикой.

Р. Кевен, описывая предложенную ею схему, формулирует выводы о зоне D следующим образом: «Формальные стандарты, доминирующие в зоне D, — это социальные нормы. Они связаны, но не тождественны ценностям. Ценности суть идеалы или конечные цели, которые остаются недостижимыми. Это абстракции. Социальные нормы — это специальные формулы, помогающие перевести ценности в практически достижимую форму. Вместе они конституируют ожидания общества и часто утверждаются в таких терминах, которые подразумевают, что не достичь согласия с нормами в повседневном поведении просто невозможно. Однако можно выявить еще и третий уровень — рабочие планы, или модальное поведение большинства людей.

Чтобы общество нормально функционировало, необходим баланс между жесткими социальными нормами и более мягким модальным поведением. Абсолютное согласие (конформизм) с социальными нормами, проявляющееся у всех и всегда, редко когда требуется. Надо делать уступку человеческой природе, иначе возникают трудности постоянной концентрации на том, чтобы следить за каждой нормой и своими действиями. Определенная уступка институционализирована в знакомом нам ритме смены священного и карнавального. Так, после религиозных ритуалов, связанных с Рождеством, мы идем домой и отмечаем светский Новый год... Делаются и другие уступки, особенно самым молодым и самым старым. Поведение в зоне D, таким образом, нельзя считать жестко конформным. Ему делаются некото-

рые уступки в отклонении от нормы. Зона D — это область гибкого и толерантного поведения, но лишь до определенных границ, переход за которые угрожает социальной стабильности и порядку» [1].

Самые экстремальные зоны — A и G — это больше, чем просто отклонение от принятых норм. Здесь концентрируется область отчужденного и противостоящего поведения. Молодежи с таким поведением не так много, она всегда в меньшинстве, но она образует *контркультуру* со своими ценностями, иерархией отношений, методами контроля, механизмами распределения ролей. В этих меньшинствах есть «твердое ядро», включающее наиболее последовательных противников ценностей официальной культуры. Представители подростковой контркультуры со временем пополняют ряды взрослой криминальной контркультуры.

Так делинквентная контркультура перерастает в криминальную контркультуру. Мальчиков из зоны G обзывают «очкариками», «бананами», «любимчиками учителей», «рохлями» и т. п. Мальчиков из зоны A называют иначе: «трудновоспитуемые», «хулиганы» и т. п. На полюсах A и G сосредоточены те, кто нарушает рутинное течение жизни, но делают это по-разному.

Такова в общих чертах концепция Р. Кевен. Ей удалось связать степени отклонения от среднего стандарта с социальным положением девиантов. Так, поведение, которое низший класс оценивает как попадающее в зону D, средний класс может поместить в зону C либо в зону B. К примеру, беспорядочные сексуальные отношения подростков из низшего класса представители этого класса считают нормальным явлением, но они же выглядят как делинквентные с точки зрения представителей среднего класса, учителей и полицейских.

Нужно отметить, что оценки одних и тех же поступков представителями разных классов редко совпадают. Вот почему схематически континуумы среднего и низшего классов будут смещены относительно друг друга (если шкалы расположить друг над другом — низшего класса наверху, а среднего внизу, — то зона A среднего класса окажется под зоной B низшего, B под C и т. п., т. е. все будут смещены на одно деление вправо). Исследование показало, что проступки мальчиков и девочек из школ-интернатов — более серьезное и частое нарушение действующих норм, чем у мальчиков и девочек того же возраста, посе-

[1] *Cavan R. S.* The Concepts of Tolerance and Contraculture as Applied to Delinquency. P. 255–256. Здесь и далее перевод автора — Анурин В. Ф. *(Примеч ред.)*

щающих гимназии и лицеи. Кражи на сумму более чем на 50 долл. совершали 90 % первых и лишь 5 % — вторых [1].

Р. Мертон, рассуждая о конформизме и девиантности, указывал на два вида последней: *заблуждение (aberrant behavior)* и *нонконформизм.*

Представителя заблуждения можно расположить на левом полюсе шкалы Р. Кевен. Заблуждающийся знает и понимает нормы, но ради собственной выгоды склонен их нарушать. Он ведет себя безответственно по отношению к обществу.

Напротив, нонконформист расположится на крайнем правом фланге шкалы. Он знаком с общественными нормами, но считает их несправедливыми и открыто попирает, призывая других к изменению существующего строя. Нонконформист ищет новую мораль и действует вполне ответственно. Это скорее социальный реформатор, возможно, намного опередивший свое время. Подобную форму девиации с точки зрения долговременной перспективы следует назвать конструктивной. А вот такую форму девиации, как заблуждение, надо признать деструктивной [2].

Характерная черта девиантного поведения в планетарном масштабе — *культурный релятивизм.* Это означает, что социальная норма, принятая либо по неписаной традиции, либо законодательно, — явление весьма относительное. Один и тот же поступок может считаться в одном обществе положительным, в другом — оцениваться как социальная патология. Много примеров тому можно было бы привести из семейного права и семейных традиций, обычаев, складывающихся у разных народов. Осложнения могут возникать даже в одном государстве, где действует единое законодательство, но проживают народы, следующие в быту разным традициям, особенно если эти традиции поддерживаются и религиозными нормами. Таков, например, конфликт между требованием единобрачия по российскому гражданскому праву и традицией многоженства, признаваемой исламом. В первобытное время каннибализм (поедание людьми себе подобных), геронтоцид (убийство стариков), кровосмешение и инфантицид (убийство детей) считались нормальными явлениями, вызванными экономиче-

---

[1] См.: *Short J. F. Jr., Nye I. F.* Extent of Unrecorded Juvenile Delinquency: Tentative Conclusions // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. — 1958, vol. 49. P. 296–309.

[2] См.: *Lowry R. P., Rankin R. P.* Sociology. Social Science and Social Concern. New York, 1972. P. 499.

скими причинами (дефицит продуктов питания) либо социальным устройством (разрешение брака между родственниками). Но в современном обществе это считается девиантным, а в некоторых случаях — абсолютно криминальным поведением.

Культурный релятивизм может быть сравнительной характеристикой не только двух разных обществ или эпох, но также двух или нескольких больших социальных групп внутри одного общества. Пример таких групп — политические партии, правительство, социальный класс или слой, верующие, молодежь, женщины, пенсионеры, национальные меньшинства. Так, отказ от посещения церковной службы — девиация с позиций верующего человека, однако это норма с позиций атеиста. Этикет дворянского сословия требовал обращения по имени-отчеству, а уменьшительное имя («Колька» или «Васька»), принятое в качестве нормы обращения в низших слоях, считалось у дворян девиацией. И сегодня мы обращаемся к любому человеку, которому стремимся выказать максимальное уважение, по имени и отчеству, а в быту, в дружеской компании обращаемся по имени. В рамках публичного обращения уменьшительные имена для большинства россиян считаются оскорбительным обращением (если они не произнесены в шутливом контексте).

Убийство на войне разрешается и даже вознаграждается, но в мирное время жестко наказывается. В Париже или Амстердаме проституция легальна (узаконена) и особо не осуждается, в других же странах она считается девиантной (если даже и узаконенной, то не одобряемой общественным мнением), а в третьих — вообще и незаконной (преступной), и не одобряемой (девиантной) формой поведения. Отсюда следует, что критерии девиантности относительны для каждой определенной культуры и не могут рассматриваться и оцениваться в отрыве от нее.

Кроме того, критерии девиантности нередко меняются на протяжении времени даже в рамках одной и той же культуры. После Второй мировой войны курение получило в США широкое распространение и фактически снискало социальное одобрение. Курить в квартире или в офисе считалось нормальным поведением. Но в 1957 году ученые доказали, что курение — причина многих серьезных заболеваний, в том числе рака легких. Постепенно широкая общественность начала кампанию против курения. И сегодня в США курильщики превратились в объект всеобщего осуждения. В СССР в 60-е годы «стиляги», носившие длинные волосы и широкие брюки, считались девиантами, так как они подражали «буржуазному образу жизни»; их поведение

расценивалось как нравственное растление. В конце 90-х годов наше общество изменилось, и длинные волосы у мужчин, по сути, превратились из отклонения в норму.

Хотя большая часть людей большую часть времени ведет себя в согласии с законами, их вряд ли можно считать *абсолютно* законопослушными, т. е. вполне *социальными конформистами*. Так, в ходе одного обследования жителей Нью-Йорка 99 % опрошенных признались в том, что они совершили как минимум один или более незаконных поступков. Например: опаздывали на работу, переходили улицу или курили в неположенных местах, обманывали налогового инспектора или постового полицейского, даже совершали мелкие хищения в супермаркетах. Составить полную картину девиантного поведения в конкретном обществе бывает весьма трудно, поскольку полицейская статистика регистрирует лишь незначительную часть происшествий.

Девиантным может оказаться и самый невинный на первый взгляд поступок, связанный с нарушением традиционного распределения ролей. Скажем, более высокая зарплата жены окружающим может показаться ненормальным явлением, поскольку муж испокон веку — главный производитель и добытчик материальных ценностей. В традиционном обществе подобное распределение ролей в принципе не могло возникнуть.

Юдит Блэйк и Кингслей Дэвис разработали четырехчленную модель девиации, понимая девиантность в широком смысле[1]. Они утверждают, что возможны минимум четыре отношения между мотивами и поступками людей. Мотивы и поступки могут согласовываться со стандартами или отклоняться от них. Адаптированный нами вариант схемы Ю. Блайк и К. Дэвис представлен в табл. 8.

Таблица 8

Возможные отношения между мотивами и поступками

		Поступки		**Поступки**	
		Согласие		Отклонение	
Мотивы	Согласие	+/+	(1)	+/-	(2)
Мотивы	Отклонение	-/+	(3)	-/-	(4)

[1] См.: *Blake J., Davis K.* Norms, Values, and Sanctions // Handbook of Modern Sociology. — Chicago: Rand McNally, 1964. P. 468.

Какое бы общество мы ни взяли, многие люди попадают в категории (1) и (4). Они хотят (и это их собственные мотивы) подчиняться существующим нормам и ведут себя (это их поступок) соответствующим образом. Либо они не хотят подчиняться нормам и нарушают их. Между позициями (1) и (4) возможны и промежуточные ситуации. Например, некоторые люди нарушают нормы, не осознавая того, т. е. делают это ненамеренно (вариант 2). Причиной может служить элементарная ошибка в суждениях, незнание правил или невозможность в данный момент соблюсти конкретное правило (вынужденное нарушение). В последнюю категорию (3) попадают те, кто сознательно желает нарушить правила, но не делает этого. Что их отпугивает? Страх перед наказанием? Здравое рассуждение о том, что соблюдение общественных норм сулит им больше выгоды, нежели их нарушение? «Как бы то ни было, попадающие в категорию (3) не отклоняются в своих поступках потому, что у них нет культурных и социальных возможностей нарушить правила»[1]. Например, далеко не все бедняки способны ограбить прохожего или магазин, хотя к этому их склоняет бедственное положение. Кого-то сдерживает страх наказания, кого-то нравственные нормы (внутренний контроль), кто-то боится, что не успеет убежать, и т. п.

Существует еще одно измерение девиации: некоторые девианты ложно обвинены, а другие являются скрытыми девиантами (табл. 9). Чрезвычайно важно не только то, кто ты на самом деле, но и то, каким тебя считают окружающие. Ложное обвинение построено как раз на том, что человек на самом деле не нарушал правила, но окружающие

Таблица 9

Возможные отношения между оценкой и реальным поведением при девиации

	Согласующееся поведение	**Отклоняющееся поведение**
Оцененные как девианты	Ложно обвиненные недевианты	Действительные девианты
Не оцениваемые как девианты	Действительные конформисты	Скрытые девианты

[1] *Lowry R. P., Rankin R. P.* Sociology. Social Science and Social Concern. — New York, 1972. P. 493.

считают его виновным. В связи с этим американский социолог Говард Беккер выделил четыре возможные категории восприятия или оценки нарушений другими людьми (см. табл. 9)[1].

Некоторые ученые называют девиацией *всякое* неуместное или непристойное поведение. Соглашаясь с ними, Г. Беккер сумел достаточно четко выделить четыре категории: действительные девианты и конформисты, с одной стороны, и две промежуточные группы — *ложно обвиненные недевианты* и *скрытые девианты*. Ложно обвиненные — это те, кто являются конформистами, но обществом воспринимаются как девианты. Причиной может служить ошибка судебного приговора, сознательное искажение фактов следователем с намерением засудить данного человека, распускание порочащих слухов, клевета и иные формы обмана общественного мнения. На практике с ложно обвиненными (или ложными девиантами) общество ведет себя так же, как с действительными: их судят, приговаривают, наказывают, подвергают остракизму, всеобщему презрению или осуждению. Нередко бывает достаточно сложно различить истинных и ложных девиантов.

Таким образом, девиантность трудно распознать и анализировать, так что одни девианты искусно скрываются, а других людей ложно обвиняют в нарушениях. Нормы трудно точно определить, в результате чего девиантность принимает огромное множество промежуточных форм.

§ 3. Делинквентное поведение

Под *делинквентным поведением* понимают не наказуемые с точки зрения Уголовного кодекса правонарушения, а чаще расцениваемые как правонарушения, за которые наступает административная ответственность. Сюда можно было бы отнести: мелкое хулиганство, мелкое хищение продуктов в магазине покупателем (хищение продавцом считается должностным преступлением), мелкое воровство в транспорте или на рынке, драки без нанесения тяжких телесных повреждений, обман (обсчет) покупателя продавцом, обман налогового инспектора, опоздание на работу, переход улицы или курение в неположенном месте и др. В перечень делинквентных проступков школьников, по данным зарубежных и отечественных социологов, обычно входят такие

[1] См.: *Becker H. S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. — New York: The Free Press, 1963. P. 20.

проступки: невозвращение ночью домой, употребление алкоголя, приставание к взрослым, драки, незаконное хранение оружия, нанесение незначительных телесных повреждений кому-либо с помощью холодного оружия, прогулы школьных занятий, курение марихуаны, уход из школы, отбирание карманных денег у других школьников, нарушение порядка в общественных местах, порча общественного имущества, рисование краской на стенах и др. Для взрослых и подростков к делинквентным поступкам можно также отнести все или большинство административных правонарушений.

Таким образом, любое поведение, которое не одобряется общественным мнением, называется девиантным, а поведение, которое не одобряется еще и законом, — делинквентным. Однако неодобрение еще не означает наступление наказания. Возможность применения уголовного наказания проводит границу между делинквентным и преступным поведением. Подростки, состоящие на учете в комнате милиции, — делинквенты, но еще не преступники. Таковыми они будут считаться, если попадут в тюрьму.

В США суть делинквентного поведения молодежи по-разному определяется в разных штатах. В штате Иллинойс, например, закон определяет делинквентным ребенком (на русском языке его можно было бы назвать «трудным подростком») всякого, кто считается неисправимым, кто растет в неподобающей семейной обстановке, кто шатается по ночным улицам с подозрительными намерениями и без всякого серьезного дела, или же тех, кто обвиняется в намерении совершить похотливый или неприличный поступок. В штате Нью-Мехико за основу берут слово «обычно»: ребенок, который *обычно* не слушается родителей и других взрослых, является капризным, неуправляемым, прогуливающим уроки, уже считается делинквентом. Федеральное Детское бюро относит к делинквентному опасное для самого человека или для окружающих поведение, которое можно считать антисоциальным, угрожающим правам и благосостоянию других людей [1].

Являясь одной из форм отклоняющегося поведения, *делинквентность* в современном западном обществе характеризуется следующими чертами.

1. Вклад социальной позиции. В США уровень делинквентности выше всего в низшем классе, среди мальчиков-подростков, жи-

[1] См.: *Lowry R. P., Rankin R. P.* Sociology. Social Science and Social Concern. P. 494.

вущих в неблагоустроенных домах в центре крупных городов. Именно в трущобах царит аномия и беззаконие.

2. Влияние образцов социализации. Не все мальчики в трущобах делинквенты, потому что здесь живут разные семьи. Наивысшая делинквентность обнаружена среди подростков, имеющих самый низкий статус, не знающих в своей семье твердой и последовательной дисциплинарной системы и часто участвующих в дворовых тусовках.
3. Наличие ситуационных факторов. Подростков арестовывали за угон автомобилей, ограбление, применение оружия — прежде всего потому, что им нравилось рисковать, и потому, что под руку подворачивались автомобили, беззащитные прохожие, оружие.
4. Перерастание делинквентного *действия* в делинквентную *роль*. Многие участвуют в делинквентных действиях время от времени, без намерения стать постоянными нарушителями. Однако когда окружающие начинает идентифицировать таких подростков как делинквентов и вести себя с ними подобающим образом, наступает время, когда и сами они начинают думать о себе в терминах именно этой роли.
5. Формирование делинквентных коллективов и субкультур. Большинство делинквентных актов происходит в толпе, группе, коллективе. В группе индивид получает поддержку своим провокациям. Постепенно формируются банды и соответствующая субкультура [1].

Нарушения молодежью социальных норм могут быть серьезными и несерьезными, сознательными и неосознаваемыми. Все серьезные нарушения, сознательные они или нет, попадающие под категорию противоправного действия, относятся к *делинквентному поведению*. Приведем примеры такого поведения.

- *Алкоголизм.* Алкоголик — не только больной человек, но и девиант, он не способен нормально выполнять социальные роли.
- *Наркомания.* До недавнего времени закон считал наркоманов преступниками, так как употребление наркотиков квалифицируется законом как преступное деяние.
- *Самоубийство.* Свободное и намеренное прекращение своей жизни — девиация. Но убийство другого человека — преступление.

[1] См.: *Lowry R. P., Rankin R. P.* Sociology. Social Science and Social Concern. P. 499–500.

Районы проживания с высокой плотностью делинквентного и криминального поведения называют *криминогенными*. В таких местах процент юных правонарушителей оказывается заметно выше, чем средний показатель в других зонах проживания людей. Иными словами, те районы города, где чаще, чем в других, происходят преступления, называют криминогенными, а категории населения, которые более других склонны совершать криминальные, или делинквентные, поступки, — *группами риска*. К ним относится, в частности, молодежь. Действительно, особенно часто делинквентное поведение наблюдается среди подростков и молодежи. По данным ООН, около 30% всех молодых людей практически во всех обществах принимают участие в каких-либо противоправных действиях, а 5% совершают серьезные правонарушения.

Один из распространенных примеров делинквентности — *вандализм* футбольных фанатов. Под вандализмом понимают бессмысленное уничтожение материальных и духовных памятников. Название произошло от германского племени вандалов, которые в V веке н. э. напали на Римскую империю и разгромили ее. Сегодня к вандалам относят всех, кто без всякой выраженной цели бьет стекла, режет сиденья в поездах, обстреливает вагоны. Один из множества примеров последнего времени: 5 ноября 1995 года акт вандализма был совершен на Пыхтинском кладбище в Ленинском районе Подмосковья. Неизвестные преступники осквернили 33 могилы. На захоронениях были разбиты надгробия. Милиция не без оснований предположила, что осквернение кладбища — дело рук подростков. Дело в том, что на одном из разрушенных захоронений была найдена коробка от игры «Денди», которая и заставила сделать подобный вывод.

Делинквентное поведение среди подростков встречается чаще, чем в других возрастных группах, по целому ряду причин. Самая главная из них — социальная незрелость и физиологические особенности формирующегося организма. Проявляются они в стремлении испытать острые ощущения, в недостаточной способности прогнозировать последствия своих действий, в гипертрофированном желании к независимости. Большинство подростков еще не соответствуют требованиям, которые предъявляет к ним общество, они еще не готовы к выполнению определенных социальных ролей в той мере, в какой ожидают от них окружающие. Противоречие между биологической и социальной незрелостью подростков, с одной стороны, и требованиями общества — с другой, служит реальным источником девиации.

Специалисты отмечают, что те, кто становится правонарушителями, отличаются самоуверенностью, дерзостью, неприязненным отношением к властям, обидчивостью, враждебностью и недостаточным самоконтролем. Для некоторых из них характерны низкая самооценка и негативное представление о себе. Другие, наоборот, поддерживают довольно высокий уровень самооценки, одновременно отрицая свои проблемы или не желая признавать несоответствие между своим поведением и представлением о самих себе. Они отказываются брать на себя ответственность за свои действия и во всех своих бедах обвиняют других людей и внешние обстоятельства. В некоторых случаях правонарушения являются симптомом глубоких неврозов, продуктом различных страхов, тревог или враждебности [1].

Социологи установили такую тенденцию: человек в тем большей степени усваивает образцы делинквентного поведения, чем чаще он с ними сталкивается и чем моложе его возраст. Юноши и девушки могут испытывать очень сильное воздействие уличных компаний или окружающей их обстановки. Подростки, которые с детства сталкиваются с отклоняющимися от нормы моральными ценностями, нередко сами становятся правонарушителями. При исследовании ценностей, которые разделяют подростки, выросшие в среде правонарушителей, американские социологи выделили шесть наиболее ценимых в этой среде качеств:

1) умение не сболтнуть лишнего в полицейском участке;

2) умение быть жестким и настойчивым;

3) умение «дать сдачи»;

4) умение быстро заработать деньги;

5) умение всех перехитрить;

6) умение устанавливать связи с преступным миром [2].

Чем больше очков подростки набирали в перечисленных шести пунктах, тем с большей вероятностью они втягивались в преступную деятельность. И чем раньше подросток попадал в неблагоприятную среду, тем быстрее и прочнее усваивались негативные нормы поведения. Их усвоение начинается в достаточно раннем возрасте и заметно усиливается примерно к 12–13 годам.

---

[1] См.: *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб., 2000. С. 565.

[2] Там же. С. 410–412.

Стремление добиться успеха, выделиться превращается иногда для подростков в дорожку, которая ведет от девиантного поведения к делинквентному. До недавних пор психологи и социологи мало внимания уделяли такой проблеме, как стремление добиться одобрения группы путем девиантного поведения — т. е. поведения, отличающегося от «нормального», присущего большинству молодых людей (преимущественно из средних классов), но допущенного внутри определенной группы, которая и сама резко выделяется на общем фоне. Агрессивное поведение, для общества в целом недопустимое, может оказаться непременным условием членства в определенной молодежной группировке. Или же то, что может служить причиной дурной репутации в обычной средней школе (драчливость, антиобщественные поступки, сексуальная распущенность, преступные склонности), способно поднять авторитет подростка внутри какой-нибудь группы малолетних правонарушителей. Наблюдение за мальчиками 12–16-летнего возраста, отличавшимися повышенной драчливостью и агрессивностью по отношению к тем, кто был младше или слабей их самих, показало, что драчуны в целом пользуются популярностью среди подростков; те же, кто становился их жертвами, были намного менее популярны.

Термин «подростковая (юношеская) делинквентность» *(Juvenile Delinquency),* появившийся в 80–90-е годы в США, часто переводится на русский язык как «преступность несовершеннолетних» и означает нарушения закона несовершеннолетними, т. е. молодыми людьми в возрасте до 18 лет[1]. Трудно сказать, какой из двух терминов более «правильный», поскольку термин «делинквентность» с самого начала своего употребления обозначал именно специфически подростковую форму отклоняющегося поведения, а термин «криминальное поведение» чаще относился к преступности — поведению взрослых людей. Различие между данными терминами вызвано обозначением разницы между профессиональным преступником и начинающим. Взрослая преступность, тем более рецидивная (повторная), предполагает определенный уровень *профессионализма*, а юношеская делинквентность — это все еще *любительское* занятие, проступок, совершаемый чаще всего впервые.

Юридический термин «подростковая делинквентность» был введен для обозначения деяний юных правонарушителей с целью не

[1] См.: *Lundman, R. J.* Prevention and Control of Juvenile Delinquency. Second edition. — New York: Oxford University Press, 1993.

клеймить их как «преступников» — с одной стороны; и выделить несовершеннолетних из основной массы правонарушителей, чтобы иметь возможность обращаться с ними иначе, чем со взрослыми преступниками, — с другой стороны. В большинстве случаев подростков судят в специальных судах по делам несовершеннолетних, и судьи всегда стараются выносить им как можно более мягкий приговор.

В период между 1970 и 1992 годами в США возросло количество серьезных преступлений[1], совершенных подростками моложе 18 лет, однако общее количество арестованных сократилось. Юноши совершали правонарушений в четыре раза больше, чем девушки. У первых антиобщественное поведение чаще выражается в виде нарушений закона, а у вторых — в форме прогулов школы, бегства из дома, появления различных общественных и личных проблем. Тем не менее преступность среди женщин растет, и, согласно ежегодным отчетам департаментов полиции США, женщины все чаще принимают участие в вооруженных ограблениях, входят в банды преступников и занимаются контрабандой наркотиков[2].

Раньше социологи были уверены, что молодежная преступность — это не что иное, как побочный продукт бедности. Выходцы из низов имеют меньше возможностей получить образование и работу, они в большей степени не удовлетворены жизнью в целом. Однако недавние исследования показали, что молодежная преступность практически равномерно распределяется по всем социальным слоям. Выяснилось, в частности, что учащиеся, принадлежащие к верхнему слою среднего класса и высшему классу, чаще участвуют в актах школьного вандализма, чем дети из более бедных семей. Правда, юные правонарушители из среднего класса реже подвергаются аресту и бывают осуждены, нежели их сверстники, представители низших классов. Детей из состоятельных семей часто отпускают, сделав им предупреждение, в то время как молодых людей из бедных семей арестовывают и наказывают[3].

По мнению социологов, основная причина подростковой преступности — повышенное стремление к удовольствиям, которое обеспечивается богатством. Современная молодежь, особенно представители

---

[1] Серьезными преступлениями в США считаются воровство, грабеж, угон автомобилей, разбой, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования, убийства и поджоги.

[2] См.: *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. С. 561–562.

[3] Там же. С. 563.

средних классов, имеет в своем распоряжении автомобили, алкоголь, наркотики и карманные деньги. Жизнь молодых протекает весьма активно — свидания, танцы, рок-концерты, пикники и сборища в излюбленных местах. Причем наибольшая активность подростков приходится на вечернее и ночное время, что толкает их на хулиганство, акты вандализма или даже преступления просто ради развлечения. Раннее начало половой жизни обычно связано с ведением именно такого образа жизни.

Американские социологи провели исследование несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в калифорнийских тюрьмах. Выяснилось, что в сознании и поведении 50% правонарушителей преобладали антиобщественные ценности и анархические наклонности. Они фактически не знали иного образа жизни, кроме делинквентного. Дома эти подростки нередко подвергались физическому, психологическому или сексуальному насилию, обычно со стороны членов своей же семьи. Многие из них были членами банд, обычно «скинхедов» (бритоголовых) и «стоунеров» (каменщиков). Кроме того, была выявлена довольно высокая степень зависимости между употреблением наркотиков и преступной деятельностью[1].

У выходцев из социальных низов причиной делинквентного поведения выступают иные факторы, нежели богатство и гедонизм. Школьные «достижения» — плохие отметки, плохое поведение в классе, нежелание учиться или неспособность осилить школьную программу, неумение найти общий язык с педагогами и родителями, негативное влияние одноклассников — все это способствует вовлечению учеников в противоправную деятельность. Они начинают прогуливать уроки, употреблять наркотики и алкоголь. Распавшиеся семьи, напряженные отношения между членами семьи, недостаток взаимопонимания и взаимной доброжелательности также в значительной степени способствуют приобщению молодых людей к противоправной деятельности.

В 80-е и 90-е годы главной проблемой в США в сфере преступности вновь стало появление многочисленных *банд несовершеннолетних*. В средствах массовой информации часто встречаются сообщения о жестоких преступлениях, совершенных членами таких группировок, причем во многих случаях жертвами становились совершенно случайные люди.

Членами банд, как правило, являются юноши в возрасте 16–17 лет. Они присоединяются к уличным бандам по целому ряду причин: из

[1] См.: *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. С. 563.

чувства солидарности с приятелями, в поисках защиты, острых ощущений или гетеросексуальных контактов. Вступлению молодого человека в банду могут способствовать неблагополучные взаимоотношения в семье. В банде же он пытается самоутвердиться и найти признание. Члены банд совершают такие правонарушения, в особенности связанные с насилием, каких никогда не совершили бы в одиночку. Уличные банды обладают почти абсолютным влиянием на поведение подростков, в том числе и на не входящих в состав банды[1]. Насильственный характер совершаемых такими бандами преступлений подтверждает тот факт, что 44 % их членов были вынуждены участвовать в драках, 22 % должны были нанести кому-либо телесные повреждения холодным оружием, а 25 % должны были кого-либо застрелить. Таким образом, банда держала в своих руках власть над жизнью и смертью других людей, бросая прямой вызов авторитету семьи, общества, полиции, школы и отдельных личностей[2].

Организованная преступность подростков существует и в России. Правда, официально она была признана только в 90-е годы. Вначале считалось, что она касается только взрослых. Но вскоре выяснилось, что до 40 % правонарушений подростков носило организованный, групповой характер. Исследование Б. Я. Петелина[3] позволило установить, что если прежде молодежные группировки насчитывали 3–5 человек, то в 90-е годы — 50, 100 и более. Еще в конце 80-х годов в Казани было совершено 180 групповых преступлений, в том числе 50 случаев массовых драк «стенка на стенку» с применением ножей, самодельного оружия и «арматуры». Впрочем, и в других регионах выявлены сотни преступных группировок. Численное превосходство (пятеро–семеро на одного) позволяет им безбоязненно (не встречая сопротивления со стороны жертвы) и безнаказанно (возраст уберегает от уголовной ответственности) совершать разбойные нападения, грабежи, хулиганские действия, квартирные кражи. Характерны дела о «налетах на Москву», организуемых приезжими молодежными группами. Обычно они

---

[1] См.: *Capuzzi D.* Suicide Prevention in the Schools: Guidelines for Middle and High School Settings. — Alexandria, VA: American Counseling Association, 1994; *Goldstein A. P.* Delinquent Gangs: A Psychological Perspective. — Champaign, IL.: Research Press, 1991; *Goldstein A. P., Huff C. R.* The Gang Intervention Handbook. — Champaign, IL.: Research Press, 1993.

[2] См.: *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. С. 567–568.

[3] См.: *Петелин Б. Я.* Организованная преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. — 1990. № 9. С. 92–98.

прибывают утром и сразу начинают «бомбить»: совершают разбойные нападения на московских сверстников, грабят и избивают их.

В России криминогенные группы подростков различались степенью организованности. В Татарии и Мордовии же это — «конторы». Они образовывались по месту учебы, жительства или работы. Их действия носили одноразовый, ситуативный характер. Кроме того, существовали преступные шайки, куда несовершеннолетние входили наряду со взрослыми. В отличие от «контор» шайки (группы «риска», «бизнеса») имели еще более серьезную антиобщественную направленность и свою организацию, кассу-общак, из которой финансировали попавших в заключение, больницу, а также похороны «своих». Их возглавлял лидер, как правило, 19–22 лет. Ниже по иерархии располагались «старики» («боевики») 16–18 лет и, наконец, «шелуха» — 14-летние подростки[1].

Девиантное и делинквентное поведение можно различать следующим образом: первое *относительно*, а второе *абсолютно*. То, что для одного человека или группы — отклонение, то для другого или других может быть привычкой и даже нормой поведения. Высший класс считает свое поведение нормой, а поведение представителей других классов, особенно низших, — отклонением. Девиантное поведение относительно, ибо имеет отношение только к культурным нормам данной группы. Но делинквентное поведение абсолютно по отношению к *законам* страны. Уличное ограбление представителями социальных низов может с их точки зрения считаться нормальным видом заработка или способом установления социальной справедливости. Но это не отклонение, а преступление, поскольку существует *абсолютная норма* — юридический закон, квалифицирующий ограбление в качестве преступления.

§ 4. Криминальное поведение

Когда мы рассматривали девиантное поведение в узком смысле, то характеризовали его как совокупность отклоняющихся от принятых норм поступков, не подпадающих под юрисдикцию административного и уголовного права. Более существенной формой отклонения от стандартов общественной жизни выступает, как мы видели, делинквентное поведение. Оно совершается и взрослыми, и молодежью, хотя

[1] См.: *Петелин Б. Я.* Организованная преступность несовершеннолетних.

последней чаще, и заключается главным образом в административных проступках, хотя частично затрагивает, если речь идет о несовершеннолетних преступниках, и уголовное право. Однако все это можно характеризовать как *любительские* занятия. Когда же мы вступаем в сферу криминального поведения, то речь должна идти преимущественно или даже исключительно о *профессиональной преступности*.

Под профессиональной преступностью понимается совершение преступлений с целью извлечения средств к существованию, получения основного или дополнительного дохода. Профессиональная преступность представляет собой относительно замкнутую общественно опасную подсистему, обладающую рядом признаков и характеристик, способную к самовоспроизводству криминальной деятельности.

В проведенном А. А. Тайбаковым в 1989–1992 годах исследовании, осуществленном в нескольких регионах России, при помощи экспертного опроса, интервью, анализа документов (около 3 000 личных дел осужденных за корыстные преступления и отбывающих наказание в местах лишения свободы) создавался портрет «среднестатистического» профессионального преступника [1]. Выяснилось, что самой распространенной возрастной группой среди осужденных мужчин были 36–40-летние (46 %), а среди женщин — 30–45-летние (83 %). Напомним, что именно в этом возрасте нормальный человек достигает максимальной трудоспособности, вершин мастерства в избранной профессии, приобретает ключевые профессиональные навыки, накапливает необходимый производственный опыт. Среди исследуемых преступников был достаточно высок образовательный уровень, подавляющее большинство из них имели среднее и среднее специальное образование, среди мужчин и женщин соответственно — 31 и 43 %, 49 и 38 %. Одной из существенных характеристик представителей профессионального криминалитета является наличие легального места работы. Работали на момент совершения преступления 23 и 43 %, не работали и не учились 59 и 39 % соответственно. Однако при более глубоком изучении этих данных было установлено, что для профессиональных преступников официальная работа (сторожем, вахтером, уборщицей, санитаркой, диспетчером на дому и т. п.) выступает в качестве одного из средств социального камуфляжа и имеет формальное значение. От 68 до 75 % опрошенных имели семью. Такие цифры неслучайны, по-

[1] См.: *Тайбаков А. А.* Профессиональный преступник (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. — 1993. № 8. С. 84–87.

скольку профессиональный преступник может за счет своего ремесла обеспечить содержание семьи, причем семья эта отличается достаточной устойчивостью.

Анализ полученных данных позволил охарактеризовать явление профессиональной преступности следующим образом.

1. Совершение преступлений является одним из основных или основным способом добычи средств к существованию (об этом заявили 78 % опрошенных респондентов).
2. Совершение преступлений преступниками-профессионалами включает предварительную подготовку, обучение, овладение профессиональными навыками и секретами (около 80 % отметили наличие данного фактора).
3. У профессиональных преступников имеются специальные, заранее подготовленные и опробованные приспособления, облегчающие совершение противоправных деяний (75 % опрошенных преступников имеют в своем арсенале такие орудия).
4. Криминальным профессионалам присущи специальные приемы и способы совершения преступлений (91 % респондентов знает и применяет их в своей «практике»).
5. Профессиональный преступник выбирает преступную карьеру в качестве жизненной цели (...).[1]
6. Среди представителей профессиональной преступности существует четкая иерархическая внутриклановая градация (об этом заявили 87 %).
7. У профессиональных преступников есть свойственный только им преступный сленг, жаргон (владеют такими «профессионализмами» 95 % опрошенных).
8. Представители профессионального криминалитета объединяются в особые «ассоциации» по профессиональному, корпоративному признаку (об этом свидетельствуют 82 % респондентов).
9. Профессиональной преступности свойственны свои традиции, обычаи, преступный фольклор и другие элементы преступной субкультуры (71 % респондентов в той или иной степени знакомы с этими явлениями).
10. Профессиональные преступники способны готовить криминальную смену, передавать навыки, способы и приемы совершения

[1] Процент респондентов, положительно ответивших на этот вопрос, в первоисточнике не указан. *(Примеч. ред.)*

противоправных деяний начинающим преступникам (около 50 % опрошенных прошли своего рода «воровские школы»).

11. Профессиональные преступники имеют строго определенные модели посткриминального поведения (92 % имеют хорошо налаженные каналы сбыта похищенного, отработанные пути отхода с места совершения преступлений и т. п.).
12. Профессиональные преступники выражают чувство престижа, гордости своей криминальной профессией и иные подобные компенсаторные психологические явления (45 % респондентов сообщили, что испытывают чувство гордости) [1].

В России сейчас около 300 титулованных «воров в законе» — лидеров профессионального преступного мира. Каждый четвертый из них отбывает наказание в местах лишения свободы. При их непосредственном участии в российских тюрьмах за долгие годы сложились устойчивые кланы. Три четверти оставшихся на свободе возглавляют мощные криминальные группировки или легальный бизнес. Оборот многих таких фирм и преступных структур составляет десятки и сотни миллионов долларов. Многие криминальные авторитеты, прежде всего наркобароны, перенесли сферу своей деятельности за рубеж, а деньги большинства из них хранятся на зарубежных счетах. Только на маленьком Кипре «новые русские» организовали около 2 тыс. сомнительных оффшорных компаний, банков и туристических фирм.

Подавляющее большинство крупных российских криминальных авторитетов рассматривает Запад отнюдь не как место криминального заработка денег. В России сегодня существуют такие возможности быстрого оборота денег, каких нет ни в Европе, ни в США. Преимущество Запада в том, что здесь незаконные деньги можно совершенно легально использовать и вкладывать в абсолютно законные предприятия.

Наибольшую социальную опасность представляют *уголовные преступления*. Они классифицируются по многим видам. Общим показателем уровня уголовной преступности является количество зарегистрированных преступлений. В нашей стране оно увеличилось с 835 тыс. в 1976 году до 2 756 тыс. в 1995 году, т. е. на 330 % [2].

Невосполнимый ущерб экономике страны наносят должностные и так называемые *хозяйственные и финансовые преступления*, включающие в себя: систематические уклонения от уплаты налогов, криминальные сделки по перераспределению сырья и материалов из го-

[1] См.: *Тайбаков А. А.* Профессиональный преступник. С. 84–87.

[2] См.: Социальная статистика: Учебник. — М., 1997. С. 362.

сударственных и частных предприятий. Обычным делом становятся крупномасштабные банковские аферы. Одним из проявлений такой преступной деятельности выступает создание финансовых «пирамид». В 2000 году статистики подсчитали, что от российских «пирамид» пострадало больше людей, чем их было занято на постройке пирамид египетских.

К наиболее распространенным видам хозяйственных и должностных преступлений относятся: хищение, получение взятки, дача взятки, нарушение правил охраны труда и безопасного производства работ, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Существенным криминогенным фактором стал «чеченский» синдром: выделенные на военные операции и восстановление хозяйства государственные средства перетекают в частные руки, служат обогащению нефтебаронов.

Корыстная преступность совершается с целью материального обогащения путем завладения чужим имуществом (собственностью, недвижимостью, деньгами, банковскими счетами) либо преимуществами (устранение с высокой должности одного человека ради освобождения доступа к ней другому). К проявлениям корыстной преступности, темпы прироста которой в России на протяжении 90-х годов оставались очень высокими (до 10–15 % и более в год), относятся такие деяния, как фиктивные хозяйственные операции, создание лжепредприятий, махинации с ценными бумагами, незаконная эмиссия ценных бумаг, хищения путем внедрения в телекоммуникационные и компьютерные сети банков, промышленный шпионаж, посягательства на интеллектуальную собственность, нарушения патентных прав, нецелевое использование кредитов и т. д. Доля корыстных преступлений в структуре регистрируемой преступности приближается к 90 %[1]. По сводкам МВД, в 90-е годы в среднем за год совершалось от 22 до 26 тыс. убийств. Убийства из корыстных побуждений составляли 20 %, по хулиганским мотивам — 19 %, 10,5 % жертв убито в мафиозных разборках.

В современной России наблюдается усиление корыстной направленности преступности. «Идет процесс относительного вытеснения из сферы корыстной преступности примитивного уголовного типа интеллектуальным и предприимчивым преступником с новыми, более изощренными способами и формами преступной деятельности и отвергающим старую воровскую мораль. Продолжается усиление кри-

[1] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке. С. 100.

минальной направленности в коммерции. Многие предприниматели, имеющие опыт деятельности в подпольном бизнесе и теневой экономике, где конфликты интересов не могли разрешаться правовыми методами, привнесли его в легальные экономические отношения»[1].

Характерная примета корыстных и хозяйственных преступлений новой России — появление так называемых заказных убийств и особой профессии — киллеров. Киллеры — профессиональные наемные убийцы. Они действуют в одиночку или группами. Их промысел — заказные убийства.

Ситуация с заказными убийствами резко обострилась еще в начале 90-х годов. Коммерческие структуры активно разворачивали свою промышленно-финансовую деятельность, расширялась сфера банков, частные фирмы увеличивали объемы торговли, сливаясь в крупные инвестиционно-финансовые компании. Параллельно стремительно набирал силу криминальный мир, ища слабые звенья в промышленно-финансовых структурах частного и государственного сектора для контроля и влияния в своих интересах. Многие не выдерживали и уступали коррупции со стороны криминальных структур. Протестующих, сопротивляющихся ждала «разборка», а в некоторых случаях — физическое уничтожение киллерами.

Специалисты все чаще отмечают рост криминального профессионализма. Дестабилизирующее влияние оказывают тысячи активно действующих *организованных преступных сообществ*. Организованная преступность обладает следующими признаками (за отсутствием собственных отечественные криминологи позаимствовали их у американских специалистов).

- *Первое:* это наличие двух или более человек, которые объединились для совершения преступлений материально-корыстной направленности.
- *Второе:* внутри группы имеется иерархия и действуют определенные нормы поведения, чаще всего жесткие. Отдельные элементы структуры выполняют охранительные функции, функции разведки и контрразведки с тем, чтобы эта структура могла выжить.
- *Третье:* у организованной криминальной структуры имеется своя материально-техническая база, куда входят денежные средства, автотранспорт, средства связи и вооружение.
- *Четвертое:* наличие каналов для отмывания денег.

[1] *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке. С. 98.

- *Пятое:* наличие признаков коррупции, связей с представителями органов власти и управления, которые либо действуют, либо бездействуют в интересах данной группировки.
- *Шестое:* раздел сфер влияния между отдельными группами либо по территориальному, либо по отраслевому признаку.

На высшей стадии своего развития организованная преступность ставит перед собой политические цели: проникновение в органы государственной власти и управления. Это уже довольно опасно для стабильного существования социума.

В конце XX века в России сформировалась глубоко законспирированная связь преступных организаций с коррумпированными должностными лицами в структурах власти и управления правоохранительными и контролирующими органами.

Разновидностью организованной преступности считается *рэкет*. Рэкет — англоязычный термин, который мы переводим как шантаж, вымогательство, легкий заработок, сомнительный источник дохода, предприятие, организация, основанное с целью получения доходов жульническим путем. Словарь Уэбстера определяет рэкет как «незаконное предприятие, приводимое в действие с помощью взяток или запугивания». Рэкет следует определять как организованную деятельность, направленную на понуждение лица к выполнению действий имущественного характера в интересах криминальных объединений (преступных групп, организованных преступных групп, преступных сообществ). Рэкетиры в отличие от простых вымогателей действуют не от своего имени, а от имени какой-то организации. Опасность создает именно фактор *организованности*, парализующий волю человека — жертвы посягательства. Он-то и заставляет уступить притязаниям рэкетиров.

Рэкет — порождение организованной преступности, которая как социальный феномен возникает лишь тогда, когда складываются отношения между «данниками» и теми, кто взимает эту дань (выступающую как плата за покровительство, защита, как своего рода налог, разрешение на то, чтобы заниматься определенной деятельностью). Рэкет как масштабное явление — в своей организованной форме — возникает там и тогда, где и когда государство не обеспечивает функций социального контроля за различными видами отклоняющегося поведения, будь то уклонение от уплаты налогов или нелегальный бизнес[1].

[1] См.: *Клейменов М. П., Дмитриев О. В.* Рэкет в Сибири // Социологические исследования. — 1995. № 3. С. 115–121.

Политическая преступность — злоупотребления властей против своего народа в политических целях. Или злоупотребления политических соперников, видных политиков, влияющие на расстановку политических сил в стране или политические настроения в обществе. Против политических противников организуются террористические акты, заказные убийства, иные насильственные посягательства. Подобные приемы использовались не только в 30-е, но и в 90-е годы, когда существующий режим боролся за укрепление своей власти.

К политической преступности следует относить убийства депутатов и других государственных должностных лиц, военные авантюры и межнациональные конфликты, развязанные или поощряемые властями, манипулирование голосами избирателей, их подкуп, незаконное финансирование избирательных кампаний, сбор компроматов на конкурентов, подкуп журналистов и т. п. Прослеживается закономерность, когда от начала 90-х годов к началу 2000-х от одних выборов к другим уровень политической преступности в стране реально возрастал.

К примерам политической преступности специалистами относятся также организация закрытых аукционов, затягивание принятия законов о государственной службе, борьбе с коррупцией, организованной преступностью и легализацией противоправно нажитых средств, слабый контроль за деятельностью коммерческих банков и финансовых компаний, безнаказанное «прокручивание» бюджетных денег в коммерческих банках, организация валютных потрясений. Данные явления не следует рассматривать как результат ошибок или недоработок федеральных или региональных властей. Они, бесспорно, явились результатом должностных злоупотреблений лиц, наделенных высокими полномочиями.

Основным и, возможно, самым страшным для общества проявлением политической преступности выступает сращивание государственного аппарата с организованной преступностью. Государственные служащие, чиновники не просто берут взятки за принятие выгодного преступникам решения, а находятся на их содержании, т. е. регулярно вознаграждаются после выполнения того или иного заказа. Российская организованная преступность фактически сформировала собственное лобби в Госдуме и до сих пор успешно противостоит принятию закона о борьбе с организованной преступностью. Борьба с такого рода преступностью становится бесполезной, поскольку госаппарат и часть депутатского корпуса оказываются реально заинтересованными в ее дальнейшем существовании.

В нынешнем столетии Россия переживает третий по счету взрыв преступности. Первый, вероятно самый существенный, явился результатом Октябрьской революции и гражданской войны, когда происходил передел собственности, второй — как результат Великой Отечественной войны. Сегодня войны, сопоставимой с гражданской и Отечественной, на территории России не ведется, а преступность поднялась до предельной отметки. Специалисты видят основную причину в том, что и сегодня, после мирной революции начала 90-х годов, разрушившей СССР, происходит активный процесс перераспределения собственности. Правда, сегодня вектор этого процесса обратен тому, что был в 1917 году, поскольку собственность не забирается, а возвращается в частные руки. Поскольку концентрация собственности привела к возникновению нового класса богатых и очень богатых людей, у преступников появилась благодатная среда, огромное поле деятельности, на котором они пытаются нажиться.

Таким образом, само возникновение преступности, связанной с собственностью, — это скорее вторичный процесс. Первичным выступает перераспределение собственности, переход ее от государства к частным лицам. Оба процесса являются обязательными атрибутами более масштабного явления, которое коснулось в разное время всех европейских держав, а именно *первоначального накопления капитала*. Этот процесс представляет собой многослойное образование. Верхний слой его — это узаконенный передел общественного «пирога» и зарождение олигархии и класса богатых людей, второй слой — возникновение социальных паразитов, рэкетиров, коррупционеров, уголовников, которые пытаются перераспределить в свою пользу определенную часть собственности, доставшейся богатым людям. Рэкетиры отбирают деньги силой, а коррумпированные чиновники — мирным способом (мздоимством). В результате первичное и вторичное перераспределение собственности тесно связаны друг с другом и вместе являются характерными чертами глобального процесса накопления капитала.

Оба процесса перераспределения носят, по существу, преступный характер. Первичное перераспределение представляет собой криминальную приватизацию, поскольку госпредприятия за бесценок продаются дельцам теневой экономики. Вторичное перераспределение совершают те, кто был отстранен от первичного, кто оказался по тем или иным причинам вытесненным из «большой игры». Таковыми оказались народные депутаты, многие из которых на деньги криминальных структур лоббируют принятие Госдумой выгодных последним

законодательных решений. В стороне оказались и чиновники, представители исполнительной власти, которые берут крупные взятки за техническое оформление и реализацию тех законодательных решений, которые были приняты депутатами. Наконец, таковыми являются правоохранительные органы, якобы контролирующие правильность соблюдения законов, а на деле берущие взятки как с теневых, так и с легальных хозяйствующих субъектов. Когда же предприятие приватизировано, функционирует и приносит прибыль своим владельцам, в дело вступает еще один отряд государственных чиновников, представители которых также наживаются на криминальной приватизации, — это налоговые органы.

Таким образом, формируется огромная пирамида корыстных преступников, перекачивающих через налаженные каналы и скрытые механизмы деньги, которые продолжают получать субъекты первичной приватизации. Ее можно было бы назвать *криминальной пирамидой первоначального накопления капитала.*

Бездеятельность органов правосудия и безнаказанность преступников стали важным фактором ухудшения социально-психологической обстановки в российском обществе. Они порождают у населения чувство страха и тревоги за свою жизнь и благополучие, а также недоверие к органам власти, управления и правоохраны. Потерпевшие и свидетели не обращаются в органы внутренних дел, так как не надеются найти помощи. Структурные и кадровые изменения в органах уголовной юстиции (милиция, прокуратура, суды, исполнительные учреждения), проведенные в 90-е годы, стали причиной их глубокого кризиса. Произошло разрушение кадрового ядра и снижение профессионализма. И хотя в 90-е годы материально-техническое обеспечение милиции улучшилось, в целом оно все еще отстает не только от мировых стандартов, но и от технической оснащенности преступных группировок. Сотрудники органов правосудия признают свою беспомощность перед преступностью. Падает доверие к прокуратуре и суду.

Росту преступности способствует также беспомощность правоохранительных органов, загруженность судов, отсутствие эффективной службы судебных исполнителей. Преобладание среди заключенных наиболее опасных субъектов, а также переполнение следственных изоляторов и ИТУ превращают места заключения в настоящие «университеты», где формируется самая дерзкая и беспощадная популяция организованных преступников.

После Второй мировой войны преступность в мире стала международной проблемой. Расчеты демографов показывают, что численность

населения к концу XX века прирастала примерно на 100 млн. в год, т. е. на 1–1,5 %, в то время как преступность увеличивалась на 5 %, или в 3–5 раз быстрее [1]. За последние 30–40 лет она увеличилась в среднем в 3–4 раза, на территории бывшего СССР — в 6–8 раз, в США — в 7–8 раз, в Великобритании и Швеции — в 6–7 раз, во Франции — в 5–6 раз, в Германии — в 3–4 раза, в Японии — в 1,5–2 раза и т. д. По данным ООН, рост преступности в мире составляет в среднем 5 % в год [2].

Специалисты отмечают несколько тенденций, характеризующих мировую преступность:

- профессионализация преступности;
- интенсификация преступности;
- структурные изменения в направлении увеличения доли организованной преступности;
- интеллектуализация преступности: широкое распространение новых, ранее неизвестных форм и методов преступной деятельности; вытеснение «уголовного» типа из сферы корыстной преступности и замена его другим типом — «интеллектуальным», «предприимчивым» преступником;
- усиление корыстной направленности преступности (в основном в России);
- увеличение изощренности, вооруженности и технической оснащенности преступности;
- возрастание доли тяжких преступлений, сопровождающихся насилием и уничтожением материальных ценностей;
- увеличение коррумпированности — сращения органов власти и криминальных структур;
- рост безнаказанности преступников (прежде всего в России);
- увеличение выживаемости и самозащищенности преступного мира;
- интенсивное расширение криминогенной социальной базы за счет увеличения маргинального слоя люмпенизированных групп населения (безработных, бездомных и других категорий людей, находящихся по жизненному уровню за чертой бедности), особенно среди молодежи (специфика России);

[1] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке. С. 95.

[2] Там же. С. 94.

- криминализация содержания телепередач;
- превращение криминального поведения в обыденный и неотъемлемый атрибут повседневной жизни, особенно молодежи.

В мире кино, телевидения и популярного чтива в последнее десятилетие абсолютно доминирует криминальная тематика. Если в США к этому вырабатывается социальный иммунитет, то жители других стран пока беззащитны перед нравственно разрушительным зрелищем. По некоторым подсчетам, по российскому телевидению в день показывается до 20–30 криминальных сюжетов зарубежного или отечественного производства, которые вызывают рост преступности среди молодежи. Некоторые передачи и сайты в Интернете становятся пособием для обучения будущих преступников, поскольку в них описываются приемы, методы, формы поведения и философия уголовного мира.

Процесс интеллектуализации и профессионализации преступности в России объясняется тем обстоятельством, что ряды преступного мира стали пополняться за счет квалифицированных специалистов из госсектора, оказавшихся вследствие падения уровня жизни и растущей безработицы на «социальном дне». В криминальной среде появились хозяйственные руководители, офицеры, специалисты по технологиям, анализу информации, владеющие оружием, и т. д.

С ростом преступности и ее общественной опасности прямо коррелирует динамика административных и иных правонарушений, аморальных явлений, пьянства, наркомании, токсикомании, самоубийств, проституции, бродяжничества, нищенства, распада семей, безотцовщины, детской беспризорности и безнадзорности, дезадаптации взрослых и детей, психических расстройств и других фоновых явлений и детерминант[1]. Есть объективные основания полагать, что в ближайшие годы девиантное поведение в обществе будет возрастать. А значит, оно будет расширять причинную базу преступности. Таким образом, согласно прогнозам специалистов, общая криминогенная ситуация в мире в ближайшее время вряд ли будет улучшаться.

Одной из приоритетных задач любого цивилизованного общества и его государственно-правовых институтов является предупреждение и борьба с преступностью. Для решения этой задачи создаются пра-

[1] См.: *Liska A.* Perspectives Deviance. — New Jersey. — 1987; *Афанасьев В., Гилинский Я.* Девиантное поведение и социальный контроль в условиях российского кризиса. — СПб., 1995.

воохранительные органы, полиция (милиция), судебные и пенитенциарные учреждения, адвокатура. Основываясь на разветвленной юридической системе, эти структуры применяют нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Однако правоохранительные органы не справляются с теми задачами, которые ставит перед ними общество. Показателями отставания социально-правового контроля от интенсивно растущей преступности выступают, в частности, высокий уровень латентной преступности, низкая раскрываемость преступлений и выявляемость правонарушителей. Оказывается, не только в России, но во всех странах мира уровень латентности увеличивается или, по крайней мере, не уменьшается, а раскрываемость преступлений и выявляемость правонарушителей не растет[1].

Если правоохранительные органы станут полнее регистрировать совершенные преступления, научатся раскрывать все учтенные деяния и устанавливать виновных лиц, то уголовно-правовой контроль за преступностью не будет отставать от ее роста. Однако уголовная юстиция и правовая база данной деятельности — системы инерционные и нединамичные. Для существенных практических изменений нужны новая философия и стратегия борьбы с преступностью, большие капитальные вложения, высококлассные кадры и передовое техническое оснащение. А этих ресурсов, к сожалению, в большинстве стран мира недостаточно[2].

В заключение отметим, что, по мнению специалистов, «беспреступных» моделей общественного и государственного устройства в мире, к сожалению, не существует. Есть более или менее оптимальные модели общественно-правового устройства, например японская, где удачно сочетается историческое прошлое и современное настоящее, национальное и инонациональное, что позволяет удерживать преступность на относительно низком уровне. Большинство стран развивается через разрушение исторически традиционных форм социального контроля[3]. Криминальная революция, о которой в России заговорили в 90-е годы, по всей видимости, захватила все страны мира. Стабилизация или снижение преступности в некоторых государствах может быть скорее всего исключением, чем закономерностью, причем исключением временным. Ожидаемый усредненный коэффициент учтенной преступности в мире в пределах 6–8 тыс. на 100 тыс. населе-

[1] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке. С. 95.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 97.

ния Земли приводит в результате к впечатляющим цифрам: за один только год человеческое сообщество продуцирует до 400–500 млн зарегистрированных преступлений [1].

§ 5. Социологические объяснения девиантного поведения

Вряд ли какая-нибудь область социальных исследований привлекала к себе внимание социологов больше, чем проблема девиантного поведения и связанные с ним причины и мотивы. Однако многочисленность теорий и концепций говорит о неопределенности, противоречивости во мнениях исследователей даже в отношении самого определения отклоняющегося поведения. Это связано с тем, что сами комплексы социальных норм, нарушение которых и составляет существо девиантного поведения, заметно отличаются в разных обществах, и исследователям, каждый из которых является членом своего общества, бывает довольно трудно прийти к согласию.

Н. Смелзер в своем учебнике проводит краткий обзор самых разнообразных теорий, объясняющих девиантность поведения, — от биологических, трактующих отклонения врожденными, генетически приобретенными качествами психики, до радикально-криминологических, считающих девиацию продуктом противодействия отдельных социальных слоев господствующим нормам капиталистического общества. Типология этих теорий сведена у него в единую таблицу [2]. Мы не будем касаться здесь физиологических и психоаналитических объяснений, а обратимся к некоторым наиболее авторитетным социологическим концепциям.

Одной из известных концепций является *теория навешивания ярлыков (Labelling theory)*. Эта теория основана, по существу, на двух положениях. Первое состоит в том, что девиантным действием считается не просто нарушение какой-либо нормы, а фактически любое поведение, которое с успехом определяется как девиантное, если на него навешен определенный ярлык, относящий его к этой категории. Другими словами, девиация содержится не столько в самом действии, сколько *в реакции других* на это действие. Второе положение утверждает, что само навешивание ярлыков продуцирует или распространяет девиацию. Ответ девианта на социальную реакцию ведет к повтор-

[1] См.: *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке. С. 94.

[2] См.: *Смелзер Н. Дж.* Социология. С. 216.

ной девиации, вследствие чего девиант приходит к принятию самоимиджа или определения самого себя как человека, который перманентно заключен в рамки девиантности своей роли. Особенность подхода здесь состоит в том, что теория ярлыков рассматривает девиацию не в качестве внутренней недисциплинированности девианта или его психологической предрасположенности к тому, чтобы нанести вред окружающим, а как результат социальных обвинений и проявления контроля со стороны общества за поступками своих членов.

Если юный правонарушитель оказался задержанным полицией по обвинению в каком-то проступке, то это может оказать серьезное влияние на всю его дальнейшую жизнь. Некоторые из таких последствий могут носить преимущественно психологический характер: те, кто раньше считал, что они такие же, как и все другие, начинают считать себя особенными. Когда на таких людей налепляют ярлык преступника, можно сказать, что с помощью этого ярлыка они уже сами начинают мнить себя попавшими в сеть преступных организаций, то есть обретают *криминальную идентичность*. Каждый последующий шаг по этому пути все более укрепляет у них ощущение, что они уже стали какими-то иными — не такими, как все, и не такими нормальными, как прежде. Иногда такой процесс называют также *стигматизацией*. В социологическом смысле стигма[1] — это социальный признак, дискредитирующий индивида или целую группу. Бывают стигмы тела (дефект или уродство), индивидуального характера (гомосексуальность) или даже целых социальных коллективностей (раса или племя).

Американский социолог Р. Коллинз убедительно показывает социальную ситуацию, складывающуюся под воздействием «навешивания ярлыков»: «Предполагается, что все люди нарушают закон. Но лишь некоторые из них попадаются, получают обвинение и облепляются ярлыками... и благодаря этому становятся полноценными преступниками. Если преступники, проходящие через суды и тюрьмы, с такой большой степенью вероятности оказываются бедняками, черными, или каким-то иным образом подходят под чье-то определение “социально нежелательных”, то это происходит вследствие того, что они являют собою те типы людей, которые с наибольшей вероятностью могут оказаться в числе арестованных и осужденных. Компания юнцов, ворующих статую из колледжа или насилующих на вечеринке девушек из университетского женского клуба, могут отделаться про-

[1] В Древней Греции так называли несмываемое клеймо, которым метили раба или преступника.

стым выговором, потому что на их проступки уже налеплен ярлык "шалости колледжа". Неимущий черный юноша, вытворяющий такого же рода вещи, попадает в суд для несовершеннолетних и начинает карьеру серьезного преступника»[1].

Коллинз в своей книге дает и более радикальное социологическое объяснение существования преступности в обществе. Он утверждает, что нередко преступников создает не просто полиция своими действиями, а само общество. В качестве примера он приводит некоторые виды так называемых «преступлений без жертв». В большинстве реальных преступлений имеется четко определенная жертва. Однако существует какое-то число преступлений, в которых реально жертв нет и которые относят иногда к «служебным» преступлениям. Они включают в себя, в частности, злоупотребление наркотиками, азартные игры и проституцию. О такого рода преступлениях «потерпевшие», как правило, не сообщают в правоохранительные органы, поскольку выгоду из преступления извлекают (или стремятся извлечь) обе его стороны: жертва сама охотно идет навстречу преступнику. Коллинз приводит такой пример: продажа и приобретение наркотиков не были преступлением до тех пор, пока не были приняты законы, превращающие продажу и приобретение их частными лицами в серьезное правонарушение[2]. Общество же, в лице государственных органов, просто возвело их в ранг преступления, издав соответствующие законы. Сегодня, как ни парадоксально, в сохранении такого положения более всего заинтересованы наркодельцы, поскольку легализация наркотиков существенно снизила бы их гигантские прибыли.

Не менее радикальные выводы делают социологи, опирающиеся на теорию социальной солидарности, разработанную Дюркгеймом. Они утверждают, что девиация вообще и преступность в частности объективно необходимы: они выполняют особую функцию, поскольку объективно способствуют усилению социальной интеграции. Эта интеграция возникает из большей или меньшей степени единодушия, с каким «нормальная» часть общества осуждает девиантные поступки людей, нарушающих общепринятые нормы. Чувство единения усиливается

---

[1] По книге *Collins R.* Sociological Insight. — New York-Oxford, 1992. P. 99. Здесь и далее перевод автора — Анурин В. Ф. *(Примеч ред.)*

[2] На протяжении всего XIX века в Европе использование опиума и основанных на нем лекарственных препаратов было вполне легальным и широко распространенным явлением. Наркотики можно было приобрести по доступной цене в любой аптеке.

с помощью общепринятых *ритуалов* осуждения (кстати, именно таким ритуальным характером отличается практически любое судебное заседание). Даже общество, состоящее из святых, всегда найдет, из чего составить преступление, — хотя бы из любого сколько-нибудь заметного нарушения того, что общепринято считается святостью. Иначе говоря, святые тоже будут иметь свои главные, особо священные правила, и те, кто не будут следовать этим правилам столь же усердно, как все остальные, будет подвергаться ритуалу наказания. Цель же последнего — драматизировать сложившуюся ситуацию и еще выше поднять значимость правил.

Известна еще одна идея Дюркгейма, которая послужила отправной точкой для создания влиятельной социологической теории девиации. Это идея *аномии*. Данным понятием в его классической работе «Самоубийство» обозначалась социальная ситуация, «характеризуемая упадком норм, управляющих социальным взаимодействием» [1]. Дюркгейм утверждал, что довольно часто девиации (к которым он относил, в частности, и самоубийства) происходят вследствие отсутствия или слабого функционирования четких социальных норм. В такого рода ситуации «общее состояние дезорганизации, или *аномии*, усугубляется тем, что страсти менее всего согласны подчиняться дисциплине именно в тот момент, когда это всего нужнее» [2].

Опираясь на эту идею, выдающийся американский социолог Роберт Мертон разработал свою *аномическую концепцию девиации*. Он утверждал, что базовой причиной любой девиации является разрыв между институциональными культурными целями и доступностью социально одобряемых средств для достижения этих целей. Среди множества элементов социальной структуры Р. Мертон выделяет два, особенно, по его мнению, важных. Первый — это определяемые культурой данного общества намерения и интересы, которые являются «законными» целями — приемлемыми для всего общества или же отдельных его слоев, *социально одобряемыми* ими (и поэтому именуемые *институциональными*). Второй элемент определяет, регулирует *социально одобряемые средства* (способы достижения этих целей) и контролирует их применение [3]. «Моя главная гипотеза, — утверждает он, — как раз в том и заключается, что отклоняющееся поведение

---

[1] The Penguin Dictionary of Sociology. P. 11.

[2] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. — М., 1994. С. 238–239.

[3] См.: *Мертон Р.* Социальная структура и социальная аномия // Социологические исследования. — 1992, № 2. С. 118–119.

с социологической точки зрения может быть рассмотрено как симптом рассогласования между культурно предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации»[1].

В соответствии с этой гипотезой Р. Мертон рассматривает пять типов приспособления людей к социально и культурно заданным целям и средствам. Для наглядности он помещает их в схематическую таблицу, где символ «+» означает «принятие», «–» — «отвержение», а «+ –» — «отвержение господствующих ценностей и замена их новыми» (см. табл. 10).

Таблица 10

Типология форм индивидуального приспособления[2]

Формы приспособления	Социально одобряемые цели	Институционализированные средства
Конформность	+	+
Инновация	+	–
Ритуализм	–	+
Ретритизм	–	–
Мятеж	+ –	+ –

Конформность. Конформность, по сути, — единственный тип поведения, не являющийся девиантным. От степени распространенности его в обществе зависит социальный порядок — стабильность и устойчивость социального развития. Более того, сама массовая ориентация людей на общепринятые культурные ценности говорит о большой группе людей как о едином обществе. Поскольку основной темой нашего рассмотрения является девиация, то данный тип, при котором она имеет нулевое значение, вряд ли будет представлять для нас дальнейший интерес.

Инновация. Такая форма приспособления возникает вследствие того, что индивид принял для себя общепризнанные культурные ценности как жизненные цели, разделяет их. Однако он не считает те средства достижения этих целей, которые для него доступны, эффек-

[1] *Мертон Р.* Социальная структура и социальная аномия // Социологические исследования. — 1992. № 2. С. 120.

[2] См.: Там же. С. 105.

тивными, позволяющими достичь успеха (во всяком случае, настолько быстро и полно, как ему представляется желательным).

Обратим внимание на такой важный момент: речь здесь идет не только об откровенно криминальных проявлениях поведения, когда стремление к обогащению (кстати, вполне институциональная цель) заставляет кого-то прибегать к отмычке или пистолету. Инновация, как вид девиации, довольно широко распространена в обществах социальных реформ с динамично развивающейся экономикой, где изменения социальных норм просто не успевают за стремительно меняющейся экономической конъюнктурой. В таких обществах, в особенности в сфере предпринимательства, границы между законным и незаконным, нравственным и аморальным подчас бывают весьма размыты, в особенности на стадиях так называемого «первоначального накопления». «Вынужденно частное, а нередко и публичное восхищение “хитрыми, умными и успешными” людьми является продуктом культуры, в которой “священная” цель фактически объявляет священными и средства» [1]. Мертон в своей работе проводит довольно интересный анализ противоречий такого рода в различных социальных слоях. Так, он считает, что большинство благопристойных, законопослушных граждан все же обходят время от времени закон, если бывают уверены, что это останется неизвестным или хотя бы трудно доказуемым. «Изучение 1 700 представителей среднего класса показало, что в число совершивших зарегистрированные преступления вошли и “вполне уважаемые” члены общества. 99 % опрошенных подтвердили, что совершили как минимум одно из сорока девяти нарушений уголовного законодательства штата Нью-Йорк, каждое из которых было достаточно серьезно для того, чтобы получить срок заключения не менее одного года» [2].

В то же время можно привести в пример достаточно много ситуаций, когда в качестве девиантных следовало бы рассматривать и чьи-то действия, объективно направленные на достижение не личного, а общественного блага, однако при этом те, кто их совершает, прибегают к недозволенным средствам. Вспомним эпизод из известного фильма «Место встречи изменить нельзя», когда милиционер Жеглов (в блестящем исполнении Высоцкого) для доказательства совершенного преступления идет, по сути, на некрасивый и неэтичный поступок в отно-

[1] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. С. 105.

[2] Там же. С. 107.

шении вора-карманника. Такие (и даже куда более вопиющие) случаи мелких и не совсем безобидных нарушений не только служебного, но и откровенно противозаконного характера, вероятно, не так уж и редки в повседневной деятельности стражей порядка в любом обществе.

Ритуализм. Этот тип отклоняющегося поведения, как определяет Мертон, «предполагает оставление или понижение слишком высоких культурных целей большого денежного успеха и быструю социальную мобильность там, где эти устремления могут быть удовлетворены» [1]. Другими словами, в тех случаях, когда содержание цели и возможности ее достижения для данного социального актора приходят в противоречие, он предпочитает безусловное соблюдение институциональных норм и отказывается от цели.

Ритуализм можно определить как позицию чрезмерно осторожного человека, которая характеризуется, во-первых, стремлением во что бы то ни стало избежать опасности подвергнуться негативным социальным санкциям, во-вторых, желанием избежать опасностей, разочарований и неудач, а в-третьих, сильной приверженностью рутинному распорядку и сложившимся институциональным нормам. Таким образом, этот тип девиации в чем-то противоположен инновации с ее склонностью к риску и готовностью обойти социальные нормы в тех случаях, когда они встают препятствием на пути к желанной цели. Трудно сказать, какой из этих двух типов распространен в большей степени, однако, учитывая, что они как бы уравновешивают друг друга («симметричны»), можно предполагать, что они распространены примерно одинаково часто. Хотя такая гипотеза, конечно, нуждается в эмпирической проверке.

Ритуализм, как считает Мертон, во многом является продуктом социализации в условиях нижних слоев среднего класса. Условия воспитания здесь создают структуру характера, максимально приближенную к ритуализму. Его можно было бы назвать «чрезмерным конформизмом». Нередко такой тип поведения закрепляется в условиях бюрократизации общественной жизни. Известно, что «классический» бюрократ нередко склонен забывать о самой цели во имя обязательного соблюдения процедуры, формы, буквы предписанных регламентов.

Ретритизм. Этот тип девиации можно было бы охарактеризовать как стремление к уходу от действительности, неприятие своего социального мира. Члены общества, обладающие такой ориентацией, не

[1] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. С. 110.

приемлют ни господствующих в сознании большинства людей социальных целей, ни социально одобряемых средств их достижения. Это люди вообще «не от мира сего» — отшельники, мечтатели, поэты. С точки зрения статистики количество таких индивидов не может быть велико в любом обществе, оно просто не в состоянии вместить в себя слишком много таких «странных» людей.

В традиционных обществах, в эпоху преобладающего господства религиозных верований, определенное число мужчин и женщин по своему искреннему убеждению удалялись от мира в монастыри (не будем говорить о тех, кто делал это по принуждению или в силу жестокой необходимости). Принимая постриг, эти люди добровольно возлагали на себя обет безбрачия, отказывались от обладания собственностью и множества других мирских благ. Такое поведение вызывало уважение у мирян, однако не могло стать примером для массового подражания, иначе само общество просто прекратило бы свое существование. Добровольный уход в монахи или монахини и в ту эпоху был не нормой, а отклонением от нее, т. е. девиацией.

Наши современники тоже могли наблюдать проявления ретритизма как относительно массового явления. Во второй половине XX века в Америке, а затем и в Европе зародилось движение так называемых «хиппи», в котором весьма отчетливо были выражены черты ретритизма. Молодые люди из различных социальных слоев — от самых высших до самых низших — провозглашали главной целью своей жизни отрицание насилия, любовь, безразличие к индивидуальному материальному благополучию. Они отвергали нормы института частной собственности и моногамной семьи, живя коммунами. Большинство «хиппи» не соблюдали даже элементарной личной гигиены, переставали бриться и стричься, одевались почти в лохмотья и всем своим видом резко выделялись среди окружающих. Несмотря на неагрессивное, даже кроткое отношение к миру, проповеди всеобщей любви и ненасилия, большинство «нормальных» членов общества относилось к ним довольно враждебно. Постепенно это движение «рассосались», оставив память о себе лишь в немногочисленных коммунах «хиппи», живущих сегодня в Индии, и абсолютное большинство вернулось к нормальной жизни.

Мятеж. Этот тип девиации наиболее широко распространен в обществах, находящихся в состоянии глубокого кризиса, на грани социальных переломов. Такие отклонения вряд ли можно отнести к формам «индивидуального приспособления к обществу» в полном смысле этого слова, поскольку мятеж (или бунт), в отличие, скажем, от движе-

ния «хиппи» являет собою скорее активный отказ от приспособления к действующим нормам социальной жизни. Мятеж, по определению Мертона, «представляет собой переходную реакцию, выражающуюся в стремлении институционализировать во всем обществе, включая и тех его членов, которые не разделяют мятежную ориентацию, новые цели и новые способы поведения. Мятеж стремится изменить существующие культурную и социальную структуры, а не приспособиться к ним» [1].

Какой удельный вес могут занимать среди всех типов поведения его мятежные формы? В большинстве обществ, находящихся в стадии относительно стабильного развития, мятежное поведение, как нам кажется, встречается не очень часто. Являясь своего рода «симметричным отражением» ретритизма, т. е. по своим характерологическим признакам находясь на противоположном конце шкалы типов форм приспособлений, мятежное поведение должно иметь и примерно такую же частоту проявлений. В эпохи социальных потрясений и реформ этот тип поведения приобретает относительно массовые очертания. Однако длится это недолго. В случае успеха реформ (а значит, при установлении новых социальных и культурных норм, становлении новых институтов) их сторонники, которые были прежде диссидентами, перестают быть девиантами, поскольку их поведение теперь становится «нормальным». В случае же неуспеха социальных преобразований большинство членов общества, примкнувших вначале к движениям сторонников этих преобразований, возвращается к старым социальным нормам, становясь конформистами.

Может возникнуть вопрос: в чем заключаются наиболее общие причины существования различных форм девиантного поведения? Нам представляется, что с позиций функционалистской теории можно было бы провести своеобразную органическую аналогию с «экспериментами» природы, в которых при рождении новых особей у всех видов живых существ происходят разнообразные, но немногочисленные мутации. При существенных изменениях, возникающих в окружающей среде, некоторые из видов мутантов выступают своего рода гарантией от полного исчезновения данного вида, поскольку имеют возможность лучше приспособиться к этим изменениям, чем их нормальные (при прежних условиях) собратья, и дают начало новому направлению развития своего вида.

---

[1] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. С. 112.

Резюме

1. Под «девиантным» понимают все типы поведения, тем или иным образом *отклоняющиеся от нормального*. Девиация может быть как позитивной, так и негативной, хотя различным формам социологического и иного анализа подвергается чаще всего вторая.

2. В *широком смысле* термин «девиантность» подразумевает любое отклонение от принятых в обществе социальных норм. В *узком значении* девиантность обозначает незначительные проступки, те, что не подпадают под статью уголовного или даже административного кодексов. Для более серьезных форм нарушения специалисты применяют дополнительные термины — *делинквентность* и *преступность*.

3. Характерная черта девиантного поведения — *культурный релятивизм*. Это означает, что социальная норма, принятая либо по неписаной традиции, либо законодательно, — явление весьма относительное. Один и тот же поступок может считаться в одном обществе положительным, в другом — отрицательным, т. е. социальной патологией. Культурный релятивизм может служить сравнительной характеристикой не только двух разных обществ или эпох, но также двух или нескольких больших социальных групп внутри одного общества. Критерии девиантности нередко меняются на протяжении времени даже в рамках одной и той же культуры.

4. Под *делинквентным поведением* понимают определенного рода правонарушения, за которые наступает административная ответственность. Такой тип поведения чаще всего проявляется в подростковом и юношеском возрасте. Нарушения молодежью социальных норм могут быть существенными и несущественными, сознательными и неосознанными. Все более или менее серьезные нарушения, сознательные они или нет, попадающие под категорию противоправного действия, относятся к делинквентному поведению.

5. В сфере *криминального поведения* предметом особого внимания является *профессиональная преступность*, то есть совершение уголовно наказуемых деяний с целью извлечения средств к существованию, получения основного или дополнительного дохода. Дестабилизирующее влияние на жизнь общества оказывают тысячи активно действующих *организованных преступных сообществ*. На высшей своей стадии организованная преступность ставит перед собой политические цели: проникновение в органы государственной власти и управления. В России наблюдается процесс интеллектуализации и профессионализации преступности.

6. Существует ряд социологических концепций, определенным образом трактующих механизмы делинквентного и криминального поведения. Эти концепции в отличие от биологических и социологических объяснений делают акцент не на индивидуальных (а тем более врожденных) качествах девианта, а на тех социальных условиях, которые порождают у него мотивацию к отклоняющемуся поведению. Именно таков лейтмотив трактовок делинквентного поведения в *концепции навешивания ярлыков*, в *теории социальной солидарности* Дюркгейма, в *радикальной криминологии*. В этих концепциях социологические объяснения криминального поведения трактуют его как результат действующих форм социального контроля.

7. Существует ряд социологических концепций девиантного поведения. Одна из наиболее общих — аномическая теория Р. Мертона. В основу типологии поведения людей (точнее — их приспособления к общественным условиям) Мертон кладет отношение личности к институциональным (т. е. социально одобряемым) целям и институциональным средствам. При этом он считает, что разрыв между теми и другими как раз и образует состояние аномии, порождающее девиацию. В соответствии с различными вариантами такого отношения выделяется единственный недевиантный тип поведения — *конформность*, т. е. принятие личностью и социально одобряемых целей, и институциональных способов их достижения, а также четыре девиантных типа: *инновация*, *ритуализм*, *ретритизм* и *мятеж*.

Контрольные вопросы

1. Что означает в наиболее общем виде понятие «девиация»?
2. Ученые утверждают, что девиация может быть не только вредной, но и полезной для социума; в чем, например, могут проявляться позитивные последствия какой-либо девиации?
3. Как соотносятся между собой девиантный, делинквентный и криминальный типы поведения?
4. В чем заключается сущность нормального распределения различных типов поведения среди членов общества?
5. Что такое конформизм?
6. Каковы характерные черты делинквентности?
7. Назовите причины высокого уровня делинквентного поведения среди подростков по сравнению с другими возрастными группами.

8. Что социологи рассматривают как абсолютную норму?
9. Что понимают под профессиональной преступностью?
10. Каковы характерные признаки организованной преступности?

Рекомендуемая литература

1. *Бачинин В. А.* Антропосоциология анормативного поведения // Общественные науки и современность. — 2001. № 3.
2. *Гилинский Я. И., Афанасьев В. С.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. Учебное пособие. — СПб., 1993.
3. *Клейменов М. П., Дмитриев О. В.* Рэкет в Сибири // Социологические исследования. — 1995. № 3.
4. *Кудрявцев В. Н.* Механизм социальной деформации // Вопросы философии. — 1989. № 11.
5. *Лунеев В. В.* Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования. — 1996. № 7.
6. *Парсонс Т.* О социальных системах. — М., 2002. — Гл. 7. Девиантное (отклоняющееся) поведение и механизмы социального контроля.
7. *Петелин Б. Я.* Организованная преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. — 1990. № 9.
8. *Покосов В. В.* Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. — 1998. № 4.
9. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб., 2000.
10. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
11. *Тайбаков А. А.* Преступная субкультура // Социологические исследования. — 2001. № 3.
12. *Тайбаков А. А.* Профессиональный преступник (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. — 1993. № 8.
13. *Скворцова Е. С., Сулаберидзе Е. В.* О распространенности алкоголизации, курения и наркомании среди старшеклассников Нижнего Новгорода // Социологические исследования. — 1997. № 4.
14. *Силласте Г. Г.* Новая наркоситуация в России // Социологические исследования. — 1994. № 6.

Глава 9
Социальный контроль

Социальный контроль (от французского *controle* — «проверка») направлен, с одной стороны, на поощрение или усиление конформного поведения членов общества, с другой — на подавление таких типов поведения, которые преступают общепринятые нормы. Под социальным контролем в социологии понимают любые виды общественной практики, которые складываются во всех типах социальных групп — и больших, и малых. Термин «социальный контроль» был введен в научную лексику известным французским социологом, одним из основоположников социальной психологии Габриэлем Тардом[1], который предлагал рассматривать его в качестве одного из важнейших факторов социализации. Позднее в работах целого ряда ученых — таких, например, как Э. Росс, Р. Парк, А. Лапьер — была разработана теория социального контроля, в которой он рассматривался как важнейшее средство для обеспечения процесса усвоения каждым человеческим существом различных элементов сложившейся в данном обществе культуры. Естественно, что направленность и содержание социального контроля существенным образом зависят от экономических, политических, идеологических и прочих характеристик данной социальной системы, исторически обусловленных уровнем ее развития.

§ 1. Функции и содержание социального контроля

Важнейшую роль в укреплении институтов общества играет механизм социального контроля. Образно говоря, этот механизм — своего рода «центральная нервная система» социального института. Социальный институт и социальный контроль состоят из одних и тех же элементов — т. е. идентичных правил и норм поведения, закрепляющих и стандартизирующих поведение людей, делающих его предсказуемым. П. Бергер считает, что «социальный контроль является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Им обозначают

[1] Один из основоположников социальной психологии.

самые различные средства, которые любое общество применяет для обуздания своих непокорных членов. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля. Даже небольшой группе людей, случайно собравшихся вместе, придется выработать собственные механизмы контроля, дабы не распасться в самые кратчайшие сроки» [1].

Социальный контроль по отношению к обществу выполняет две основные функции:

а) охранительную;

б) стабилизирующую.

Социальный контроль представляет собой особый механизм поддержания общественного порядка и социальной стабильности, включая в себя такие понятия, как *социальные нормы, предписания, санкции, власть*.

Социальные нормы — это типовые стандарты, требования, пожелания и ожидания соответствующего (общественно одобряемого) поведения. Нормы представляют собой некие идеальные паттерны (шаблоны), описывающие то, что люди должны говорить, думать, чувствовать и делать в конкретных ситуациях. Нормы, конечно, различаются по своим масштабам.

Социальные предписания — запреты или, напротив, разрешения делать что-либо (или не делать), обращенные к индивиду или группе и выраженные в той или иной форме — устной или письменной, формальной или неформальной, явной или неявной.

На язык предписаний переводится, по сути, все, что делает общество сплоченным, единым, интегрированным целым, благодаря чему оно особенно ценится и охраняется. Например, практически во всех обществах высоко ценятся: человеческая жизнь и достоинство, уважительное отношение к старшим, общепризнанные коллективные символы (например, знамя, герб, гимн), религиозные обряды, законы государства. Предписания делятся на два основных типа.

Первый тип — это нормы, которые возникают и существуют только в *малых группах* (молодежных тусовках, компаниях друзей, семье, рабочих бригадах, спортивных командах). К примеру, американский социолог *Элтон Мэйо*, в 1927–1932 годах руководивший проведением знаменитых Хоторнских экспериментов, обнаружил, что в рабочих бригадах действуют нормы, которые применяли по отношению к новичкам, принятым в производственный коллектив, старшие товарищи:

---

[1] *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. — М., 1996. С. 68.

- не держись со «своими» официально;
- не говори начальству то, что может навредить членам группы;
- не общайся с начальством чаще, чем со «своими»;
- не изготовляй изделий больше, чем твои товарищи.

Второй тип — это нормы, которые возникают и существуют в *больших социальных группах* или в обществе в целом. К ним относятся обычаи, традиции, нравы, законы, этикет, общепринятые манеры поведения. Любой социальной группе присущи свои манеры, обычаи и этикет. Существует светский этикет, есть манеры поведения молодежи. Общепринятыми считаются также национальные традиции и нравы.

Все социальные нормы можно *классифицировать* в зависимости от того, насколько строго соблюдается их исполнение. За нарушение одних норм может последовать мягкое наказание — неодобрение, ухмылка, недоброжелательный взгляд. За нарушение других норм могут последовать сильные жесткие санкции — изгнание из страны, тюремное заключение, даже смертная казнь. Если бы мы попытались расположить все нормы в порядке нарастания строгости меры наказания за их нарушение, последовательность выглядела бы следующим образом:

1) обычаи;
2) манеры;
3) этикет;
4) традиции;
5) групповые привычки;
6) нравы;
7) законы;
8) табу.

Строже всего караются нарушения табу и юридических законов (например, убийство человека, оскорбление божества, раскрытие государственной тайны), значительно мягче — отдельные виды групповых привычек, в частности, семейных (например отказ выключать свет или регулярно закрывать входную дверь).

Определенная степень неподчинения общепринятым нормам, в принципе, существует в любом обществе и в любой социальной группе. Скажем, нарушение дворцового этикета, ритуала дипломатической беседы или бракосочетания могут вызвать неловкость, поставить человека в затруднительное положение. Но они вряд ли повлекут за собой жестокое наказание. В других ситуациях санкции со стороны социального окружения могут оказаться более ощутимыми. Пользование шпаргалкой на экзамене грозит снижением оценки, а потеря

библиотечной книги — штрафом в размере пятикратной стоимости ее. В некоторых обществах, где практически все находилось под контролем — длина волос, форма одежды, манеры поведения — малейшие отступления от традиций карались весьма сурово. Таков был, к примеру, характер социального контроля над подвластным населением со стороны правителей древней Спарты (в V веке до н. э.), а также со стороны советских и партийных органов в бывшем СССР спустя два с половиной тысячелетия.

Нормы связывают, т. е. *интегрируют*, людей в единую общность, коллектив. Каким образом это происходит? Во-первых, нормы — это всегда и обязанности одного лица по отношению к другому (или другим). Например, запрещая новичкам общаться с начальством чаще, чем со своими товарищами, малая группа уже накладывает на своих членов определенные обязательства и навязывает им определенный характер отношений с начальством и товарищами. Таким образом, нормы формируют *сеть социальных отношений* в группе, обществе. Во-вторых, нормы — это еще и *ожидания:* от соблюдающего данную норму человека окружающие ждут достаточно однозначного поведения. Когда автомобили движутся по правой стороне улицы, а встречные им машины передвигаются по левой, возникает упорядоченное организованное движение автотранспорта. При нарушении правил дорожного движения возникают не просто столкновения, а и дорожно-транспортные происшествия, которые могут привести к человеческим жертвам. Не менее наглядно действие норм проявляется в бизнесе. Этот род социальной деятельности был бы в принципе невозможен, если бы партнеры не соблюдали неких писаных и неписаных норм, правил, законов. Таким образом, любые нормы формируют систему *социального взаимодействия* (того самого, о котором мы вели речь в главе 6), которая включает в себя и мотивы, и цели, и направленность субъектов действия, и само действие, и ожидания, и оценку, и средства.

Почему люди стремятся соблюдать нормы, а сообщество строго следит за этим? *Нормы — стражники ценностей.* Честь и достоинство семьи — одна из важнейших ценностей человеческого общества с древнейших времен. А обществом ценится то, что способствует его стабильности и процветанию. Семья — основная ячейка общества, и забота о ней — его первейшая обязанность. Проявляя заботу о семье, мужчина тем самым демонстрирует свою силу, храбрость, добродетельность и все то, что высоко оценивается окружающими. Его социальный статус повышается. Напротив, неспособный защитить домочадцев подвергается презрению, его статус резко снижается. Поскольку защита

семьи и добыча средств к существованию — основа ее выживания, то выполнение этой важнейшей функции в традиционном обществе автоматически делает мужчину главой семьи. Не возникает споров о том, кто первый и кто главный — муж или жена. В результате укрепляется социально-психологическое единство семьи. В современной семье, где мужчина не всегда имеет возможность продемонстрировать свои лидирующие функции, нестабильность гораздо выше, чем в традиционной.

Как видим, социальные нормы — действительно стражники порядка и хранители ценностей. Даже простейшие нормы поведения олицетворяют собой то, что ценится группой или обществом. Различие между нормой и ценностью выражается следующим образом: *нормы — правила поведения, ценности — абстрактные понятия* о том, что такое добро и зло, правильное и неправильное, должное и недолжное и т. д.

Вождь имеет право осуществлять религиозные церемонии, наказывать соплеменников, нарушающих предписанные их статусу требования, предводительствовать в военных походах, руководить общинным собранием. Профессор университета обладает рядом прав, которые отличают его от студента, не обладающего данным статусом. Он оценивает знания учащихся, но, в соответствии со своей академической позицией, не может подвергаться штрафу за плохую успеваемость студентов. А вот офицер, согласно воинскому уставу, может быть подвергнут наказанию за нарушения, совершенные солдатами.

Академический статус профессора дает ему такие возможности, которыми не обладают другие люди, имеющие столь же высокий статус, скажем, политик, врач, юрист, бизнесмен или священник. Таково, например, отличительное право профессора отвечать на какие-то вопросы студентов словами: «Я не знаю этого». Подобное право объясняется природой академических знаний и состоянием науки, а не его некомпетентностью.

Обязанности регламентируют то, что исполнитель данной роли или носитель данного статуса должен делать по отношению к другим исполнителям или носителям. *Права* свидетельствуют о том, что человек может позволить себе или допустить в отношении других людей. Права и обязанности более или менее строго расписаны. Они ограничивают поведение определенными рамками, делают его предсказуемым. В то же время они жестко взаимосвязаны между собой, так что одно предполагает другое. Одно без другого существовать не может. Вернее, они могут существовать порознь, но тогда социальная структура деформируется. Так, статус раба в древнем мире предполагал только обязанности и не содержал почти никаких прав. В тоталитар-

ном обществе права и обязанности асимметричны: у правителя и высших должностных лиц права максимальны, а обязанности — минимальны. Напротив, у обычных граждан много обязанностей и мало прав. В демократическом обществе права и обязанности более симметричны. Следовательно, от того, как соотносятся права и обязанности в социальной структуре, зависит уровень развития общества.

Выполняя те или иные обязанности, индивид несет перед другими определенную *ответственность*. Например, сапожник обязан в срок и с должным качеством доставить свою продукцию заказчику. Если этого не происходит, он должен быть как-то наказан — лишиться контракта, выплатить неустойку, может пострадать его имидж и репутация, его могут даже привлечь к суду. В Древнем Египте существовал закон: если архитектор построил плохое здание, которое рухнуло и насмерть придавило хозяина, то архитектора лишали жизни. Таковы формы проявления ответственности. Они многообразны и зависят от культуры, устройства общества, исторического времени.

Права неразрывно связаны с *обязанностями*. Чем выше статус, тем большими правами наделяется его обладатель и тем больший круг обязанностей на него возлагается. Статус чернорабочего мало к чему обязывает. То же самое можно сказать о статусе соседа, нищего или ребенка. Но статус принца крови или известного телеобозревателя обязывает вести образ жизни, соответствующий социальным стандартам одного с ними круга людей и оправдывающий ожидания общества.

Оказывается, право существовало не всегда. Оно — *результат долгого и трудного движения человечества по пути цивилизации*. Его не было в первобытном обществе, в котором люди жили согласно устоявшимся *обычаям* и *традициям*. *Обычаи* — это правила, которые соблюдаются по привычке. *Традиции* же соблюдаются в силу общественного принуждения. Традиции и обычаи были окружены таинственными обрядами, ритуалами и церемониями, которые исполнялись в особо приподнятой и торжественной обстановке. Например, древние славяне, почитая кормилицу-землю, избегали вбивать в нее колья и не делали весной заборов — берегли ее. С тех времен сохранился ритуал целовать землю, клясться землей, хранить горсть родной земли. *Предписания* своих предков люди выполняли строго. Такие правила нигде не записывались и передавались устно от поколения к поколению. Позже их стали фиксировать в документах.

Прообразом права были *запреты* (табу) в поведении человека. Например, запрещалось охотиться на отдельных животных или вступать в половые связи с родственниками. Жизнь людей регламентирова-

лась. Позже такие правила стали закрепляться силой государства. Самые древние законы дошли до нас из Месопотамии — их автор, шумерский правитель, живший в XXIV веке до н. э., пытался с их помощью регулировать рыночные цены. Таким образом, *законы* являются инструментом общественного согласия.

Право представляет собой *договор людей о правилах поведения*. Одна часть правил становится *обязанностью* человека поступать именно так, а не иначе, а другая — *правом* поступать так, а не иначе. Первая ограничивает свободу действий, а вторая ее расширяет. Каждый из нас имеет право на образование, т. е. *разрешение* учиться в школе, колледже или вузе. Право означает *возможность* поведения. В древних законах присутствовали главным образом ограничители свободы, а сами свободы, особенно для малоимущих, не существовали. Право как свобода — это достижение Нового времени.

Санкциями именуются не только наказания, но и поощрения, способствующие соблюдению социальных норм. Наряду с ценностями санкции регламентируют поведение людей в их стремлении выполнять нормы. Таким образом, нормы защищены с двух сторон — со стороны ценностей и со стороны санкций. Социальные санкции — разветвленная система вознаграждений за выполнение норм, т. е. за *конформизм*, за согласие с ними, и наказаний за отклонение от них, т. е. за *девиантность*. Выделяют четыре типа санкций:

- позитивные;
- негативные;
- формальные;
- неформальные.

Они дают четыре типа сочетаний, которые можно изобразить в виде логического квадрата.

Формальные позитивные санкции (Ф+) — публичное одобрение со стороны официальных организаций (правительства, учреждения, творческого союза). Это правительственные награды, государственные премии и стипендии, пожалованные титулы, ученые степени и звания, сооружение памятников, вручение почетных грамот, допуск к высоким должностям и почетным функциям (например избрание председателем правления).

Неформальные позитивные санкции (Н+) — публичное одобрение, не исходящее от официальных организаций. Это дружеская похвала, комплименты, молчаливое признание, доброжелательное расположение, аплодисменты, слава, почет, лестные отзывы, признание лидерских или экспертных качеств, улыбка.

Формальные негативные санкции (Ф–) — наказания, предусмотренные юридическими законами, правительственными указами, административными инструкциями, предписаниями, распоряжениями. Это лишение гражданских прав, тюремное заключение, арест, увольнение, штраф, депремирование, конфискация имущества, понижение в должности, разжалование, низложение с престола, смертная казнь, отлучение от церкви.

Неформальные негативные санкции (Н–) — наказания, не предусмотренные официальными инстанциями. Это порицание, замечание, насмешка, издевка, злая шутка, нелестная кличка, пренебрежение, отказ подать руку или поддерживать отношения, распускание слуха, клевета, недоброжелательный отзыв, жалоба, сочинение памфлета или фельетона, разоблачительная статья.

Применение социальных санкций в одних случаях требует присутствия посторонних лиц, в других — не требует. Увольнение оформляется отделом кадров учреждения и предполагает предварительное издание распоряжения или приказа. Тюремное заключение требует сложной процедуры судебного разбирательства, на основании которого выносится судебное решение. Привлечение к административной ответственности, скажем, штрафование за безбилетный проезд, предполагает присутствие официального транспортного контролера, а иногда и милиционера. Присвоение ученой степени предполагает не менее сложную процедуру защиты научной диссертации и решения ученого совета. Санкции к нарушителям групповых привычек требуют наличия меньшего числа лиц, но, тем не менее, они никогда не применяются по отношению к самому себе. Если применение санкций совершается самим человеком, направлено на себя и происходит внутри, то такую форму контроля надо считать самоконтролем.

Самоконтроль называют также внутренним контролем: индивид самостоятельно регулирует свое поведение, согласовывая его с общепринятыми нормами. В процессе социализации нормы усваиваются настолько прочно, что люди, нарушая их, испытывают чувство неловкости или вины. Вопреки нормам подобающего поведения человек влюбляется в жену своего друга, ненавидит собственную жену, завидует более удачливому сопернику или желает смерти близкому. В таких случаях у человека обычно возникает чувство вины, и тогда говорят о муках совести. *Совесть* — проявление внутреннего контроля.

Общепринятые нормы, являясь рациональными предписаниями, остаются в сфере сознания, ниже которого расположена сфера подсознания, или бессознательного, состоящая из стихийных импульсов. Самоконтроль направлен на сдерживание природной стихии, он

основывается на *волевом усилии*. В отличие от муравьев, пчел и даже обезьян человеческие существа могут продолжать коллективное взаимодействие лишь в том случае, если каждый индивид прибегает к самоконтролю. О взрослом человеке, не умеющем контролировать себя, говорят, что он «впал в детство», потому что именно для детей характерны импульсивное поведение, неумение властвовать над своими желаниями и прихотями. Импульсивное поведение поэтому называют *инфантилизмом*. Напротив, поведение в соответствии с рациональными нормами, обязательствами, волевыми усилиями является признаком *зрелости*. Примерно на 70 % социальный контроль реализуется за счет самоконтроля.

Чем выше развит самоконтроль у членов общества, тем меньше этому обществу приходится прибегать к внешнему контролю. И наоборот, чем меньше у людей развит самоконтроль, тем чаще приходится вступать в действие институтам социального контроля, в частности, армии, судам, государству. Чем слабее самоконтроль, тем жестче должен быть внешний контроль. Однако жесткий внешний контроль, мелочная опека граждан тормозят развитие самосознания и волеизъявления, приглушают внутренние волевые усилия. Таким образом, возникает замкнутый круг, в который на протяжении мировой истории попадало не одно общество.

Часто диктатура устанавливалась якобы во благо гражданам, с целью навести порядок в обществе. Но привыкшие подчиняться принудительному контролю граждане не развивали внутреннего контроля. Они начинали деградировать как социальные существа, т. е. утрачивали способность брать на себя ответственность и вести себя в соответствии с рациональными нормами. Они подвергали сомнению как раз саму разумность принудительных норм, исподволь подготавливая разумное обоснование всякому сопротивлению этим нормам. Великолепным примером служит Российская империя, где декабристы, революционеры, цареубийцы, покушавшиеся на основы социального порядка, получали поддержку со стороны общественного мнения, поскольку разумным считалось сопротивление, а не подчинение принудительным нормам.

Социальный контроль, образно говоря, выполняет функцию милиционера, регулирующего уличное движение: он «штрафует» тех, кто неправильно «переходит улицу». Если бы не было социального контроля, люди могли бы делать все, что им заблагорассудится, и таким способом, какой им больше нравится. Неизбежно в общественных группах, как малых, так и больших, возникли бы ссоры, столкновения, конфликты и как следствие — общественный хаос. Охранительная

функция иногда мешает социальному контролю выступать поборником прогресса, но в перечень его функций как раз и не входит обновление общества — это задача других общественных учреждений. Так, социальный контроль выполняет функцию консерватора в парламенте: предлагает не спешить, требует уважать традиции, выступает против того нового, что как следует не проверено. Он выступает в качестве фундамента стабильности в обществе. Его отсутствие или ослабление ведет к аномии, беспорядку, смуте и социальному раздору.

С социальными нормами тесно связаны ценности. *Ценности* — это, как мы уже говорили, социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое благо, добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба и т. п. Ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном, идеалом для всех людей. Если верность является ценностью, то отступление от нее осуждается как предательство. Если чистота является ценностью, то неряшливость и грязь осуждаются как неприличное поведение.

Без ценностей не может обходиться ни одно общество. А индивиды? Они могут выбирать — разделять им эти ценности или другие. Одни привержены ценностям коллективизма, а другие — ценностям индивидуализма. Для одних высшей ценностью могут быть деньги, для других — моральная безупречность, для третьих — политическая карьера. Для описания того, на какие ценности ориентируются люди, социологи ввели в науку термин *ценностные ориентации*. Это понятие описывает индивидуальное отношение или выбор конкретных ценностей в качестве нормы поведения. Таким образом, ценности принадлежат группе или обществу, ценностные ориентации — индивиду. Ценности представляют собой разделяемые человеком совместно с другими убеждения относительно целей, к которым следует стремиться.

Хотя нарушение большинства групповых привычек наказывается обществом достаточно мягко, некоторые их виды ценятся очень высоко, и за нарушение таковых следуют строгие санкции. В ходе упоминавшихся выше Хоторнских экспериментов выяснилось, что новичков, нарушивших правила поведения, ждало суровое наказание: с ними могли не разговаривать, им могли приклеить обидный ярлык («выскочка», «штрейкбрехер», «подсадная утка», «предатель»), вокруг них могли создать нетерпимую обстановку и вынудить уволиться, к ним могли применить даже физическое насилие. Такого рода привычки получили название *неформальных групповых норм*. Они рождаются в малых, а не в больших социальных группах. Механизм, который контролирует соблюдение подобных норм, называется *групповым давлением*.

Таким образом, социальные нормы выполняют в обществе очень важные *функции:*

- регулируют общий ход социализации;
- интегрируют индивидов в группы, а группы — в общество;
- контролируют отклоняющееся поведение;
- служат образцами, эталонами поведения.

Социальные нормы выполняют свои функции в зависимости от того, в каком качестве они себя проявляют:

- как стандарты поведения (обязанности, правила);
- как ожидания поведения (реакция других людей).

Защита чести и достоинства членов семьи — это обязанность каждого мужчины. Здесь речь идет о норме как стандарте должного поведения. Этому стандарту соответствует вполне конкретное ожидание членов семьи, надежда на то, что их честь и достоинство будут защищены. У кавказских народов подобная норма ценится очень высоко, а отступление от этой нормы карается весьма строго. То же самое можно сказать о южноевропейских народах. Итальянская мафия возникла в свое время как неформальная норма защиты чести семьи, и лишь позже ее функции изменились. Отступников от принятого стандарта поведения карало все сообщество.

Сами по себе нормы ничего не контролируют. Поведение людей контролируют другие люди на основе норм, которые, как ожидается, будут соблюдаться всеми. Соблюдение норм, как и выполнение санкций, делает наше поведение предсказуемым. Каждый из нас знает, что за выдающееся научное открытие ожидает официальная награда, а за тяжкое преступление — тюремное заключение. Когда мы ожидаем от другого человека определенного поступка, то надеемся, что он знает не только норму, но и следующие за ее выполнением или нарушением санкции. Таким образом, нормы и санкции соединены в единое целое. Если у какой-то нормы отсутствует сопровождающая ее санкция, то она перестает действовать — регулировать реальное поведение. Она может стать лозунгом, призывом, воззванием, но она перестает быть элементом социального контроля.

Таким образом, социальные санкции представляют собою разветвленную систему вознаграждений за выполнение норм, т. е. за конформизм, за согласие с ними, и наказаний за отклонение от них, т. е. за девиантность. *Конформизм* представляет собой как минимум *внешнее* согласие с общепринятыми нормами, потому что внутренне индивид может сохранять в себе несогласие с ними, но никому не говорить о том. По существу, в достижении конформизма со стороны всех чле-

нов сообщества и заключается одна из главных целей социального контроля.

§ 2. Концепция социального контроля П. Бергера

Согласно концепции Питера Бергера, каждый человек находится в центре расходящихся концентрических кругов, представляющих разные виды, типы и формы социального контроля[1]. Каждый последующий круг — это новая *система контроля* (см. рис. 17).

Внешний, самый большой круг — это *политико-юридическая система*, представленная мощным аппаратом государства. Перед ним бессильны все. Помимо нашей воли государство взимает налоги, призывает на военную службу, хотим мы того или нет, заставляет повиноваться своим бесконечным законам и уставам, правилам и установлениям, а если надо, посадит в тюрьму и может лишить жизни. Индивид находится в центре круга как в точке максимального давления (образно говоря, можно представить стоящего на земле человека, на которого давит огромный столб атмосферы).

В следующий круг социального контроля, давящий на одинокого индивида, входят *мораль*, обычаи и нравы. За нравственностью человека следят все — начиная с полиции нравов и кончая родителями, родственниками, друзьями. Первая сажает за решетку, вторые и третьи употребляют неформальные санкции типа осуждения, а последние, не простив предательства или подлости, могут расстаться с нами. Все они, каждый на свой манер и в рамках своей компетенции, применяют инструменты социального контроля. Аморальность наказывается увольнением с работы, эксцентричность — потерей шансов найти новое место, невоспитанность — тем, что человека не пригласят в гости или откажут от дома люди, которые ценят хорошие манеры. Отсутствие работы и одиночество являются, может быть, не меньшим наказанием по сравнению с пребыванием в кутузке, считает П. Бергер.

Кроме больших кругов принуждения, в которых индивид находится вместе с остальными членами общества, есть малые круги контроля, самый существенный из которых — круг контроля со стороны профессиональной системы. На *работе* человек скован массой ограничений, инструкций, профессиональных обязанностей, деловых обязательств, оказывающих контролирующее воздействие, подчас весьма жесткое. Бизнесмена контролируют лицензирующие организации, рабочего — профессиональные объединения и профсоюзы, подчиненного — руко-

[1] См.: *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию. С. 73–76.

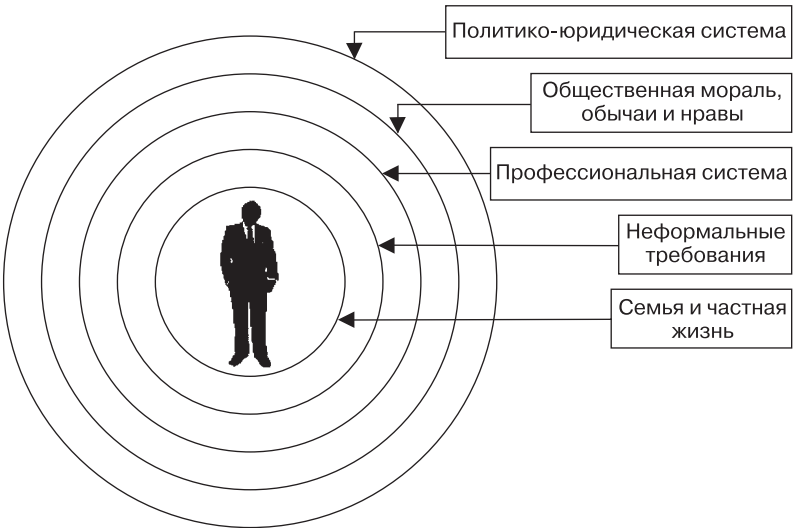

Рис. 17. Система социального контроля по П. Бергеру

водители, которых, в свою очередь, контролируют вышестоящие инстанции. Не менее важны различные способы неформального контроля со стороны коллег и сотрудников.

П. Бергер пишет об этом следующим образом: «...Читатель может для наглядности представить врача, который кладет на лечение невыгодного для клиники больного; предпринимателя, который рекламирует недорогие похороны... государственного чиновника, который упорно тратит денег меньше, чем предусмотрено бюджетом; рабочего сборочной линии, который недопустимо, с точки зрения коллег, превышает нормы выработки, и т. д. В этих случаях экономические санкции применяются наиболее часто и эффективно: врачу отказывают в практике... предпринимателя могут исключить из профессиональной организации...

Столь же серьезными могут быть санкции общественного бойкота, презрения, осмеяния. Любая профессиональная роль в обществе, даже самая незначительная, предполагает специальный кодекс поведения... Приверженность этому кодексу, как правило, столь же необходима для профессиональной карьеры, сколь и техническая компетентность, и соответствующее образование»[1].

[1] *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию. С. 74–75.

Контроль со стороны *профессиональной системы* имеет огромное значение, так как профессия и должность, помимо всего прочего, регламентируют, что индивиду можно и что нельзя во внепроизводственной жизни: в какие добровольные объединения он сможет вступить, каков будет круг его знакомых, в каком районе он сможет позволить себе жить.

В следующий круг контроля входят *неформальные требования* к индивиду, ведь каждый человек помимо профессиональных вовлечен и в другие социальные отношения. Эти отношения обладают собственными системами контроля, многие из которых более формальны, а иные даже жестче профессиональных. Например, правила приема и членства во многих клубах и братствах такие же жесткие, как правила, по которым отбирается управленческий аппарат в корпорации IBM. Таким образом, самостоятельную систему социального контроля представляет *общественная среда*. Она включает в себя дальних и близких, незнакомых и знакомых индивиду людей. Окружение предъявляет к человеку свои требования, неписаные законы, которые представляют собой широкий спектр явлений. Они могут включать в себя манеру одеваться и говорить, эстетические вкусы, политические и религиозные убеждения и даже манеру вести себя за столом. Таким образом, круг неформальных требований описывает область возможных действий индивида в определенных ситуациях.

Последний и ближайший к индивиду круг, который тоже образует систему контроля, составляет та группа людей, в которой проходит так называемая *частная жизнь* индивида, т. е. это *круг его семьи* и личных друзей. Социальное или, точнее, нормативное давление на индивида здесь не ослабевает — напротив, есть все основания полагать, что оно в определенном смысле даже возрастает. Неудивительно — ведь именно в этом круге индивид устанавливает наиболее важные для себя социальные связи. Неодобрение, утрата престижа, осмеяние или презрение в кругу родных и близких имеют гораздо больший психологический вес для человека, чем подобные санкции, исходящие от чужих или незнакомых людей.

На работе начальник может уволить подчиненного, лишив его средств к существованию. Но психологические последствия этого формального экономического действия окажутся по-настоящему гибельными, говорит П. Бергер, если данное увольнение будут переживать его жена и дети. В отличие от других систем контроля давление со стороны близких может произойти именно тогда, когда индивид к нему совершенно не готов. На работе, в транспорте, в общественных

местах человек, как правило, насторожен и потенциально готов противостоять любой угрозе.

Внутреннюю часть последнего круга, его *ядро*, составляют *интимные отношения* мужа и жены. Именно в самых интимных отношениях человек ищет поддержку и самым важным чувствам, составляющим Я-образ. Ставить на карту эти связи — значит рисковать утратой самого себя. «Неудивительно, что часто люди, властные на работе, мгновенно уступают дома своим женам и съеживаются, когда у их друзей брови недовольно ползут вверх» [1].

Человек, осмотревшись вокруг себя и последовательно перечислив всех, кому он должен уступать, подчиняться или угождать в силу своего нахождения в центре концентрических кругов социального контроля — от федеральной налоговой службы до собственной тещи, — в конце концов приходит к мысли, что общество всей своей громадой подавляет его.

§ 3. Агенты и инструменты социального контроля

Социальный контроль — самый эффективный способ, при помощи которого мощные институты общества организуют жизнедеятельность простых граждан. Инструменты, или в данном случае методы социального контроля отличаются огромным разнообразием, они зависят от ситуации, целей и характера конкретной группы, в отношении которой употребляются. Диапазон их применения огромен: от выяснения отношений «один на один» между конкретными людьми до психологического давления, физического насилия, экономического принуждения человека со стороны всего общества. Не обязательно, чтобы механизмы контроля были направлены на осуждение нежелательной персоны или стимулирование к ней нелояльности остальных. «Неодобрение» чаще всего выражается не по отношению к самому индивиду, а по отношению к его поступкам, высказываниям, взаимодействиям с другими лицами.

В отличие от самоконтроля, о котором говорилось выше, *внешний контроль* — это совокупность институтов и механизмов, гарантирующих соблюдение общепринятых норм поведения и законов. Он подразделяется на формальный (институциональный) и неформальный (внутригрупповой).

Формальный контроль основан на одобрении или осуждении со стороны официальных органов власти и администрации.

---

[1] *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию. С. 76.

Неформальный контроль основан на одобрении или осуждении со стороны группы родственников, друзей, коллег, знакомых, а также со стороны общественного мнения, которое выражается через традиции и обычаи либо средства массовой информации.

Традиционная сельская община контролировала все аспекты жизни своих членов: выбор невесты, способы ухаживания, определение имени новорожденного, методы разрешения спора и конфликта и многое другое. Никаких писаных норм не существовало. В качестве контролера выступало общественное мнение, чаще всего опирающееся на мнение, выражаемое старейшими членами общины. В единую систему социального контроля органично вплетались религиозные требования. Строгое соблюдение ритуалов и церемоний, связанных с традиционными праздниками и обрядами (например с обручением, бракосочетанием, рождением ребенка, достижением зрелости, сбором урожая), воспитывало чувство уважения к социальным нормам, прививало глубокое понимание их необходимости.

Неформальный контроль могут выполнять также семья, круг родственников, друзей и знакомых. Их называют *агентами неформального контроля*. Если рассматривать семью как социальный институт, то следует говорить о ней как о важнейшем *институте социального контроля*.

В компактных первичных группах для обуздания реальных и потенциальных девиантов постоянно действуют чрезвычайно эффективные и одновременно очень тонкие механизмы контроля, такие как убеждение, насмешка, сплетни и презрение. Насмешка и сплетня являются мощными инструментами социального контроля во всех типах первичных групп. В отличие от методов формального контроля, например, выговора или понижения в должности, неформальные методы доступны практически всем. И насмешками, и сплетнями может манипулировать любой неглупый человек, имеющий доступ к каналам их передачи.

Не только бизнес-организации, но также университеты и церкви с успехом используют экономические санкции, чтобы удержать свой персонал от девиантного поведения, т. е. такого поведения, которое расценивается как выходящее за рамки допустимого.

Детальный (мелочный) контроль, при котором руководитель вмешивается в каждое действие, поправляет, одергивает и т. п., называют *надзором*. Надзор осуществляется не только на микро-, но и на макроуровне общества. Его субъектом является государство, и в этом случае надзор превращается в специализированный общественный *институт,* который разрастается в огромную систему, покрываю-

щую всю страну. В такую систему агентами формального контроля входят сыскные бюро, детективные агентства, полицейские участки, службы осведомителей, тюремные надзиратели, конвойные войска, суды, цензура и т. д.

Формальный контроль исторически возник позже неформального — в период зарождения сложных обществ и государств, в частности, древневосточных империй. Хотя, несомненно, его предвестников мы без труда обнаружим и в более ранний период — в так называемых *вождествах (Chiefdom)*, где четко обозначился круг формальных санкций, официально применяемых к нарушителям, — вплоть до изгнания из племени и смертной казни. В вождествах были установлены также всевозможные виды вознаграждений.

Однако в *современном обществе* значение формального контроля существенно возросло. Почему? Оказывается, в *сложном обществе*, особенно в стране с многомиллионным населением, гораздо труднее поддерживать порядок и стабильность. Ведь неформальный контроль за индивидом со стороны такого общества ограничен небольшой группой людей. В большой группе он неэффективен. Поэтому иногда его называют *локальным* (местным). Напротив, формальный контроль носит всеохватывающий характер, он действует на всей территории страны. Он *глобален*, и его всегда осуществляют особые люди — *агенты формального контроля*. Это профессионалы, т. е. лица, специально обученные и получающие зарплату за выполнение контрольных функций. Они — носители социальных статусов и ролей. К ним причисляют судей, полицейских, врачей-психиатров, социальных работников, специальных должностных лиц церкви и т. д. Если в традиционном обществе социальный контроль держался на неписаных правилах, то в современных обществах его основой выступают писаные нормы: инструкции, указы, постановления, законы. Социальный контроль приобрел *институциональную поддержку*.

Формальный контроль, как мы уже говорили, осуществляют такие институты современного общества, как суды, образование, армия, производство, средства массовой информации, политические партии, правительство. Школа контролирует при помощи оценок, правительство — при помощи системы налогообложения и социальной помощи населению, государство — при помощи полиции, секретной службы, государственных каналов радио, телевидения и органов печати.

Методы контроля, в зависимости от применяемых санкций, подразделяются на:

- жесткие;
- мягкие;

- прямые;
- косвенные.

Названия методов контроля отличаются от того, что вы узнали выше о типах санкций (вспомните их), но содержание тех и других во многом сходное. Четыре метода контроля могут пересекаться (табл. 11).

Приведем примеры подобных пересечений.

1. Средства массовой информации относятся к инструментам *косвенного мягкого* контроля.
2. Политические репрессии, рэкет, организованная преступность — к инструментам *прямого жесткого* контроля.
3. Действие конституции и уголовного кодекса — к инструментам *прямого мягкого* контроля.
4. Экономические санкции международного сообщества — к инструментам *косвенного жесткого* контроля.

§ 4. Общий и детальный контроль

Иногда контроль отождествляют с управлением. Содержание контроля и управления во многом похожи, но их следует различать. Мать или отец контролируют то, как ребенок выполняет домашнее задание. Родители не управляют, а именно контролируют процесс, так как цели и задачи поставили не они, а учитель. Родители только отслеживают процесс выполнения задания. Так и на производстве: начальник цеха поставил цели и задачи, определил сроки и конечный результат, а процесс выполнения обязал проконтролировать мастера.

Пассажир сел в автобус, билет не взял, а через несколько остановок вошли контролеры. Обнаружив нарушение закона (по закону пассажир обязан оплатить проезд даже в том случае, если он проехал всего одну остановку), контролер применяет к нему меры воздействия — штрафует за безбилетный проезд. Спустился человек в метро, и там на входе у турникета стоят контролеры. Спустился по эскалатору — а внизу в специальной будке тоже сидит контролер, хотя называется он служащим метрополитена. Его обязанность — следить за тем, чтобы стоящие пассажиры держались правой стороны, а проходящие — левой. Другая его обязанность — следить за тем, чтобы на поручни эскалатора не ставили тяжелые вещи.

Таким образом, *контроль* — понятие более узкое, чем управление. Начальник цеха может осуществлять контроль самостоятельно, а может поручить его своему заместителю. Контроль может быть объединен с управлением, а может осуществляться независимо от него. В то

Таблица 11

Комбинации методов формального контроля

Комбинации по форме / Комбинации по характеру	Жесткие	Мягкие
Прямые	ПЖ (прямые жесткие)	ПМ (прямые мягкие)
Косвенные	КЖ (косвенные жесткие)	КМ (косвенные мягкие)

же время у контроля и управления есть ряд общих черт. Так, оба они характеризуются *масштабом*. Один человек управляет всей страной и контролирует выполнение законов на всей ее территории, а другой — ограниченным количеством подчиненных. Вы догадались, о ком идет речь. Первый — президент страны, а второй — мастер участка, бригадир или командир отделения.

Различие между управлением и контролем заключается в том, что первое выражается через стиль руководства, а второй — через методы. Методы контроля могут быть *общими* и *детальными*.

Приведем примеры тех и других.

1. Если менеджер дает подчиненному задание и не контролирует ход его выполнения, то он прибегает к *общему контролю*.
2. Если менеджер вмешивается в каждое действие своих подчиненных, поправляет, одергивает и т. п., он использует *детальный контроль*.

Последний называют еще надзором. *Надзор* осуществляется не только на микро-, но и на макроуровне общества. Его субъектом становится государство, и он превращается в *неосновной социальный институт*. Надзор разрастается до размеров *крупномасштабной социальной системы*, покрывающей всю страну. В такую систему входят:

- сыскные бюро;
- детективные агентства;
- полицейские участки;
- служба осведомителей;
- тюремные надзиратели;
- конвойные войска;
- суды;
- цензура.

При общем контроле отслеживается только конечный результат, и ничего более. Учитель ставит задачу — написать сочинение об образе жизни античных греков. В конце недели он проверит качество выполненной работы и поставит соответствующую оценку. Какой литературой вы воспользуетесь, в каком ключе будете выполнять задание, кого привлечете в помощь себе, учителя в данном случае не интересует. Он предоставляет вам полную свободу.

Однако учитель может поступить иначе. Он определяет задачу, сроки, объем задания, но, кроме того, указывает литературу, предоставляет план работы, требует, чтобы вы проделали работу самостоятельно, не привлекая никого в помощь. Кроме того, он просит показывать ему через день те фрагменты сочинения, которые вы успели написать, чтобы он мог вовремя вас поправить, а если нужно, и направить. Он контролирует весь ход выполнения. Это уже детальный контроль. Свобода действий в таком случае крайне ограничена.

Так как контроль входит в управление как составная его часть, но часть очень важная, то мы можем заключить, что в зависимости от вида контроля будет меняться и само управление. Часть, если она достаточно важная, определяет характер целого. Так методы контроля сказываются на стиле управления, который имеет, в свою очередь, два вида — стиль *авторитарный* и стиль *демократический*.

Чтобы получить представление о детальном контроле, попробуйте составить подробный план, куда будете ежедневно в течение двух недель записывать все свои действия. А затем проконтролируйте их выполнение. Так же иногда поступают на предприятии. Сотрудник составляет личный план, а начальник контролирует его выполнение. В первом случае вы сами стоите у себя «за спиной» и осуществляете самоконтроль, а во втором — «за спиной» у сотрудника стоит его начальник, который осуществляет внешний детальный контроль.

Резюме

1. Механизмы социального контроля играют важнейшую роль в укреплении всех институтов общества. По отношению к обществу социальный контроль выполняет две основные функции:

а) охранительную;

б) стабилизирующую.

Социальный контроль представляет собой особый механизм поддержания общественного порядка, социальной стабильности и включает в себя такие понятия, как *социальные нормы, предписания, санкции, власть*.

2. *Социальные нормы* — это типовые стандарты, требования, пожелания и ожидания соответствующего (общественно одобряемого) поведения. Нормы представляют собой некие идеальные паттерны (шаблоны), описывающие то, что люди должны говорить, думать, чувствовать и делать в конкретных ситуациях. Они, конечно, различаются по своим масштабам. *Социальные предписания* — запрет или, напротив, разрешение делать что-либо (или не делать), обращенные к индивиду или группе и выраженные в той или иной форме — устной или письменной, формальной или неформальной, явной или неявной. Нормы *интегрируют* людей в единую общность, коллектив и формируют *сеть социальных отношений* в группе, обществе.

3. *Санкциями* именуются не только наказания, но также поощрения, способствующие соблюдению социальных норм. Нормы защищены с двух сторон — со стороны ценностей и со стороны санкций. Социальные санкции представляют собой разветвленную систему вознаграждений за выполнение норм, за согласие с ними, т. е. за *конформизм,* и наказаний за отклонение от них, т. е. за *девиантность*.

Выделяют четыре типа санкций:

- позитивные;
- негативные;
- формальные;
- неформальные.

4. С социальными нормами тесно связаны ценности. *Ценности* — это социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое благо, добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба и т. п. Ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном, идеалом для всех людей. Для описания того, на какие ценности ориентируются люди, служит понятие *ценностные ориентации*. Это понятие описывает выбор определенных ценностей конкретным индивидом или группой индивидов в качестве нормы поведения.

5. Согласно схеме, разработанной П. Бергером, каждый человек находится в центре расходящихся концентрических кругов, представляющих разные виды, типы и формы социального контроля. Внешний круг — это *политико-юридическая система*, следующий за ним — *общественная мораль*, затем идут *профессиональная система* и *система неформальных требований*, самый близкий к человеку круг социального контроля образуют *семья и частная жизнь*.

6. В отличие от внутреннего самоконтроля *внешний контроль* — это совокупность институтов и механизмов, гарантирующих соблюдение

общепринятых норм поведения и законов. Он подразделяется на формальный (институциональный) и неформальный (внутригрупповой). *Формальный контроль* основан на одобрении или осуждении со стороны официальных органов власти и администрации. *Неформальный контроль* основан на одобрении или осуждении со стороны группы родственников, друзей, коллег, знакомых, а также со стороны общественного мнения, которое выражается через традиции и обычаи либо средства массовой информации.

Контрольные вопросы

1. Каковы два основных типа социальных предписаний?
2. Какова классификация социальных санкций?
3. Что означает понятие самоконтроля и каково его значение в жизни общества?
4. Как соотносятся между собой нормы и ценности?
5. Каковы основные функции социальных норм?
6. В чем суть интегрирующей функции социальных норм?
7. Какие социальные круги входят в сконструированную П. Бергером систему социального контроля?
8. Каковы основные виды внешнего контроля?
9. В чем сущность надзора как разновидности внешнего контроля?
10. Как соотносятся между собою контроль и управление?

Рекомендуемая литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань: Издательство Казанского университета, 1997.
2. *Бергер П. Л.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. — М., 1996.
3. *Парсонс Т.* О социальных системах. — Гл. 7. Девиантное (отклоняющееся) поведение и механизмы социального контроля. — М., 2002.
4. *Смелзер Н. Дж.* Социология. — М., 1994.
5. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
6. Социология и проблемы социального развития. — М., 1978.

Глава 10
Формационный и цивилизационный подходы к периодизации истории

Известно, что любой живой, естественно развивающийся организм в течение времени от своего зарождения до прекращения существования проходит ряд этапов, которые, в сущности, одинаковы для всех организмов, принадлежащих к данному виду, независимо от конкретных условий их жизнедеятельности. Вероятно, это утверждение в определенной степени справедливо и для социальных общностей, рассматриваемых как единое целое.

Вообще периодизация жизни конкретных обществ (описание их расцвета, упадка, гибели и т. п.) — это предмет исследования такой науки, как история. Однако, как мы не раз говорили выше, история главным образом изучает социальное поведение конкретных индивидов и социальные общности в конкретных пространственно-временных рамках; предметом же исследования социологии выступает то же поведение, как если бы оно протекало в идеальных условиях, то есть *обобщенное* поведение. Другими словами, задачей социологии является поиск и выявление наиболее общих закономерностей, т. е. устойчивых, повторяющихся связей в развитии любого человеческого общества — от самых древних времен до наших дней и от северного полюса до южного.

Впрочем, без исторических данных здесь социологии все же не обойтись. Именно пристальное систематическое изучение исторического бытия, процесса зарождения, развития и гибели множества социальных общностей (каждая из которых, бесспорно, обладала уникальным, неповторимым культурным, экономическим и этническим своеобразием) позволяет обнаружить достаточно много характеристик, общих с другими (столь же уникальными и неповторимыми) обществами. Выявление и обобщение этих характеристик дает возможность сформулировать социологические закономерности. Именно этим путем, по сути дела, шел английский историк Арнольд Тойнби,

работу которого[1] можно рассматривать как образец исторической социологии. В этой главе мы и попытаемся рассмотреть основные подходы к поиску общих закономерностей в периодизации человеческих обществ.

§ 1. Теория общественно-экономических формаций

Словари определяют *общественно-экономическую формацию* как исторически определенный тип общества, основывающийся на определенном способе производства. Способ же производства — это одно из центральных понятий в марксистской социологии, характеризующее определенный уровень развития всего комплекса общественных отношений. Свою основную идею естественноисторического развития общества *Карл Маркс* выработал при помощи выделения из различных сфер общественной жизни экономической сферы и придания ей особого значения — как главной, в известной мере определяющей все остальные, а из всех видов общественных отношений он обратил первоочередное внимание на *производственные отношения* — те, в которые люди вступают по поводу не только производства материальных благ, но также их распределения и потребления.

Логика здесь довольно проста и убедительна: главное и определяющее в жизни любого общества — это добывание средств к жизни, без которых просто не смогут сложиться никакие другие отношения между людьми — ни духовные, ни этические, ни политические — ибо без этих средств не будет и самих людей. А чтобы добывать средства к жизни (производить их), люди должны объединяться, кооперироваться, вступать для совместной деятельности в определенные *отношения*, которые и называются *производственными*.

Согласно аналитической схеме Маркса, способ производства включает в себя следующие составные части. *Производительные силы*, образующие ядро экономической сферы, — это обобщающее наименование соединения людей со *средствами производства*, т. е. с совокупностью материальных средств, находящихся в работе: сырья, инструментов, техники, орудий, зданий и сооружений, используемых в производстве товаров. Главной составной частью производительных сил являются, конечно, сами люди с их знаниями, умениями и навыками, которые позволяют им с помощью средств производства из предметов окружающего природного мира производить предметы,

[1] См.: *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991.

предназначенные непосредственно для удовлетворения человеческих потребностей — собственных или других людей.

Производительные силы — наиболее гибкая, подвижная, непрерывно развивающаяся часть этого единства. Это понятно: знания и умения людей постоянно наращиваются, появляются новые открытия и изобретения, совершенствуя, в свою очередь, орудия труда. Производственные отношения более инертны, малоподвижны, медлительны в своем изменении, однако именно они образуют ту оболочку, питательную среду, в которой и развиваются производительные силы. Неразрывное единство производительных сил и производственных отношений называют *базисом*, поскольку он служит своеобразной основой, опорой для существования общества.

На фундаменте *базиса* вырастает *надстройка*. Она представляет собой совокупность всех остальных социальных отношений, «остающихся за вычетом производственных», содержащую множество различных институтов, таких как государство, семья, религия или различные виды идеологий, существующих в обществе. Основная специфика марксистской позиции состоит в утверждении, что характер надстройки определяется характером базиса. Поскольку сменяется природа базиса (глубинный характер производственных отношений), постольку меняется и природа надстройки. Потому, например, политическая структура феодального общества и отличается от политической структуры капиталистического государства, что хозяйственная жизнь этих двух обществ существенно различна и требует разных способов влияния государства на экономику, разных законодательных систем, идеологических убеждений и т. п.

Исторически определенный этап развития данного общества, который характеризуется конкретным *способом производства* (включая соответствующую ему надстройку), именуется *общественно-экономической формацией*. Смена же способов производства и переход от одной общественно-экономической формации к другой вызывается *антагонизмом* между устаревающими производственными отношениями и непрерывно развивающимися производительными силами, которым становится тесно в этих старых рамках, и они разрывают ее подобно тому, как выросший птенец разрывает скорлупу, внутри которой он развивался.

Модель базиса и надстройки вдохнула жизнь во множество учений, простирающихся от романтизма XVIII века до анализа структуры семьи в современном обществе. Преобладающая форма, которую принимали эти учения, носила *классово-теоретический* характер. То есть

производственные отношения в базисе рассматривались как отношения между социальными классами (скажем, между рабочими и капиталистами), и, следовательно, утверждение, что базис определяет надстройку, означает, что характер надстройки в значительной степени детерминируется экономическими интересами господствующего социального класса. Такой акцент на классы как бы «снимал» вопрос о безличном действии экономических законов.

Метафора базиса и надстройки и определяемой ими общественно-экономической формации оказалась плодотворным аналитическим инструментом. Но она также вызвала огромное число дискуссий как в самом марксизме, так и вне его. Один из пунктов проблемы — определение производственных отношений. Поскольку ядром их выступают *отношения собственности на средства производства*, они неизбежно должны включать в себя правовые дефиниции, а ведь их данная модель определяет как надстроечные. В силу этого аналитическое разделение базиса и надстройки представляется затруднительным.

Важным предметом спора вокруг модели базиса и надстройки стала точка зрения, что базис якобы жестко детерминирует надстройку. Ряд критиков утверждают, что эта модель влечет за собой экономический детерминизм. Однако следует учитывать, что сами К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не придерживались такой доктрины. Во-первых, они понимали, что многие элементы надстройки могут быть относительно автономны от базиса и обладать собственными законами развития. Во-вторых, они утверждали, что надстройка не просто взаимодействует с базисом, но и достаточно активно влияет на него.

Итак, исторический период развития конкретного общества, в течение которого доминирует[1] данный способ производства, и *называется общественно-экономической формацией*. Введение этого понятия в социологический анализ периодизации обществ имеет ряд преимуществ.

- Формационный подход позволяет отличить один период развития общества от другого по достаточно четким критериям.

[1] Именно доминирует, т. е. господствует, поскольку вряд ли существуют общества, содержащие один-единственный способ производства; в особенности это относится к периодам социальных перемен. Поэтому не следует воспринимать и способ производства в качестве чего-то «вещественного», это скорее абстрактная аналитическая модель, т. е. нечто подобное веберовскому «идеальному типу».

- С помощью формационного подхода можно найти общие сущностные черты в жизнедеятельности различных обществ (стран и народов), находящихся на одинаковой ступени развития даже в различные исторические периоды, и напротив, — найти объяснения различий в развитии двух обществ, сосуществующих в один и тот же период, но обладающих разными уровнями развития вследствие различия в способах производства.
- Формационный подход позволяет рассматривать общество как единый социальный организм, т. е. анализировать все общественные явления на основе способа производства в органическом единстве и взаимодействии.
- Формационный подход дает возможность свести стремления и действия отдельных личностей к действиям больших масс людей.

На основе формационного подхода вся человеческая история делится на пять общественно-экономических формаций. Однако прежде, чем перейти к их непосредственному рассмотрению, следует обратить внимание на системообразующие признаки, определяющие параметры каждой из формаций.

Первый из них относится к *структуре труда*, как определяет ее Маркс в своем «Капитале». Согласно трудовой теории стоимости, целью любой экономической системы является создание потребительных стоимостей, то есть полезных вещей. Однако во многих экономиках (особенно капиталистических) люди производят вещи не столько для собственного пользования, сколько для обмена на другие товары. Все товары производятся с помощью труда, и в конечном счете именно *время труда*, затраченное на их производство, детерминирует стоимость обмена.

Рабочее время работника можно условно разделить на два периода. В течение первого он производит товары, стоимость которых равна стоимости его существования, — это *необходимый* труд. «Второй период труда — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость»[1]. Предположим, рабочий день составляет десять часов. В течение части его — скажем, восьми часов — рабочий будет производить товары, стоимость которых равна стоимости его

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 23. С. 228.

существования (пропитания). В течение двух остающихся часов рабочий будет создавать прибавочную стоимость, которая присваивается *собственником средств производства*. И в этом состоит *второй* системообразующий признак общественно-экономической формации.

Собственником может быть и сам работник, однако чем более развито общество, тем менее это вероятно; в большинстве известных нам общественно-экономических формаций средствами производства владеет не тот, кто непосредственно трудится с помощью них, а кто-то другой — рабовладелец, феодал, капиталист. Следует отметить, что именно прибавочная стоимость является основой, во-первых, частной собственности, а во-вторых — рыночных отношений.

Таким образом, мы можем выделить интересующие нас системообразующие признаки общественно-экономических формаций.

Первый из них — это *соотношение между необходимым и прибавочным трудом*, наиболее типичное для данной формации. Такое соотношение решающим образом зависит от уровня развития производительных сил, и прежде всего — от технологических факторов. Чем ниже уровень развития производительных сил, тем больше удельный вес необходимого труда в общем объеме любого производимого продукта; и наоборот — по мере совершенствования производительных сил неуклонно возрастает доля прибавочного продукта.

Второй системообразующий признак — это *характер собственности на средства производства*, доминирующий в данном обществе. Теперь, основываясь на этих критериях, мы попытаемся кратко рассмотреть все пять формаций.

Первобытнообщинный строй (или примитивное общество). При данной общественно-экономической формации способ производства характеризуется чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил. Весь труд является необходимым; прибавочный труд равен нулю. Грубо говоря, это означает, что все производимое (точнее, добываемое) потребляется без остатка, не образуется никаких излишков, а значит, нет возможности ни делать накоплений, ни производить обменных операций. Поэтому первобытнообщинная формация характеризуется практически элементарными производственными отношениями, основанными на общественной, точнее *общинной*, собственности на средства производства. Частная собственность просто не может здесь возникнуть в силу практически полного отсутствия прибавочного продукта: все, что производится (точнее, добывается), потребляется без остатка, и всякая попытка отнять, присвоить что-либо добытое руками других просто приведет к гибели того, у кого это отнимают.

В силу тех же причин здесь отсутствует *товарное* производство (нечего выставить на обмен). Понятно, что такому базису соответствует чрезвычайно слаборазвитая надстройка; просто не могут появиться люди, которые могли бы позволить себе профессионально заниматься управлением, наукой, отправлением религиозных обрядов и т. п.

Достаточно важный момент — судьба пленников, которых захватывают во время стычек враждующих племен: их либо убивают, либо съедают, либо принимают в состав племени. Заставлять их принудительно работать не имеет никакого смысла: они без остатка употребят все, что произведут.

Рабство (рабовладельческая формация). Лишь развитие производительных сил до такого уровня, который обусловливает появление прибавочного продукта, хотя бы в незначительном объеме, коренным образом меняет судьбу вышеупомянутых пленников. Теперь становится выгодно обращать их в рабов, поскольку весь излишек произведенных их трудом продуктов поступает в безраздельное распоряжение хозяина. И чем большим числом рабов обладает хозяин, тем большее количество вещественного богатства сосредоточивается в его руках. Кроме того, появление того же прибавочного продукта создает материальные предпосылки для возникновения государства, а также — для определенной части населения — профессиональных занятий религиозной деятельностью, наукой и искусством. То есть возникает надстройка как таковая.

Поэтому рабство как социальный институт определяется в качестве формы собственности, которая дает одной личности право на владение другой личностью. Таким образом, главным объектом собственности здесь являются люди, выступающие не только в качестве личностного, но и в качестве *вещественного* элемента производительных сил. Другими словами, подобно любому другому средству производства, раб — это вещь, с которой ее владелец волен делать все, что угодно, — купить, продать, обменять, подарить, выбросить за ненадобностью и т. п.

Рабский труд существовал при различных социальных условиях — от Древнего мира до колоний Вест-Индии и плантаций южных штатов Северной Америки. Прибавочный труд здесь уже не равен нулю: раб производит продукцию в объеме, несколько превышающем стоимость собственного пропитания. В то же время с точки зрения эффективности производства при использовании рабского труда всегда возникает целый ряд проблем.

1. Казарменная рабская система не всегда в состоянии воспроизводить сама себя, и рабов необходимо получать или путем покупки на рынках работорговли, или путем завоевания; поэтому рабские системы нередко имели тенденцию острой нехватки трудовых ресурсов.
2. Рабы требуют значительного «силового» надзора вследствие угрозы их восстаний.
3. Рабов трудно заставить выполнять трудовые задания, требующие квалификации, без дополнительных побудительных мотивов. Наличие этих проблем заставляет предположить, что рабство не может дать соответствующей базы для продолжительного экономического роста. Что касается надстройки, то ее характерной чертой является практически полное исключение рабов из всех форм политической, идеологической и многих других форм духовной жизнедеятельности, поскольку раб рассматривается в качестве одной из разновидностей рабочей скотины или же «говорящего орудия».

Феодализм (феодальная формация). Американские исследователи Дж. Прауер и С. Айзенштадт перечисляют пять характеристик, общих для наиболее развитых феодальных обществ:

1) отношения типа лорд—вассал;
2) персонифицированная форма правления, которая эффективна скорее на местном, чем на общенациональном уровне, и которая обладает сравнительно низким уровнем разделения функций;
3) землевладение, основанное на даровании феодальных поместий *(феодов)* в обмен на службу, прежде всего военную;
4) существование частных армий;
5) определенные права помещиков в отношении крепостных крестьян.

Данные черты характеризуют экономическую и политическую систему, которая была чаще всего децентрализованной (или слабо централизованной) и зависела от иерархической системы личных связей внутри дворянства, несмотря на формальный принцип единой линии авторитарности, восходящей к королю. Это обеспечивало коллективную оборону и поддержание порядка. Экономический базис представлял собой поместную организацию производства, когда зависимое крестьянство доставляло прибавочный продукт, в котором помещики нуждались для выполнения своих политических функций.

Главным объектом собственности в феодальной общественно-экономической формации выступает земля. Поэтому классовая борьба между помещиками и крестьянами сосредоточивается, прежде всего, на размерах производственных единиц, назначаемых арендаторам, условиях аренды, а также на контроле над основными средствами производства, такими как пастбища, дренажные системы, мельницы. Поэтому в современных марксистских подходах утверждается, что вследствие того, что крестьянин-арендатор имеет определенную степень контроля над производством (например обладание обычным правом), для обеспечения контроля землевладельцев над крестьянством и продукцией его труда требуются «внеэкономические меры». Эти меры представляют собой базовые формы политического и экономического господства. Следует отметить, что в отличие от капитализма, где рабочие лишены всякого контроля над средствами производства, феодализм допускает для крепостных крестьян довольно эффективное владение некоторыми из этих средств, взамен обеспечивая себе присвоение прибавочного труда в форме ренты.

Капитализм (капиталистическая формация). Этот тип экономической организации в его идеальной форме может быть очень кратко определен наличием следующих черт:

1) частная собственность и контроль над экономическим инструментом производства, т. е. капиталом;
2) приведение в действие экономической активности для получения прибыли;
3) рыночная структура, регулирующая эту активность;
4) присвоение прибыли собственниками капитала (при условии налогообложения государством);
5) обеспечение трудового процесса рабочими, которые выступают свободными агентами производства.

Исторически капитализм развивался и рос до господствующего положения в экономической жизни одновременно с развитием *индустриализации*. Однако некоторые из его черт можно обнаружить в коммерческом секторе доиндустриальной европейской экономики — причем на протяжении всего средневекового периода. Мы не будем здесь подробно останавливаться на характеристиках этой общественно-экономической формации, поскольку в современной социологии в значительной степени распространен взгляд на капиталистическое общество как идентичное *индустриальному*. Более подробное рассмотрение его (равно как и вопрос о правомерности подобного отождествления) мы перенесем в одну из последующих глав.

Важнейшая характеристика капиталистического способа производства: развитие производительных сил достигает такого количественного и качественного уровня, который позволяет увеличить долю прибавочного труда до размеров, превосходящих долю труда необходимого (здесь он выражается в форме заработной платы). По некоторым данным, в современной высокотехнологичной фирме среднестатистический наемный работник работает на себя (т. е. производит продукт стоимостью в свою зарплату) в течение пятнадцати минут из восьмичасового рабочего дня. Это говорит о приближении к ситуации, когда весь продукт становится прибавочным, превращая долю необходимого труда в нуль. Так логика трудовой теории стоимости подводит тенденцию общеисторического развития вплотную к идее коммунизма.

Данная логика заключается в следующем. Капиталистическая формация, развернув массовое производство, гигантски увеличивает общий объем производимой продукции и одновременно обеспечивает возрастание доли прибавочного продукта, которая вначале становится сравнимой с долей необходимого продукта, а потом начинает быстро превосходить ее. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению концепции пятой общественно-экономической формации, остановимся на общей тенденции изменения соотношения этих долей при переходе от одной формации к другой. Графически эта тенденция условно представлена на диаграмме (рис. 18).

Этот процесс начинается, как мы помним, с того, что в первобытной общине весь производимый продукт — необходимый, прибавочного просто нет. Переход к рабовладению означает появление некоторой доли прибавочного продукта и одновременно — увеличение общего объема производимой в обществе продукции. Тенденция сохраняется при каждом последующем переходе, и современный капитализм (если его еще можно называть капитализмом в строгом смысле этого слова), как мы видели в предыдущей главе, достигает соотношения долей необходимого и прибавочного продукта как 1 к 30. Если мы экстраполируем эту тенденцию в будущее, то неизбежен вывод о полном исчезновении необходимого продукта — весь продукт будет прибавочным, подобно тому, как в первобытной общине весь продукт был необходимым. Это и есть главное качество гипотетической пятой формации. Мы уже привыкли называть ее *коммунистической*, но далеко не все представляют ее характерные черты, логически вытекающие из описанной выше экстраполяции. Что означает исчезновение необходимой доли продукта в соответствии с положениями трудовой теории стоимости?

Оно находит свое выражение в следующих системных качествах новой формации.

1. Производство перестает носить товарный характер, оно становится *непосредственно общественным*.
2. Это ведет к исчезновению *частной собственности*, которая также становится *общественной* (а не просто общинной, как в первобытной формации).
3. Если учесть, что необходимая доля продукта при капитализме выражалась в заработной плате, то исчезает и она. Потребление в этой формации организовано таким образом, что любой член общества получает из общественных запасов все, что ему необходимо для полноценной жизни. Другими словами, исчезает связь между мерой труда и мерой потребления.

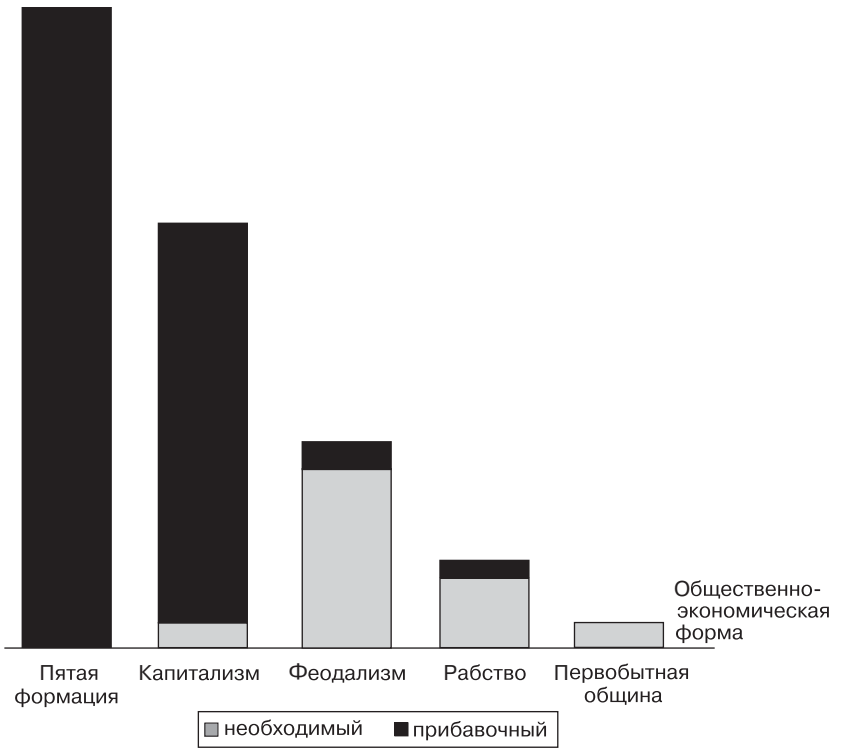

Рис. 18. Тенденции изменения соотношения необходимого и прибавочного продукта

Коммунизм (коммунистическая формация). Являясь скорее доктриной, нежели практикой, понятие коммунистической формации относят к таким грядущим обществам, в которых будут отсутствовать:

1) частная собственность;

2) социальные классы;

3) принудительное («порабощающее человека») разделение труда;

4) товарно-денежные отношения.

Характеристика пятой формации прямо вытекает из перечисленных выше свойств. К. Маркс утверждал, что коммунистические общества будут формироваться постепенно — после революционного преобразования капиталистических обществ. Он отмечал также, что эти четыре основных свойства пятой формации в определенной (хотя и весьма примитивной) форме свойственны также первобытным родовым обществам — условие, которое он рассматривал как *примитивный коммунизм*. Логическая же конструкция коммунизма «подлинного», как мы уже сказали, выводится Марксом и его последователями как прямая экстраполяция из тенденций предшествующего прогрессивного развития общественно-экономических формаций. Не случайно начало созидания коммунистического строя рассматривается как конец предыстории человеческого общества и начало его подлинной истории.

Имеются серьезные сомнения относительно того, что эти идеи были реализованы на практике в современных нам обществах. В большинстве бывших «коммунистических» стран сохранялись и определенная доля частной собственности, и широко применяемое принудительное разделение труда, а также классовая система, основанная на бюрократических привилегиях. Реальное развитие обществ, именовавших себя коммунистическими, вызвало к жизни дискуссии среди теоретиков коммунизма, одни из них придерживаются мнения, что некоторая доля частной собственности и определенный уровень разделения труда представляются неизбежными и при коммунизме.

Итак, в чем же проявляется прогрессивная сущность этого исторического процесса последовательной смены общественно-экономических формаций?

Первым критерием прогресса, как отмечали классики марксизма, выступает последовательное *повышение степени свободы живого труда* при переходе от одной формации к другой. В самом деле, если мы обратим внимание на главный *объект* частной собственности, то мы

увидим, что при рабстве это — люди, при феодализме — земля, при капитализме — капитал (выступающий в самой разнообразной форме). Крепостной крестьянин реально свободнее любого раба. Рабочий же вообще юридически свободный человек, причем без такой свободы вообще невозможно развитие капитализма.

Вторым критерием прогресса при переходе от одной формации к другой является, как мы видели, последовательное (и значительное) *увеличение доли прибавочного труда* в совокупном объеме общественного труда.

Несмотря на наличие ряда недостатков формационного подхода (многие из которых проистекают, скорее, из фанатичной догматизации, абсолютизации некоторых положений марксизма его наиболее ортодоксальными и идеологизированными сторонниками), он может оказаться достаточно плодотворным при анализе периодизации исторического развития человеческого общества, в чем нам предстоит еще не раз убедиться на протяжении дальнейшего изложения.

§ 2. Цивилизация как этап развития человеческого общества

Понятие *цивилизации*, подобно многим другим в общественных науках, весьма многозначное. Словарь иностранных слов определяет цивилизацию (от латинского *civilis* — гражданский) как высокий уровень общественного развития материальной и духовной культуры общества.

Этим же термином воспользовался в свое время известный американский исследователь Генри Льюис Морган[1] для обозначения всего периода развития общества, следующего за *варварством* (которому, в свою очередь, предшествует *дикость*).

Генри Морган прожил немалую часть своей жизни среди ирокезов. Опираясь на собственные наблюдения, а также на свидетельства многих других ученых о примитивных племенах в других частях света, обобщив множество археологических и исторических данных, он разработал теорию, обосновывающую периодизацию истории человеческого общества. Морган разделил человеческую историю на несколько этапов — дикость, варварство и цивилизация, — положив в основу своего анализа, в отличие от марксистской парадигмы, не *отношения*

[1] См.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. — М., 1935.

собственности, а *технологическую детерминанту*. (Далее мы описываем эти этапы в соответствии с изложением Ф. Энгельса[1].)

Дикость. Этот этап общественного развития — своеобразное «детство человеческого рода».

На *низшей ступени* дикости люди живут только в тех местах, где они когда-то произошли от обезьян, — в теплом климате, в лесах, главным образом на деревьях; питаются растительной пищей — плодами, орехами, съедобными кореньями. Главное достижение этого периода — появление «второй сигнальной системы», т. е. членораздельной речи. О том, какова была тогда жизнь, можно лишь догадываться (с помощью метода обратной экстраполяции). Наблюдать ее сегодня невозможно нигде: ни один из даже самых отсталых народов и племен на этой ступени уже не остался.

Средняя ступень: введение в рацион рыбной пищи и освоение огня, что существенно подняло человека над другими животными. Изготовление и регулярное применение первых каменных орудий. Периодическое употребление животной пищи. Постоянная недостаточность пищи приводит к возникновению людоедства.

Высшая ступень дикости еще более высоко поднимает человеческое общество над животным миром. С изобретением лука и стрел охота становится одной из постоянных отраслей труда, а дичь — относительно постоянной пищей. Комбинация лука, тетивы и стрел — это уже довольно сложное орудие, конструирование которого возможно благодаря длительно накапливаемому опыту и весьма развитым умственным способностям. А значит, можно предполагать появление на этом этапе и других, не менее сложных изобретений. Морган, изучая условия жизни племен, обитающих в различных уголках земного шара (и, естественно, ничего не знающих друг о друге), отмечает любопытное сходство: они уже применяют лук и стрелы, но еще не знакомы с гончарным искусством.

Варварство. *Низшая ступень* этого периода повсеместно начинается с возникновения и развития гончарного искусства. Характерной чертой этого периода является начало приручения и разведения животных, а также возделывания растений.

Средняя ступень варварства характеризуется использованием прирученных животных как повсеместно распространенным явлением.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. В 3 т. Т. 3. — Гл. 1. — М., 1983.

Кроме того, в этот период начинают приручать животных для получения не только мясной пищи, но и молока. Начинается селекционная работа — вначале в животноводстве, а затем и в растениеводстве. В пище используются злаки. Появление такой пищи и возможности запасать ее впрок позволяют осваивать местности, считавшиеся ранее неблагоприятными для обитания. Более обильное питание в сравнении с теми племенами и народами, которые продолжают жить собирательством и охотой, дает новым «аграрным» расам серьезные преимущества в увеличении их численности, а также в физическом развитии, сокращая смертность, прежде всего среди детей. По тем же причинам на этой ступени постепенно исчезает каннибализм, сохраняясь лишь у некоторых народов и, главным образом, в качестве религиозного или колдовского обряда.

Высшая ступень варварства начинается с использования в земледелии домашнего скота в качестве тягловой силы для плуга (животноводство, помимо мясного и молочного, пополняется разведением еще и рабочего скота). Морган и Энгельс утверждают, что окончательное утверждение полеводства сопровождается концентрацией населения на относительно ограниченных площадях, что, в свою очередь, порождает социальную потребность в едином централизованном руководстве. Высшая ступень варварства, как утверждает Энгельс, довольно полно изображена в гомеровской «Илиаде»: «Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства... — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию» [1].

Таким образом, варварство предстает перед нами как эпоха возникновения скотоводства и земледелия, овладения целым рядом различных методов производства продуктов, которых не существует в природе.

Цивилизация. Цивилизация — это следующая крупная эпоха овладения способами дальнейшей, значительно более глубокой обработки природных продуктов для непосредственного удовлетворения потребностей человека (а эти потребности стремительно растут в количественном и расширяются в качественном отношении); этот этап раз-

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 230.

вития общества Энгельс назвал «периодом промышленности в собственном смысле слова и искусства» [1].

Варварство переходит в цивилизацию после изобретения и введения в постоянное пользование письменности. Цивилизация, по Моргану, — это период появления промышленности (в собственном смысле слова), а также сферы духовного производства, включая развитые формы религии, науку и искусство. Социальное развитие этого периода, прежде всего, закрепляет и существенно углубляет все возникшие прежде виды разделения труда, причем осуществляется это — особенно на начальных ступенях — довольно жестко, с противопоставлением, в частности, новых видов поселений — города и деревни, а также решительным разделением общества на классы. Кроме того, на самой заре цивилизации появляется класс, занятый уже не производством, а исключительно *обменом* продуктов, — *купцы*, которые, во-первых, принимают на себя роль своеобразной цепочки, связывающей группы, производящие различные виды продуктов, а во-вторых, постепенно экономически подчиняют себе агентов производства на обоих концах этой цепочки. Вместе с этим классом появляется товар товаров — деньги. В свете рассматриваемой проблемы необходимо отметить еще одну достаточно важную социальную функцию этого класса: установление коммуникаций, распространение информации, накопленной в одних обществах, по всем другим.

Выделяется и особый класс людей, занятых исключительно управленческими функциями, которые в прежних эпохах выполнялись вождями и старейшинами во многом, так сказать, «на общественных» началах. *Управление* становится профессией, т. е. особым видом деятельности, требующим, с одной стороны, специальной подготовки, а с другой — являющимся источником постоянного дохода. То же самое происходит и с *отправлением религиозного культа*, вокруг которого формируется класс профессиональных священнослужителей.

Цивилизация становится возможной потому, что производительные силы общества выходят на своеобразный критический рубеж и преодолевают его. Таким критическим рубежом является возникновение возможности производства — в соответствии с трудовой теорией стоимости — *прибавочного продукта*.

Сколько же времени охватывает весь данный процесс социальных трансформаций? На этот счет в науке нет единого мнения: одни счи-

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 230.

тают, что производственная деятельность людей насчитывает около 2 млн лет, другие утверждают, что человек в его современном психофизическом облике сложился лишь около 100 тыс. лет назад. Можно произвести некоторые оценки, приняв во внимание, что возраст древнейших памятников письменности оценивают в 6–7 тыс. лет. Бесспорно одно: каждый последующий период протекал быстрее, и главное — приводил к более значительным достижениям. Такую тенденцию Б. Ф. Поршнев назвал *законом ускорения истории*: на каждую последующую стадию уходит меньше времени, чем на предыдущую. Тенденцию эту можно графически изобразить в виде экспоненциальной кривой (рис. 19). Она проявляется и в неравной длительности различных ступеней одного и того же этапа (самыми длительными являются низшие ступени, наименее продолжительными — высшие).

Следует помнить и о неравномерности развития обществ, возникавших и развивавшихся в различных ареалах обитания: в одних из них были более благоприятные условия для тех или иных этапов, в других — менее (на что указывает, к примеру, Ф. Энгельс)[1]. В связи с этим для нас будет представлять особый интерес еще один смысл понятия «цивилизация», который мы рассмотрим в следующем параграфе.

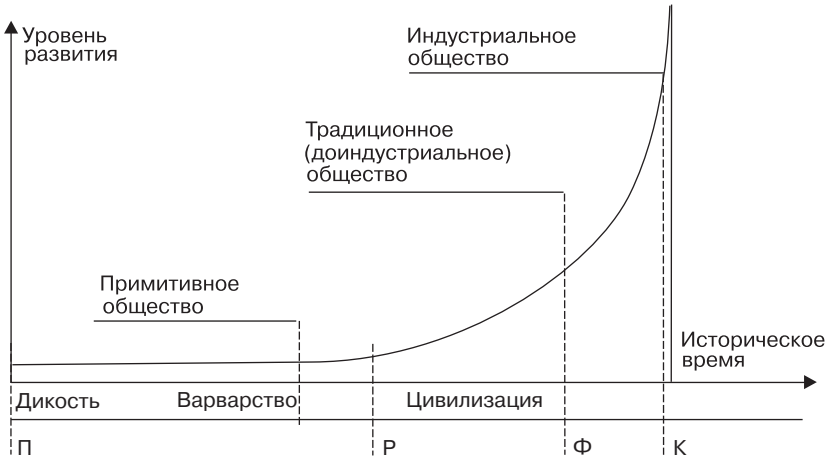

Рис. 19. Эволюционная кривая в различных системах координат исторического времени (П — первобытно-общинная формация; Р — рабство; Ф — феодализм; К — капитализм)

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.

§ 3. Концепции локальных цивилизаций

Несмотря на общее сходство психофизических характеристик всех homo sapiens, на уровне так называемой «надорганики» ученые наблюдают огромные различия людей между собой — в языке, обычаях и нравах, уровне интеллектуального развития. Ученые утверждают, что это результат различий пройденных исторических путей. Цивилизация — это не обязательно конкретный исторический период в жизни одной отдельно взятой страны или народа. Она может охватывать и множество народов, сознание и культура которых пропитаны одинаковым (точнее общим) мировосприятием или, как сейчас принято говорить, менталитетом.

Историки и социологи, исповедующие цивилизационный подход, нередко используют биологические аналогии, сравнивая развитие цивилизации с жизнью живого организма. Одним из первых, кто применил понятие цивилизации, назвав так определенный культурно-исторический тип развития человеческого общества, был русский историк Н. Я. Данилевский. В своей книге «Россия и Европа», увидевшей свет в 1869 году, он предложил рассматривать и анализировать процесс истории человеческого общества по аналогии с «естественной историей». А «естественная система истории должна заключаться в различении *культурно-исторических типов развития* (выделено нами. — *В. А., А. К.*) как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться»[1]. Он выдвинул также предположение о появлении, наряду со сложившимися западным и восточным, качественно нового культурно-исторического «славянского» типа. Достаточно важным в концепции Н. Я. Данилевского был тезис об ограниченности времени исторического бытия каждого культурно-исторического типа: «Народу одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет, совершенно независимо от того, где он живет — на Востоке или на Западе. Всему живущему, как отдельному неделимому, так и целым видам, родам, отрядам животных или растений, дается известная сумма жизни, с истечением которой они должны умереть»[2].

Идею цивилизации как культурно-исторического типа также плодотворно развивал немецкий философ Освальд Шпенглер, предсказы-

[1] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М., 1991. С. 69.

[2] Там же. С. 74.

вавший в своей знаменитой работе «Закат Европы» неминуемую гибель западноевропейской цивилизации. В отличие от Данилевского, который уподобляет ход развития культурно-исторических типов «тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»[1], Шпенглер сравнивает период существования каждой из рассматриваемых им «локальных культур» с жизнью полевого цветка. Культура, утверждает он, может развиться со всеми ее характерными чертами на почве строго ограниченной местности, к которой она остается привязанной наподобие растения; ее нельзя пересадить в другую почву — в результате такой трансплантации она неминуемо погибнет (или утратит свои характерные особенности). Культура умирает также после того, как ее «душа» осуществит полную сумму своих возможностей в виде языков, вероучений, наук, искусств, народов и государств.

Время жизни любой цивилизации, утверждал Шпенглер, подчинено жесткому ритму: рождение, детство, молодость, зрелость, старость, закат (рис. 20). Первые три фазы составляют восходящий этап, четвертая — вершину, две последние образуют нисходящий этап. Восходящий этап характеризуется органическим типом эволюции во всех сферах человеческой жизнедеятельности — политической, экономической, научной, религиозной, художественной. Это *культура* в собственном смысле слова. Для нисходящего этапа характерен механический тип эволюции и окаменелые формы культуры. Именно данный этап Шпенглер называет *цивилизацией*. Период цивилизации связан с образованием огромных империй. Шпенглер объясняет этот процесс тем, что энергия культурного человека направлена главным образом вовнутрь, а цивилизованного — вовне. Надо отметить, что позднее в немецкой социологии противопоставление *Kultur* и *Zivilization* (*культуры* и *цивилизации*) стало частью критики современного индустриального общества, которое многими воспринимается как безличная сила, стандартизовавшая человеческую культуру и сознание.

В 20-х годах XX века с книгой «Закат Европы» ознакомился английский историк Арнольд Тойнби и пришел к выводу, что общая концепция Шпенглера верна, однако его не удовлетворял способ, каким она обоснована. Тойнби задался целью подвести под эту теорию основательный эмпирический фундамент. Главным трудом его жизни ста-

[1] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М., 1991. С. 92.

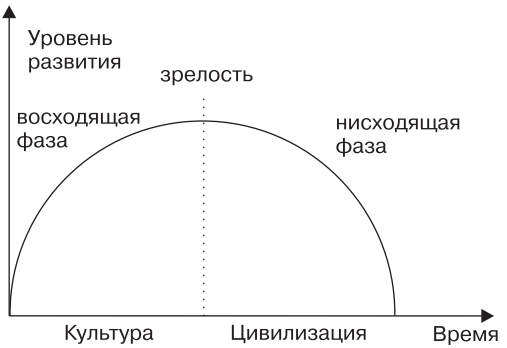

Рис. 20. Этапы развития локальных цивилизаций по О. Шпенглеру

ло 12-томное «Исследование истории» (*«Study of History»*), на 6 тысячах страниц которого изложен огромный фактический материал из истории всех существовавших в прошлом народов и цивилизаций.

Тойнби также выделяет 5 основных фаз развития любой цивилизации: возникновение, рост, стабилизация, разложение, гибель. Опираясь, по его собственным словам, на самые последние достижения исторической и археологической науки, он выделяет более двух десятков (точнее, двадцать одну) цивилизаций, сложившихся на протяжении человеческой истории. Причем сохранилось из них к началу XX века лишь 8: западная, византийско-ортодоксальная, русско-ортодоксальная, арабская, индийская, дальневосточная, китайская, японо-корейская. Следует отметить, что в последнем, 12-м томе «Исследования истории», вышедшем в 1961 году, он говорит только о 13 развившихся цивилизациях, а все остальные рассматривает в качестве спутников какой-либо из развившихся. Скажем, русская цивилизация оказывается спутником сразу двух цивилизаций: православно-византийской — от принятия христианства до Петра I и западной — от Петра I до настоящего времени.

В качестве основного стимула развития любой цивилизации А. Тойнби рассматривает действие введенного им самим *закона вызова-и-ответа.* «Вызов (со стороны внешних — природных или социальных — сил. — *В. А., А. К.*) побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мышление, согласно которому благоприятные климатические и географические условия способствуют обществен-

ному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста»[1]. Другими словами, вызов — это насущная задача, точнее, комплекс задач, который ставит перед данным конкретным обществом историческая ситуация, и каждый шаг общества вперед связан с ответом на такой вызов. Таким образом, цивилизация возникает, существует и развивается благодаря постоянным, непрекращающимся усилиям человека.

По каким критериям можно судить о том, происходит ли рост цивилизации?

Во-первых, по *возрастанию власти над окружающей природной средой*, повышению степени независимости от ее изменчивости и капризов. Этого удается достичь благодаря совершенствованию техники. Правда, здесь тоже кроется определенная опасность: излишний акцент внимания на одностороннем развитии какой-либо одной стороны производственной деятельности может завести цивилизацию в своего рода эволюционный тупик, и она превращается в «задержанную цивилизацию» (так, полинезийцы стали прекрасными мореходами, эскимосы — рыбаками, спартанцы — солдатами): техника продолжает совершенствоваться, а цивилизация остается статичной.

Во-вторых, по *усилению власти над человеческим окружением:* «У цивилизаций, только что зародившихся, существует тенденция не только к росту, но и к давлению на другие общества»[2]. Другими словами, у молодых цивилизаций наблюдается постоянная экспансия, направленная как на расширение своих географических границ, так и на усиление своего влияния на соседние страны и народы тем или иным способом. Это главные критерии. Существует и ряд частных критериев, раскрывающих, детализирующих проявление главных.

Важное место в концепции А. Тойнби занимает рассмотрение взаимодействия между личностью и обществом, или между «микрокосмом» и «макрокосмом». Он считает, что микрокосм вносит в макрокосм целенаправленное действие. Однако необходимо различать степень вклада в этот процесс в разной степени одаренных людей. Ответ на вызов вырабатывает творческая *элита*, численно составляющая незначительную часть общества. Эта малочисленность не уменьшает степени влияния на инертное большинство, ибо «духовно озаренная

---

[1] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991. С. 119–120.

[2] Там же. С. 256.

личность, очевидно, находится в таком же отношении к обычной человеческой природе, в каком цивилизация находится к примитивному человеческому обществу»[1]. Механизм, с помощью которого творческая элита увлекает за собой основную часть общества, Тойнби называет *мимесис* (этот термин, буквально переводимый как «подражание», заимствован из древнегреческой философии, где он означал суть творчества).

Однако со временем творческая элита, активно воздействовавшая на пассивное большинство с помощью своего авторитета, утрачивает творческие способности («терпит неудачу», выражаясь словами Тойнби). Это может случиться по двум причинам.

Во-первых, лидеры могут неожиданно для себя подпасть под гипноз своих собственных приемов воздействия на массы и начать некритически относиться к своим действиям.

Во-вторых, утрата творческих способностей может произойти вследствие самой природы власти, которую бывает трудно удержать в определенных рамках. «И когда эти рамки рухнули, управление перестает быть искусством... Страх толкает командиров на применение грубой силы, поскольку доверия они уже лишены»[2]. В результате творческая элита превращается в «господствующее меньшинство», которое, не желая расставаться с властью (хотя уже и не в состоянии использовать ее на общее благо), все чаще опирается не на авторитет, а на силу оружия. Это банкротство господствующего меньшинства, его растущая неспособность справиться с новыми вызовами, новыми проблемами, ведет ко все большему отчуждению его от основной массы общества, превращающейся во «внутренний пролетариат». Так происходит *надлом* цивилизации.

Таким образом, процесс надлома, а за ним и распада осуществляется на фоне попыток укрепления власти «господствующего меньшинства», которое, хотя и утрачивает свою творческую энергию и созидательный порыв, но еще надолго сохраняет свои возможности контроля над окружением. В ходе социального раскола образуются три основных типа социальных групп.

1. Правящее меньшинство, которое, попирая все права, пытается силой удержать господствующее положение и наследственные привилегии.

---

[1] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991. С. 255.

[2] Там же. С. 305.

2. Внутренний пролетариат, восстающий против такой несправедливости; при этом движения его, помимо справедливого гнева, вдохновляются также страхом и ненавистью, что разжигает насилие.
3. Внешний пролетариат, состоящий из народов, прежде находившихся под господством и контролем цивилизации.

«И каждая из этих социальных групп рождает свой социальный институт: универсальное государство, вселенскую церковь и отряды вооруженных варваров»[1].

Движение цивилизации к распаду проявляется в эскалации внутренних братоубийственных войн. Это порождает в обществе военный психоз. «Прозрение наступает, когда общество, неизлечимо больное, начинает вести войну против самого себя. Эта война поглощает ресурсы, истощает жизненные силы»[2]. Цивилизация гибнет. Однако процесс этот, по утверждению Тойнби, неизбежно завершается актом творения — на обломках старой цивилизации вырастает новая.

§ 4. Циклическая теория П. А. Сорокина

Особенности взглядов Питирима Сорокина на периодизацию общества состоят в том, что он концентрирует свое внимание главным образом на эволюции духовной жизни, в значительной степени оставляя в стороне процессы материального производства. Сорокин был одним из первых американских социологов, привлекших внимание к проблемам аксиологии — учения о ценностях. При этом его понятие о ценностях тесно связано с представлением о трех высших типах цивилизаций («суперкультур»): идеациональной, сенситивной и идеалистической. Это не «локальные цивилизации», как у Шпенглера и Тойнби, а скорее определенный тип мировоззрения, присущий не какому-то отдельному человеку, классу или социальной группе, а господствующий в данный период в сознании огромных масс людей, общества в целом. Мировоззрение же есть не что иное, как определенная система ценностей.

Какие типы мировоззрения выделяет Сорокин[3]?

---

[1] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991. С. 338.

[2] Там же. С. 335.

[3] См.: *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.

1. Религиозное мировоззрение, связанное с *идеациональной* суперсистемой. Оно, по Сорокину, характеризует такой тип развития человеческой истории, когда господствующее положение среди всех других форм идеологии занимает религия. Судя по привлекаемому эмпирическому материалу, Сорокин анализирует этот тип суперкультуры прежде всего на базе средневековья. В этот период католическая церковь действительно обладала монополией на идеологию. Влияние этой идеологии на все другие формы общественного сознания и духовной жизни — науку, философию, искусство, мораль — ни в какое сравнение не идет с тем воздействием, которое сама она испытывала с их стороны. Следует отметить, что Сорокин не пытается выяснить причины, лежащие в основе такого положения вещей (не касаясь вопросов ни феодальной собственности, ни церковного землевладения), и факторы, ведущие к его изменению. Он просто констатирует факты и приходит к выводу о том, что могущество церкви в эпоху средневековья обусловливается господством религиозного сознания.

2. *Сенситивная* суперкультура, напротив, связана с доминантой материалистического мироощущения. Поэтому она во многом является прямой противоположностью идеациональной суперкультуре. Эта эпоха наступает тогда, когда религиозное мировоззрение полностью сдает свои позиции, уступая мировоззрению материалистическому. Такое положение вещей, считает Сорокин, неизбежно ведет к изменению всего уклада общественной жизни. Различия идеациональной и сенситивной суперкультур — это прежде всего различия идеалов. Люди идеациональной суперкультуры весь свой интерес сосредоточивают на ценностях вечных, непреходящих (и прежде всего — на религии). Представители же сенситивной суперкультуры все свое внимание устремляют на ценности, носящие временный, преходящий характер, материальный интерес у них всегда преобладает над идеальным, религиозным. Сенситивная суперкультура, утверждает Сорокин, превалировала в античной цивилизации с III до I века до н. э. А в современном западном обществе она наступила лишь в XVI веке и в настоящее время клонится к своему окончательному (или очередному?) закату.

3. Еще одна фаза развития общества — *идеалистическая* суперсистема. Ее господство не связано с каким-то новым видом мировоззрения (которых может быть лишь два — либо религиозное, либо материалистическое). Оно являет собою переход от одного к другому. Это смешанная культура, и направление ее развития зависит от направления перехода — от сенситивной суперкультуры к идеациональной или

наоборот. В настоящее время, утверждает Сорокин, человечество вновь стоит на пороге появления новой идеациональной суперкультуры, ибо господству сенситивной суперсистемы подходит конец.

Вообще идея такого циклического развития вполне в духе общих воззрений П. А. Сорокина на направленность социального развития как на некий нелинейный прогресс. Из всех кривых, иллюстрирующих процессы развития, он предпочитает синусоиду. Моделью такого движения мог бы также послужить маятник: две крайние фазы его колебания отражают нахождение общества в идеациональном и сенситивном состояниях, нижняя же точка — в идеалистическом.

Нетрудно убедиться в том, что такой подход в чем-то перекликается с законом интеллектуальной эволюции О. Конта. С той лишь (правда, весьма существенной) разницей, что у Конта отсутствует идея циклической повторяемости, и человечество у него, выходя из длительной теологической стадии и пройдя вслед за этим через неопределенно-туманную метафизическую, вступает в светлое завтра позитивной или научной стадии, которому не предвидится конца. Сорокин же утверждает идею бесконечной повторяемости и смены фаз трех суперкультур.

Резюме

1. Существуют два основных социологических подхода к периодизации истории развития человеческого общества. Первый из них — формационный — основан на понятии *общественно-экономической формации,* которая соответствует исторически определенным типам общества, основывающимся на определенном способе производства. Способ производства — это совокупность надстройки и базиса, который, в свою очередь, представляет собою неразрывное единство производительных сил и производственных отношений. В марксистской социологии выделяют пять общественно-экономических формаций.

2. *Первобытнообщинная формация* характеризуется элементарными производственными отношениями, основанными на общественной (точнее *общинной*) собственности на средства производства. Частная собственность не может здесь возникнуть в силу отсутствия прибавочного продукта: все, что производится (точнее, добывается), потребляется без остатка. Такому базису соответствует чрезвычайно слабо развитая надстройка, поскольку нет возможности профессионально заниматься соответствующими ей видами деятельности.

3. *Рабовладельческая формация* базируется на рабском принудительном труде. Рабство как социальный институт определяется в качестве формы собственности, которая дает одной личности право на владение другой личностью. Прибавочный труд здесь уже не равен нулю: раб производит продукцию в объеме, несколько превышающем стоимость собственного пропитания. Благодаря наличию прибавочного труда развиваются товарно-денежные отношения, возникает частная собственность и государство.

4. *Феодальная формация* основана на арендных отношениях в сфере землепользования. Она представляет собою экономическую и политическую систему, которая была чаще всего децентрализованной (или слабо централизованной) и зависела от иерархической системы личных связей внутри дворянства, несмотря на формальный принцип единой линии авторитарности, восходящей к монарху. Классовая борьба между феодалами и крестьянами сосредоточивалась прежде всего на размерах производственных единиц, назначаемых арендаторам, условиях аренды, а также на контроле над основными средствами производства.

5. *Капиталистическую формацию* можно кратко охарактеризовать наличием следующих черт:

1) частная собственность и контроль над экономическим инструментом производства, т. е. капиталом;
2) приведение в действие экономической активности для получения прибыли;
3) рыночная структура, регулирующая эту активность;
4) присвоение прибыли собственниками капитала (при условии налогообложения государством);
5) обеспечение трудового процесса рабочими, которые выступают свободными агентами производства.

6. Тенденция неуклонного роста доли прибавочного продукта в общем объеме ВВП позволяет предположить возникновение пятой формации, которую в соответствии с марксистской традицией называют *коммунистической*. Являясь скорее доктриной, нежели практикой, понятие коммунистической формации относят к таким грядущим обществам, в которых будут отсутствовать:

1) частная собственность;
2) социальные классы;
3) принудительное («порабощающее человека») разделение труда;

4) товарно-денежные отношения.

Характеристика пятой формации прямо вытекает из перечисленных выше свойств. К. Маркс утверждал, что коммунистические общества будут формироваться постепенно — после революционного преобразования капиталистических обществ.

7. Периодизация истории, произведенная Г. Морганом, включает в себя три этапа: *дикость, варварство, цивилизация*. Последний из них, представляющий собою период появления промышленности (в собственном смысле слова), а также сферы духовного производства, включая развитые формы религии, науку и искусство, возникает после изобретения и введения в постоянное пользование письменности.

8. Авторы и последователи концепций *локальных цивилизаций* использовали биологические аналогии, сравнивая развитие цивилизации с жизнью живого организма. Под локальной цивилизацией понимается определенный культурно-исторический тип развития, характерные черты которого детерминируются географическими условиями жизни общества. Как и живой организм, всякая локальная цивилизация имеет свою периодизацию развития — рождение, детство, зрелость, старость и смерть (закат).

9. Разработанная П. А. Сорокиным концепция циклических цивилизаций основана на представлении о ценностях, господствующих в обществе в тот или иной исторический период. В соответствии с этим Сорокин выводит три высших типа цивилизаций («суперкультур»): *идеациональная, сенситивная* и *идеалистическая.* Идеациональная суперкультура характеризуется доминированием духовных ценностей, сенситивная — материалистических; идеалистическая — переходный период от одного из этих типов к другому.

Контрольные вопросы

1. Каковы, по Марксу, составные части способа производства?
2. Что такое базис и надстройка?
3. В чем состоят причины ограниченности эффективности использования рабского труда?
4. В чем выражается прогрессивная сущность социального развития при переходе от одной общественно-экономической формации к другой?
5. Каковы определяющие характеристики пятой общественно-экономической формации?

6. В чем состоят преимущества формационного подхода к анализу развития человеческого общества?
7. Что является определяющей характеристикой цивилизации по Моргану?
8. В чем заключается сущность закона ускорения истории?
9. Каковы основные положения концепции локальных цивилизаций?
10. Какая идея лежит в основе циклической теории Сорокина?

Рекомендуемая литература

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М., 1991.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 23.
3. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
4. *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
5. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991.
6. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — М., 1983.
7. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 21.
8. *Шпенглер О.* Закат Европы. — М., 1993.

Глава 11

Эволюционный и революционный пути развития

Одной из центральных тем, изучаемых социологией XIX и XX веков, была проблема *социального изменения*. Теории социального развития, проявлявшие интерес к долгосрочному и крупномасштабному развитию человеческого общества, сосредоточивали свое внимание на характере и причинах фундаментального разрыва между европейскими индустриальными цивилизациями и «примитивными» обществами. Научно-исследовательская информация об особенностях жизни и уклада примитивных обществ в изобилии поступала в этот период от таких научных дисциплин, как этнография и антропология. Исследователи задавались вопросом: почему в одних обществах прогрессивные изменения нарастают быстрыми темпами, а другие застыли на том же экономическом, политическом и духовном уровне развития, на котором находились тысячелетия назад? По сути дела, теории социального изменения сосредоточивались на природе капиталистического или индустриального развития и одновременно — на очевидном отсутствии социального развития в тех обществах, которые стали частью колониальной империи Европы. Таким образом, изначально теории социального развития проявляли интерес к глобальному макроразвитию.

Социологические теории социального изменения, особенно в XIX веке, можно условно разделить на теории социальной эволюции и теории социальной революции.

Теории социальной эволюции определяли социальное изменение как основные стадии развития общества, такие как «военное общество» и «индустриальное общество», по которым социум прогрессировал от простых сельских, аграрных форм к более сложным, дифференцированным индустриально-урбанистическим. Этот тип эволюционных теорий разрабатывался О. Контом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом. Анализ социального изменения в функционализме и сегодня продолжает до некоторой степени традиции эволюционной теории, рассматривая изменение как адаптацию социальной системы к своему окружению.

Теории же революционного социального изменения, в особенности те, что стали развиваться на основе трудов К. Маркса, подчеркивали важность классового конфликта, политической борьбы и влияния империализма как принципиальных механизмов фундаментальных структурных изменений.

Такого рода различие эволюционных и революционных теорий проводит между ними водораздел почти антагонистического характера. Однако, кроме этого, теории социального изменения могут быть классифицированы и при помощи других принципов, например, с точки зрения:

- уровня анализа (макро- или микро-);
- вопроса о том, проистекает ли анализ из факторов внутренних или внешних по отношению к обществу, институту или социальной группе;
- причин социального изменения (из числа самых разнообразных: например, демографическое давление, классовый конфликт, изменения в способе производства, технологическая инновация, развитие новых систем убеждений и т. д.);
- агентов изменения (инновационная элита интеллектуалов, социальные девианты, рабочий класс);
- характера изменения (постепенное распространение новых ценностей и институтов или радикальное разрушение социальной системы).

В этой главе мы попытаемся рассмотреть основные особенности двух концептуальных подходов к процессу социального изменения — эволюционного и революционного, а также привлечь внимание к некоторым их разновидностям.

§ 1. Эволюционистская традиция в социологии

Эволюционистские воззрения занимали центральное место в изучении общества в XIX веке. Некоторые комментаторы склонны были рассматривать любое изменение как эволюционное, однако основные социологические школы подчеркивали упорядоченную и направленную природу изменения.

Одним из основоположников эволюционного течения в социологии можно считать А. Сен-Симона, который начинал с идеи, общепринятой в консерватизме конца XVIII — начала XIX веков — о жизни общества как некоем органическом равновесии. Суть идеи — состояние

стабильности достигается, главным образом, за счет того, что индивиды и социальные классы в своем выживании зависят от того, насколько успешным окажется выживание общества в целом. Сен-Симон дополнил эту мысль эволюционной идеей социального развития как последовательного продвижения органических сообществ, представляющего собой восходящие уровни прогресса. Он полагал, что каждое общество соответствует своему времени, но позднее вытесняется более высокими формами общественного развития. Он считал, что эволюцию определяет и детерминирует прирост знания. Его идея о трех стадиях эволюции знания была позднее развита в эволюционной схеме О. Конта, которую последний назвал законом интеллектуальной эволюции человечества.

Конт связывал процессы развития человеческого знания, культуры и общества. Общества проходят через три стадии — примитивную (теологическую), промежуточную (метафизическую) и научную (позитивную), которые соответствуют формам человеческого знания, расположенным вдоль аналогичного континуума теологических, метафизических и позитивных аргументаций. Все человечество (равно как и отдельно взятая социальная общность, и каждый человеческий индивид) неминуемо проходит эти три стадии по мере своего развития. При этом предполагается как нелинейный, так и прогрессивный, в конечном счете, характер движения. Кроме того, Конт смотрел на общество как на организм, целостность, составляемую взаимозависимыми частями, которые находятся в равновесии друг с другом и создают интегрированное целое. Он рассматривал эволюцию как рост функциональной специализации структур и улучшение адаптации частей.

Важнейший вклад в развитие эволюционных теорий в социологии внес Герберт Спенсер. Он в своей теории отображал нелинейную концепцию эволюционных стадий. Шкалой, при помощи которой он намеревался измерять прогресс, была *степень сложности общества*. Общей тенденцией развития человеческих обществ, по Спенсеру, было движение от простых неразделенных целостностей к сложным гетерогенным образованиям, где части целого становились все более специализированными, оставаясь в то же время интегрированными.

Здесь, вероятно, самое время задать вопрос: а что вообще следует понимать под *эволюцией*? Всякий ли процесс развития мы вправе обозначить этим термином? Вряд ли обогатит наши знания определение эволюции, даваемое, к примеру, Советским энциклопедическим словарем: «в широком смысле — представление об изменениях в обществе и природе, их направленности, порядке, закономерностях; в более узком смысле — представление о медленных, постепенных количествен-

ных изменениях в отличие от революции» [1]. Другими словами, в этом и подобных ему определениях делается упор скорее на *темпы* развития, однако ничего не говорится о его *направленности*. А ведь развитие претерпевают не только восходящие (в количественном и качественном отношении), но и нисходящие процессы; развиваться могут и болезнь, и кризис — вправе ли мы и в этих случаях утверждать, что речь идет об эволюции? К сожалению, и словарь «Современная западная социология» не дает достаточно четкого определения этого понятия (хотя и приводит довольно пространную статью о теориях социального эволюционизма) [2].

Г. Спенсер подходит к проблеме раскрытия сущности эволюции, рассматривая ее как *восходящее* движение, как переход *от простого к сложному* и, прежде всего, противопоставляя эволюцию процессу разложения, распада, причем делает это весьма обстоятельно. Первым делом, будучи последовательным позитивистом, он указывает на наличие закономерностей, *единых для всех форм материи* — от косной, неживой до социальной. Общая же суть перемен, происходящих в ходе эволюции с материей во всех ее разновидностях и формах, заключается, по Спенсеру, в следующем.

Различные материальные тела могут существовать в двух противоречивых процессах — в *интеграции* (т. е. в объединении, слиянии) и в *движении*. При этом необходимо учитывать, что: 1) к интеграции ведет потеря (точнее, связывание) движения; 2) в свою очередь, при распаде единого тела — то есть при дезинтеграции — входившие ранее в состав его и теперь разъединяющиеся материальные частицы вновь приходят в движение. Именно эти два процесса, находящиеся в антагонизме друг с другом, и образуют то, что Спенсер называет 1) *эволюцией* и 2) *разложением*. Разложение (или рассеяние) подразумевает высвобождение движения и дезинтеграцию материи. Эволюция же, напротив, представляет собою процесс объединения, интеграции материи и связывание движения.

Эти процессы эволюции и дезинтеграции Спенсер в своих «Основных началах» иллюстрирует многочисленными примерами процессов перехода самых разнообразных форм материи *из однородного (гомогенного) состояния в неоднородное (гетерогенное)*.

В ходе эволюции совершается *перераспределение движения*. Скажем, частицы вещества, входившие в состав расплавленной массы планеты, находились в беспорядочном, хаотичном движении. По мере остыва-

[1] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. С. 1544.

[2] См.: Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. С. 406–409.

ния этой массы образовывалась тонкая, но постепенно утолщавшаяся твердая кора. Движения отдельных ее частей — поднятия и опускания, растяжения и сжатия — становились все более упорядоченными, приобретали ритмично-колебательный характер. То же самое совершалось и с жидкой, и с газообразной оболочками Земли.

Сходные процессы протекают и в живых организмах. Усиление интеграции, разнородности и определенности влечет за собой перераспределение связанного движения (речь идет не только о простейших механических, но и о более сложных формах движения — как любого *изменения* в пространстве и времени), т. е. энергии и ресурсов, и в конечном счете и составляет то, что именуется развитием функций.

Важнейшим проявлением усиления разнородности выступает *дифференциация* частей единого целого и выполняемых ими в этих рамках функций. Это достаточно сложное, неоднозначно понимаемое в разных контекстах понятие. В онтогенезе (т. е. в процессе развития индивидуального организма) под этим понимают превращение отдельных, первоначально одинаковых, не отличающихся друг от друга клеток зародыша в объединения *специализированных* клеток тканей и организма, выполняющие принципиально отличные друг от друга функции. А в филогенезе (процессе исторического развития целого рода организмов) этим термином обозначают расчленение единой большой группы (рода) организмов на множество подгрупп, различающихся по своим функциям (виды), — процесс, называемый видообразованием. Спенсер ввел в социальную теорию понятие *социальной дифференциации*, применив его для описания универсального для всей общественной эволюции процесса возникновения специализированных институтов и *разделения труда*.

По мере развития общества, считал Спенсер, комплексы социальных деятельностей, выполнявшихся прежде одним социальным институтом, распределяются между другими — вновь возникшими или прежде существовавшими институтами. Дифференциация представляет собой возрастающую специализацию различных частей общества, создавая тем самым внутри общества все большую гетерогенность. Например, было время, когда семья обладала вначале и репродуктивными, и экономическими, и образовательными, и отчасти политическими функциями. Однако по мере развития обществ комплексы различных социальных деятельностей, выполнявшихся прежде одним социальным институтом — семьей, становятся разделенными между другими институтами. Во всяком случае, в современных обществах специализированные институты трудовой деятельности и образования определенно развиваются вне семьи.

Теперь мы вместе со Спенсером можем дать наиболее общее определение того процесса, который называется эволюцией: «Эволюция есть интеграция вещества, которая сопровождается рассеянием [1] движения, в течение которой вещество переходит из состояния неопределенной, бессвязной разнородности в состояние определенной связной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение» [2].

В то же время следует отметить, что, обращаясь к социальной эволюции, Спенсер не согласен с идеей непрерывного и единообразного линейного развития. В соответствии с такой идеей различные дикие и цивилизованные народы должны были бы размещаться на противоположных ступенях одной общей исторической шкалы. Он же считает, что «истина заключается скорее в том, что социальные типы, подобно типам индивидуальных организмов, не образуют известного ряда, но распределяются только на расходящиеся и разветвляющиеся группы» [3].

Вообще эволюционная теория развития включает в себя целый ряд принципов, которые используются в различных формах. Хотя полного согласия по вопросу о сущности эволюционной теории не сложилось, тем не менее можно говорить о двух основных типах эволюционной традиции в социологии. Первый тип постулирует нелинейную, но достаточно упорядоченную прогрессивную природу социальных изменений. Второй тип основан на прямых аналогиях с процессом эволюции растительного и животного мира.

Мощным толчком для появления и бурного развития второго типа эволюционных концепций послужила дарвиновская теория естественного отбора. При этом основные принципы эволюционизма как социальной теории основывались на убеждении, что прошлое человечества в целом и любого отдельно взятого общества можно восстановить. Во-первых, изучая одновременно сосуществующие с индустриальными примитивные общества, а во-вторых — по тем реликтовым или рудиментарным пережиткам и обычаям, которые сохранились в развитых обществах (подобно тому, как палеонтолог по нескольким сохранившимся окаменелым костям восстанавливает облик доисторического монстра). Наиболее последовательных сторонников эволюционной традиции нередко, и видимо, небезосновательно, подвергали критике

---

[1] Возможно, неточный перевод; по смыслу точнее было бы сказать *«связывание»*.

[2] *Спенсер Г.* Основные начала. — СПб., 1897. С. 235.

[3] *Спенсер Г.* Социология как предмет изучения. — СПб., 1896. С. 321.

за несколько вольное обращение с историческими фактами и активное использование метода «ножниц и клея», т. е. за склонность к произвольной подборке примеров из различных эпох и обществ, вырванных из целостного социального контекста.

В наибольшей степени различные теории социальной эволюции господствовали в социологии в конце XIX—начале XX веков. Среди них одной из наиболее влиятельных был социал-дарвинизм. Эта доктрина (кстати, практически ничего общего не имеющая с самим Ч. Дарвином и Г. Спенсером) принимала различные формы, но большинство вариантов сводилось к двум основным положениям. Первое положение — в развитии обществ существуют мощные и практически непреодолимые силы, подобные силам, действующим в живой и неживой природе. Второе положение — сущность этих социальных сил такова, что они продуцируют эволюционный процесс (в направлении прогресса) через естественную конкурентную борьбу между социальными группами. Наиболее приспособленные и удачливые группы и общества, выигрывая такого рода борьбу, дают жизнь новым поколениям, обладающим более сильными адаптивными свойствами, и тем самым повышают общий уровень эволюции общества, что выражается в выживании наиболее приспособленных. У некоторых авторов, в особенности у Л. Гумпловича и в некоторой степени у У. Самнера, эта концепция приобретала расовые обертоны: утверждалось, что некоторые расы, обладая от природы признаками превосходства, прямо-таки с неизбежностью призваны господствовать над другими.

Острый спор по поводу правомерности эволюционных теорий не утих и по сей день. Обычно он вращается вокруг проблемы применимости дарвиновских принципов к эволюции человеческого общества, имеющего все же качественно иную природу. В самом деле, если строго придерживаться этих принципов, то мы должны рассматривать общество как некую совокупность элементов (или же свойств), лишенную какой-либо упорядоченности. В природе отбор идет вслепую, стихийно и хаотично отфильтровываются лучшие образцы различных видов живых и неживых существ (лучшие — в смысле наилучшим образом приспосабливающиеся к изменениям окружающей среды). В таком случае и социальная эволюция представляет собой процесс изменений вследствие случайных вариаций и естественного отбора. Конкуренция между людьми, социальными группами, обществами и социальными явлениями ведет к тому, что некоторые типы социальных явлений начинают преобладать, поскольку лучше приспосабливаются (или помогают обществу приспособиться) к изменению условий, а другие, напротив, сходят на нет и отмирают.

Позитивистский социальный эволюционизм был убежден в единообразии действия законов природы в различных мирах — физическом, биологическом и социальном. Принципы развития, по мнению позитивистов, универсальны для всех наук. Г. Спенсер, к примеру, сосредоточился на поисках сходств и всеобщих закономерностей эволюционных процессов. Для него социальная эволюция представляет собой пусть важную, но все же только часть Большой Эволюции, которая изначально представляет собою некий направленный процесс возникновения все более и более сложных форм существования неорганической и органической природы. Обратим внимание, что приведенное выше определение эволюции, данное Спенсером, в принципе универсально: оно применимо и к эволюции неживой материи в астрономических масштабах, и к эволюции биологических организмов, и к эволюции человеческих сообществ. Процесс любой эволюции по Спенсеру состоит из двух взаимосвязанных «подпроцессов»:

- дифференциации — постоянно возникающей неоднородности и нарастающего разнообразия структур внутри любых систем;
- интеграции — объединения этих расходящихся частей в новые, все более сложные целостности.

Следовательно, и понятие «прогресс» Спенсер, по сути дела, употребляет не столько в интеллектуальном, моральном или оценочном смысле, а скорее в морфологическом, подобно биологам, которые различают «высшие» и «низшие» организмы по степени их сложности.

Естественно, что такого рода трактовки встретили весьма активное противодействие со стороны многих философов, социологов и теологов. Их критическая аргументация была довольно убедительной. В самом деле, социальную эволюцию невозможно прямо калькировать с эволюции биологической. Общество — это не хаотическое, неупорядоченное скопление индивидов. Ему всегда присущи определенные структура и организация. Поэтому вряд ли возможно трактовать социальную эволюцию и вызываемые ею социальные изменения как случайные мутации. Отбор, совершаемый в результате этого процесса, не может носить полностью пассивный характер. Общество состоит из людей, обладающих высшей нервной деятельностью и развитым опережающим отражением, а следовательно, целеполаганием. Другими словами, отбор социальных изменений производится в значительной степени самой социальной средой. Между тем среда эта, как уже было сказано, организованная, она не только производит отбор, но и сама создает нововведения или заимствует их извне, внедряет, апро-

бирует, модифицирует и т. п. Такого рода нововведения, как правило, не являются предметом свободного или случайного выбора, поскольку в значительной степени обусловлены всем ходом предшествующего исторического развития.

Эти критические замечания уже в значительной степени учитывали социологи последующих поколений — Дюркгейм, Ковалевский, Радклифф-Браун. Используя сравнительный подход, они подчеркивали важную взаимозависимость институтов внутри социальной системы. Общество рассматривалось как саморегулируемый организм, потребности которого удовлетворяются определенными социальными институтами. Индивиды же приспосабливают свое поведение к требованиями институтов, сложившихся в этом обществе. Благодаря этому они постепенно приобретают наследственную предрасположенность к определенным типам социального поведения. В чем-то этот процесс, конечно, схож с естественным отбором — в том смысле, что «полезные» обычаи и правила поведения помогают обществу выжить и более эффективно функционировать, что и определяет «положительную», прогрессивную направленность социальных изменений. Поэтому они закрепляются в последующих поколениях подобно тому, как «полезные» (т. е. позволяющие эффективно адаптироваться к изменяющимся природным условиям) физиологические характеристики закрепляются в организме и передаются его потомству.

Абсолютное большинство теоретиков социального эволюционизма убеждены в наличии действующего в обществе интеллектуального и технического прогресса. С наличием же морального прогресса согласны не все эволюционисты. Те, кто разделяет точку зрения о его существовании, принадлежат к течению так называемой эволюционной этики. Они исходят из того, что само наличие морали — это один из важнейших факторов выживаемости общества, поскольку она является основой взаимодействия и взаимопомощи людей. Заметим, что внутри этого течения имели место и разногласия. Одни социологи утверждали, что главное в морально-эволюционном процессе — это своего рода формирование социально-индивидуальной наследственности, когда общество, исходя из потребностей своего развития и эффективного функционирования, навязывает индивидам и социальным группам собственные требования, которые они волей-неволей вынуждены воспринимать и интериоризировать. Таким образом, индивидуальная воля и сознание оказываются как бы исключенными из этого процесса. Другие же доказывали, что подлинная социальная эволюция осуществляется только в процессе морального и рационального выбора. При этом некоторые сторонники первой точки зрения считали,

что моральная эволюция вовсе не отменяет борьбы за существование, а лишь смягчает, гуманизирует ее, заставляя чем дальше, тем чаще использовать в качестве орудий борьбы мирные, т. е. моральные средства.

Среди сторонников социального эволюционизма возникали также дискуссии о том, какие из факторов сильнее влияют на процесс эволюции: внутренние или внешние.

Сторонники первой, или *эндогенной*, концепции считали, что развитие общества объясняется исключительно (или главным образом) решением для данного общества проблем внутреннего происхождения. Таким образом, социальная эволюция во многом уподоблялась органической эволюции, так как шла по тем же стадиям — отбор наиболее приспособленных, передача по наследству качеств, помогающих выжить и адаптироваться, закрепление их в последующих поколениях и т. д.

Приверженцы второй, *экзогенной*, теории, напротив, утверждали, что основу общественного развития составляют процессы заимствования полезных обычаев и традиций, т. е. распространение культурных ценностей из одних социальных центров в другие. Появилось даже особое течение — *диффузионизм* (от лат. *diffusio* — просачивание). В центре его внимания находились прежде всего каналы, по которым эти внешние влияния могли проникать, передаваться, внедряться в данное общество. Среди таких каналов рассматривались завоевания, торговля, миграция, колонизация, добровольное подражание и т. п. Так или иначе, любая из культур (кроме, может быть, искусственно замкнутых, отгородившихся от внешнего мира) неизбежно испытывает на себе влияние других — как более древних, так и современных им. Этот процесс взаимопроникновения и взаимовлияния в социологии называют *аккультурацией*. Обычно он проявляется в виде восприятия одной из культур (как правило, менее развитой, хотя иногда случается и наоборот) элементов другой. Так, американские социологи в 20–30-х годах нашего века изучали влияние на индейцев и черных американцев продуктов «белой» культуры и пришли к выводу о необходимости выделения двух групп — донорской и реципиентной.

Таким образом, диффузионизм — во многом встречный, взаимный процесс. Так, мы отмечаем, как под воздействием процесса конвергенции (о чем речь пойдет ниже) в развивающиеся общества Азии и Африки вместе с фундаментальными принципами экономики и организации производства проникают многие социальные институты и элементы общей культуры, выработанные западноевропейской цивилизацией, вплоть до господства нуклеарной семьи. Однако разве мы не наблюдаем в большинстве западных обществ повальную моду на це-

лый ряд восточных религиозных культов (тоталитарные секты, например, изначально являются продуктом отнюдь не западной цивилизации), на восточные единоборства, медитацию, стили и направления в искусстве, несущие на себе явный отпечаток восточных традиций. Классический американский джаз, например, сложился в значительной степени под влиянием чисто африканских тенденций в музыке. О японском менеджменте давно говорят как о выдающемся социальном феномене, и делаются попытки перенесения многих его элементов на западную почву.

Между эндогенной и экзогенной концепциями эволюции имеется весьма существенное различие. Эндогенисты ближе к биологической трактовке, так как уподобляют общества и индивидов внутри них конкурирующим организмам, которые стремятся вытеснить и даже по возможности уничтожить друг друга. Диффузия же культуры, по сути, не имеет аналогов в биологической эволюции. Она подразумевает способность «конкурентов» не просто сотрудничать (случаи симбиоза широко известны в растительном и животном мире), но и учиться друг у друга.

Следует отметить, что сегодня влияние эволюционистских теорий в социологии в значительной степени ослабло. Исключение составляет всплеск, который наблюдался среди американских функционалистов в 1950-х и 60-х годах. Это оживление иногда называют *неоэволюционизмом*. В основе данного течения лежит утверждение о тенденции к утилизации принципов естественного отбора и адаптации, вытекающих из эволюционной теории в биологических науках. Функционализм использовал организмическую модель общества и находил в дарвиновской теории объяснение того, каким образом изменяются и выживают социальные организмы, совмещая эти объяснения с собственными базовыми положениями.

Исходный пункт состоял в утверждении необходимости адаптации обществ к своему окружению. Окружение включает как природную среду, так и другие социальные системы. Изменения в обществе, исходящие из какого бы то ни было источника, обеспечивают базовый материал эволюции. Эти изменения, которые наращивают адаптивную способность общества, измеряемую протяженностью его собственного выживания, отбираются и институционализируются, следуя принципу выживания наиболее приспособленных.

Социологический функционализм определял в качестве основного источника адаптации дифференциацию, т. е. процесс, посредством которого основные социальные функции разделялись и назначались к исполнению специализированными коллективностями в автономных

институциональных сферах. Функциональная дифференциация и следующая параллельно ей структурная дифференциация предоставляют возможность каждой функции осуществляться наболее эффективно. При этом антропологические подходы часто ссылались на специфическую эволюцию (адаптацию индивидуального общества к его конкретному окружению), в то время как социологи сконцентрировали внимание на общей эволюции, которая представляет собой эволюцию высших форм в рамках развития человеческого общества в целом. Эта общая перспектива предполагала нелинейное направление изменений и тот факт, что некоторые общества расположены на шкале прогресса выше, нежели другие, — предположения, которых не делали представители специфической эволюции.

Завершая разговор о проблемах теорий социальной эволюции, попытаемся в нескольких словах сказать о перспективах ее дальнейшего развития. Речь идет о переносе акцентов с признания в качестве центрального критерия непрерывно возрастающих производительных сил на проблемы иного порядка. Эти проблемы достаточно тесно связаны с идеями выдающегося русского мыслителя В. И. Вернадского о ноосфере.

Вернадский рассматривает человечество как некую целостность, возникшую внутри биосферы Земли, но приобретающую все большую автономность от нее. Разумеется, автономность эта имеет свой предел, поскольку самоорганизация любого живого вещества (во всяком случае, до поры до времени) имеет своими пределами ресурсы планеты, на которой она обитает. Вернадский усматривает единство эволюции и истории в том, что жизнь, как и человечество, — планетные явления. Живое вещество, преобразуя косное вещество планеты, образует биосферу, человечество же, преобразуя не только косное вещество, но и биосферу (к которой оно само принадлежит), формирует ноосферу [1].

«Давление» живого вещества на окружающую среду осуществляется через размножение; научная же мысль, создавая многочисленные технологические устройства, по существу, ведет к новой организации биосферы. Будучи частью биосферы, человечество должно соблюдать «правила» включенности вещества в биосферный круговорот. В то же время наличие разума как бы выводит человека из круга непосредственного подчинения этим правилам. Пока человек ощущал себя частью природы, пока мощь его научной мысли и сила ее воздействия на природу были несравнимы с планетарными силами, он мог чувствовать себя частью окружающей природной среды. Сегодня положение

[1] См.: *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. — М., 1977. С. 19.

существенно меняется прямо на глазах: происходит не только уничтожение отдельных видов животных и растений (а вместе с этим — и нарушение структуры биосферы), но и истощение невозобновимых минеральных и органических ресурсов. Возникает ситуация, названная экологическим кризисом (некоторые ученые мрачно рассматривают его как преддверие экологической катастрофы), ведущим к нарушению гомеостазиса в планетарном масштабе.

Возникает объективная необходимость определить границы этому дестабилизирующему воздействию разума. Однако это может сделать лишь сам разум — путем осознания заданных биосферой параметров, за пределами которых не может осуществляться нормальная жизнедеятельность вообще. Другими словами, то, что «прежде рассматривалось лишь как условия жизни человека — природа и демографический фактор, сегодня превращается в исторические пределы, ограничивающие человеческий разум как геологическую силу» [1].

§ 2. Марксистские концепции социальной революции

Под революцией часто понимается любое (как правило, насильственное) изменение характера правления данным обществом. Однако социологи обычно иронически относятся к такого рода событиям, как *coups d'état* (в дословном переводе с французского — государственный переворот), именуя их «дворцовыми революциями». В социологическое же понятие «революция» вкладывается принципиально иной смысл: это происходящее в течение определенного (обычно короткого по историческим меркам) периода времени тотальное изменение всех сторон жизнедеятельности общества — и экономической, и политической, и духовной, т. е. коренной перелом в характере всех социальных отношений. «Дворцовые революции» если и ведут к каким-то существенным социальным изменениям, то они почти всегда относятся исключительно к политической сфере, практически не влияя (или же влияя весьма слабо) на другие области социальной жизнедеятельности.

В социологии не существует теорий, которые претендовали бы на формулировку общих предложений, содержащих истину обо всех революциях — как о современных, так и в общеисторической ретроспективе. Существующие же социологические концепции соци-

[1] *Туровский М. Б., Туровская С. В.* Концепция В. И. Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии. — 1993. № 6. С. 97.

альной революции достаточно отчетливо подразделяются на марксистские и немарксистские.

Сразу отметим, что в современной социологии вплоть до недавнего времени доминировали, — как по распространенности, так и по степени влияния — главным образом, марксистские концепции социальной революции. Именно в марксистской теории проводится четкое разграничение между политическими переменами в правлении и радикальными изменениями в жизни общества: вспомним разделение между базисом и надстройкой, о котором шла речь в предыдущей главе. В широком методологическом смысле революция есть результат разрешения коренных противоречий в базисе — между производственными отношениями и перерастающими их рамки производительными силами.

В одной из своих работ, посвященных анализу ситуации в Индии, К. Маркс утверждал, что периодические изменения в правлении, смена королевских династий не могут сами по себе привести к изменению природы общества и характера преобладающего в нем способа производства. Революция же, по Марксу, представляет собой именно переход от одного способа производства к другому, как это имело место, например, при переходе от феодализма к капитализму, происшедшему благодаря буржуазной революции.

Центральным в марксистской теории социальной революции является вопрос о борьбе основных антагонистических классов. Непосредственным выражением упомянутого выше противоречия в экономическом базисе выступает классовый конфликт, который может принимать разнообразные формы — вплоть до самых «взрывных» в социальном смысле. Вообще говоря, в соответствии с марксистской теорией вся человеческая история — это не что иное, как история непрерывной классовой борьбы.

Из двух основных антагонистических классов один всегда является передовым, выражающим насущные интересы и потребности социального прогресса, другой — реакционным, тормозящим (исходя из собственных интересов) прогресс и упорно не желающим уходить с исторической авансцены. В чем состоит задача передового (для данной общественно-экономической формации) класса? Прежде всего, в перехвате исторической инициативы у своего антагониста и в сломе его гегемонии. Сделать это непросто, ведь в «арсенале» господствующего класса — не только экономическая и военная мощь, но также вековой опыт политического правления, а главное — тотальное владение информацией, знаниями, культурой. Следовательно, для выполнения своей исторической миссии передовой класс должен решить как минимум

две задачи. Во-первых, ему необходимо получить соответствующие знания, т. е. образование. Здесь в качестве учителей и наставников обычно выступают наиболее дальновидные и мудрые представители старого класса, которые, переходя в стан сторонников передового класса, таким образом, играют роль своего рода Прометеев, похищающих у владык Олимпа божественный огонь и несущих его людям. Во-вторых, передовому классу нужно быть готовым к активному применению насилия, так как старый класс без боя не сдаст своих позиций.

В конце XIX века в рамках самого марксизма возникло влиятельное течение, основоположником которого был ученик и соратник К. Маркса Э. Бернштейн. Он решил применить основные положения марксистской теории к анализу тенденций, которые сложились в развитии западноевропейского капиталистического общества на границе двух веков [1]. Основная идея Бернштейна сводилась к следующему: сохранить верность основам марксистских теоретических постулатов, но в то же время «ревизировать», т. е. пересмотреть некоторые радикальные политические выводы из них, касающиеся ближайших и перспективных тактических действий социал-демократов. Такой подход вызвал бурю негодования среди «правоверных» марксистов. Тогдашний лидер германской социал-демократии К. Каутский опубликовал работу под названием «Анти-Бернштейн» [2] (видимо, перекликавшуюся со знаменитым трудом Энгельса «Анти-Дюринг»), в которой, по сути, отлучил Бернштейна от марксизма. Между тем анализ исторических событий с высоты столетия, прошедшего с тех пор, показывает скорее правоту «ревизиониста» Бернштейна, нежели «ортодоксального марксиста» Каутского.

Не будем касаться всех фрагментов этой дискуссии. Отметим лишь те из них, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего разговора. Бернштейн усомнился в неизбежности революционного взрыва, который, по Марксу, должен в ближайшее время смести капиталистический строй и установить диктатуру пролетариата. Напротив, считал он, статистические данные о развитии капитализма в Западной Европе свидетельствуют о противоположных тенденциях и показывают, что переход к социализму будет относительно мирным и займет сравнительно долгий исторический период.

---

[1] См.: *Бернштейн Э.* Социальные проблемы: Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. — СПб., 1906.

[2] См.: *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма. («Анти-Бернштейн»). — М.-П., 1923.

Ранние этапы капиталистической индустриализации действительно характеризуются довольно жестким социальным конфликтом и в промышленности, и обществе в целом, и этот конфликт временами угрожал кульминировать в революцию. По мере того как капитализм созревал, конфликты стихали и становились менее угрожающими. Основным социологическим объяснением этого процесса является *институционализация конфликта*. Предполагается, что одной из причин жесткого характера конфликта было разрушение доиндустриальных социальных связей и нормативного регулирования на заре капитализма. С завершением перехода к зрелой индустриальной эпохе развиваются новые регуляторные и интегративные институты. Институционализация проистекает из отделения и автономии политического конфликта от социального, и первый перестает накладываться на второй. Рост гражданских прав означает, что интересы, которые доминируют в промышленности, больше не управляют политикой. Гражданство также интегрирует рабочих в обществе.

К категории институционализации относится еще один процесс: развитие специализированных институтов для урегулирования конфликтов в промышленности, если уж она отделена от политики. Государство, как своеобразный социальный арбитр, вырабатывает нормы и правила, по которым должны разрешаться противоречия между работодателями и наемными работниками. Коллективные сделки между работодателями и тред-юнионами — это новые функции тех социальных институтов, в рамках которых ведутся переговоры и сглаживаются противоречия между капиталистами и рабочими.

Необходимо подчеркнуть, что свои выводы Бернштейн относил исключительно к развитым индустриальным странам Запада. Это логично вытекало из марксистской концепции, именно в этих странах капитализм как общественно-экономическая формация созрел в более полной мере и создал весомые предпосылки для перехода к более прогрессивному способу производства. В соответствии с логикой самого Маркса социалистическая революция должна была состояться прежде всего в самых развитых странах, ибо «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия в недрах самого старого общества» [1]. Таким образом, строго следуя концепции Маркса, социали-

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 13. С. 7.

стические революции должны были первоначально совершиться в развитых индустриальных обществах Запада — там, где для них в максимальной степени созрели объективные предпосылки. (К слову сказать, и Каутский позднее пересмотрел собственные взгляды на теорию и практику марксизма, за что и получил от Ленина обвинение в ренегатстве.)

Что же должен передать капитализм социализму в качестве базовых элементов дальнейшего развития?

Во-первых, конечно, материально-технический фундамент, огромное вещное богатство. Речь идет не только о высокоразвитой индустрии, высокопроизводительном сельском хозяйстве и накопленных в них передовых технологиях. Немаловажным условием продвижения общества к социализму должен стать также достаточно высокий уровень благосостояния каждого из его членов. Дело в том, что материальная бедность значительной части членов общества будет постоянно порождать стремление к грубому уравнительному коммунизму, который, по словам раннего Маркса, «является лишь обобщением и завершением отношений частной собственности; при этом утверждается всеобщая и конституирующаяся как власть зависть... Грубый коммунизм... есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» [2].

Во-вторых, новый строй должен унаследовать от капитализма высокоразвитую демократию. Демократия в буржуазном обществе утверждается не по высочайшему повелению, она вполне органично вплетается в ткань всей общественной жизни, образуя естественные объективные условия существования индивида, максимально благоприятную среду для функционирования капиталистических производственных отношений, составляя тем самым неотъемлемый элемент капиталистической цивилизации.

В-третьих, можно говорить еще об одном «базовом элементе» социализма, формируемом капиталистическими производственными отношениями. Пролетариат начинает рассматриваться не только как класс, как мощная политическая сила, но и как совершенно новый тип работника — грамотного, квалифицированного, добросовестного, который просто не способен работать плохо, неряшливо, спустя рукава. Такого работника воспитывает и жесткая капиталистическая система отбора, когда предпочтение всегда отдается более умелому и старательному, и жестокая конкуренция в условиях безработицы, и усиле-

[2] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Том «Из ранних произведений», С. 586.

ние действия закона перемены труда, и высочайшая техническая культура производства, и многие другие факторы.

Создание всех этих условий перехода от капитализма к социализму (приведенных здесь, разумеется, не полностью) — то есть революционных перемен при переходе от капиталистической общественно-экономической формации к социалистической — не может быть делом кратковременного, пусть даже героического периода, оно должно занять целую историческую эпоху. Материальную базу социализма народ данной страны должен сотворить своими руками. Если она будет получена «в подарок», вряд ли это сможет существенно изменить состояние общественного сознания больших масс людей. Не говоря уже о том, что вряд ли такой «дар» сможет поднять «среднюю умелость нации» до требуемого современного уровня. Завоевание правовых и политических свобод, борьба за них должны стать неотъемлемой частью собственной истории: привычку к демократии нельзя обрести, наблюдая по экрану телевизора демократическую жизнь других народов...

Таким образом, требования марксистской логики предусматривали, что социалистическая революция должна произойти прежде всего в наиболее индустриально развитых странах Западной Европы и Америки, поскольку они в наибольшей степени «созрели» для этого. Между тем В. И. Ленин, как известно, выдвинул собственную гипотезу о том, что социалистическая революция в первую очередь должна произойти в наиболее слабом звене общей капиталистической цепи [1] и послужить своего рода «запальным фитилем» для мировой социалистической революции. И он достаточно энергично действовал в направлении претворения этой гипотезы в жизнь.

Впрочем, и после Ленина многие социологи обращали пристальное внимание на то, что главные революции XX века свершались отнюдь не в «центре», а на «периферии» мирового развития, в наиболее отсталых регионах Азии и Латинской Америки. Между тем в «центре» классовые конфликты не прекращались, более того, все интенсивнее кристаллизовались в те формы, которые сегодня получили в социологии наименование институционализации конфликта.

Ленинский тезис и сегодня не потерял своего влияния на социологов марксистской школы. Так, в 1966 году французский социолог Л. Альтюссер настойчиво повторял мысль о том, что революция скорее всего вероятна в самом слабом звене капиталистического общества, ибо там наиболее отчетливо проступают социальные противоречия. Однако

[1] См.: *Ленин В. И.* О лозунге «Соединенных штатов Европы» // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26.

основной проблемой для современных марксистских теорий, посвященных революции, является жизнеспособность мирового капитализма, несмотря на очевидное наличие и политических конфликтов, и промышленных забастовок, и экономических спадов. Отсутствие революционных выступлений рабочего класса эти теории объясняют, как правило, уравновешивающей ролью возрастания благосостояния рабочего класса, ростом его гражданских прав, а также мощным воздействием идеологического аппарата капиталистического государства.

Позиции марксистской социологии революции еще более поколебались в связи с известными событиями в нашей стране и в странах Восточной Европы, приведшими, по сути, к краху практики строительства «реального социализма». Однако говорить о полном ее исчезновении с научного горизонта было бы все же преждевременно: очень уж крепко сколочена логическая схема концепции К. Маркса.

§ 3. Немарксистские концепции социальной революции

Социологи-немарксисты также проявляли интерес к проблемам социальной революции. При огромном разнообразии их теоретических подходов можно выделить несколько этапов периодического «волнообразного» нарастания такого интереса.

Первый этап относится к концу XIX — началу XX веков, когда появляется ряд работ таких социологов, как Б. Адамс, Г. Лебон, Ч. Эллвуд и др., которые интересовались прежде всего исследованием проблем социальной нестабильности и социального конфликта и именно через эту призму рассматривали все явления, так или иначе связанные с революцией.

Второй этап связан с сильным всплеском интереса социологов к социальной революции в связи с событиями 1917 года в России: Февральской буржуазно-демократической революцией и особенно — с Октябрьским переворотом и его последствиями как для России, так и для Европы. В этот период появляется даже особое течение, именуемое «социологией революции». Оно тесно связано с именем П. А. Сорокина, который в 1925 году опубликовал книгу под аналогичным названием[1]. В этой работе он весьма аргументированно утверждал, что Первая мировая война и Октябрьская революция, неразрывно связанные

[1] См.: *Сорокин П. А.* Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество.

друг с другом, явились результатом огромных переворотов во всей социокультурной системе западного общества. При этом он весьма мрачно прогнозировал, что последствия этих исторических событий сулят человечеству еще более серьезные потрясения в не столь отдаленном будущем.

Важным рубежом в развитии социологических концепций революции стали 60-е годы XX века. Этот период вообще характеризуется серьезной нестабильностью во всех сферах социальной жизни, причем не только на слаборазвитой «периферии», но и в сравнительно благополучном, сытом индустриальном «центре». В эти годы в ряде западных стран произошли крупные социальные конфликты, показавшиеся многим началом новой революционной волны. Озабоченные этим правительства некоторых стран, прежде всего США, выделили крупные субсидии на развертывание исследовательских программ, посвященных изучению причин возникновения революционных ситуаций, социальных сил, втянутых в них, а также прогнозированию возможных последствий такого рода событий. Данные исследования теоретиков «третьего поколения» социологии революции были характерны стремлением к изучению революционных процессов не в глобальном масштабе, а в конкретных регионах и странах.

Попытаемся кратко описать суть некоторых социологических концепций социальной революции немарксистского содержания и предоставим читателю самому судить о том, насколько адекватно они описывают происходящие в обществе процессы.

Теория циркуляции элиты. Одним из основоположников этой теории был итальянский экономист и социолог Вильфред Парето. Он считал, что любое общество делится на элиту (т. е. небольшую группу людей, обладающих наивысшим индексом деятельности в той области, которой они себя посвятили, — прежде всего в управлении) и неэлиту (т. е. всех остальных). В свою очередь, элита включает в себя два основных социальных типа: «львов» — тех, кто обладает способностью к насилию и не останавливается перед его применением, и «лис» — тех, кто способен манипулировать массами с помощью хитрости, демагогии и лицемерия. Процесс периодической смены данных типов у власти образует своеобразную циркуляцию. Такая циркуляция носит естественный характер, потому что «львы» в большей степени приспособлены к поддержанию статуса-кво при постоянных условиях, в то время как «лисы» адаптируемы, инновативны и легче заменяемы. Когда тот или иной тип задерживается у власти слишком долго, он начинает деградировать, если не уступит другому типу, или же не будет рекрутировать в свои ряды тех представителей низших слоев (неэлиты), которые обладают необходимыми способностями (тоже своеоб-

разная «циркуляция», но уже персонального состава данного типа элиты). Эта деградация и создает революционную ситуацию, весь смысл которой, по сути, сводится к обновлению либо смене находящегося у власти типа элиты либо персонального состава ее.

Другими словами, революция происходит тогда, когда не обеспечивается своевременная циркуляция элиты — как горизонтальная, так и вертикальная. Следовательно, одна из основных социальных функций революции заключается в прочищении каналов социальной мобильности. Если не происходит своевременной циркуляции элиты — мирным ли путем, с помощью ли насилия, — общество начинает стагнировать и в результате может просто погибнуть или, по меньшей мере, утратить национальную независимость.

Теории модернизации. Понятие «*модернизация*» — это, по выражению А. Ковалева, «нечеткий собирательный термин, который за рубежом относят к разнородным социальным и историческим процессам, как исторически сопровождающим индустриализацию в странах развитого капитализма, так и в сопутствующих ей ныне странах «третьего мира» после крушения колониальной системы» [1]. Отсюда возникли некоторые производные термины, используемые в социологических текстах, например: «пре-модернистский», т. е. относящийся к тому, что имеет место в доиндустриальный период развития, в традиционном обществе; «постмодернистский» — т. е. характерный для обществ, переросших рамки индустриализации и вступивших в постиндустриальный период развития.

Следует отметить, что в течение определенного временного периода теория модернизации в американской социологии была господствующей аналитической парадигмой для объяснения глобальных процессов, посредством которых традиционные общества достигали современного состояния. Понятие модернизации включает в себя несколько составных частей. Перечислим их.

1. Политическая модернизация. Она связана с развитием ряда ключевых институтов в системе государственной власти — политических партий, парламентов, права участия в выборах и тайного голосования, которые поддерживают участие в выработке решений.
2. Культурная модернизация. Она, как правило, порождает *секуляризацию* [2] и усиление приверженности членов общества националистским идеологиям.

---

[1] Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. С. 193.

[2] Напомним, что это процесс, в ходе которого религиозная мысль, практика и институты утрачивают свое прежнее социальное значение.

3. Экономическая модернизация. Ее рассматривают отдельно от индустриализации (что возможно только в чистой абстракции) и связывают с глубокими социальными изменениями — возрастающим разделением труда, использованием технических приемов менеджмента, усовершенствованием технологии и ростом коммерческих средств обслуживания.
4. Социальная модернизация. Она связана с растущей грамотностью, урбанизацией и упадком традиционной авторитарности.

Все перечисленные изменения рассматриваются с точки зрения возрастания социальной и структурной дифференциации. В рамках же общей теории модернизации акцент делается на концепции, рассматривающей революцию как кризис, возникающий в процессе политической и культурной модернизации общества. Речь идет о том, что наиболее благоприятная почва для революции создается в тех обществах, которые вступили на путь модернизации, но осуществляют ее неравномерно в различных сферах своей жизнедеятельности. В результате появляется разрыв между растущим уровнем политического образования и информированностью достаточно широких слоев общества, с одной стороны, и отстающими от них уровнями экономических преобразований, а также развитием политических институтов и их демократизацией — с другой. Это и формирует условия для революционного взрыва.

Существуют также концепции, носящие в большей степени социально-психологический, нежели социологический оттенок. Среди них, на наш взгляд, особого внимания заслуживает так называемая *теория относительных депривaций* (термин «депривация», обозначающий состояние, возникающее вследствие ощущения лишений, обделенности чем-то важным, прежде активнее использовали психологи, нежели социологи). Эта теория была сформулирована американским социологом Тедом Гарром в его книге «Почему люди бунтуют» (Why Men Rebel) на основе обширного анализа исторических данных, а также многолетних (с 1957 по 1963 годы) эмпирических исследований в более чем 100 странах мира. На основе опросов населения этих стран о том, как они оценивают свое прошлое, настоящее и будущее и соотносят его со своим идеалом хорошей жизни, Гарр выработал «меру относительных депривaций». Когда он сопоставил эту меру с масштабами гражданской напряженности в тех же странах в период между 1961 и 1965 годами, он обнаружил сильную связь, подтверждающую гипотезу о том, что чем выше уровень относительных депривaций, тем шире

масштабы внутреннего насилия в данном обществе и тем оно интенсивнее используется.

Суть меры относительных лишений состоит в разрыве между уровнем запросов (УЗ) людей и возможностями достижения (ВД) того, чего они желают. В результате могут сложиться самые разнообразные ситуации, но суть их сводится к следующим позициям:

- падение ВД при постоянстве УЗ;
- возрастание УЗ при постоянстве ВД;
- падение ВД при одновременном возрастании УЗ.

Разрыв между УЗ и ВД вызывает в обществе состояние массовой фрустрации и создает чрезвычайно благоприятную почву для политического взрыва, ведущего к беспорядкам и насилию.

Таковы основные подходы немарксистских социологических концепций к объяснению факторов и механизмов социальной революции. Однако существуют и другие концепции социальных революций, о которых мы поговорим в следующем параграфе.

§ 4. Глобальные революции

В современной социологии в рамках вопроса о развитии человеческого общества господствует не столько марксистская концепция последовательной смены общественно-экономических формаций, сколько «триадичная» схема, согласно которой данный процесс рассматривается как последовательное движение отдельных обществ и человечества в целом от одного *типа цивилизации* к другому — аграрному, индустриальному и постиндустриальному. По мнению многих современных социологов, в том числе отечественных[1], историческая практика подтвердила большее соответствие такой схемы истине. Так, В. М. Лукин утверждает, в частности, что причиной этого соответствия послужил более логичный выбор исходных позиций: если в догматизированной марксистской схеме за основу брались скорее вторичные моменты — формы собственности, классовые отношения, то в цивилизационной схеме во главу угла была поставлена наиболее фундаментальная структура общественно-исторической деятельности —

[1] См., напр.: *Лукин В. М.* Модели индустриальной и постиндустриальной цивилизаций в западной футурологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. — 1993. Вып. 1 (№ 6).

технология (а это одна из важнейших составных частей *производительных сил*).

Отметим, кстати, что и в марксистской схеме ядром базиса выступают отнюдь не производственные отношения, а именно производительные силы, т. е. совокупность личностно-квалификационных, технических и технологических факторов данного способа производства. Одним из исходных положений формационного подхода является тезис о том, что производительные силы представляют собой наиболее подвижный, динамичный элемент базиса (именно поэтому они в какой-то исторический период и приходят в противоречие с более громоздкими и инертными производственными отношениями, «перерастая» их рамки). Хотя, увы, «ни сам Маркс, ни последующие марксисты не разработали достаточно универсальным образом технологический аспект общественного производства, несмотря на постоянные утверждения о первостепенной важности этого аспекта» [1].

С 60-х годов XX века, начиная с работы У. Ростоу «Теория стадий экономического роста», периодизация исторического развития стала осуществляться при помощи идеально-типологического выделения различных обществ в зависимости от *уровня экономического роста и социокультурных условий* различных стран и регионов. В основе этой типологии лежит дихотомия *традиционного* и *современного* обществ. Причем второй из выделенных типов сегодня все чаще подразделяется на *индустриальное* и *постиндустриальное* общества. Однако, если быть до конца последовательными, традиционное общество, охватывающее огромный исторический период, включающий в себя, в соответствии с формационным подходом, рабовладельческий и феодальный этапы, вряд ли может рассматриваться как «стартовое». В самом деле, насколько правомерно было бы отнести к традиционным обществам, к примеру, племена африканских бушменов, австралийских аборигенов или обитателей других труднодоступных районов, где сохраняются во многом нетронутыми первобытнообщинные отношения? Поэтому нам представляется целесообразным поставить в начало этой цепочки «примитивное общество». Правда, это понятие, пришедшее из эволюционной антропологии, воспринимается и используется в социологии весьма неоднозначно [1]. Тем не менее мы приняли его в качестве исходного и ниже попытаемся обосновать и аргументировать

[1] См. напр.: *Лукин В. М.* Модели индустриальной и постиндустриальной цивилизаций в западной футурологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. — 1993. Вып. 1 (№ 6). С. 17.

этот выбор, показав более или менее четкие критерии, отделяющие примитивные общества от традиционных.

Переход от одного типа общества к другому совершается в результате глобальной революции определенного типа. Общую схему прогрессивного (восходящего) развития человеческих обществ можно изобразить графически (рис. 21).

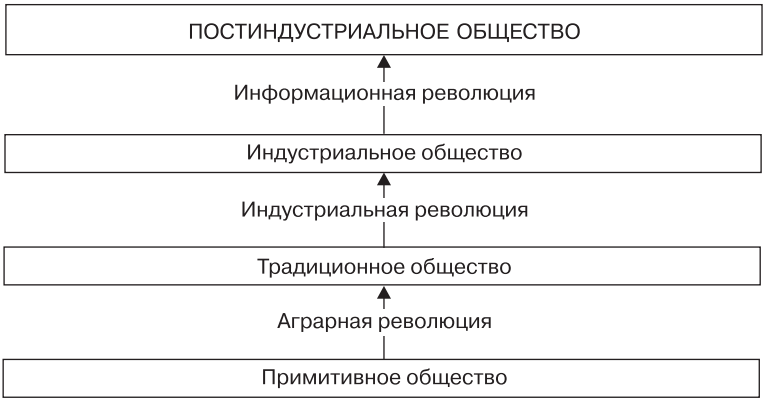

Рис. 21. Схема прогрессивного развития человеческих обществ

Как мы уже говорили, под «революцией» в социологии понимают, как правило, протекающее в течение сравнительно краткого исторического периода резкое изменение всех или большинства социальных условий. Однако в истории человечества имели место и революции другого рода. Они, может быть, были и не столь резкими, т. е. происходили не в течение короткого — во всяком случае, сравнимого с жизнью одного поколения — отрезка времени, а могли занимать жизнь нескольких поколений, что в историческом смысле тоже не так уж и много. Однако влияние, которое они оказали на судьбы человечества, было, пожалуй, гораздо более весомым и мощным, нежели воздействие любой социальной революции. Мы ведем речь о коренных переворотах в характере производительных сил, которые можно было бы назвать *глобальными революциями*. «Глобальными» мы называем их потому, что, во-первых, их развитие не знает национальных границ, протекает в различных обществах, локализованных в разных концах планеты, примерно по одинаковым законам и с одинаковыми последствиями, и, во-вторых, эти следствия сказываются не только на жизни

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 195.

самого человечества, но и его природного окружения. Важнейший фактор таких революций — коренное изменение *технологий*, что указывает на их тесную связь с производительными силами.

Трудно сейчас сколько-нибудь точно назвать хронологическую дату (или хотя бы временной период) начала *аграрной революции*. Пользуясь периодизацией Г. Моргана и следовавшего за ним Ф. Энгельса, можно было бы указать на среднюю ступень варварства, которая «...на востоке начинается с приручения домашних животных, на западе — с возделывания съедобных растений»[1]. Благодаря этим поистине историческим изменениям в технологии человек становится единственным на планете живым существом, которое начинает в какой-то степени выходить из рабского подчинения окружающей природной среде и перестает зависеть от превратностей и случайностей собирательства, охоты и рыбной ловли. Самое главное: «...увеличение производства во всех отраслях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее»[2]. Австралийский археолог В. Чайлд, который и назвал такую революцию «аграрной» (хотя есть и другой термин для ее обозначения — «неолитическая», указывающий на начало ее в эпоху неолита), считал, что именно благодаря ей совершился переход от варварства к первым рабовладельческим цивилизациям. В результате чего возникло классовое деление общества и появилось государство. Мы не будем слишком подробно рассматривать последствия этого события для всех сфер социальной жизни, однако бесспорно, что они были поистине колоссальными.

Мы не можем знать, когда именно, но, вероятно, достаточно рано — вначале в животноводстве, а затем в растениеводстве — начинается *селекционная* работа. Во всяком случае, деятельность библейского Иакова по скрещиванию белых овец с черными (ему было обещано его тестем Лаваном вознаграждение и приданое в виде стада овец только с пестрым окрасом) относится уже к весьма высокому уровню такого рода познаний в животноводстве[3] и в чем-то уже предвосхищает современную генную инженерию. Здесь налицо целый ряд параметров научного знания (хотя и на элементарном уровне): и эмпиричность, и эмпирическая проверяемость, и обобщаемость, и другие.

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 227.

[2] Там же. С. 227.

[3] См.: Кн. Бытия. Гл. 30.

Отметим еще один существенный момент. Все примитивные племена и народы, находящиеся на этапе дикости, в отношении устройства социальной жизни более схожи, нежели отличны друг от друга по условиям своей жизнедеятельности, независимо от того, в какой части света, в какой затерянной местности они пребывают. У них практически одинаковые социальные институты, нравы и обычаи. Они пользуются одними и теми же технологиями и инструментами для добывания пищи. У них очень схожи и представления о мире вокруг себя, и религиозные ритуалы.

Различия начинаются в период зарождения аграрной революции, на переходе от низшей ступени варварства к средней, когда впервые явственно проявляются *интеллектуальные возможности* человека. И здесь более отчетливо, чем в предшествующие тысячелетия, начинают проступать и различия в природных условиях среды обитания. «Старый свет, — отмечает Ф. Энгельс, — обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, зато наилучшим, — маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий» [1].

Преимущественные занятия того или иного племени или народа каким-то конкретным видом сельскохозяйственного труда создают новый вид разделения труда и накладывают глубокий отпечаток на характер направления развития всей культуры в целом. Скотоводческие племена ведут преимущественно кочевой образ жизни, а земледельческие — все более оседлый [2]. Это создает потенциальные возможности для возникновения у земледельческих народов вначале небольших поселений, а затем и городов как центров культурного и интеллектуального развития.

Укрепление и развитие социального прогресса, достигнутого с помощью аграрной революции, вероятно, заняло у человечества путь дли-

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 227.

[2] Хотя, конечно, на начальных этапах — при подсечном земледелии — по мере оскудевания земель и необходимости дальнейшего выкорчевывания (или выжигания) лесов миграция еще продолжается, однако темпы ее уже гораздо медленнее, чем у скотоводов, которым необходим постоянный поиск все новых пастбищ.

ною в несколько тысячелетий. Отдельные открытия, усовершенствования и изобретения (связанные с техникой и технологией как аграрного, так и промышленного производства), которые совершались на этом пути, разные по значимости и влиянию на жизнь общества, иногда были поистине гениальными, однако в целом это влияние и вызванные им социальные изменения вряд ли можно отнести по их характеру к революционным. И все же эти изменения, постепенно накапливаясь, наряду с социальными изменениями в других сферах жизнедеятельности приводят в конечном счете к следующей глобальной революции.

Если история не сохранила для нас сведений о том, когда и где началась аграрная революция, то время и место начала следующей глобальной революции — *промышленной* (или *индустриальной*) можно назвать с гораздо более высокой степенью точности — конец XVIII века, Англия. Ф. Энгельс называет даже год, в который появились два изобретения, ставшие своего рода капсюлем, воспламенителем этой революции, — 1764 год от Рождества Христова. «Первым изобретением, вызвавшим решительное изменение в положении рабочего класса, была *дженни*, построенная ткачом Джемсом Харгривсом из Стандхилла близ Блэкберна в Северном Ланкашире (1764). Эта машина была грубым прототипом мюль-машины и приводилась в движение рукой, но вместо одного веретена, как в обычной ручной прялке, она имела шестнадцать–восемнадцать веретен, приводимых в движение одним работником»[1].

В том же 1764 году Джемс Уатт изобрел паровую машину, а в 1785 — приспособил ее для приведения в движение прядильных машин. «Благодаря этим изобретениям, которые в дальнейшем все совершенствовались, *машинный труд одержал победу над ручным трудом*»[2]. Эта победа одновременно обозначила старт стремительного и гигантского взлета социального интеллекта в человеческой истории.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление, чтобы более рельефно показать одну из главных особенностей индустриальной революции, сыгравшей решающую роль во всем дальнейшем развитии человечества. Если спросить любого представителя нашего поколения, кто был изобретателем паровой машины, восемь из десяти непременно назовут Ивана Ползунова: так утверждали все отечественные учебники истории. В самом деле, проект пароатмосферной машины был заявлен И. И. Ползуновым в 1763 году — на год раньше Уатта. Однако судьба сыграла с ним злую шутку: он жил в стране, которой было еще

[1] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 2. С. 245.

[2] Там же. С. 248.

сравнительно далеко до наступления индустриальной революции, и его паровой двигатель так и остался, выражаясь современным языком, *лабораторной, экспериментальной моделью.* Между тем паровая машина Уатта уже через двадцать лет нашла промышленное применение, а Уатт вместе со своим компаньоном М. Болтоном стал преуспевающим фабрикантом, занявшись серийным выпуском паровых двигателей. Уатт, кстати, вошел в историю не только как талантливый изобретатель (чье имя запечатлено сегодня на каждой электрической лампочке в виде указания на ее мощность в «ваттах»), но и как один из основателей школы «раннего научного менеджмента». Точно так же весь мир знает в качестве изобретателя самолета не В. Можайского, как писали отечественные учебники истории, а братьев Райт. Изобретателем же радио в глазах всего мира (за исключением России) является не Попов, а Маркони.

Показателен и пример с изобретением электрической лампочки накаливания, патент на которую был получен в 1876 году российским электротехником П. Яблочковым. Мало кто знает, что эта лампочка имела ресурс работы менее часа. За доработку ее взялся Томас Эдисон, в результате чего из его лаборатории вышел промышленный образец с ресурсом не менее 6–7 часов и главное — сравнительно недорогой и технологичный в массовом производстве (эти сведения прозвучали в одной из телепередач «Очевидное — невероятное»); стоит ли удивляться, что, по мнению любого более-менее образованного западного обывателя, изобретателем электрической лампочки является Эдисон.

Данные примеры лишний раз показывают одну из наиболее характерных черт индустриальной революции: она впервые в истории тесно связала *промышленное внедрение технических инноваций* с *экономической эффективностью* и тем самым открыла глаза множеству предприимчивых людей на огромное значение интеллектуальной (а значит, в практическом смысле бесполезной, как казалось прежде) продукции. На этих примерах вырисовывается важная социальная закономерность: *любой интеллектуальный продукт* — будь то техническое изобретение, научная концепция, литературное произведение, идеологическая теория или политическая доктрина — *является произведением своей эпохи.* Он, как правило, появляется на свет и получает признание почти всегда *вовремя:* именно к тому времени, когда созреет спрос на него — появятся (и в достаточно большом числе) потребители, т. е. люди, способные оценить его и использовать в своей жизни и практической деятельности. В случае «преждевременных родов» судьба, увы, может «даровать» такому продукту забвение (особенно в тех случаях, когда он не запечатлен на материальных носителях).

Итак, машинный труд одержал победу над ручным трудом. Последовавшие за этим технические, технологические, даже политические и особенно экономические события нарастали поистине лавинообразно, и даже самое краткое, беглое описание их занимает у Энгельса (введение к работе «Положение рабочего класса в Англии») полтора десятка страниц. Мы остановимся на различных характерных особенностях этого процесса в следующей главе, отметив лишь, что к числу важнейших из этих особенностей относится появление фабричной системы, а также резкое возрастание внимания предпринимателей к достижениям научно-технической мысли и достаточно энергичное внедрение этих достижений в производственную практику. Данный процесс повлек за собой довольно быстрое и значительное расширение круга людей, профессионально занимающихся изыскательскими, конструкторскими и технологическими работами. Возросло и внимание к развитию фундаментальной науки, на которую и государство, и частное предпринимательство стали выделять существенное количество финансовых средств.

Закон экономии времени. Большинство *социальных* последствий промышленной революции «простирается» вплоть до нашего времени и заслуживает, без сомнения, более пристального рассмотрения. Однако внедрение достижений человеческого интеллекта непосредственно в производительную сферу, т. е. в машинное производство, носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, машинный труд быстро одерживает окончательную победу над ручным, что в огромной степени снижает стоимость всех производимых продуктов. Потребитель от этого выигрывает в невиданных прежде масштабах. Именно благодаря этой победе промышленная революция дала мощный толчок развитию производительных сил, несоизмеримому со всей предшествовавшей историей. Такая революция и впрямь походит на взрыв. За каких-то полтора века появляются — и притом в огромных количествах — машины, оборудование, станки невероятной мощности и производительности: начинает работать в полную силу *закон экономии времени.*

Революционный переворот в промышленности характеризуется повышением производительности труда во всех сферах общественного производства. Если на заре индустриальной революции, в 1770 году, производительность технических устройств превышала производительность ручного труда в 4 раза, то в 1840 году — уже в 108 раз[1].

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 4. С. 126.

И речь не только о том, что достигает невиданных прежде высот производительность «живого» труда. Складывается впечатление, что время вообще сжимается до немыслимых прежде пределов. Так, благодаря появлению в массовых масштабах скоростных средств передвижения резко сокращаются казавшиеся прежде бескрайними просторы нашей планеты. И на путешествие вокруг света, занявшее у Магеллана почти три года, герой Жюля Верна Филеас Фогг затрачивает всего восемьдесят дней — и это уже не фантастическая, а вполне реалистическая проза конца XIX века.

В контексте рассматриваемой нами проблемы развития социального и индивидуального интеллекта особое значение имеет резкое возрастание *скорости распространения информации и усиление ее циркуляции*. Если прежде простое письмо могло годами идти от отправителя к адресату, то теперь эта скорость сравнялась вначале со скоростью средств передвижения вообще, а затем значительно превзошла их благодаря появлению новых средств массовой коммуникации, таких как телеграф, радио, Интернет, сравнявшись практически со *скоростью света*.

Строго говоря, любой закон должен устанавливать *необходимую, устойчивую и повторяющуюся связь* между теми или иными явлениями в природе и обществе. Таким образом, в формулировке любого закона всегда должны присутствовать как минимум указания: 1) на те явления, между которыми устанавливается связь; 2) на характер этой связи. Без такого указания, вероятно, нет и самой формулировки закона (чем, на наш взгляд, в значительной степени страдали в недавнее время формулировки «экономических законов социализма»). Закон экономии времени — или, как его чаще называют, закон возрастания производительности (производительной силы) труда — можно представить в терминах трудовой теории стоимости: «...*чем больше* производительная сила труда, *тем меньше* рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, *тем меньше* кристаллизованная в нем масса труда, *тем меньше* его стоимость. Наоборот, *чем меньше* производительная сила труда, *тем больше* рабочее время, необходимое для изготовления изделия, *тем больше* его стоимость» (курсив наш. — *В. А., А. К.*)[1].

Здесь, как и подобает настоящему закону, налицо указание на *каузальную* (причинную) связь. Для того чтобы произошли коренные, *революционные* изменения в росте производительности труда, требуются не менее революционные изменения в средствах труда. Такие из-

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. — М., 1988. С. 49.

менения, разумеется, не могут произойти без участия человеческого интеллекта, равно как и не могут не вызвать серьезных изменений в самом его качестве. Мы уже видели выше, что прялка с красивым женским именем *Дженни*, с изобретения которой, собственно, и начинается индустриальная революция, позволяла одному рабочему даже при использовании собственной мускульной силы (ножного привода) производить в течение того же самого рабочего времени в 16–18 раз больше продукции. Соединение же мускульной силы с паровой машиной раздвигало эти границы еще шире. Паровая машина стала, по сути, первым *неодушевленным источником энергии*, получившим подлинно *промышленное* использование, если не считать энергию падающей воды и ветра, которые применялись и прежде, но все же в гораздо более ограниченном масштабе. С этого времени и начинается резкое повышение спроса со стороны капитала на интеллектуальную продукцию, она приобретает свою собственную стоимость, удельный вес которой в общем объеме капитала неуклонно возрастает.

Конечно, воздействие накопления разнообразных научных знаний на развитие экономики носит не однозначный и не прямолинейный характер, особенно на этапе первоначального накопления капитала (или, как называет его У. Ростоу, *этапе подготовки условий экономического роста*). На самом деле переворот в технических и общественных условиях труда влечет за собой неизбежное снижение стоимости рабочей силы, поскольку «таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости»[1]. Более того, внедрение в непосредственный производительный процесс новейших достижений науки и техники на этом этапе приводит не столько к усилению общего умственного развития, сколько в определенной степени к отупению «среднестатистического» рабочего, поскольку в крупной промышленности происходит *«отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала* (курсив наш. — *В. А.*)»[2]. Как подчеркивает Энгельс: «Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя получить посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. С. 325.

[2] Там же. С. 434.

в производстве, чем труд и искусство рабочего, которым можно обучить в 6 месяцев и которым может обучиться всякий деревенский батрак» [1].

Правда, подобная ситуация продолжается не очень долго (во всяком случае в преобладающих масштабах), поскольку по мере развития индустриальных обществ постепенно начинает нарастать действие *закона перемены труда*, которое мы рассмотрим несколько ниже.

Впрочем, закон экономии времени в эту эпоху начинает проявляться не только в лавинообразном росте объема производства самых разнообразных материальных продуктов. Выше мы упоминали о том, насколько сократилось время перемещений между различными географическими пунктами; как, благодаря значительному повышению скорости передвижений и сокращению стоимости этих передвижений на единицу расстояния и времени, стало достижимо для большинства членов общества огромное множество разнообразных точек географического пространства и как стремительно сократилось время передачи информации.

Возрастание скорости *циркуляции информации*, а с ней — и скорости возрастания социального интеллекта увеличивается быстрее скорости всех остальных процессов, составляющих суть развития и эволюции общества. Таким образом, можно утверждать, что наибольшее влияние закон экономии времени по мере развития индустриального, то есть современного, общества оказывает, по сути дела, даже не столько на возрастание объема производства, массы и номенклатуры материальных продуктов (потребления и производства), сколько на *увеличение объема производства и скорости циркуляции интеллектуальной продукции*. Именно это и составляет одну из важнейших предпосылок информационной революции и возникновения, в конечном счете, того, что именуют информационным обществом.

Закон возвышения потребностей. Промышленная революция «запустила на полные обороты» и действие ряда других социально-экономических законов (в предшествующие эпохи проявлявшихся весьма слабо). Так, приобретает массовый характер действие *закона возвышения потребностей*, который раньше функционировал весьма ограниченно — может быть, в пределах очень тонкого слоя состоятельной и культурной элиты общества. Данный закон проявляет себя в эпоху промышленной революции уже в том, что множество предметов, вещей, товаров, орудий труда и наслаждений, которые ранее были доступны лишь богачам (не говоря уже о новых, неведомых прежде и самым богатым людям прошлого), благодаря значительному удешевлению и мас-

[1] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 2. С. 404.

совости производства входят в повседневный обиход множества рядовых членов общества.

Закон возвышения потребностей ввел в научную лексику В. И. Ленин в конце прошлого века в своем реферате «По поводу так называемого вопроса о рынках», где он писал: «...Развитие капитализма неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание создается вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. ...Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы... Этот же закон проявляет свое действие и в России... Что это, несомненно, прогрессивное явление должно быть поставлено в кредит именно русскому капитализму и ничему иному — это доказывается хотя бы уже тем общеизвестным фактом... что крестьяне промышленных местностей живут гораздо «чище» крестьян, занимающихся одним земледелием и не затронутых почти капитализмом» [1].

Ленин не развивает далее эту мысль и не возвращается к ней в последующих своих работах. Поэтому мы предлагаем немного задержаться на механизмах этого закона и причинах, вызывающих к жизни усиление его действия.

Собственно, на такую возможность указывали еще Маркс и Энгельс в первой главе своей «Немецкой идеологии»: «...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом» [2]. Вероятно, действие закона возвышения потребностей проявлялось и в предшествующие эпохи, и в обществах традиционного типа. Убеждаясь в удобстве использования новых, неизвестных их предкам, орудий труда и предметов личного потребления, люди быстро привыкают к ним, и всякое их исчезновение из своей жизни или уменьшение уровня их потребления уже рассматривают как снижение самого уровня жизни. (Хотя еще сравнительно недавно не только их предки, но и сами они, не подозревая об их существовании, вполне обходились без таких предметов и при этом ощущали себя в достаточной степени удовлетворенными.) Тем не менее на протяжении эпохи традиционных

---

[1] *Ленин В. И.* По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 101–102.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. — М., 1983. С. 20.

обществ общий уровень запросов подавляющей части населения остается весьма низким, слабо, почти незаметно изменяясь с течением времени. Многие поколения живут в кругу практически одинакового набора потребностей. Есть основания считать, что этот круг потребностей, скажем, у «среднестатистического» русского крестьянина конца XVIII века вряд ли резко отличался от комплекса потребностей, которым обладал его предок лет триста-четыреста назад. (Кстати, это определялось еще и крайне низким развитием коммуникационных сетей.)

Положение коренным образом изменяется с началом индустриализации. Мы упоминали выше, что основные признаки индустриального общества проявляются в истории системно. Не менее связанную и цельную систему представляет собой и рассматриваемая нами совокупность социально-экономических законов. Так, расширение масштабов действия закона возвышения потребностей вызывается к жизни интенсификацией закона экономии времени: значительно удешевляются вследствие массовости производства многие виды потребительской продукции, на рынке появляется множество неизвестных ранее ее видов. Именно вследствие удешевления товаров первой необходимости удешевляется и стоимость рабочей силы. В то же время совокупность этих процессов ведет к ситуации, которую К. Маркс называет *абсолютным обнищанием* рабочего класса. Попробуем дать определение этой ситуации.

Относительное обнищание пролетариата понять гораздо проще: оно возникает вследствие того, что темпы прироста доходов рабочего класса отстают от темпов прироста доходов буржуазии. Поэтому хотя в индустриальном обществе вроде бы действительно имеет место рост доходов «среднестатистического» рабочего, темпы этого роста все больше отстают от темпов прибылей, получаемых классом буржуазии. Но как понять сущность *абсолютного* обнищания? К. Маркс в большинстве случаев прямо связывает его со снижением уровня зарплаты рабочих в сравнении с их же прежним положением[1]. Однако уже Э. Бернштейн спустя всего полтора десятка лет после смерти Маркса подчеркивает как устойчивую тенденцию повсеместный рост доходов рабочего класса в абсолютном выражении[2]. В таком контексте понять суть абсолютного обнищания пролетариата можно лишь следующим образом: *темпы роста его доходов отстают от темпов роста его по-*

[1] См. напр.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1. С. 441–442, 497–499, 514–515 и др.

[2] См.: *Бернштейн Э.* Социальные проблемы. (Условия возможности социализма и задачи социал-демократии). — СПб., 1906.

требностей — в количественном, но в особенности в качественном отношениях.

На протяжении жизни одного поколения появляется все больше и больше новых, неизвестных прежде видов потребительской продукции, а главное — они очень быстро превращаются в предметы первой необходимости. Своеобразным символом такого процесса стала деятельность Генри Форда, сформулировавшего в качестве *миссии* своего бизнеса создание автомобиля, доступного среднему американцу (вспомним знаменитую фразу Остапа Бендера: «Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения»). Конечно, немалый вклад в развитие этого процесса вносит и реклама, но все же главная роль принадлежит головокружительным темпам роста массового производства, т. е. усилению действия уже известного нам закона экономии времени.

Итак, действие закона возвышения потребностей ведет к тому, что практически во всех слоях индустриального общества стремительными темпами изменяются требования к качеству жизни. И все большее место среди представлений об этом качестве занимают образование и повышение квалификации. На фоне растущего образовательного уровня друзей, сослуживцев, соседей и их детей «среднестатистический» обыватель уже начинает считать нормой получение более полного образования его детьми, повышение собственного образовательного и квалификационного уровня, приобщение его семьи к достижениям культуры и повышение интереса к политике. Таким образом, потребности интеллектуального развития и саморазвития все больше подпадают под воздействие общего закона возвышения потребностей.

Закон перемены труда. Совершенно особое место среди социально-экономических законов занимает *закон перемены труда*, который можно было бы рассматривать как своеобразную версию «закона возвышения интеллектуальных потребностей». Маркс вводит понятие этого закона в первом томе «Капитала»: «...Природа крупной промышленности обусловливает *перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего*... С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость и обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого... Это — отрицательная сторона. Но если *перемена труда* теперь прокладывает себе путь только как *непреодолимый естественный закон* и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду на-

талкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, *всеобщим законом общественного производства*, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения (курсив наш. — *В. А., А. К.*)»[1].

Сказанное Марксом может быть конкретизировано в виде следующих основных положений закона перемены труда.

1. Интересы прогрессивного развития общественного производства требуют постоянного приведения характера рабочей силы (образовательного, квалификационного, психологического и т. п.) в соответствие с действующим и быстро изменяющимся организационно-технологическим уровнем производства.
2. Это, в свою очередь, обусловливает необходимость постоянной готовности участников производительного процесса к тому, чтобы привести в такое же соответствие свои знания, умения и навыки как в количественном, так и в качественном (вплоть до смены специальности или даже профессии) отношении — то, что Маркс называет *всесторонней подвижностью*.
3. Закон этот *объективен*, то есть действует вне и независимо от воли людей, того, чего они хотят или не хотят, осознают или не осознают — со слепой и даже «разрушительной» силой естественного закона. Отменить, уничтожить или затормозить его действие не дано никому, его можно и должно лишь учитывать, приспосабливаться к нему. Сила данного закона будет действительно разрушительной до тех пор, пока не будут раскрыты его механизмы, а их действие будет направлено в выгодное для субъекта русло производственных отношений.
4. Закон перемены труда вступает в полную силу на стадии появления *крупной промышленности* (именно «природа крупной промышленности обусловливает перемену труда») и по мере развития индустриальной, а затем и научно-технической революции заявляет о себе все более мощно. В наибольшей степени проявление и характер действия данного закона зависят, главным образом, от уровня производительных сил, поскольку в нем отражаются именно характер и темпы их развития.
5. Действие этого закона, как никакого другого, стимулирует развитие интеллекта — и прежде всего индивидуального. Данное

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. С. 498–499.

развитие, по выражению Маркса, «как вопрос жизни и смерти», который ставит такого рода задачу: «...частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции заменить *всесторонне развитым индивидуумом*, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности (курсив наш. — *В. А., А. К*)»[1].

Отметим, что процесс *перемены труда* осуществлялся и до индустриальной революции. Но есть ли основания утверждать, что он подчинялся действию *закона перемены труда* — во всяком случае в том контексте, в каком он сформулирован у Маркса? Скажем, до вторжения капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство крестьянину приходилось поневоле быть попеременно и агрономом, и животноводом, и плотником. Однако этот круг занятий был достаточно четко очерчен, и за пределы его крестьяне не выходили из поколения в поколение. Следовательно, значение перемены труда, определяемое законом, о котором мы ведем речь, относится далеко не ко всякой смене видов деятельности одним и тем же индивидом.

Таким образом, человеческое общество в результате промышленной революции переходит в качественно иное состояние, именуемое индустриальной цивилизацией. Скорость социальных изменений увеличивается в колоссальной степени: их качество и объем резко возрастают, а время, в течение которого они протекают, сокращается до полутора-двух столетий.

Впрочем, объективность требует обратиться и к негативным последствиям индустриальной революции. Нравится нам это или нет, но один из основных принципов диалектики гласит, что за все приходится платить. Наряду с бесспорными благами, которые принесла человечеству промышленная революция, появились на свет (и тоже в колоссальных объемах) орудия смерти, чья «производительность» также подпала под общее действие закона экономии времени. Да, в сущности, и сами блага оказались не так уж и бесспорны: стимулируя производство все больших и больших объемов продуктов и товаров, вырабатывая у потребителя привычку к благам и стремление к приобретению все большего их количества, эпоха промышленной революции подвела человечество к порогу катастроф планетарного масштаба. Если даже отвлечься от вполне реальной опасности самоуничтожения в термоядерном пожаре, то уже становится невозможным закрыть глаза на то, как ненасытный молох индустрии требует для своего пропита-

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. С. 499.

ния все большего количества ресурсов — сырьевых и энергетических. И человек, вооруженный орудиями огромной мощи, прилагает напряженные усилия, чтобы прокормить этого молоха, рискуя подорвать саму основу собственного существования — природу. Другими словами, именно результаты промышленной революции заставляют по-новому взглянуть на сущность социально-исторической эволюции, о чем мы и вели речь в первом параграфе данной главы.

В то же время возрастающий дефицит всех видов сырья, энергии (и даже — в определенном смысле — человеческих ресурсов), видимо, и послужил одним из главных факторов, обусловивших возникновение и развитие третьей из рассматриваемых нами революций — *информационной*[1]. Уже первые ее плоды ощущаются как подлинное благо. Та часть человечества, которая проживает в странах, попавших в сферу влияния этой революции, кажется, навсегда избавилась от страха перед призраком голодной смерти, так долго маячившим на историческом горизонте (вспомним зловещего провидца Мальтуса!). Население этих стран в изобилии обеспечено продуктами первой необходимости (как, впрочем, и второй, и третьей). Но главное, пожалуй, даже не в этом. Наука, которая раньше была скорее бесполезной роскошью, нежели реальной необходимостью, превратилась в действительно производительную силу общества и поэтому стала рекрутировать в свои ряды все большее число людей. Доля населения, профессионально занятого наукой, растет. А это, в свою очередь, требует и соответствующего информационного обеспечения. Впрочем, научно-техническая революция второй половины двадцатого столетия расширяет материальные возможности для такого обеспечения. Если промышленная революция прежде всего «удлинила руки» человека, во много раз нарастила его мускульную мощь, то научно-техническая революция существенно расширила возможности человеческого интеллекта, создав машины, приспособления и приборы, практически неограниченно увеличившие емкость памяти и в миллионы раз ускорившие элементарные процессы переработки информации.

Это и создало предпосылки к тому, чтобы на мир обрушилась *информационная революция*. Завершив к началу 80-х годов XX века массовое обновление основных фондов (ориентированное главным образом на цели энерго- и ресурсосбережения), экономика наиболее развитых стран сместила главный акцент на автоматизацию и ком-

[1] Вряд ли это самостоятельная глобальная революция. Ее скорее следует рассматривать как первую фазу информационной революции.

пьютеризацию всех производственных процессов, в том числе и управления. Основой этого процесса становится электронная информация и развитие на ее базе автоматического производства. Если попытаться сформулировать суть одного из важнейших аспектов этой революции, то он, видимо, состоит в том, что именно она превращает информацию (практически любую!) во благо, доступное для массового потребления — подобно тому, как промышленная и научно-техническая революции делают массово доступными материальные блага. Владение и пользование знаниями перестают быть привилегией избранных.

Зародышем, из которого пятьсот с лишним лет спустя вызрела информационная революция, был печатный станок Иоганна Гуттенберга. До этого времени обмен информацией был очень слабым, а сведения и знания просачивались к человеку, что называется, по разрозненным каплям. Знания, умения и навыки передавались главным образом устно и «вприглядку» — от отца к сыну, от учителя к ученику, от поколения к поколению. Чтение, т. е. процесс получения информации через материального посредника, носителя этой информации, зафиксированной в знаковой системе, было уделом сравнительно небольшой части человечества. Объективно, помимо прочих причин (таких, например, как дороговизна материала — вплоть до появления сравнительно дешевой бумаги), широкому распространению грамотности препятствовала слишком низкая производительность труда переписчиков книг. Стоит ли говорить, что манускрипты и инкунабулы являются раритетами не только сегодня, но и были таковыми в саму эпоху их изготовления. Именно печатный станок помог соединиться информационным каплям в ручеек — поначалу слабый, тонкий, но с течением столетий превратившийся в полноводную реку.

Впрочем, потребовалось полтысячелетия, прежде чем эта река разлилась в море и стала коренным образом влиять на все условия существования человечества, переводя их в качественно иное состояние, которое все чаще именуют информационным обществом (хотя в социологии при определении такого общества пока еще употребляется термин *постиндустриальное*). Человеческая цивилизация обладает сегодня гигантским информационным потенциалом, под которым мы понимаем совокупность всех знаний (независимо от того, были ли они когда-либо использованы на практике), накопленных за время существования homo sapiens. Среди этих знаний имеется, вероятно, немало бесполезных (хотя кому дано знать, не обернутся ли какие-то из них завтра бесценными сведениями?). В то же время определенная часть знаний, накопленных людьми на этом тернистом пути, оказалась безвозвратно утраченной, и с этим уже ничего не поделаешь. Но ведь

и тот огромный объем, что сохранился, слишком долго существовал (да во многих отношениях и поныне существует) в первозданном хаосе, являясь в определенном смысле «нераздельной собственностью» многочисленных разрозненных общностей, групп и отдельных индивидов. Люди долгое время не придавали этому значения, не умея отделить главное от второстепенного, не занимаясь поисками результативных способов долговременного хранения, сопоставления, эффективной переработки, анализа и широкого распространения информации. Огромные ее объемы, терпеливо и неторопливо накапливаемые многими поколениями, слишком часто оказывались вдруг на краю пропасти небытия, а нередко и безвозвратно исчезали в этой пропасти — когда умирал последний носитель данной информации, не успев ни с кем поделиться, или сгорал на костре фанатиков единственный экземпляр рукописи... Но и сегодня, будучи зафиксированной во множестве книг, эта сокровищница знаний остается чем-то вроде мифического лабиринта, ждущего своей ариадниной нити. Те, кому в данный момент позарез нужна информация, могут растерянно и недоумевающе пожимать плечами, не зная, где ее искать, а порою просто не догадываясь о ее существовании. Часто от этого проигрывает все человечество, ибо остаются нереализованными тысячи плодотворных идей. Нередко драгоценное время талантливого человека расходуется на то, чтобы вновь и вновь «изобретать велосипеды».

Информационная революция направлена на то, чтобы разрешить это глобальное противоречие: с одной стороны, научно-техническая революция вследствие того, что усилилось действие закона перемены труда, резко повысила спрос на знания; с другой стороны, огромная масса населения даже в развитых странах оказывается просто не в состоянии освоить в требуемом объеме колоссальную массу информации (добытой, отметим, другими), одновременно все более остро нуждаясь в ней.

Опираясь на сказанное, можно сделать некоторые общие выводы относительно того места и значения, которые имели глобальные революции в истории человеческого общества. Бесспорно, все они имели интернациональный общечеловеческий характер и неотвратимо распространялись по земному шару. Э. А. Араб-Оглы отмечает, что «каждый из этих революционных переворотов в развитии производительных сил общества был прологом новой эпохи во всемирной истории и сопровождался глубокими необратимыми изменениями в экономической деятельности общества. Каждая революция порождала новые отрасли общественного производства (сначала сельское хозяйство, затем промышленность, а теперь сферу научно-информационной дея-

тельности), которые со временем превращались в доминирующие, и общество начинало уделять им очень много сил и внимания»[1].

Социальные последствия, общие для всех глобальных революций, можно было бы свести к следующим основным моментам.

- Каждая глобальная революция вела к резкому, многократному возрастанию производительности человеческого труда в сравнительно короткие — по сравнению с предшествовавшим периодом социально-исторического развития — сроки.
- Все глобальные революции сопровождались огромным ростом материального, вещного богатства общества.
- В ходе глобальных революций существенно углублялось разделение труда, возникало множество качественно новых видов профессиональной деятельности. Как результат этого — возникало массовое перемещение населения из традиционных в новые отрасли материального и духовного производства.
- В ходе технологических революций многие виды занятий, считавшихся прежде бесплодными и праздными, превращались в наиболее продуктивные и значимые.
- В результате глобальных революций происходили глубокие изменения в образе жизни людей.
- Каждая из глобальных революций вела в конечном счете к возникновению нового типа цивилизации.

Резюме

1. В большинстве социологических концепций социальная эволюция рассматривается как *восходящее* движение — как переход *от простого к сложному.* Эволюция противопоставляется также противоположному ей процессу разложения (дезинтеграции). По мере развития общества, как считал Г. Спенсер, комплекс социальных деятельностей, выполнявшихся прежде одним социальным институтом, перераспределяется между другими вновь возникшими или прежде существовавшими институтами. Дифференциация представляет собой возрастающую специализацию различных частей общества, создавая тем самым внутри общества все бóльшую гетерогенность. Г. Спенсер дает универсальное и наиболее общее определение эволюции: «Эволюция есть интег-

[1] *Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: Год 2000. — М., 1986. С. 10–11.

рация вещества, которая сопровождается связыванием движения, в течение которой вещество переходит из состояния неопределенной, бессвязной разнородности в состояние определенной связной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение».

2. Важнейшим проявлением усиления разнородности выступает *дифференциация* частей единого целого и выполняемых ими в этих рамках функций. Спенсер ввел в социологию понятие *социальной дифференциации*, применив его для описания универсального для всей общественной эволюции процесса возникновения специализированных институтов и *разделения труда*.
3. Среди сторонников социального эволюционизма имели место дискуссии о том, какие из факторов сильнее влияют на процесс эволюции: внутренние или внешние. Сторонники внутренних факторов, или *эндогенной эволюции*, считали, что развитие общества объясняется главным образом влиянием на него причин внутреннего происхождения. Приверженцы внешних факторов, или *экзогенной эволюции*, напротив, утверждали, что основу общественного развития составляют процессы заимствования полезных обычаев и традиций, распространения культурных ценностей из одних социальных центров в другие.
4. В современной социологии вплоть до недавнего времени доминировали главным образом марксистские концепции социальной революции. Согласно их точке зрения революция в методологическом смысле есть результат разрешения коренных противоречий в базисе — между производственными отношениями и перерастающими их рамки производительными силами. Центральным в марксистской теории социальной революции является вопрос о борьбе основных антагонистических классов.
5. В социологии выделяют ряд наиболее известных и влиятельных немарксистских социологических концепций социальной революции. *Теория циркуляции элит* (В. Парето) утверждает, что главная задача революции состоит в «прочистке» горизонтального и вертикального каналов мобильности, поскольку без периодической смены властной элиты и качественного изменения ее состава нормальное функционирование общества невозможно. *Теория модернизации* в качестве фактора революции делает акцент на разрыве между растущим уровнем политического образования и информированности достаточно широких слоев общества, с одной стороны, и отстающими от них реальными уровнями

экономических преобразований, а также развитием политических институтов и их демократизацией — с другой.

6. В соответствии с рядом современных социологических теорий можно указать на три *глобальные революции*, ядром которых является коренное изменение технологий, что указывает на их тесную связь с производительными силами. *Аграрная революция* ведет к переходу от примитивного общества к традиционному. *Индустриальная революция* трансформирует аграрное общество в индустриальное. В ходе ее резко усиливается действие трех социально-экономических законов: *закона экономии времени*, *закона возвышения потребностей*, *закона перемены труда*. Происходящая на современном этапе общественного развития *информационная революция* преобразует индустриальное общество в постиндустриальное.

Контрольные вопросы

1. Как звучит определение эволюции, данное Г. Спенсером?
2. Каковы основные положения социал-дарвинизма?
3. В чем состоят основные различия эндогенного и экзогенного подходов к описанию процесса социальной эволюции?
4. Что такое аккультурация?
5. В ходе социальной революции в чем состоит задача передового — для данной общественно-экономической формации — класса ?
6. В чем состоит сущность институционализации конфликта?
7. В чем заключается основная идея теории циркуляции элит?
8. Что выступает в качестве главного фактора всех глобальных революций и каковы общие последствия таких революций?
9. Какие два изобретения можно рассматривать в качестве «спускового механизма» индустриальной революции?
10. Перечислите три социально-экономичских закона, которые начинают функционировать «в полную силу» в ходе индустриальной революции.

Рекомендуемая литература

1. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. — М., 1977.
2. *Гумилев Л. Р.* Этногенез и биосфера земли. — М., 1993.
3. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. — М.-Л., 1959.

4. Козлова М. С. Экологический смысл эволюции человека // Человек. — 1998. № 4.
5. *Ленин В. И.* О лозунге «Соединенных штатов Европы» // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26.
6. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 13.
7. *Розе Г.* Прогресс без социальной революции? — М., 1985.
8. *Соарес К.* Общество в процессе изменения // Социологические исследования, — 1991. № 12.
9. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
10. *Спенсер Г.* Основные начала. — СПб., 1897.
11. *Сорокин П. А.* Социология революции // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
12. *Сорокин П. А.* Социокультурная динамика и эволюционизм // В кн.: Американская социологическая мысль. — М., 1994.
13. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. — М., 1989.
14. *Туровский М. Б., Туровская С. В.* Концепция В. И. Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии. — 1993. № 6.
15. *Фадеева Т. М.* Социальная революция и традиции // Социологические исследования. — 1991. № 12.
16. *Энгельс Ф.* Предисловие к работе Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 2.

Глава 12
Типология обществ

В предыдущей главе мы рассмотрели различные социологические подходы к изучению динамики развития человеческого общества. Большинство социологических концепций, как мы видели, абстрагируются не только от исторических деталей, но также от этнической и культурной специфики конкретных обществ: именно в этом и состоит особенность социологического анализа. По выражению П. А. Сорокина, «в отличие от истории и других *индивидуализирующих* наук социология является *генерализирующей* наукой», поскольку «...изучает свойства надорганики, которые повторяются во времени и пространстве, то есть являются общими для всех социокультурных феноменов... или для всех видов данного класса социокультурных феноменов» [1]. Другими словами, социологическая наука имеет дело со стандартизованными социальными объектами и явлениями, отыскивая во множестве самых разнообразных социальных явлений типовые черты, схожие для разных стран и народов, находящихся на одном и том же уровне социального развития.

Это в чем-то позитивистский подход: каждый человек уникален и неповторим, он отличается от любого другого человека цветом кожи, волос, уровнем интеллекта, особенностями жизненного опыта. В то же время люди имеют огромное количество схожих черт — строение внутренних органов, характер реакции на воздействие окружающей среды; все люди владеют членораздельной речью (хотя и могут говорить на разных языках); индивидуальное развитие людей (онтогенез) проходит через одинаковые фазы, в ходе которых совершается их социализация. То же самое касается и целых обществ. Если мы будем разрабатывать *социологическую* теорию динамики человеческого общества, то должны будем обратить внимание именно на эти общие, типовые черты, имманентно присущие всем. Нас должны интересо-

[1] *Сорокин П. А.* Структурная социология // *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. С. 161.

вать социальные изменения, *типовые* для всех стран и народов, независимо от того, в какое именно историческое время эти изменения совершаются. В результате мы получим типологию обществ.

Однако любая типология предусматривает выбор четких критериев, или так называемых *системообразующих признаков*. Мы видели в предыдущей главе, что марксистская формационная теория считала такими признаками уровень развития производительных сил и характер производственных отношений, где основной акцент делался на доминирующем характере собственности и ее главном объекте, который фактически давал название той или иной общественно-экономической формации. Концепции локальных цивилизаций в первую очередь обращали внимание на схожесть периодов развития и механизмов, вызывающих схожие последствия. Сорокинская концепция локальных цивилизаций в качестве системообразующего признака брала тип ценностей, господствующих в той или иной суперкультуре.

Мы в своей периодизации отталкиваемся от концепции индустриального общества, разработанной Раймоном Ароном в его работе «Индустриальное общество: Три эссе по идеологии и развитию» [1], и считаем, что достаточно подробный сравнительный анализ специфических характеристик различных уровней развития человеческих обществ можно было бы провести, основываясь на основных определяющих *параметрах*.

- *Характер общественного устройства:* тип социальной организации общества в целом, который был бы наиболее адекватным, а потому наиболее часто встречающимся (типовым) для данного уровня развития.
- *Характер участия членов общества в управлении:* степень причастности большинства взрослых дееспособных членов общества и отдельных его частей к выработке и принятию решений, обязательных для исполнения всеми.
- *Господствующий характер экономических отношений:* характеристика того, что в марксовой теории именуется «производственными отношениями» — то есть отношениями по поводу производства, распределения и потребления материальных благ.
- *Общий характер организационно-технологического уровня:* описание уровня развития производительных сил и способов их орга-

[1] См.: *Aron R.* The Industrial Society: Three essays on ideology and development. — New York, 1966.

низации. Речь идет, главным образом, о тех переменах в орудиях труда, источниках энергии и технологических циклах, которые совершаются при переходе от одной цивилизации к другой.

- *Структура занятости:* распределение работоспособных членов общества по четырем основным секторам обеспечения жизнедеятельности общества: *аграрный* (сельскохозяйственный), *индустриальный* (в доиндустриальных обществах — ремесленный), *сервисный* (обслуживание), *информационный.*
- *Характер поселений:* распределение наличного населения по различным типам сельско-городского континуума, создающее существенные различия в условиях и образе жизни[1].
- *Уровень и масштабы образования:* характер развития института образования (прежде всего формального) и его влияние на характер и темпы социальных изменений.
- *Характер и уровень развития научных знаний:* развитие науки как самостоятельного социального института и связь его с другими институтами общества.

Разумеется, при проведении более обстоятельного изучения социальных изменений, происходящих при переходе обществ от одного типа цивилизации к другому, нам потребовалось бы рассмотреть гораздо большее количество характеристик. Например, добавить к уже перечисленным выше *принципы социального структурирования, характер взаимодействия с окружающей природной средой, роль и место религии в социальной жизни, институт брака и семьи* и др. Однако это, как нам кажется, существенно загромоздило бы наш анализ, поэтому мы ограничимся восемью приведенными выше.

Какие типы обществ мы выделяем? Ответ на этот вопрос можно найти на схеме перехода от одного типа обществ к другому в результате той или иной глобальной революции (см. рис. 21). Благодаря работам Уолта Ростоу в социологии общепринятым считается деление обществ на традиционные и современные. Однако в современных социологических исследованиях «современные» общества часто подразделяются еще на «индустриальные» и «постиндустриальные». В то же время В. Л. Иноземцев, анализируя взгляды общепризнанных теоретиков постиндустриального общества, справедливо указывает, что «ни один из них не исследовал сколь-либо подробно хозяйственные проблемы доиндустриальных обществ, лишь изредка упоминая в своих

[1] См., напр.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 212.

работах их отдельные аспекты»[1]. Между тем понять подлинное значение современных тенденций развития человеческого общества можно лишь в контексте исторического развития. Экстраполяция будущего возможна как минимум по трем точкам — из прошлого через настоящее в грядущее. Нам представляется, что и такая схема недостаточно полна, поскольку, изучая динамику развития человеческого общества *в целом*, вряд ли правомерно исключать из анализа и дотрадиционные, то есть примитивные общества. Постараемся в определенной степени восполнить эти пробелы.

§ 1. Примитивное общество

Следует признать, что в социологии сам термин «примитивное общество» используется не очень часто. Это понятие пришло скорее из эволюционной антропологии, где с помощью его обозначают общества, представляющие собой некую начальную стадию, от которой ведется отсчет развития более сложных обществ. Это понятие подразумевает, что современный человек более интеллектуален, нежели его дикие, иррациональные предки. Вне этого подразумеваемого смысла примитивное общество рассматривают просто в качестве маломасштабных общин, неграмотных, технологически простых и основанных на предельно упрощенных социальных отношениях, хотя и признается, что эти отношения уже вышли за пределы чисто грегарных, т. е. стадных. взаимодействий, основывающихся на инстинктах и условных рефлексах, выработанных условиями стадного существования даже высших животных.

Однако некоторые социологи уделяли примитивному обществу довольно пристальное внимание, поскольку именно в нем зарождаются большинство из тех социальных институтов, которые образуют каркас социальной системы на более поздних фазах эволюционного развития. Напомним, что именно изучение элементарных форм религиозной жизни в таком типе общества позволило Дюркгейму разработать обобщенную социологическую концепцию религии, применимую и к более высоким уровням социального развития. Нельзя забывать и о том, что не менее девяти десятых всего периода времени, в течение которого происходила эволюция социума, приходится именно на при-

[1] *Иноземцев В. Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность. — 2001. № 3. С. 142.

митивные общества, и в некоторых отдаленных уголках планеты по сей день сохраняются такие формы социетальной организации.

Слабая разработанность социологических концепций примитивных обществ объясняется прежде всего отсутствием достоверной информации о характере социальных отношений в них, поскольку в них отсутствует письменность. Напомним, что интеллектуальная и социальная жизнь всех стадий примитивных обществ, описываемых Г. Морганом как дикость и варварство, базируется на устной традиции — легендах, мифах, учете и соблюдении систем родства, господстве обычаев, обрядов и т. п. Некоторые теоретики (например, Л. Леви-Брюль) предполагали, что в этих обществах господствуют (от франц. *prélogique* — дологический) «до-логические» формы *примитивной ментальности*, которые ассоциируются с аналогичными формами технологической и социальной организации.

Тем не менее не следует забывать, что и на этом простейшем (но уже существенно превосходящем то, что свойственно животным) уровне развития мы имеем дело с *человеческим обществом*. А это значит, что и примитивные общности должны быть объектом социологического анализа, и в качестве инструмента такого анализа вполне могут быть применимы определенные нами выше восемь параметров социальных институтов.

Характер общественного устройства. В примитивном обществе вся социальная организация основана на родовой общине. Напомним, что в силу господствующего в этот период материнского права понятием *«род»* обозначается круг родственников по материнской линии (имеющих общую прародительницу), которым запрещено вступать между собой в брачно-половые связи. Вероятно, именно необходимость поисков брачных партнеров вне своего рода обусловливает необходимость постоянного взаимодействия нескольких родов, расположенных в большей или меньшей территориальной близости. Система таких взаимодействий образует *племя*[1]. (Разумеется, эта схема носит несколько упрощенный характер, поскольку между родом и племенем существует и промежуточная структурная единица — фратрия.) Необходимость поддержания постоянных контактов оказывает влияние на общность языка. Постепенно складывается также определенный уровень хозяйственных связей. Тем не менее социальная организация примитивных обществ не поднимается выше уровня племенных союзов,

[1] Отсюда общее название родоплеменной системы отношений — *трайбализм* (от англ. *tribe* — племя).

образуемых главным образом для борьбы с каким-то общим врагом и распадающихся после того, как опасность миновала. В более сложных типах общественной организации просто не возникает необходимости: этого не требуют ни численность населения, ни уровень разделения труда, ни регулирование хозяйственных связей.

Характер участия членов общества в управлении его делами. Данный характер во многом определяется малочисленностью примитивной общины. Исследования антропологов и этнографов показывают, что *участие*[1] членов примитивного общества в управлении его делами носит относительно прямой, хотя и слабо организованный, неупорядоченный, спонтанный характер. Во многом это связано с тем, что функции управления попадают в руки отдельных членов общины (вожаков, старейшин, вождей) на основе случайных факторов и исполняются *непрофессионально*, чаще всего, так сказать, «на общественных началах». Общепризнанных и постоянных механизмов отбора «элиты» еще не сложилось. В одних случаях все зависит от физической силы; в других решающим фактором является возраст и связанный с этим жизненный опыт; иногда — внешние данные, пол или же психологические (например, волевые) черты. Описываются и случаи физического уничтожения лидера по истечении какого-то заранее оговоренного и освященного обычаем периода. Ясно одно: члены родоплеменной общины в гораздо большей степени, нежели когда-либо позднее, информированы об общем положении дел в общине — уже в силу ее сравнительной малочисленности, и каждый из них может внести более весомый и реальный вклад в принятие управленческих решений по сравнению со своими отдаленными потомками.

Понятно, что власть старейшин — то есть самых умудренных опытом и наиболее уважаемых членов рода — не могла быть наследуемой. Энгельс, описывая систему власти у ирокезов, указывает на такой весьма характерный момент: «Сахемом [2] никогда не избирался сын предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду» [3]. Кстати, избрание

---

[1] Это понятие *(participation)* является общепринятым в западной социологии и политологии и обычно не требует дополнительных комментариев, хотя иногда специально сопровождается определением political.

[2] Старейшина рода для мирного времени (в отличие от вождя — для военного).

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв: В 3 т. Т. 3. С. 284.

сахема было коллегиальным актом не только потому, что оно совершалось всеми членами рода, но и потому, что оно подлежало утверждению со стороны остальных семи родов, составлявших племя ирокезов, а вновь избранный сахем торжественно вводился в состав общего совета племени.

Статус старейшины был не аскриптивным, а достигаемым по определению. Для приобретения этого статуса нужно было не просто дожить до определенного возраста, но и накопить такие опыт, знания, умения и навыки, которые могли оказаться полезными не только их обладателю, но и всем другим членам общины. По мере демографического прироста, а также развития и усложнения общественных отношений расслоение общества постепенно усиливалось, так как одновременно возрастало число властных страт и повышалась концентрация власти в них. «Политический конус начинал расти, но никак не выравниваться» [1].

Господствующий характер экономических отношений. В примитивных обществах вряд ли можно говорить о сколько-нибудь значительном развитии экономики как таковой. Вплоть до аграрной революции уровень, до которого развиваются орудия труда и технология, не позволяет возникнуть в заметных масштабах *производству*, т. е. переработке природных продуктов в продукты труда, пригодные для дальнейшего непосредственного использования. Производство (если не считать таковым термообработку пищи) ограничивается здесь изготовлением простейших орудий добычи и лова, а также одежды — почти исключительно для личного употребления. Отсутствие прибавочного продукта, а вследствие этого — невозможность возникновения частной собственности и товарного обмена не вызывают необходимости в развитии более сложных производственных отношений, делая их попросту бессмысленными. Хозяйство этого периода является в полном смысле этого слова *натуральным*, когда все, что производится, потребляется без остатка самим производителем и членами его семьи.

Общий характер организационно-технологического уровня. Жизнь примитивного общества вплоть до аграрной революции — это постоянное *добывание* средств к жизни, причем непосредственно из природы. Главные занятия членов общества — собирательство пригодных в пищу растений, плодов и кореньев, а также охота и рыбная ловля. Поэтому основными продуктами труда являются применяемые в этих

[1] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. С. 335.

промыслах орудия. Впрочем, орудия эти, равно как и инструменты для их изготовления, столь же примитивны, как и вся жизнь общества.

Кооперация членов общества проявляется главным образом в совместных действиях, чаще всего в виде простого сложения физических сил, в крайнем случае — в элементарном распределении обязанностей (например, при загонной охоте). В одном из подстрочных примечаний в «Капитале» имеется ссылка на французского историка и экономиста Симона Ленге, который называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — одной из первых форм охоты. При этом, как констатирует Маркс, «та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например, у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общественной собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»[1].

Структура занятости. Примитивное общество характеризуется *элементарным половозрастным разделением труда*. Большинство из мужчин — членов первобытных общин, в зависимости от природных условий своего ареала обитания, занято каким-то одним из промыслов — либо охотой, либо рыбной ловлей, либо собирательством. Говорить о сколько-нибудь глубокой специализации членов общин по родам занятости не приходится — как по причине их малочисленности, так и в силу низкого уровня развития производительных сил. Практическое отсутствие прибавочного продукта служит самым серьезным барьером на пути общественного разделения труда. Люди примитивного социума *универсальны и всесторонни* в меру накопленных в общине знаний, умений и навыков и в силу необходимости поддерживать условия своего существования, на что уходит практически все время, которого не остается больше ни на что. На рубеже, отделяющем примитивное общество от традиционного, происходит *первое крупное общественное разделение труда* — выделение пастушеских племен из остальной массы варваров. Это означает, что появляется первый сектор занятости — *аграрный*, который на долгое время сохраняет ведущее место среди остальных.

Характер поселений. На протяжении огромного по продолжительности периода существования примитивного общества большинство

[1] *Маркс К.* Капитал. С. 346. Позднее Э. Дюркгейм расширит понимание такого рода кооперации до идеи механической солидарности.

родов и племен ведут кочевой образ жизни, переселяясь вслед за мигрирующими источниками пищи — рыбой и дичью. Первые зачатки локализованных поселений, т. е. деревень, Морган, а затем и Энгельс относят к еще высшей ступени дикости [1]. Первые же городские поселения возникают только на исходе варварства и на заре цивилизации (в моргановском понимании), т. е. с переходом к традиционному обществу.

Уровень и масштабы образования. В примитивном обществе формирование социального и индивидуального интеллекта (точнее, его предпосылок) сопровождалось рядом важных специфических особенностей. Накопление знаний и передача их последующим поколениям осуществлялись изустно и в индивидуальном порядке. В этом процессе особая роль принадлежала *старикам*, которые в данном обществе выступали хранителями, блюстителями и даже в необходимых случаях реформаторами установленных нравов, обычаев и всего комплекса знаний, составлявших существо материальной и духовной жизни. Старики были «аккумуляторами» социального интеллекта и в какой-то степени считались его воплощением. Таким образом, уважение, которое питали к ним остальные члены общества, носило не столько моральный, сколько в значительной степени рациональный характер. Как отмечает А. Гусейнов, они, «старики, выступали носителями трудовых навыков, овладение которыми требовало многолетних упражнений и поэтому было доступно только людям их возраста. Старики персонифицировали в себе коллективную волю рода или племени, а также ученость того времени. За свою жизнь они овладевали несколькими диалектами, необходимыми для общения с другими кровнородственными объединениями; знали те наполненные таинственным смыслом обряды и предания, которые должны были храниться в глубоком секрете. Они регулировали осуществление кровной мести, на них лежала почетная обязанность наречения именем и т. д... Поэтому необычайный почет и уважение, оказываемые старикам в первобытную эпоху, ни в коем случае нельзя истолковывать как разновидность социальной филантропии, благотворительности» [2].

Если принять во внимание среднюю продолжительность жизни, которая в примитивном обществе была вдвое, а то и втрое меньшей, нежели в современных обществах, то станет ясно, что и удельный вес стариков в популяциях был в ту пору гораздо ниже, чем ныне. Хотя

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 227.

[2] *Гусейнов А.* Золотое правило нравственности. — М., 1988. С. 20–21.

следует отметить, что даже в нынешних примитивных племенах (например у австралийских аборигенов), как отмечает тот же А. Гусейнов, проводится различие между просто дряхлыми стариками и теми стариками (старейшинами), которые продолжают принимать активное и творческое участие в жизни общины.

Характер развития научных знаний. Как было сказано выше, в примитивном обществе накопление знаний и передача их последующим поколениям осуществлялись изустно и в индивидуальном порядке. В таких условиях аккумуляции и систематизации накопленных знаний, что собственно, и составляет необходимое условие развития науки, не происходит. Из четырех типов знания, которые мы выделили в первой главе, запас сведений примитивного социума об окружающем мире ограничивается лишь знанием здравого смысла, мифологией и идеологией, причем на элементарном уровне — в той мере, в какой дюркгеймовская механическая солидарность проявляет себя в противопоставлениях типа «свой-чужой».

Процесс перехода от родоплеменного к новому типу общественного устройства — государственному — обычно характеризуется формированием так называемых вождеств, складывающихся в достаточно крупных объединениях людей, как правило, не меньше племени. *Вождество*[1] — это особая форма централизованной социальной организации, опирающаяся изначально на преданность (лояльность), а не на формальные институты принуждения. Вождества характеризуются уже возникновением определенных паттернов социальной стратификации и экономической системы, а также перераспределением материальных благ.

Вождество рассматривается как протогосударственная организация. Это иерархически организованный строй, в котором еще отсутствует разветвленный профессиональный управленческий аппарат, выступающий неотъемлемой чертой зрелого государства. Но уже существуют в зачаточном виде его основные характерные черты — такие, например, как обособленные отряды воинов, подчиняющихся только вождю и признающих в нем единственный источник власти, а также определенная пирамида власти. Количество уровней управления здесь колеблется от двух до десяти. Конечно, это несравнимо со сложными обществами, но уже представляет собой серьезный шаг в этом направлении.

---

[1] *Chiefdom* (англ.). В некоторых отечественных работах по социологии используется прямая русскоязычная калька — *чифдом*.

§ 2. Традиционное общество

Некоторые социологи при описании периодизации развития человеческих обществ от низших к высшим используют термин «цивилизация», рассуждая о «традиционной цивилизации», «индустриальной цивилизации», «постиндустриальной цивилизации». Мы не случайно избегаем здесь этого понятия и употребляем обобщенный термин «общество». Дело в том, что так диктует заданная нами полнота картины социальной динамики. Понятие «цивилизация» по определению неприменимо к примитивным обществам, поскольку там отсутствует письменность (не случайно иногда по отношению к ним используют термин «до-письменные общества»).

Давайте еще раз обратимся к схеме прогрессивного развития человеческих обществ (см. рис. 21), чтобы постоянно держать в уме, что переход от одного типа общества к другому совершается как результат определенной глобальной революции. Сравнивая те трансформации, которые имеют место при переходе от одного типа общества к другому, мы могли бы последовательно выявлять те социальные изменения, которые являются результатом этой революции. Примитивное общество преобразуется в традиционное в ходе развития аграрной революции, и те социальные изменения, которые она вызывает к жизни, как раз и образуют общую специфику всех традиционных обществ. Эти социальные изменения мы и попытаемся описать в данном параграфе.

Характер общественного устройства. Итак, трансформация примитивных общин в традиционное общество совершается в ходе аграрной революции, вызвавшей огромные социальные изменения не только в экономике и технологии, но и во всех без исключения сферах социальной жизнедеятельности. Появление избыточного, а с развитием частной собственности — и прибавочного — продукта означает возникновение материальных оснований для образования качественно новой формы социального устройства — *государства*.

Есть основания полагать, что институт государства с большей вероятностью возникает у земледельческих народов. Дело в том, что занятие земледелием требует больших трудозатрат и в силу этого практически не оставляет тем, кто в него вовлечен, времени для воинских (или охотничьих) упражнений. Трудозатраты в скотоводстве гораздо меньше, вероятно, именно поэтому каждый взрослый кочевник — одновременно воин. Земледельческие общины в большей степени нуждаются в профессиональной военной защите своих территориальных рубежей: в силу этого у них раньше и отчетливее формируется объективная

потребность в обособленных вооруженных отрядах, составляющих костяк государства.

Появление государства тесно связано с возникновением вначале избыточного, а затем прибавочного продукта, а значит, частной собственности и возможности отчуждения этого продукта от его производителя. Причем отчуждение совершается уже не только путем купли-продажи, но и путем изымания определенной части продукта в форме дани и налогов. Эта часть прибавочного продукта поступает на содержание профессионального аппарата управления, армии и коерсивных сил, обеспечивающих упорядочивание социальной жизни.

Благодаря появлению возможности создания прибавочного продукта и отчуждения его в пользу государства в обществе постепенно складывается слой людей, не занятых в производительном процессе, а потому располагающих достаточно большим объемом свободного времени, необходимого для интеллектуальных занятий. Это элита не только в социальном, управленческом, но уже и в интеллектуальном смысле. Обратим внимание на то, что определенная часть ее представителей профессионально занимается управлением, а значит — достаточно постоянной и длительной обработкой информации, требуемой для принятия управленческих решений. Институт государства начинает требовать для обслуживания своих нужд все больше профессионально подготовленных чиновников, порождая тем самым *институт образования*. Государство очень тесно связано также с развитием *института права*.

Постепенно в каждом из традиционных государств создаются и разрастаются особые, как правило, тоже вооруженные группы, на которые возлагаются функции коерсивного социального контроля, независимо от того, как они называются, — полиция, городская стража или как-то еще. Эти организованные гражданские силы осуществляют задачи «внутренней» охраны сложившегося правопорядка и собственности. Хотя формально профессиональная полиция появляется в большинстве обществ в более позднюю, скорее в индустриальную эпоху, в той или иной форме она присуствует на всем протяжении существования традиционных обществ.

Формы правления в большинстве традиционных государств, за очень небольшими исключениями, носят сугубо авторитарный характер. Это власть одного правителя либо очень узкого элитного круга — диктатура, *монархия* или олигархия. Наиболее давние и прочные традиции имела, разумеется, монархия, и чаще всего именно к ней все и сводилось; даже диктаторы, захватившие власть лично и не имевшие

формального титула монарха, стремились в конечном счете к легитимизации своей власти именно в виде монархии. Тенденции развития монархий в зрелых традиционных обществах, приближающихся к индустриальной революции, таковы, что в них, как правило, в конце концов складывается сильное *централизованное* государство — чаще всего в той или иной форме *абсолютной монархии*. Это выступает одной из важных предпосылок успеха последующего процесса индустриализации.

Характер участия членов общества в управлении его делами. Выше мы вкратце описывали механизмы социальных изменений в традиционном обществе, связанных с развитием профессионализма в управленческой сфере. Эта профессионализация, в сочетании с формированием института моногамной семьи и наследования, ведет к возникновению элиты, обособленной от остальной части общества. Возникновение института государства и права одновременно обусловливает возникновение политики как таковой и развитие политической сферы жизнедеятельности. Данная сфера, как и все другие, тесно вплетена во всю систему социальных отношений. В чем это выражается?

В частности, в том, что в Европе, например, вплоть до XX века абсолютное большинство взрослых людей (в том числе — практически все женщины) находились в экономической и юридической зависимости от главы того семейства, к которому они принадлежали, поскольку именно семья составляла основную производственную единицу как в сельскохозяйственном, так и в ремесленном производстве. И только главы этих семейств могли рассматриваться как полноценные участники системы взаимоотношений местного (общинного) самоуправления. Уровень же государственного управления можно было вообще не принимать в расчет, поскольку оно всецело находилось в компетенции тех, кто принадлежал к меньшинству правящей элиты. Все остальные члены общества, даже будучи формально свободными, занимали в общине третьеразрядное положение, а возможно, и ниже.

Отстраненность от участия в управлении подавляющего большинства населения характерна не только для монархических государств, но и для античных и средневековых демократий. Достаточно вспомнить, например, классическую афинскую демократию. Что представлял собою афинский *демос*, который мы привыкли переводить как «народ»? Этим понятием здесь обозначали свободное население государства или города-полиса, обладавшее гражданскими правами (в отличие от метеков, периэков, рабов и др.). Причем не все свободное

население: к демосу города-государства Афины принадлежала лишь мужская часть взрослого свободного населения, причем исключительно городского. Ко времени наивысшего расцвета Афин общее количество свободных горожан, включая женщин и детей, составляло приблизительно 90 тыс. человек, а рабов обоего пола насчитывалось 365 тыс., чужеземцев и вольноотпущенников, состоявших под покровительством, — 45 тыс. «На каждого взрослого гражданина мужского пола [1], — делает вывод Энгельс, — приходилось, таким образом, по меньшей мере, 18 рабов и свыше двух находившихся под покровительством» [2]. Другими словами, фактически афинский демос составлял менее 5 % всего населения полиса.

Господствующий характер экономических отношений. Традиционное общество складывается одновременно с появлением прибавочного продукта, а следовательно, с возникновением частной собственности и товарного обмена. Частная собственность остается господствующей на протяжении всего периода развития традиционного, а затем и индустриального обществ. Можно говорить лишь об изменении ее главного объекта в разные периоды. В рабовладельческой формации *главным объектом* частной собственности являются *люди*, в феодальной — *земля*, а в капиталистической — *капитал*.

Вследствие сравнительно низкого уровня развития производительных сил в различных производственных отраслях традиционных обществ преобладает так называемая *экономика пропитания* [3]. Экономика пропитания, именуемая также «самодостаточной» или «естественной» экономикой, характеризуется следующими чертами.

1. Хозяйственная единица производит продукт, главным образом, для своего непосредственного потребления (а наиболее распространенной производственной ячейкой в традиционном обществе выступает крестьянская семья; в меньшей степени это относится к мастерской ремесленника, хотя она также организуется обычно в рамках семьи.
2. Эта единица в своем потреблении довольно слабо зависит от рынка; во всяком случае, непосредственно на рынок поступает лишь небольшая часть производимого продукта.

---

[1] Которые, собственно, и составляли демос, поскольку женщины и дети в него не входили.

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 315.

[3] Subsistence economy (см.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 246).

3. В хозяйственной единице складывается чрезвычайно слабая специализация или разделение труда. Это уже не совсем натуральное хозяйство, однако все же ближе к нему, нежели к коммерциализированному производству.

Экономику пропитания считают типичной для докапиталистического периода развития. Она определяется слабым развитием экономического обмена. Конечно, реально все эти так называемые самодостаточные хозяйства производимый ими продукт фактически и покупают, и продают на рынке. Так что речь идет лишь об относительной доле прибавочного продукта, предназначенного для продажи или товарного обмена. И все же крестьянская семья крайне слабо зависит от рынка и его конъюнктуры.

Характерная черта всех традиционных обществ — острое неравенство распределения произведенных благ (заостренный профиль стратификации). При переходе от родового строя к государственному это неравенство резко обостряется. Энгельс, описывая зарождение Афинского государства, указывает, что «крестьянин мог быть доволен, если ему разрешалось оставаться на участке в качестве арендатора и жить на *шестую часть* продукта своего труда, уплачивая остальные *пять шестых* новому хозяину в виде арендной платы»[1]. Именно экономическое неравенство составляет основу всех остальных видов главной стратификации традиционного общества — политической и профессиональной.

Общий характер организационно-технологического уровня. Бесспорно, разнообразие орудий труда в традиционных обществах, особенно на достаточно зрелых стадиях развития, неизмеримо шире, а уровень технологий неизмеримо выше. Искусство ремесленников здесь иногда отличается такими достижениями, которые не всегда удается повторить даже с помощью современных технических средств. Однако, как мы уже говорили, социология, являясь «генерализирующей» наукой, проявляет интерес прежде всего к общим чертам, характерным для любой эпохи в целом. Рассматривая традиционное общество, следует отметить две такие общие черты.

Во-первых, одной из причин существования пределов увеличения выработки продукции на душу населения традиционного общества является использование в производительном процессе в качестве источника энергии исключительно или главным образом *мускульной силы*

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 308.

человека и животных. Можно буквально по пальцам перечислить те сферы, где применяются неодушевленные источники энергии: энергия падающей воды (для вращения мельничного колеса) и ветра (движение парусных судов или вращение того же мельничного вала).

Во-вторых, в качестве основной хозяйственной единицы на всем протяжении традиционной эпохи выступают, как мы уже упоминали, *семья, домашнее предприятие*[1]. В феодальном сельскохозяйственном производстве во главе группы домашних хозяйств стоит помещик, его отношения с домашними слугами и с крестьянами строятся на принципах патернализма, по патриархальной модели. Далее по иерархии идут члены его семьи, управляющие хозяйством, слуги, затем — крестьяне. Наиболее распространенной первичной ячейкой производства является крестьянская семья во главе с крестьянином и состоявшая из его чад и домочадцев, которые, как уже упоминалось, находились в той или иной степени зависимости от главы семейства, а все семейства общины — от помещика, владельца земли и сельскохозяйственных угодий. При этом поле их деятельности (в прямом смысле) находится в непосредственной близости от жилища.

И в ремесленном производстве во главе мастерской находится мастер-ремесленник; непосредственными работниками выступают, как правило, члены его семьи — жена и дети, неженатые ученики и подмастерья, вольнонаемные (тоже чаще всего неженатые) ремесленники. Обычно почти все они живут под одной крышей — как правило, той же самой, под которой работают, причем именно на правах членов семьи — за кров, стол и одежду. Можно буквально по пальцам пересчитать профессии, представители которых трудились вдали от дома — моряки, рыбаки, рудокопы, извозчики.

Структура занятости. Структура занятости в традиционном обществе формируется в ходе аграрной революции. Она определяется постепенным ростом уровня производительности и доли прибавочного труда в общем объеме труда. Скорее всего, на ранних этапах развития разделение труда здесь носит еще не очень значительный характер. Вначале имеет место «*второе крупное разделение труда* — ремесло отделилось от земледелия»[2]. Это означает появление второго сектора занятости — *ремесленного*, которому еще не скоро предстоит перерасти

[1] См.: *Бендикс Р.* Современное общество? // Американская социология. — М., 1972.

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 355.

в *индустриальный* (или промышленный). Затем возникает «производство непосредственно для обмена» — товарное производство, а вместе с ним и *торговля*, причем не только внутри племени, но уже и с заморскими странами [1]; это кладет начало будущему *сервисному* сектору занятости. Наконец, профессионализируется управленческая деятельность, за нею — деятельность по отправлению религиозного культа; и та и другая принадлежат к *информационному* сектору, который объединяет в себе все профессиональные занятия, связанные с обработкой и накоплением социальной информации. К информационному сектору здесь и далее мы причисляем всех тех, «кто производит, обрабатывает и распространяет информацию в качестве основного занятия, а также кто создает и поддерживает функционирование информационной инфраструктуры» [2].

Вероятно, складывающийся в конечном счете характер распределения членов традиционного общества по различным секторам занятости может существенно отличаться от одного конкретного общества к другому в зависимости от общего уровня развития, этнических, культурных, географических и иных условий, однако имеются здесь и общие закономерности.

Во-первых, в силу определенного разнообразия общественных потребностей (которое, конечно же, возрастает по мере развития общества) постепенно заполняются все четыре основных сектора.

Во-вторых, подавляющая доля членов общества занята в аграрном секторе, который должен «прокормить», т. е. обеспечить производимыми продуктами питания не только собственных работников, но и представителей других секторов. Учитывая крайне низкую производительность сельскохозяйственного труда в эти эпохи, следует предположить, что к аграрному сектору относились более половины трудоспособных членов традиционных обществ [3].

Характер поселений. Одной из важнейших характеристик развития традиционных обществ, начиная с самых ранних стадий, следует считать возникновение принципиально новых типов поселений — городов.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 356.

[2] *Гаузнер Н.* Теория «информационного общества» и реальности капитализма // Мировая экономика и международные отношения. — 1985. № 10. С. 52.

[3] Исходя из критерия Р. Бендикса: «современным» обществом может считаться такое, где сельскохозяйственным трудом занято менее половины наличного населения (См.: *Бендикс Р.* Современное общество).

«Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен — показатель огромного прогресса в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличивавшейся опасности и потребности в защите»[1].

Города становятся центрами проживания для членов общества, принадлежащих ко второму и третьему секторам занятости, — торговцев и ремесленников, а следом за этим — и для представителей четвертого сектора, информационного. Каменные стены, защитная сила которых становится фактором, привлекающим многих из представителей этих сословий, окружают не только дома вождей племенных союзов (а затем и государств), но и монастырей. Поэтому здесь сосредоточивается вся политическая, промышленная (точнее, ремесленная), а также интеллектуальная жизнь традиционных обществ. Впрочем, как уже было сказано, на протяжении всей традиционной эпохи подавляющее большинство членов общества — сельские жители. Это следует уже из описанной выше структуры занятости традиционных обществ, где основу экономики составляет сельскохозяйственный сектор, поглощающий огромную часть трудоспособного населения.

Уровень и масштабы образования. К традиционной эпохе относится появление образования как особого социального института. В предыдущий период отсутствие материальных носителей информации не позволяло надежно сохранять, накапливать и систематизировать знания, а также избегать многочисленных, как при «испорченном телефоне», искажений (включая неизбежную нормативную и ценностную окраску) в процессе устной передачи их. В то же время во всех традиционных обществах образование является привилегией довольно тонкого социального слоя. И дело не только в нехватке подготовленных учителей. Одна из основных причин — чрезвычайная дороговизна книг, по которым можно было проходить обучение.

Материальные предпосылки роста массовой грамотности возникают лишь к концу традиционной эпохи, после изобретения книгопечатания. Тем не менее печатные книжные и появившиеся позднее периодические издания, особенно светского содержания, в течение достаточно длительного времени остаются достоянием только элитной части общества. Отчасти это, вероятно, связано с дорогой ценой и печатных изданий, обусловленной их небольшими тиражами. Проспер

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 355.

Мериме в своей новелле «Таманго» упоминает любопытный факт из жизни одного из ее героев — Леду — в бытность его помощником капитана на каперском судне: «Деньги, вырученные за добычу, взятую с нескольких неприятельских кораблей, дали ему возможность купить книги и заняться теорией мореплавания»[1]. А ведь это уже эпоха наполеоновских войн — по сути, начало индустриальной революции во Франции.

Однако главным препятствием к росту числа образованных людей является отсутствие у подавляющего большинства членов общества потребностей и серьезных побудительных мотивов к получению какого-либо образования: их повседневная трудовая деятельность чаще всего не требует никакой новой информации, никаких новых знаний сверх того, что было получено от первых наставников и приобретено с опытом; кроме того, сама работа, изнурительная и продолжающаяся половину суток и более, почти не оставляет для дополнительных интеллектуальных занятий ни времени, ни сил. Продвижение вверх по социальной лестнице в обществе, разделенном довольно прочными сословными перегородками (а именно такова социальная структура большинства традиционных обществ), также практически не связано с получением образования.

Сказанное относится к трем из четырех выделенных нами выше секторов занятости, за исключением информационного, где и в тот период само содержание труда требовало сравнительно большого объема знаний, получить которые можно лишь с помощью систематического образования. Однако в традиционном обществе удельный вес занятых в этом секторе людей все же ничтожно мал по сравнению со всеми остальными секторами и не может оказать серьезного влияния на повышение роли образования для успешной профессиональной деятельности и на возникновение соответствующей потребности в массовых масштабах.

Характер развития научных знаний. С появлением письменности возникает потенциальная возможность для формирования научного знания. Его развитие, особенно на начальных этапах, существенно сдерживается доминированием в общественном сознании трех других типов знания. Тем не менее, как свидетельствует история, в традиционных обществах развитие науки, конечно, не стоит на месте.

Мыслители доиндустриальной эпохи совершили немало важных открытий практически во всех областях научного знания. Именно

[1] *Мериме П.* Таманго // Собр. соч. Т. 2. — М., 1983. С. 29.

благодаря тому, что к началу индустриальной революции был заложен фундамент почти во всех отраслях научного знания, — и прежде всего в естественнонаучных дисциплинах, — удалось сравнительно быстро и эффективно создать весьма разветвленную систему прикладных и технических наук, которые стали использоваться в технологических производственных процессах с целью повышения их эффективности.

Однако, как отмечает один из основателей концепции постиндустриального общества Д. Белл, наука и техника развивались в традиционном обществе автономно, практически независимо от производства. Люди, которые занимались наукой, достаточно часто (если не в значительном большинстве) делали это почти бескорыстно, ради удовлетворения собственных интеллектуальных потребностей. Это, с одной стороны, обеспечивало большую их самоотдачу. Однако с другой стороны, общая, суммарная эффективность такой деятельности, не «подпираемая» потребностями экономики, не могла быть слишком высокой. Поэтому приращение научных знаний шло постепенно, сравнительно медленно, носило скорее линейный характер и требовало значительного времени для своего накопления.

§ 3. Индустриальное общество

В предыдущей главе мы описали условия возникновения и ход развития индустриальной революции — процесса, именуемого также *индустриализацией*. Напомним, что индустриальная революция приводит в действие три социально-экономических закона — закон экономии времени, закон повышения потребностей и закон перемены труда, влияние которых в предшествующую традиционную эпоху было слабо заметным, носило латентный характер. В результате вступает в фазу эксплицитного проявления закон ускорения истории (см. рис. 19, глава 10). Очевидно, что за четверть тысячелетия, которое насчитывает эпоха индустриализации, общий объем социальных изменений — и в количественном, и в качественном отношениях — оказался фактически гораздо большим, чем за предшествующие сто тысяч лет развития общества в целом.

Существует определенная *логика индустриализации*, в соответствии с которой страны и народы, приблизившись к этому этапу развития, независимо от исходного исторического, этнического, культурного и религиозно-идеологического фундамента, от социально-политического устройства, неизбежно приобретают схожие характеристики.

Другими словами, чем выше индустриализированы общества, тем больше тяготеют они к единообразию социального порядка.

Этот тезис, получивший в социологии название *тезиса конвергенции*, утверждает, что процесс индустриализации продуцирует общие и единообразные политические и культурные характеристики обществ, которые до индустриализации могли иметь весьма различающееся происхождение и социальные структуры. Все общества в конечном счете движутся к общему уровню развития, поскольку индустриализация для своего успешного осуществления требует выполнения определенных, причем одних и тех же условий. К таким требуемым условиям относятся:

- глубокое социальное и техническое разделение труда;
- отделение семьи от предприятия и рабочего места;
- формирование мобильной, дисциплинированной рабочей силы;
- определенная форма рациональной организации экономических расчетов, планирования и инвестирования;
- тенденция к секуляризации, урбанизации, повышенной социальной мобильности и демократии.

На протяжении XX века, особенно во второй его половине, мы можем наблюдать, как индустриальный порядок организации промышленного и сельскохозяйственного производства, сложившийся в западных обществах, быстро распространяется и внедряется в ткань социальной жизни многих обществ, испокон века имевших принципиально иные уклады. На примерах наиболее продвинутых обществ Азии и Африки можно убедиться в справедливости многих положений тезиса конвергенции: новый порядок производит социальные изменения не только в сфере экономики, технологии и организации производства, но и влечет за собой изменения в большинстве других областей, придавая им качественное своеобразие, присущее Западу. Досуговые занятия, стиль одежды, формы сервиса, манеры поведения, рациональная архитектура деловых зданий — все это, так или иначе, выстраивается по западным образцам, создавая основу для взаимного понимания и узнавания и опровергая знаменитую фразу английского поэта времен воинствующего колониализма[1]. Даже господствующая «ячейка общества», нуклеарная семья — и как социальный тип, и как собрание определенных ценностей — стала, по мнению ряда исследо-

[1] «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» (*Р. Киплинг*).

вателей, «одним из наиболее удачных экспортов из Западного мира. Она быстро продвинулась в Азию и Африку и становится сегодня универсальным феноменом» [1].

Попытаемся кратко проследить, какое выражение нашли эти социальные изменения в индустриальных обществах по каждому из выбранных нами системообразующих признаков.

Характер общественного устройства. В индустриальном обществе, в период преодоления феодальной раздробленности, на основе капиталистических экономических связей, образования внутренних рынков из различных племен и народностей складываются нации.

Нация — это самый высокий из известных нам на сегодняшний день уровней исторических общностей людей; она характеризуется единством языка (во всяком случае, литературного и на основе его — официального государственного), общностью территории обитания, экономических связей, культуры. Возникновение четко очерченных географических границ диктуется требованиями протекционизма, защиты национального предпринимательства от интервенции извне. Новейшая история фиксирует множество дипломатических, военных и иных акций со стороны всех государств, направленных на закрепление территориальных очертаний государства, их признание со стороны внешних партнеров, надежную охрану.

Таким образом, одним из основных социальных изменений в области общественного устройства при переходе от традиционного общества к индустриальному становится образование *национальных государств с четко обозначенными территориальными границами*. В пределах этих границ наблюдается тенденция к возникновению примерно одинаковых претензий всего населения на заселяемое им территориальное пространство на данный момент времени. Это выражается в том, что территориальные претензии государства, как правило, соответствуют культурным, лингвистическим и этническим подразделениям.

Определенность и устойчивость государственных границ в какой-то степени свидетельствует о близости к завершению территориального раздела мира. В общем и целом, вероятно, так оно и есть. Большинство войн, которые велись в эпоху индустриализации, были связаны — хотя бы формально — не столько с территориальными, сколько с экономическими и политическими причинами. В ходе индустриальной революции, по мере созревания индустриальных обществ, постепенно складывается *система национальных сообществ*, т. е. территориальное

[1] По книге: *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. P. 103.

разделение мира в виде своеобразной «сети национальных политических общностей», которое вытесняет как прежние более простые традиционные общества, так и систему прежних абсолютистских империй.

Жизнедеятельность традиционных государств была пронизана религиозным воздействием. Практически все современные индустриальные государства имеют отчетливо выраженный светский характер. В каждом из них индустриальная революция рано или поздно приводит к *секуляризации* — процессу, в ходе которого религиозные идеи и организации утрачивают свое влияние в силу возрастания значения науки и других форм знаний. Формально это может находить свое выражение в правовых актах об отделении государства от церкви и церкви от школы, а также о свободе совести, то есть праве граждан исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой.

Характер участия членов общества в управлении его делами. Индустриальное общество, как единодушно отмечают большинство историков и философов, для своего свободного развития нуждается в максимальном развитии демократии: именно эта форма государственного устройства позволяет наиболее надежно производить своевременную и сравнительно безболезненную для экономики корректировку правового и политического пространства в соответствии с быстро изменяющимися требованиями экономики.

Вместе с развитием индустриальной революции постепенно, на протяжении всего XIX, а затем и XX веков, происходит трансформация гражданских прав всех членов индустриального общества. Этот процесс, хотя и достаточно стремительный по историческим меркам, тем не менее занимает жизнь не одного поколения. Во всяком случае, всеобщее избирательное право (как право всех, независимо от пола и социального происхождения, взрослых людей, достигших 21 года, избирать и быть избранными в представительные органы хотя бы местного самоуправления) было введено в Англии только после Первой мировой войны. Но, так или иначе, доля членов общества, получивших доступ если не к управлению, то хотя бы к минимальному участию в политической жизни, вместе с успехами индустриальной революции существенно возрастает — главным образом за счет женщин, а также более молодых и менее экономически самостоятельных членов общества.

Реализация демократии всегда требует более или менее активного участия членов демоса в политической жизни — прежде всего в электоральном процессе. Мы не будем затрагивать здесь возможностей манипуляции общественным мнением, давления, в той или иной форме

оказываемого противоборствующими в предвыборной борьбе сторонами на его формирование. Ясно, однако, что одно дело, когда весь демос (или, выражаясь современным языком, *электорат*) состоит из нескольких десятков тысяч человек, и совсем другое — если в него входят сотни тысяч или даже миллионы. А именно такая ситуация складывается в ходе первого из рассматриваемых нами процессов индустриализации — формирования крупных национальных государств. Для эффективной борьбы за власть уже необходимо:

- во-первых, привлечение средств массовой коммуникации (которые предстоит создать и основательно развить), поскольку без их использования фактически невозможно постоянное и массированное воздействие на общественное мнение;
- во-вторых, привлечение инструмента организационного обеспечения предвыборной борьбы; таким инструментом оказываются *массовые политические партии*.

Одной из характерных черт индустриальных обществ, на которую указывал Р. Арон, является институционализация политической жизни вокруг массовых партий. Формирование же у граждан устойчивых политических ориентаций, аттитюдов, симпатий и антипатий предполагает достаточно длительное и устойчивое усвоение ими целого комплекса как элементарных, так и более сложных знаний, позволяющих им: определяться в своих намерениях; разбираться в расстановке различных политических сил и их реальных возможностях; осознавать свои интересы и предпочтения; понимать механизмы собственного участия в предвыборной борьбе и т. д.

Усвоение такого рода знаний наращивается как бы исподволь, активные участники политической борьбы не жалеют средств на развитие своеобразной системы «политического образования», которая органически вплетена в ткань социального процесса индустриализации. Знаменитая ленинская фраза относительно того, что неграмотный человек стоит вне политики, лишь резюмирует многолетний опыт кропотливой и длительной работы многих различных партий по привлечению на свою сторону политических симпатий как можно большей части населения. И эта вовлеченность все большей части населения, иногда помимо его собственной воли и желания, в политические игры пусть даже в качестве пассивных участников, своеобразного «весового фона», бесспорно, оказывает свое влияние на повышение общего интеллектуального уровня общества.

Господствующий характер экономических отношений. В сфере экономики одной из наиболее характерных черт индустриального

общества является практически полная *коммерциализация производства.* Суть коммерциализации, особенно на начальных этапах развития индустриальной революции, максимально кратко выражается в простейшем лозунге: «Все — на продажу!» Это означает практически безраздельное господство рынка. В то время как в традиционном обществе на рынок поступает сравнительно небольшая доля производимого продукта, а остальное потребляется самими производителями, абсолютное большинство экономических единиц индустриального общества львиную долю своего продукта, если не весь его объем, производят именно для рынка; и на рынке же приобретают все, что им необходимо как для производительного процесса, так и для личного потребления. Таким образом, в ходе индустриальной революции экономика пропитания исчезает или на какое-то время сохраняется лишь в периферийных регионах, куда капитализм еще не проник.

Стержневой основой всех производственных и непроизводственных отношений в индустриальном обществе становится частная собственность на *капитал*, который Маркс определил как «самовозрастающую стоимость». Колоссальный рост оборота, естественно, предполагает наличие высокоразвитой и надежной финансово-кредитной и денежной системы. И становление такой системы, и поддержание бесперебойного функционирования, и тем более развитие ее предполагают наличие достаточно большого и все возрастающего количества занятых в ней специально подготовленных людей. Такая подготовка ведет к наращиванию и социального, и индивидуальных интеллектов, а также к общей рационализации всей общественной жизни. В общей культуре индустриального общества все менее ценится мускульная рабочая сила. Практически в любом производстве более важную роль начинает играть не количество, а качество работников, которое зависит от полученного ими образования.

Темпы экономического роста все увереннее опережают темпы демографического роста: увеличение численности населения вначале стремительно ускоряется, затем постепенно снижается, а кое-где и полностью прекращается. Плодовитость утрачивает свою прежнюю ценность. Родители уже не видят в своих детях тех, кто будет обеспечивать их спокойную старость, а власти перестают усматривать в плодовитости источник экономического или оборонного потенциала. «Производство потомства обходится дорого и вынуждено конкурировать с другими запросами и формами самоудовлетворения и самореализации»[1].

[1] *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. — 1992. № 1. С. 17.

Изменяется и экономическое благосостояние практически всех членов общества. Одной из составных частей индустриальной революции становится *революция в производительности труда*, которая за 75–80 лет XX века фактически превратила пролетария в представителя среднего класса с доходом, постепенно приближающимся к уровню представителей высшего сословия[1]. Дополнительная производительность воплощается в увеличении покупательной способности населения, другими словами, приводит к повышению жизненного уровня. Рост производительности реализовывается и в увеличении продолжительности свободного времени рабочих.

Непрерывный и устойчивый экономический рост, развитие массового производства приводят к тому, что главным критерием оценки эффективности общества становится не просто ощущение его членами состояния благополучия (которое, в принципе, возможно и при сравнительно низком уровне жизни в сочетании со столь же низкими запросами), а неуклонный рост *реального* экономического благосостояния. Это ведет к постепенному выравниванию (уплощению) профиля экономической стратификации и снижению ее высоты. Существующие в индустриальном обществе различия между экономическими статусами распределяются по шкале неравенства все более равномерно и плавно в сравнении с традиционным обществом.

Общий характер организационно-технологического уровня. Индустриальная революция приводит в действие два взаимосвязанных фактора, определяющих уровень развития как технологий, так и организации производства.

Первый фактор — *господство машинного производства на основе механизации*. Возрастает, прежде всего, приложение неодушевленных источников энергии к механизации производства — паровых двигателей на первых этапах индустриализации, электричества и двигателей внутреннего сгорания на последующих. Возможности наращивания мощности при этом оказываются практически неограниченными. Кроме того, процесс индустриализации оказывается тесно связанным с постоянным внедрением в производство технических и технологических инноваций, а также быстрым моральным устареванием (которое все чаще опережает чисто физический износ) действующих станков, механизмов, оборудования и производственных технологий. В результате все участники производительного процесса вне зависи-

[1] См.: *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999. С. 70.

мости от своего желания должны постоянно осваивать все новые и новые виды техники и технологий — так проявляет свое действие упоминавшийся выше закон перемены труда. Это, в свою очередь, заставляет людей постоянно повышать свой интеллектуальный уровень, а многих — заниматься и техническим творчеством.

Второй фактор — *реорганизация производства на фабричной основе*. Она тесно связана с общим процессом нарастания концентрации капитала и отражает ее. Семья утрачивает свою прежнюю роль основной хозяйственной единицы. Множество людей, машин и механизмов концентрируется на пространственно ограниченных площадях. Возникает плотность контактов и такой обмен информацией (причем информацией специальной, носящей в значительной степени научно-технический характер), который был невозможен в традиционном обществе с его преимущественно сельскохозяйственным и ремесленным производством, отличающемся внутрисемейной или внутрицеховой замкнутостью.

Резкое снижение в производстве товаров и услуг роли так называемого «малого семейного бизнеса» ведет к тому, что лишь очень узкий круг профессий позволяет зарабатывать человеку средства к жизни, оставаясь в пределах своего дома. Место работы абсолютного большинства членов общества расположено в большей или меньшей удаленности от их жилищ, поскольку характер современного производства требует концентрации техники и рабочей силы на специальном локализованном пространстве. Даже труд ученых невозможен вне библиотек и технически оснащенных лабораторий, сосредоточенных в университетах и исследовательских центрах.

Все эти изменившиеся социальные условия в колоссальном объеме увеличивают плотность профессиональных и личностных контактов и непосредственных взаимодействий, в которые теперь приходится вступать между собою людям в течение рабочего дня и всей жизни. Причем эти контакты в абсолютном большинстве носят отнюдь не родственный характер. По некоторым данным, общее число такого рода контактов, приходящееся сегодня на одного «среднестатистического» члена общества в течение одного календарного года, примерно равно их объему за целую жизнь сто лет назад. В результате соответствующим образом возрастает и общий объем циркулирующей в обществе информации, в том числе (и, может быть, даже особым образом) носящей научный характер.

Структура занятости. Характерная особенность индустриальных обществ — *падение доли населения, занятого в сельскохозяйственном*

производстве, и соответственно — возрастание доли работников, занятых в индустриальном секторе. Начало этого процесса в Англии, на родине индустриальной революции, было весьма драматичным и тесно связанным с так называемой политикой «огораживания». Начавшись еще в XV веке, эта политика приобрела всеобъемлющий характер в связи с начавшейся индустриальной революцией. В результате лавинообразно возросших объемов производства в текстильной промышленности взлетели цены на его исходное сырье — шерсть. Землевладельцы — лендлорды и сквайры — лихорадочно бросились в овцеводство, сулившее невиданные прежде возможности стремительного обогащения. Арендаторов гнали прочь, и они, лишенные главного средства производства — земли, превращались большей частью в бродяг и нищих (по распространенному в тот период выражению — «овцы съели людей»). А так называемые парламентские (т. е. разрешенные законодательными актами) «огораживания» привели в Англии к фактическому исчезновению крестьянства как класса.

Куда устремлялась вся эта обездоленная масса в поисках средств к жизни? Разумеется, в города, где происходил в это время настоящий экономический бум. Вновь создававшиеся фабрики и заводы обладали практически неограниченной для своего времени емкостью рынка труда. Упрощение процесса труда, сводившееся иногда к нескольким простым манипуляциям с машиной, не требовало особой специальной подготовки, которая при прежнем ремесленном производстве могла занимать годы. Платили за работу гроши, активно использовали детский труд, предприниматели не несли практически никаких затрат на социальную сферу. Однако выбирать было не из чего. Здесь слились воедино несколько процессов, в частности, рост городов и реструктуризация системы занятости, нашедшая свое выражение прежде всего в росте числа занятых в промышленности и снижении доли занятых в сельском хозяйстве.

Разумеется, существенное снижение удельного веса работников аграрного сектора, сопровождаемое переливом человеческих ресурсов из аграрного сектора в другие, в современных обществах становится возможным лишь благодаря чрезвычайно высокой, невозможной для традиционного общества производительности труда в земледелии и животноводстве. Эффективность сельскохозяйственного производства в традиционном обществе была такова, что от 2 до 4 работников-аграриев могли, помимо себя и своей семьи, прокормить производимым ими продуктом не более одного человека вне сельскохозяйственной сферы. Этот условный «один человек» охватывал и всех тех, кто был занят

в сфере государственного управления (включая армию и полицейские силы), и духовенство, и работников ремесленного производства, и купцов (относящихся к сервисному сектору), и работников информационного сектора (наука, образование, искусство), и просто паразитирующие социальные (в основном городские) слои.

В 1800 году в сельском хозяйстве США было занято 73 % самодеятельного населения, в 1960 году эта доля уменьшилась до 6,3 %, а в 1980-х годах сократилась еще более чем вдвое. Вообще этот показатель — доля населения, занятого в сельском хозяйстве, — служит для многих исследователей важным показателем уровня индустриального развития общества. К примеру, американский социолог Р. Бендикс считает современным такое общество, где сельскохозяйственным трудом занято менее половины наличного населения; при этом индустриальные общества, причисляемые к «современным», могут по данному критерию весьма существенно различаться. Так, если к началу 70-х годов нынешнего века в аграрном секторе экономики Великобритании было занято около 5 % населения, США — менее 6 %, то для СССР и Японии эти цифры составляли соответственно 45 и 49 %[1].

Характер поселений. С началом индустриальной эпохи стремительно разворачивается процесс, именуемый *урбанизацией,* — значительное повышение роли крупных городских поселений в жизни общества. Это становится естественным следствием целого ряда различных сторон индустриализации, рассмотренных выше.

Рост урбанистических поселений в XIX веке и пополнение трех неаграрных секторов занятости происходили в значительной степени за счет миграции из сельской местности. Города давали средства к существованию миллионам людей, которые могли просто погибнуть или никогда не были бы рождены в случае, если бы они (или их родители) не мигрировали в города. Тех, кто переселялся в эти города или на их окраины, чаще всего гнала туда нужда. Обычно причиной переезда были вовсе не благожелательные советы более состоятельных деревенских соседей и не мнимая благотворительность неких горожан, предоставляющих рабочие места тем, кто желал заработать себе на жизнь. Как правило, непосредственной побудительной причиной к переезду служили слухи о бедняках, спасших себя переездом в разрастающиеся города, из которых приходили сведения о наличии там неплохо оплачиваемой работы.

---

[1] См.: *Бендикс Р.* Современное общество.

В 1800 году в *городах* мира проживало 29,3 млн человек (3 % населения Земли), к 1900 — 224,4 млн (13,6 %), а к 1950 — 706,4 млн (38,6 %) [1]. В индустриализированных западных обществах процесс урбанизации на протяжении XIX века был особенно быстрым: например, в Великобритании, на родине индустриальной революции, в 1800 году насчитывалось около 24 % городского населения, а в 1900 году в городах проживало уже 77 % англичан [2].

Если считать, что урбанизация — это не просто повышение доли городского населения, а населения *сверхкрупных* городов, тех, что именуют мегаполисами [3], то можно было бы обратиться к данным о темпах урбанизации, которые приводит в своей работе «Футурошок» Олвин Тоффлер: «В 1850 году только 4 города имели население более 1 млн человек, в 1900 — 19, в 1960 — 141... В 1970 году прирост городского населения составил 6,5 %» [4].

Говоря о специфическом городском образе жизни, мы подразумеваем под ним прежде всего комплекс культурно-просветительных учреждений, а также бытовых удобств, которых лишены абсолютное большинство сельских жителей. В самом деле, именно в городах сосредоточены театры, библиотеки, музеи, университеты и колледжи. Здесь действует сеть предприятий общественного питания. Городское жилье оснащено водопроводом, внешними источниками тепла, канализацией. Хорошие дороги и бесперебойно работающий городской транспорт обеспечивают быстрое перемещение в любую нужную точку города. Телефон в любое время суток обеспечивает надежную связь. Городской житель, как правило, обладает более широкими возможностями доступа в различные властные учреждения для решения своих текущих проблем.

В то же время нельзя не заметить и некоторых специфических моментов существования обитателей урбанистических поселений, носящих если не негативный, то отнюдь не бесспорно позитивный характер. Горожане крайне редко обладают жилищами, расположенными в не-

---

[1] См.: Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. С. 1398.

[2] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 261.

[3] От *«мега-»* (приставка для образования наименований кратных единиц, по размеру равных 10^6 составляющих элементов (напр., 1 МВт = 10^6 Вт) и «полис» (город); т. е. город с населением 1 млн. жителей и более. Иногда не вполне обоснованно его отождествляют с *«мегалополисом»* (гигантским скоплением, *агломерацией* городов).

[4] *Toffler A.* Future Shock. — London, 1971. P. 30.

посредственной близости от места их работы. Удельный вес так называемой «маятниковой миграции», определяемой перемещением людей утром от дома до работы, а вечером обратно, составляет от 30 до 60 % населения больших городов. Это диктует серьезные требования к общественному транспорту и определяет важность его места в городской инфраструктуре. А массовый переход к пользованию личным автотранспортом практически повсеместно выявляет неготовность к этому инфраструктуры крупных городов: многочасовые пробки, смоги и рост числа дорожно-транспортных происшествий — далеко не исчерпывающий список проблем такого рода.

А что же происходит в индустриальном обществе с *сельским образом жизни?* На протяжении длительного периода индустриальной революции, даже при вторжении индустриальных методов в аграрное производство, патриархальные обычаи и общая консервативность, присущая деревне, меняются очень медленно. Возможно, это связано с малолюдностью сельских населенных пунктов, а также с гомогенностью рода занятий, с тем, что здесь по-прежнему поле трудовой деятельности расположено в непосредственной близости от жилищ. Другими словами, с тем, что деревня никогда не будет испытывать тех трех факторов, которые Л. Вирт считал детерминирующими для городского образа жизни, — численность, плотность и гетерогенность населения. Так или иначе, деревенский образ жизни воспринимается большинством членов общества (в том числе и самими сельскими жителями) как второсортный, «отсталый» жизненный стиль. Пожалуй, понятие «деревенщина» возникает практически во всех обществах, вступивших на путь индустриализации, и везде оно имеет примерно одинаковый нормативно-оценочный смысл.

Однако нельзя не отметить, что, как ни странно, в системе ценностей горожанина это презрительное отношение к деревенскому образу жизни чаще всего соседствует с завистью к нему. Чистый воздух, свежая натуральная пища, размеренный ритм бытия, тишина — все это не может не привлекать городского жителя, издерганного постоянной суетой и спешкой, грохотом проносящегося под окнами транспорта, зловонием и копотью фабричных дымов, консервированной пищей, анонимностью отношений, когда большинство жителей городских кварталов незнакомы даже с соседями по подъезду. В самом деле, неоднократно проводившиеся социологами и психологами эксперименты демонстрируют поразительную черствость и равнодушие городских жителей по отношению к окружающим. Инсценируя на оживленных улицах падение в обморок или приставание хулиганов к девушке,

исследователи скрытой камерой снимали реакцию многочисленных прохожих. Точнее, полное отсутствие такой реакции. Абсолютное большинство продолжают привычно спешить по делам, спокойно удаляясь от места инцидента. Такое, конечно, было бы невозможно ни на одной деревенской улице.

Уровень и масштабы образования. Одной из наиболее характерных черт индустриального общества становится *массовая грамотность*. На это оказывает влияние целый ряд факторов.

Во-первых, усложнение техники и технологии создает рост стимулов к получению образования и у работников, и у нанимающих их работодателей — в полном соответствии с законом перемены труда. Повышение квалификации как условие получения более высокого дохода и социального статуса все сильнее зависит от уровня полученного образования. Хотя в реальной практике, во всяком случае на микроуровне, эта связь проявляется не столь однозначно и прямолинейно. Тем не менее получение начального, а затем и среднего образования все чаще становится постоянным и необходимым требованием даже для неквалифицированных работников.

Во-вторых, издательская деятельность, подобно всем другим отраслям, вышедшим на уровень индустриального производства, испытывает на себе воздействие закона экономии времени: рынок все активнее заполняется огромными объемами сравнительно недорогой книгопечатной продукции.

В результате возникшей социальной потребности в массовой грамотности рождается и соответствующее предложение — во всех развитых обществах радикально трансформируется институт образования. Создаются обширные и разветвленные системы образования, учреждается огромное количество школ, колледжей, университетов. Учредителями и основателями их выступают как государство, так и частные лица. Многие промышленники учреждают училища для профессиональной подготовки специалистов для своих предприятий. Количество членов общества, получивших формальное образование и продолжающих его в течение едва ли не всей своей профессиональной жизни, а также школьников и студентов увеличивается во много раз в течение весьма непродолжительного исторического периода и продолжает расти. По данным Рэндалла Коллинза, в США число выпускников средних школ, приведенное к общей численности населения в возрасте до 17 лет, в период с 1869 по 1963 годы возросло в 38 раз, а аналогичное соотношение для выпускников местных колледжей (которые, подобно нашим техникумам, в значительной мере берут на

себя функции подготовки технических специалистов среднего уровня) — более чем в 22 раза[1]. Существенно, хотя и не в такой степени, возросло и число бакалавров, магистров и докторов наук.

Характер развития научных знаний. Изменение экономических и организационно-технологических условий превращает внедрение инноваций в производственный процесс в мощнейшее оружие обострившейся с началом индустриализации конкурентной борьбы. Если прежде, в традиционных обществах, лабораторные эксперименты исследователей с трудом находили себе спонсоров — главным образом из числа просвещенных монархов и представителей аристократии (хотя интерес их мог быть и не совсем бескорыстным — как это было с алхимией), то теперь основным источником финансирования исследовательских работ становятся наиболее дальновидные предприниматели. Нередко исследователь и удачливый предприниматель объединяются, так сказать, в одном лице. Целая плеяда выдающихся изобретателей, работавших на заре индустриальной революции, основала (и не без успеха!) свои собственные предприятия. К их числу мы можем отнести и великого социального экспериментатора Роберта Оуэна, который, являясь талантливым и удачливым предпринимателем, сконцентрировал в своих руках солидное состояние, хотя и потратил львиную долю его на основание нескольких утопических колоний, в том числе Нью-Хармони. Выдающимся бизнесменом и менеджером был также один из первых героев индустриальной революции Джемс Уатт, который совместно со своим компаньоном Р. Болтоном основал первое предприятие по серийному производству паровых двигателей (изобретателем которых был он сам).

В течение не более чем века прикладные исследования, т. е. поиски конкретного *практического* применения и использования в непосредственно производственных целях тех или иных законов и закономерностей, открытых фундаментальной наукой, становятся едва ли не преобладающей формой научных изысканий. Во всяком случае, инвестиции в эту отрасль в суммарном выражении на начальных, и в особенности на последующих этапах заметно превышают средства, выделяемые на фундаментальные исследования. В то же время развитие техники прикладных исследований, да и самой индустрии в целом, одновременно с общим ростом валового национального дохода приводит к невиданному прежде расширению возможностей фундаментальных иссле-

[1] См.: *Collins R.* Functional and Conflict Theories of Educational Stratification // American Sociological Review. — 1971, Vol. 36 (December). P. 1004.

дований. Наука на протяжении всего двух сотен лет делает гигантский скачок, совершенно не сравнимый с тем приращением научного и технического знания, которое имело место на протяжении предшествующих тысячелетий. Она становится действительно производительной силой и практически самостоятельной отраслью народного хозяйства. Занятия наукой, а также разработкой и внедрением технологических инноваций превращаются в профессиональную сферу, привлекая все больше способных к этому людей. Это, в свою очередь, увеличивает «валовой» объем производимой обществом интеллектуальной продукции.

§ 4. Постиндустриальное общество

Последовательным развитием системы идей индустриального общества стала теория постиндустриального общества. Это понятие было сформулировано в 1962 году американским социологом Дэниелом Беллом, который позднее развил и подытожил эту концепцию в изданной в 1974 году работе «Приход постиндустриального общества». Наиболее краткой характеристикой такого типа цивилизации могло бы послужить представление об *информационном обществе*, ибо ядром его является чрезвычайно быстрое развитие информационных технологий. Если индустриальное общество является результатом индустриальной революции, то постиндустриальное общество — продукт революции информационной.

Д. Белл исходит из того, что если в доиндустриальных и индустриальных обществах осевым принципом, вокруг которого строятся все социальные отношения, является собственность на средства производства, то в современных обществах, доминирующих в последней четверти XX века, место такого осевого принципа все чаще начинает занимать информация, точнее, совокупность ее — накопленные к этому моменту знания. Эти знания выступают источником технических и экономических инноваций и в то же время становятся исходным пунктом формирования политики. В экономике это находит свое отражение в том, что удельный вес и значение собственно промышленного производства как основной формы экономической активности существенно снижается. Оно вытесняется *сервисом и производством информации*.

Сервисный сектор в наиболее продвинутых обществах включает в себя более половины занятого населения. Информационный же сектор, к которому «причисляются все те, кто производит, обрабатывает и распространяет информацию в качестве основного занятия, а также

кто создает и поддерживает функционирование информационной инфраструктуры» [1], также быстро увеличивается — и в размерах, и в росте социального влияния.

Разумеется, сфера материального производства — ни в аграрном, ни в индустриальном секторах — не может утратить своего важного значения в жизни общества. В конечном счете та же научная и вообще информационная деятельность нуждаются во все возрастающем объеме оборудования, а занятые в ней люди должны каждый день питаться. Речь идет лишь о соотношении численности занятых в том или ином секторе, а также о соотношении удельного веса стоимости в общем объеме валового национального продукта.

Таким образом, в цивилизации постиндустриального типа главным богатством выступает не *земля* (как в традиционном, аграрном обществе), даже не *капитал* (как в индустриальной цивилизации), а *информация*. Причем ее особенности, в отличие от земли и капитала, таковы, что она не ограничена, в принципе становится все более доступной каждому и не уменьшается в процессе ее потребления. К тому же она сравнительно недорога (ибо невещественна), а средства ее хранения и обработки становятся все более дешевыми в производстве, что увеличивает ее эффективность.

Техническим базисом информационного общества выступает развитие компьютерных технологий и средств коммуникаций. Современные средства хранения, переработки и передачи информации позволяют человеку практически мгновенно получать требуемую информацию в любой момент из любой точки земного шара. Огромный по масштабам объем информации, накопленный человечеством и продолжающий нарастать лавинообразно, циркулирует в современном обществе и впервые в истории начинает выступать не просто в качестве социальной памяти (например, в книгах), а уже как действующий инструмент, как средство принятия решений, причем все более часто — без непосредственного участия человека.

А теперь рассмотрим, какие социальные изменения вызывает информационная революция по избранным нами параметрам в тех обществах, где она проявила себя наиболее отчетливо. При этом не следует забывать о том, что ни одно из существующих сегодня обществ, включая наиболее продвинутые, нельзя считать полностью постиндустриальным. Речь идет лишь о *тенденциях*, которые в каких-то обще-

[1] *Гаузнер Н.* Теория «информационного общества» и реальности капитализма // Мировая экономика и международные отношения. — 1985. № 10. С. 52.

ствах проступают явно и рельефно, а в каких-то — лишь только обозначаются.

Характер общественного устройства. В наиболее продвинутых (в направлении, задаваемом информационной революцией) обществах все явственнее обнаруживается явление, которое можно назвать *усилением «прозрачности национальных границ»*. Его можно отчетливо наблюдать на примере Западной Европы. Гражданин любого из государств, подписавших Шенгенское соглашение, может беспрепятственно перемещаться в любую другую страну европейского сообщества, не оформляя визы либо какого-то иного разрешения, не проходя таможенного досмотра, не подвергаясь утомительной процедуре заполнения множества документов и бланков. Вы можете выехать утром из Германии и, проехав за день Бельгию, Голландию и Францию, оказаться к вечеру в Испании, ни у кого не запрашивая разрешения и даже никого заранее не уведомляя о своих намерениях. Такое становится возможным не только благодаря скорости вашего автомобиля и высокому качеству дорожного покрытия, но и вследствие максимально упрощенного прохождения пограничных постов. Столь же свободен сегодня проезд через границу между США и Канадой. Территориальные границы между государствами пока еще не упразднены, но они становятся во все возрастающей степени формальными и реально существующими только на географических картах.

Можно предполагать, что в самом ближайшем будущем контрабанда, которая в течение длительного исторического времени была профессиональным занятием множества семей в приграничных селениях практически всех европейских государств, попросту утратит свой смысл. Выгодным это занятие делали (помимо неравенства в уровнях экономического развития) перепады в размерах таможенных пошлин. Единство таможенных пошлин, упрощение и унификация правил таможенного досмотра позволили значительно сократить персонал таможенных служб. Утратил прежнее значение и институт пограничной стражи; лишился смысла суровый девиз прежних времен — «граница на замке».

Еще одним знаменательным явлением становится все большее возрастание роли различных международных сообществ. Речь идет, прежде всего, о тех, которым правительства государств передают какую-то часть своих управленческих функций и у которых возникают новые функции, не известные ранее. Если Организация объединенных наций с самого начала своего возникновения провозгласила отказ от всякого вмешательства во внутренние дела своих членов и от оказа-

ния влияния на них, то с другими международными организациями, образовавшимися позднее, дело обстоит несколько иначе. Целый ряд таких организаций, созданных на основе соглашений, прежде всего между западноевропейскими государствами, — НАТО, Общий рынок, ОБСЕ (Объединение по безопасности и сотрудничеству в Европе), ПАСЕ (Парламентская ассоциация европейских государств) и т. п. — уже не ограничиваются сугубо международными функциями, а начинают довольно активно вмешиваться во внутренние дела государств, являющихся их членами. Можно привести большое число и других примеров, более или менее явно, но не менее убедительно показывающих возрастание роли наднациональных формирований, управляющих или, во всяком случае, оказывающих влияние на судьбы отдельных стран и народов.

Информационная революция вносит дополнительный вклад в эти процессы. Сегодня все чаще говорят о возникновении так называемого «сетевого общества». Циркуляция огромных объемов информации, осуществляемая по так называемым «информационным магистралям» (термин Билла Гейтса), возрастает со стремительной скоростью. Информация о деятельности своего и других государств, доступная гражданам, сегодня более полна, открыта и доступна, чем когда-либо в истории: формирование «информационного общества» уже едва ли можно остановить.

Вряд ли кто-то возьмется сегодня прогнозировать, к чему, в конечном счете, могут привести эти процессы. Мы только констатируем некоторые из наметившихся тенденций. Однако эти тенденции заставляют нас вспомнить о том, что еще классики марксизма, экстраполируя пятую формацию, предсказывали отмирание в ней государства как господствующей формы социальной организации. Институт государства сегодня повсюду крепок, как никогда. И, тем не менее, одновременно довольно отчетливо вырисовываются контуры международного сообщества, социальной супер-системы, которая со все более полным правом может именоваться «человечеством».

Характер участия членов общества в управлении его делами. Некоторые теоретики постиндустриального общества пытаются прогнозировать тенденции изменений в его политическом устройстве. К их числу относится, прежде всего, американский социолог и футуролог Олвин Тоффлер. Он утверждает, что в постиндустриальной политической жизни неизбежен кризис массовой демократии, во всяком случае, в той форме, которая была порождена индустриальной цивилизацией. Тоффлер считает, что политическая жизнь формирующегося

общества «третьей волны» будет строиться на основе трех ключевых принципов.

1. Принцип меньшинства, который призван заменить прежний принцип большинства. Взамен прежней политической стратификации, в которой несколько крупных блоков образовывали большинство, возникает «конфигуративное общество, в котором тысячи меньшинств, существование многих из которых носит временный характер, находятся в непрерывном круговороте, образуя совершенно новые переходные формы» [1].
2. Принцип «полупрямой» демократии, что означает, по сути, отказ от представительной демократии. Сегодня парламентарии фактически исходят, прежде всего, из собственных взглядов, в лучшем случае — прислушиваются к мнению немногочисленных экспертов. Повышение образовательного уровня и совершенствование коммуникативных технологий даст возможность гражданам самостоятельно вырабатывать собственные варианты многих политических решений. Другими словами, юридическую силу будет все чаще приобретать и мнение, формирующееся за пределами законодательных органов.
3. Принцип «разделения ответственности в принятии решений», который поможет устранить перегрузку, нередко блокирующую деятельность институтов власти. До сих пор слишком много решений принимается на национальном уровне и слишком мало — на местном (муниципальном) и международном. На транснациональный уровень необходимо делегировать права принятия решений по проблемам функционирования международных корпораций, торговли оружием и наркотиками, борьбы с международным терроризмом и т. п. Такого рода децентрализация управления обеспечит передачу части компетенции, с одной стороны, местным властям, с другой — наднациональным образованиям.

Господствующий характер экономических отношений. В постиндустриальном обществе господствующую роль во все возрастающей степени играет уже не столько частная, сколько корпоративная и институциональная собственность на средства производства. Акционирование большинства сколько-нибудь крупных предприятий, тенденция к которому наметилась еще во времена Маркса, в зрелом индустриальном обществе приобретает решающее значение. Акции, символизирующие

[1] *Toffler A.* The Third Wave. — New York, 1980. P. 435. Здесь и далее перевод автора — Анурин В. Ф. *(Примеч. ред.)*

отношения собственности, становясь ценными бумагами, существенно интенсифицируют общий процесс обращения капитала.

Однако основным признаком постиндустриального общества его теоретики считают перенос центра тяжести с отношений *собственности* как того стержня, вокруг которого складывались все общественные отношения в предшествующие эпохи, на знания и информацию [1]. Например, Олвин Тоффлер усматривает здесь основное отличие от той экономической системы, которая господствовала в индустриальном обществе, в *способе создания общественного богатства.* «Новый способ принципиально отличается от всех предыдущих и в этом смысле является переломным моментом социальной жизни» [2]. Одновременно складывается суперсимволическая система создания общественного богатства, основанная на применении информационных технологий, т. е. на использовании интеллектуальных способностей человека, а не его физической силы. Очевидно, что в такой экономической системе способ производства должен быть основан прежде всего на знаниях.

По мере развития сервисного и информационного секторов экономики богатство утрачивает то материальное воплощение, которое в аграрной цивилизации ему придавала земля, а в индустриальной — капитал. Интересно, что, по мнению того же Тоффлера, возникновение в постиндустриальной цивилизации *новой — символической — формы капитала* «подтверждает идеи Маркса и классической политэкономии, предвещавшие конец традиционного капитала» [3].

Основной единицей обмена становятся не только и не столько деньги — металлические или бумажные, наличные или безналичные — сколько *информация.* «Бумажные деньги, — утверждает Тоффлер, — этот артефакт индустриальной эпохи, отживают свой век, их место занимают кредитные карточки. Некогда бывшие символом формировавшегося среднего класса, кредитные карточки теперь распространены повсеместно. На сегодняшний день (начало 90-х годов — *В. А., А. К.*) в мире насчитывается около 187 млн. их владельцев» [4]. Если вдуматься, то электронные деньги, выражаемые кредитной карточкой, это и есть информация (о степени платежеспособности владельца этой карточки)

---

[1] См.: Современная западная социология. С. 271.

[2] По книге *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Centure. New York: Bantam Books, 1990. P. 238.

[3] Там же. P. 61.

[4] Там же. P. 64.

практически в чистом виде. Экспансия электронных денег в мировой экономике начинает оказывать серьезное влияние на давно установившиеся взаимосвязи. В условиях конкуренции частные финансовые компании, оказывающие услуги по предоставлению кредита, начинают теснить незыблемую прежде власть банков.

Общий характер организационно-технологического уровня. Большинство теоретиков постиндустриального общества — Д. Белл, З. Бжезинский и другие — считают признаком новой системы резкое сокращение численности «синих» и рост численности «белых» воротничков. Однако Тоффлер утверждает, что расширение сферы офисной деятельности есть не что иное, как прямое продолжение того же индустриализма. «Офисы функционируют по образцу фабрик со значительной степенью разделения труда, монотонного, оглупляющего и унижающего»[1]. В постиндустриальном же обществе, напротив, наблюдается *возрастание количества и разнообразия организационных форм производственного управления.* Громоздкие и тяжеловесные бюрократические структуры все чаще замещаются небольшими, мобильными и временными иерархическими союзами. Информационные технологии уничтожают прежние принципы разделения труда и способствуют возникновению новых союзов владельцев общей информации.

Одним из примеров таких гибких форм может служить возвращение на новый виток «спирали» прогресса малого семейного бизнеса. «Децентрализация и деурбанизация производства, изменение характера труда позволяют возвратиться к домашней индустрии на основе современной электронной техники»[2]. Тоффлер считает, например, что «электронный коттедж» — под этим он понимает надомную работу с использованием компьютерной техники, мультимедиа и телекоммуникационных систем — будет играть в трудовом процессе постиндустриального общества ведущую роль. Он утверждает также, что домашний труд в современных условиях имеет следующие преимущества.

- *Экономические:* стимулирование развития одних отраслей (электроника, коммуникации) и сокращение других (нефтяная, бумажная); экономия транспортных расходов, стоимость которых сегодня превышает стоимость установки телекоммуникаций на дому.
- *Социально-политические:* усиление стабильности в обществе; сокращение вынужденной географической мобильности; укрепле-

[1] *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Centure. New York: Bantam Books, 1990. P. 197.

[2] Там же. P. 204.

ние семьи и соседской общины *(neighbourhood)*; оживление участия людей в общественной жизни.

- *Экологические*: создание стимулов к экономии энергии и использованию дешевых альтернативных источников ее.
- *Психологические*: преодоление монотонного, чрезмерно специализированного труда; повышение личностных моментов в трудовом процессе.

Структура занятости. Сегодня в самых продвинутых странах — там, где наиболее отчетливо проявляются тенденции постиндустриального общества, — один работник, занятый непосредственно в сельском хозяйстве, в состоянии обеспечить продовольствием уже до 50 и более человек, занятых в других секторах. (Хотя, конечно, такая эффективность не может быть достигнута усилиями одних только аграриев, на каждого из которых работают, по сути, несколько человек в других отраслях экономики, обеспечивающих его машинами, энергией, удобрениями, передовыми агрономическими технологиями, принимающих от него сырую сельскохозяйственную продукцию и перерабатывающих ее в готовый к употреблению продукт.)

Общие тенденции реструктуризации системы занятости в трех типах обществ мы представили на диаграмме (рис. 22). Если попытаться отследить тенденции изменений по оси *Z*, которые отражают на этой диаграмме последовательное повышение уровней развития общества, то нетрудно убедиться в следующем. При переходе от одной цивилизации к другой наблюдается последовательный и весьма существенный отток занятых из аграрного сектора, которые, разумеется, перераспределяются по другим секторам. (Сегодня в развивающихся обществах эти процессы, вероятно, все же менее драматичны и болезненны, нежели в Европе на заре индустриальной революции.) Кроме того, наблюдается не менее последовательный и устойчивый рост таких секторов, как сервисный и информационный. И лишь индустриальный сектор, достигавший максимума своей численности в развитых странах к 50-м годам XX века, в постиндустриальном обществе заметно сокращается.

Характер поселений. Тенденция урбанизации, столь характерная для индустриальных обществ, претерпевает серьезные изменения при переходе к постиндустриальному обществу. Почти во всех продвинутых обществах развитие урбанизации следовало S-образной кривой, создаваясь очень медленно, распространяясь очень быстро, затем замедляясь, а впоследствии плавно перемещаясь (иногда даже более интенсивно, нежели предшествующий период урбанизации) в обрат-

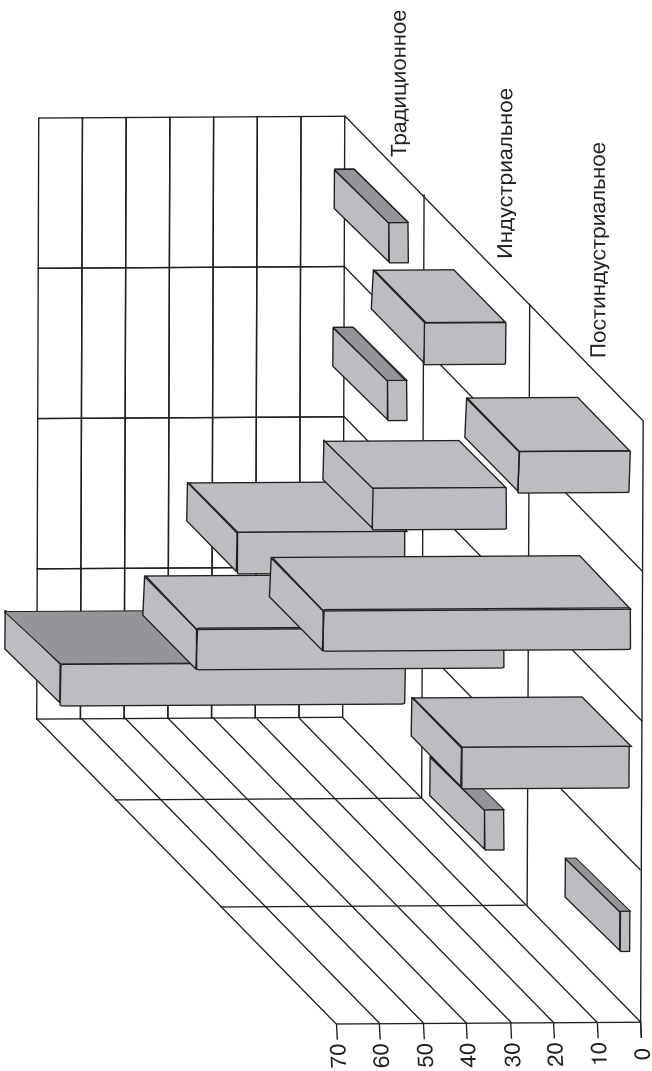

Рис. 22. Реструктуризация занятости в обществах различного типа. Гипотетическая диаграмма, построенная авторами на основании данных, почерпнутых из различных источников (включая прозвучавшие в лекциях некоторых специалистов)

ном направлении — субурбанистического[1] (т. е. *пригородного*) развития *(Suburban way of life* — «пригородный образ жизни» (...).

Компьютеризация и развитие телекоммуникаций, а также широкое внедрение компьютерных сетей дают возможность все большему числу людей, занятых в отраслях, связанных с производством и обработкой информации, «ходить на работу, не выходя из дома». Они могут общаться со своими работодателями (получая задания, отчитываясь за их выполнение и даже производя расчеты за выполненную работу) и клиентами по компьютерным сетям. В американском учебнике «*The Office: Procedures and Technology*» («Офис: процедуры и технологии») описана довольно типичная для постиндустриального общества ситуация: «Молодой человек нанимается на работу в большую компанию, расположенную в крупном городе, однако жить он хотел бы в сельской местности в 45 милях от города. Его принимают на работу в качестве специалиста по обработке текстов, и он может выполнять служебные задания, не выходя из дома. Компания обеспечивает его необходимым для работы оборудованием, включая то, которое требуется для электронной передачи готовой продукции в офис компании. Теперь этот молодой работник выполняет свои служебные функции в домашнем офисе, любуясь открывающимся из окна видом на стада, мирно пасущиеся в живописной долине. Письма и отчеты, подготовленные им в этой уединенной деревне, немедленно получают те, кому они предназначены, в какой бы точке земного шара они ни находились»[2].

Отметим, что такой образ жизни, вероятно, доступен лишь тем членам общества, чья профессиональная деятельность носит интеллектуальный характер. Однако мы не раз отмечали выше, что удельный вес этой категории населения в постиндустриальных обществах неуклонно возрастает.

Уровень и масштабы образования. В большинстве продвинутых обществ начинают все выше ценить получение достаточно высокого уровня образования. Так, доля американских мужчин, обучавшихся хотя бы четыре года в колледже, выросла с 20 % в 1980 году до 25 % в 1994 году, доля женщин — соответственно с 13 % до 20 %. Среди абитуриентов резко возросло соперничество при поступлении в университеты и институты, считающиеся лучшими (престижными). Так, в 1995 году в Гарвардский университет поступило 18 тыс. 190 заявлений о приеме

[1] См.: The Penguin Dictionary of Sociology. P. 246. Здесь и далее перевод автора — Анурин В. Ф. *(Примеч. ред.)*

[2] По книге The Office: Procedures and Technology. — Ohio, 1988. P. 161.

на 2 тыс. мест, что свидетельствует о конкурсе в 11 человек на каждое место. За пять лет до этого соотношение было 8 человек на одно место [1].

Однако, как это ни парадоксально звучит, на рубеже тысячелетий в полный рост встает принципиально новая проблема: борьба с *функциональной неграмотностью*. Причем возникает она прежде всего в наиболее продвинутых обществах, где, казалось бы, уровень элементарной грамотности значительно выше, чем где-либо в мире. По определению ЮНЕСКО, функциональная неграмотность — это, во-первых, практическая утрата умений и навыков чтения, письма и элементарных расчетов; во-вторых, такой уровень общеобразовательных знаний, который не позволяет полноценно «функционировать» в современном, непрерывно усложняющемся обществе [2]. Информация, в отличие от материальных благ, не может быть *присвоена*, а должна быть именно *освоена* (т. е. понята, осмыслена с позиций уже имеющейся в тезаурусе человека общей системы информации; размещена на нужном месте в кладовой его памяти; кроме того, она должна быть готовой к извлечению и применению в нужное время и в нужном месте). А что можно сказать о «читателе», который после прочтения небольшого и совсем несложного текста оказывается не в состоянии ответить ни на один вопрос по его содержанию? Только одно: он *не умеет читать* (несмотря на все его аттестаты и дипломы). Это и есть одно из важнейших проявлений функциональной неграмотности.

Россия пока еще, увы, не вполне осознала грандиозность этой проблемы, вероятно, в силу того, что мы еще реально не вышли на рубежи высокоразвитых обществ. Возможно, именно по этой причине исследование уровня функциональной неграмотности в России не проводилось ни в общенациональных, ни даже в региональных масштабах.

Следует отметить, что в большинстве развитых стран сведения о тотальном росте функциональной неграмотности вызвали не только обескураженность, но и адекватную реакцию в политических кругах. Опираясь на данные и выводы упомянутого выше доклада Национальной комиссии, тогдашний президент США Рональд Рейган потребовал от

---

[1] См.: Statistical Abstract of the United States, 1995. — Wash., 1996. P. 157; The Economist. — April 6, 1996. P. 21.

[2] См.: *Тангян С. А.* Приоритет образования сегодня – приоритет XXI века // Советская педагогика. — 1991. № 6. С. 5; *Отунбаева Р., Тангян С.* В мире неграмотных // Новое время. — 1991. № 17. С. 32.

Конгресса выделения солидных ассигнований на кампанию борьбы с функциональной неграмотностью. Его преемник Джордж Буш в период своей предвыборной кампании принял на себя обязательство стать «президентом образования». На третьем за всю историю США совещании президента со всеми губернаторами штатов (сентябрь 1989 года) было сделано заявление, предусматривающее выдвижение таких целей в области образования, которые «сделают нас конкурентоспособными» [1].

Характер развития научных знаний. Важнейшей движущей силой изменения в постиндустриальном обществе выступают автоматизация и компьютеризация производственных процессов и так называемые «высокие технологии». Ускорение изменений во второй половине XX века вообще тесно связано с быстрым совершенствованием технологических процессов. Значительно сократился временной промежуток между *тремя циклами* технологического обновления: 1) возникновением творческой идеи, 2) ее практическим воплощением и 3) внедрением в общественное производство. В третьем цикле зарождается первый цикл следующего круга: «новые машины и техника становятся не только продукцией, но и источником свежих идей» [2].

Новая технология, кроме того, предполагает новые решения социальных, философских и даже личных проблем. «Она воздействует на все интеллектуальное окружение человека — образ его мыслей и взгляд на мир», — утверждает Олвин Тоффлер [3]. Ядром совершенствования технологии выступает знание. Перефразируя изречение Ф. Бэкона «знание — сила», Тоффлер утверждает, что в современном мире «знание — это изменение», другими словами, ускоренное получение знаний, питающих развитие технологий, означает и ускорение изменений.

В социальном развитии в целом прослеживается аналогичная цепь: открытие — применение — воздействие — открытие. Скорость перехода от одного звена к другому также значительно увеличивается. Психологически людям трудно адаптироваться к множеству изменений, происходящих в кратчайшие сроки. Тоффлер характеризует ускорение изменений как социальную и психологическую силу — «внешнее ускорение преобразуется во внутреннее» [4]. Положение об ускорении изменений и их социальной и психологической роли служит обосно-

---

[1] The New York Times. — 1989, 29 Sept.

[2] *Toffler A.* Future Shock. P. 35.

[3] Там же. P. 36.

[4] Там же. P. 39.

ванием перехода к некоему «супериндустриальному» обществу. Нам представляется, что наиболее удачным названием такого социума должно *стать «информационное общество»*.

Резюме

1. Сравнительный анализ различных типов человеческих обществ, различающихся по уровню своего развития, целесообразно проводить, сопоставляя между собою типовые параметры, схожие для разных стран и народов, находящихся на одном и том же уровне социального развития, и отличающиеся своим содержанием для обществ на разных уровнях развития. Таких параметров восемь: 1) *характер общественного устройства*; 2) *характер участия членов общества в управлении его делами*; 3) *господствующий характер экономических отношений;* 4) *общий характер организационно-технологического уровня;* 5) *структура занятости*; 6) *характер поселений*; (7) *уровень и масштабы образования*; (8) *характер и уровень развития научных знаний*.

2. *Примитивное общество*, в соответствии с обозначенными восемью параметрами, можно описать следующим образом. Господствующим типом социальной конструкции здесь является трайбализм — родоплеменное устройство. Большинство членов общества принимают непосредственное участие в управлении, но хаотичным, неупорядоченным образом. «Экономика» (для примитивного общества это понятие весьма условно) зиждется на натуральном хозяйстве; господствует общинная собственность на средства производства; наблюдается случайный характер отношений товарного обмена. Для этих обществ характерны примитивная обработка орудий *промысла* (собирательства, охоты, рыболовства), а также элементарное половозрастное разделение труда, поскольку большинство членов общины занято одним и тем же *промыслом*. Местом обитания членов примитивных обществ являются небольшие временные поселения (стоянки, становища). Систематизации накопленных знаний не происходит, и передача их последующим поколениям осуществляется изустно и в индивидуальном порядке.

3. *Традиционное общество* в сравнении с примитивным претерпевает серьезные социальные изменения. Основным типом социальной конструкции здесь становится на начальных стадиях слабо централизованное государство, которое по мере развития приобретает все более отчетливо выраженные тенденции к абсолютизму. Политика здесь — дело узкого слоя элиты, и абсолютное большинство членов общества

отстранено от участия в управлении. В фундаменте экономической жизни лежит частная собственность на средства производства. В традиционных обществах наблюдается преобладание экономики пропитания. Здесь все более последовательно нарастает разнообразие орудий труда, однако главным образом — на основе мускульной энергии человека и животных. Основной организационно-хозяйственной единицей выступает семья. В городских поселениях отмечается все большее развитие ремесленного и сервисного секторов, однако абсолютное большинство населения занято в аграрном секторе. Это большинство проживает в сельской местности. Города приобретают все большее влияние как центры политической, промышленной и духовной жизни. Образование, как и политика, является уделом тонкого слоя элиты. Наука и производство представляют собою автономные, слабо связанные сферы жизнедеятельности общества.

4. *Индустриальное общество* в ходе процесса индустриализации приобретает, по характеристике Р. Арона, следующие типовые черты. Основным типом общественного устройства становятся национальные государства с четко очерченными территориальными границами; эти государства формируются вокруг общих форм экономики, языка и культуры. Предоставляется всеобщее избирательное право населению, вследствие чего наблюдается последовательная институционализация политической деятельности вокруг массовых партий. Экономика приобретает все более отчетливо выраженные рыночные отношения, что означает практически полную коммерциализацию производства и исчезновение экономики пропитания. Стержневой основой экономики становится частная собственность на капитал. Технологической доминантой выступает господство машинного производства. Следует отметить падение доли работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, и возрастание доли промышленного пролетариата. Производство реорганизуется на фабричной основе. Важной приметой индустриализации является урбанизация общества. Усиление действия закона перемены труда ведет к росту массовой грамотности. С самого начала индустриальной революции в нарастающих темпах имеет место приложение науки ко всем сферам жизни, особенно к индустриальному производству, а также последовательная рационализация всей социальной жизни.

5. Развитие информационной революции приводит к постепенному формированию *постиндустриального общества.* Судя по тенденциям, наблюдающимся сегодня в наиболее продвинутых социумах, оно будет обладать следующими характеристиками. Важнейшим со-

циальным изменением в системе социального конструирования следует считать усиление прозрачности национальных границ и влияния наднациональных сообществ. Для экономической жизни все более характерно возрастание роли информации и обладания ею, усиление значения интеллектуальной собственности, появление электронных денег и превращение информации в основное средство обмена. В технологической сфере все более важное значение приобретает развитие «высоких технологий», а также автоматизация и компьютеризация производственных процессов. Следует отметить отчетливо выраженную тенденцию падения доли работников, занятых в индустрии, с одновременным увеличением доли занятых в информационном и особенно — в сервисном секторах. Индустриальная урбанизация сменяется тенденцией к субурбанизации. Проявлением кризиса социальных институтов образования служит осознание проблемы функциональной неграмотности. Наука становится непосредственно производительной сферой.

Фактически это резюме и сведено в единую матрицу под названием «Типы обществ и критерии их различия». Эту матрицу можно анализировать в двух направлениях:

- *по строкам:* тогда мы видим, какие именно социальные изменения происходят в данной сфере общественной жизнедеятельности, или (что то же самое) какие изменения в этой сфере вызывает та или иная глобальная революция;
- *по столбцам:* в результате мы получаем комплексную характеристику каждого из четырех типов обществ (что и находит свое отражение в резюме к главе 12).

Контрольные вопросы

1. Перечислите восемь определяющих параметров, с помощью которых можно провести сравнение социальных изменений в различных типах обществ.
2. Что означает понятие «трайбализм»?
3. Что следует понимать под «демосом»?
4. В чем состоит сущность «экономики пропитания»?
5. Каковы основные причины отсутствия массового распространения грамотности в традиционном обществе?
6. В чем заключается основная причина предела («потолка») роста производительности труда в традиционном обществе?

Таблица 12

Типы обществ и критерии их различия

Параметры социальных институтов	Типы обществ			
	Примитивное общество	**Традиционное**	**Индустриальное**	**Постиндустриальное**
Характер общественного устройства	Трайбализм (родоплеменная система)	Слабо централизованное государство с тенденциями к абсолютизму	Национальные государства (с четко очерченными границами) вокруг общих экономики, языка и культуры	Тенденции: усиление прозрачности национальных границ и влияния наднациональных сообществ
Характер участия членов общества в управлении	Большинство членов общества принимают непосредственное участие в управлении хаотичным, неупорядоченным образом	Авторитаризм. Политика — дело узкого слоя элиты. Абсолютное большинство членов общества отстранено от участия в управлении	Всеобщее избирательное право населению и институционализация политической деятельности вокруг массовых партий	
Господствующий характер экономических отношений	Натуральное хозяйство. Общинная собственность на средства производства. Случайный характер отношений товарного обмена	Частная собственность на средства производства. Преобладание экономики пропитания	Коммерциализация производства и исчезновение экономики пропитания. Стержневая основа — частная собственность на капитал	Возрастание роли информации и обладания ею. Появление электронных денег; превращение информации в основное средство обмена
Общий характер организационного и технологического уровня	Примитивная обработка орудий промысла (собирательства, охоты, рыболовства)	Разнообразие орудий труда на основе мускульной энергии человека и животных. Основная хозяйственная единица — семья	Рост концентрации производства. Господство машинного производства. Реорганизация производства на фабричной основе	Развитие «высоких технологий». Автоматизация и компьютеризация производственных процессов

Структура занятости	Элементарное половозрастное разделение труда; большинство членов общины занято одним и тем же промыслом	Углубление разделения труда. Развитие ремесленного и сервисного секторов. Абсолютное большинство населения занято в аграрном секторе	Падение доли работников, занятых в сельскохозяйственном производстве и возрастание доли промышленного пролетариата	Падение доли работников, занятых в индустрии; увеличение доли занятых в информационном и особенно — в сервисном секторах
Характер поселений	Небольшие временные поселения (стоянки, становища)	Большинство проживает в сельской местности. Города — центры политической, промышленной и духовной жизни	Урбанизация общества	Тенденция к суб-урбанизации
Уровень и масштабы образования	Передача накопленных знаний осуществляется изустно и в индивидуальном порядке	Образование — удел тонкого слоя элиты	Рост массовой грамотности	Осознание проблемы функциональной неграмотности
Характер развития научных знаний	Аккумуляции и систематизации накопленных знаний не происходит	Наука и производство представляют собою автономные, слабо связанные сферы жизнедеятельности общества	Приложение науки ко всем сферам жизни, особенно к индустриальному производству, последовательная рационализация социальной жизни	Наука становится непосредственно производительной сферой

7. В чем состоит сущность тезиса конвергенции?
8. Что означает такая характерная черта индустриального общества, отмеченная Р. Ароном, как «институционализация политической жизни вокруг массовых партий»?
9. В чем состоит суть коммерциализации производства в индустриальном обществе?
10. Каковы основные тенденции реструктуризации занятости в обществах различного типа?

Рекомендуемая литература

1. *Бендикс Р.* Современное общество // Американская социология. — М., 1972
2. *Гаузнер Н.* Теория «информационного общества» и реальности капитализма // Мировая экономика и международные отношения. — 1985. № 10.
3. *Гусейнов А.* Золотое правило нравственности. — М., 1988.
4. *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. — М., 1969.
5. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999.
6. *Иноземцев В. Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность. — 2001. № 3.
7. *Лукин В. М.* Модели индустриальной и постиндустриальной цивилизации в западной футурологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. — 1993, Вып. 1 (№ 6).
8. *Отунбаева Р., Тангян С.* В мире неграмотных // Новое время. — 1991. № 17.
9. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
10. *Тангян С. А.* Приоритет образования сегодня — приоритет XXI века // Советская педагогика. — 1991. № 6.
11. *Чудинова В. П.* Функциональная неграмотность — проблема развитых стран // Социологические исследования. — 1994. № 3.
12. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд. Т. 21.

Глоссарий

Аккультурация — процесс взаимопроникновения и взаимовлияния обычаев и традиций, распространения культурных ценностей из одних социальных центров в другие.

Аскриптивный статус — см. *Приписанный статус.*

Аттитюд — относительно устойчивая система убеждений, относящихся к какому-то объекту и имеющих своим результатом оценку этого объекта.

Базис — совокупность производительных сил и производственных отношений.

Взаимодействие социальное — любое действие, в ходе которого внешние акты или психологические акты одного социального áктора вызывают ответную реакцию другого социального áктора в виде его внешних актов или психических переживаний.

Вторичная группа — группа, включающая в себя в качестве составных частей первичные малые группы.

Вторичная социализация — в зависимости от контекста период социализации, совпадающий с периодом получения формального образования.

Высота стратификации — социальная дистанция между наивысшим и самым низким статусами стратификации данного общества.

Девиантное поведение — поведение, отклоняющееся от общепринятых социальных норм.

Делинквентное поведение — разновидность девиантного поведения, мелкое правонарушение, наказуемое по нормативам Административного кодекса.

Демографический переход — период развития общества, характеризуемый резким возрастанием численности и плотности народонаселения и связанный с переходом от одного типа демографической стабильности с высокими показателями рождаемости и смертности к другому — с низкими показателями рождаемости и смертности.

Дистанция социальная — понятие, характеризующее степень близости, отдаленности или отчужденности различных социальных статусов.

Дисфункция — качество социальной деятельности или института, препятствующее осуществлению другой социальной деятельности или института.

Диффузионизм — течение в эволюционной теории, изучающее каналы, по которым в данное общество проникают социальные влияния извне.

Достигаемый статус — статус, для достижения которого необходимо затратить определенные усилия.

Евфункция — качество социальной деятельности или института, способствующее осуществлению другой социальной деятельности или института.

Индустриализация — процесс непрерывного экономического роста, являющегося следствием приложения неодушевленных источников энергии к механизации производства.

Индустриальное общество — тип экономически развитого общества, обладающий следующими основными характеристиками: 1) создание национальных государств, сплачивающихся вокруг общего языка и культуры; 2) коммерциализация производства и исчезновение экономики пропитания; 3) господство машинного производства и реорганизация производства на фабрике; 4) падение доли рабочего класса, занятого в сельскохозяйственном производстве; 5) урбанизация общества; 6) рост массовой грамотности; 7) предоставление избирательных прав населению и институционализация политики вокруг массовых партий; 8) приложение науки ко всем сферам жизни, особенно к индустриальному производству, и последовательная рационализация социальной жизни.

Институт социальный — устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности и организующих его в систему ролей и статусов.

Институционализация — процесс формирования различных типов социальной практики в качестве социальных институтов.

Институционализация конфликта — процесс, связанный с урегулированием классовых конфликтов между наемными работниками и работодателями, связанный с отделением и автономией социального и политического конфликтов и с развитием в обществе специализиро-

ванных институтов для урегулирования этих конфликтов легальными средствами.

Интернализация — понятие, обозначающее процесс, в ходе которого индивид изучает и воспринимает как обязательные социальные ценности и нормы, переводя их на «внутренний» уровень.

Информационное общество — см. *Постиндустриальное общество.*

Класс социальный — большие группы людей, различающиеся по одному-двум детерминирующим признакам.

Конвергенции тезис — утверждение, что процесс индустриализации продуцирует общие и единообразные политические и культурные характеристики в тех обществах, которые до индустриализации могли иметь весьма различающиеся происхождение и социальные структуры.

Контроль социальный — 1) процесс, с помощью которого через наложение санкций нейтрализуется девиантное поведение и поддерживается социальная стабильность *(Т. Парсонс)*; 2) совокупность особых механизмов, институтов и учреждений, осуществляющих этот процесс.

Конформность — усвоение и соблюдение социальным áктором определенных групповых и социальных норм, ценностей и привычек; необходимый элемент социализации и предпосылка нормального функционирования любой социальной системы.

Криминальное (преступное) поведение — разновидность девиантного поведения, серьезное правонарушение, наказуемое по нормативам Уголовного кодекса.

Культура — сложный комплекс, связывающий воедино три компонента: 1) *информационный* — комплекс знаний об окружающем мире и способах обращения с ним, накопленный в данном обществе; 2) *ценностно-нормативный*, состоящий из традиций, обычаев, социальных норм, правил, регулирующих поведение тех, кто живет сейчас, и передаваемых тем, кто будет жить завтра; 3) артефакты — материальные предметы, не существующие в природе и созданные руками людей.

Логика индустриализации — закономерность социального развития, в соответствии с которой страны и народы, вступившие на путь индустриализации, неизбежно приобретают схожие социальные характеристики.

Малая группа — совокупность индивидов, вступающих в прямые, непосредственные взаимодействия, обладающая следующими свойствами: 1) постоянство (регулярность) совместного пространственно-временного бытия; 2) осознание своего членства в группе (самоиденти-

фикация); 3) признание за этими людьми принадлежности к данной группе со стороны внешнего окружения (идентификация).

Мобильность социальная — изменение статуса социального субъекта; переход из одной социальной страты в другую.

Модернизация — совокупность социальных изменений во всех социальных институтах, сопровождающих процесс индустриализации.

Надстройка — совокупность всех общественных отношений — идеологических, политических, религиозных и т. п. — остающихся «за вычетом» производственных.

Норма социальная — предписание, выступающее в качестве общей руководящей линии социального действия.

Нуклеарная семья — социальная единица, состоящая из брачной пары и их детей; часто противопоставляется *расширенной* семье.

Общественно-экономическая формация — исторический период развития конкретного общества, в течение которого доминирует определенный способ производства.

Парадигма — общепризнанная всеми представителями социологической науки (или отдельного ее течения) совокупность взглядов и методов научного исследования.

Паттерн — типичный образец.

Первичная группа — малая группа, являющаяся составной частью другой малой группы (вторичной по отношению к ней) и отличающаяся более высокой частотой и плотностью контактов между ее членами.

Первичная социализация — период социализации, совпадающий с младенческим возрастом.

Постиндустриальное общество — общество, в котором осевой принцип развития и всех социальных отношений образует информация, совокупность накопленных человечеством знаний.

Приписанный статус — статус, приобретаемый при рождении в семье, принадлежащей к определенной страте (то же самое, что *аскриптивный* статус).

Производительные силы — совокупность личностных и вещественных элементов производства, предназначенная для производства из предметов природы вещей, способных удовлетворять потребности людей.

Производственные отношения — совокупность отношений, в которые вступают люди по поводу производства, распределения и по-

требления материальных благ (то же самое, что *экономические* отношения).

Пространство социальное — совокупность всех социальных статусов данного общества.

Профиль стратификации — распределение страт по всему социальному пространству, соотношение численности различных страт.

Революция — тотальное изменение всех сторон жизнедеятельности общества.

Ресоциализация — усвоение новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия.

Референтная группа — группа, система ценностей и норм которой выступает для индивида своеобразным эталоном поведения.

Ролевая дистанция — масштабы субъективного отделения (отстраненности) от роли ее исполнителя.

Ролевой конфликт — ситуация столкновения противоречивых требований различных социальных ролей одного и того же áктора.

Роль социальная — характер поведения, ожидаемый от обладателя того или иного социального статуса.

Секуляризация — процесс, в ходе которого религиозная мысль, практика и институты утрачивают социальное значение.

Символический интеракционизм — теоретическое направление в социологии, сосредоточивающее внимание на анализе социальных взаимодействий преимущественно в их символическом содержании.

Социализация — процесс, в ходе которого и с помощью которого люди обучаются приспосабливаться к социальным нормам, т. е. процесс, делающий возможным продолжение общества и передачу его культуры между поколениями.

Социальная санкция — социальные последствия действия социального áктора в рамках требований социальных ролей, находящие свое выражение в виде социального одобрения или социального порицания (наказания) со стороны окружающих.

Социальная система — совокупность всех социальных институтов данного общества.

Социальный контроль — способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного (в том числе правового) регулирования.

Социальный состав населения — совокупность всех социальных (демографических, политических и экономических, религиозных, профессиональных и др.) групп, образующих данное общество.

Социальный характер — часть характера членов общества, определяемая уровнем развития этого общества.

Социетальное — относящееся к обществу, рассматриваемому как единое целое.

Социография — одно из названий эмпирической социологии.

Способ производства — понятие, характеризующее конкретный вид производства, осуществляемого в рамках исторически определенных общественных отношений.

Статус — позиция человека в обществе с определенными правами и обязанностями.

Статусная несовместимость — ситуация обладания высоким статусом в одном из социальных подпространств при одновременном обладании низким статусным уровнем в другом подпространстве.

Статусный набор — совокупность статусов, характеризующих социальные и личностные позиции одного и того же человека.

Страта — совокупность индивидов, обладающих одинаковыми или близкими по значению координатами в социальном пространстве.

Социальная мобильность — изменение индивидом или социальной группой своего социального статуса: переход из одной социальной страты в другую.

Социальная стратификация — совокупность больших социальных групп, расположенных иерархически по критерию социального неравенства.

Социальное развитие — последовательный переход социальной системы из одних состояний в другие, характеризуемый прогрессивными сдвигами или изменениями с накоплением положительных качеств.

Социальное явление — отдельное, случайное проявление взаимодействия людей.

Социальные общности — объединения людей, которые возникают и формируются на основе культурно-исторической самобытности (народы и нации), родственных связей и сходства стадий жизненного цикла (семейные, поколенческие, половозрастные), места в общественном производстве (классы) или различаются по территориально-региональным и поселенческим признакам (городские и сельские общности).

Социальный процесс — серия социальных явлений, связанных между собой структурными или причинными (функциональными) зависимостями.

Субурбанизация — характерный для постиндустриальных обществ процесс увеличения численности населения пригородных зон.

Теория обмена — теория, рассматривающая социальное взаимодействие как процесс, в ходе которого индивиды стремятся максимизировать получаемые выгоды и минимизировать потери; основное внимание уделяет изучению воздействия затрат и вознаграждений на поведение людей.

Управление впечатлениями — социологическая концепция, утверждающая, что регулирование взаимодействий между людьми основывается на выражении выгодных для них символических значений, и они нередко сами создают ситуации, в которых, как они считают, могут произвести наиболее благоприятное впечатление на других.

Цивилизация — многозначное понятие, обозначающее в различных контекстах: а) определенный уровень общественного развития материальной и духовной культуры общества; б) период развития общества, следующий за варварством; в) конкретный культурно-исторический тип развития общества.

Экзогенные факторы эволюции — факторы, объясняющие происхождение эволюционных процессов исключительно (или главным образом) необходимостью решения для данного общества проблем внешнего характера.

Экономика пропитания — тип экономики, характеризуемый следующими моментами: 1) производственная единица, такая как крестьянская семья, производит продукцию, главным образом для своего непосредственного потребления; 2) единица в своем потреблении не зависит (или слабо зависит) от рынка; 3) слабая специализация или разделение труда.

Эндогенные факторы эволюции — факторы, объясняющие происхождение эволюционных процессов необходимостью решения для данного общества проблем внутреннего характера.

Этнометодология — теоретическое направление, опирающееся на базовое предположение о том, что правила, регулирующие контакты между людьми, обычно принимаются ими на веру, в готовом виде.

Учебное издание

Альберт Иванович Кравченко
Владимир Федорович Анурин

Социология: Учебник для вузов

Главный редактор	*Е. Строганова*
Заведующий редакцией (Москва)	*Е. Журавлева*
Зам. главного технолога (Москва)	*Ю. Климов*
Руководитель проекта	*Е. Журавлева*
Художник	*Р. Яцко*
Корректоры	*А. Никитина, В. Юрьева*
Верстка	*М. Аввакумов, О. Сергеева, П. Шевцов*

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.
Подписано к печати 12.03.03. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 27.
Тираж 4000. Заказ
ООО «Питер Принт», 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93,
том 2; 95 3005 — литература учебная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.